Татьяна Соловьева

ФЕЙРИ С АРБАТА

ГАМБИТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Начиная играть в "Дорогу домой", Лиля была твердо уверена, что параллельных миров не существует. И когда ей предложили протестировать новые игровые локации в режиме "полного погружения", согласилась, не подозревая, что именно в нарисованном мире встретит свою судьбу.

Жизнь Лили резко меняется после того как ее приглашают в Игровой Центр сверхпопулярной игры "Дорога Домой". Внезапно оказывается, что самая обыкновенная и никому не нужная московская девушка там, в игровом мире, - прекрасная и таинственная фейри. Но когда Лиля возвращается в привычную реальную жизнь, то и здесь оказывается в фокусе чужого внимания.

- Пролог
  - ○
- Часть 1
  - ○ Глава 1. Сакс
  - ○ Глава 2. Сакс
  - ○ Глава 3. Лиля
  - ○ Глава 4. Сакс
  - ○ Глава 5. Лиля
  - ○ Глава 6. Сакс
  - ○ Глава 7. Сакс
  - ○ Глава 8. Сакс
  - ○ Глава 9. Сакс
  - ○ Глава 10. Лиля
- Часть 2
  - ○ Глава 1. Лиля
  - ○ Глава 2. Ильяс
  - ○ Глава 3. Лиля
  - ○ Глава 4. Сакс
  - ○ Глава 5. Ильяс
  - ○ Глава 6. Лиля
  - ○ Глава 7. Сакс
  - ○ Глава 8. Ильяс
  - ○ Глава 9. Лиля

- Глава 10. Сакс
- Глава 11. Ильяс
- Глава 12. Ильяс
- Глава 13. Сакс
- Глава 14. Лиля
- Глава 15. Лиля
- Глава 16. Лиля
- Глава 17. Лиля
- Глава 18. Ильяс

Пролог

Блины - это прекрасно, когда готовить их не тебе, думала Лиля, глядя Сеньке в спину. Сенька как раз взбивал белки для гурьевских блинов - правда, чем они отличались от любых других, Лиля не понимала. Сенька жужжал миксером очень сердито, так что пена клоками летела во все стороны.

Настасья поймала один такой клочок на выставленную ладонь. Слизнула. Наморщив выдающийся греческий носик, тряхнула черной в рыжие перышки челкой и пропела:

- Пе-ре-со-лил, - контральто у нее было хорошо поставленное, оперное.

- Влюбился, наверное, - сказала Лиля.

И тут же пожалела. Миксер замолчал, Сенька, тоже молча, шарахнул по столу кулаком, перевернув миску, обернулся и рявкнул:

- Не твое дело! Если и влюбился - все лучше, чем торчать за монитором круглые сутки, до отъезда крыши!

Глаза у него были красные, как будто не выспался. И злые.

Лиля растерянно стерла со лба брызги и посмотрела на Настасью.

- Чего это он?

Настасья пожала плечами и ближе подвинулась к своему Тыкве. А Сенька шагнул к Лиле, - шаг получился маленьким, кухня-то всего шесть метров, - навис над ней и сунул в руки миксер.

- Давай, блины магические, начинка из гоблинов. Твое коронное блюдо.

Лиля прикусила губу, чтобы не ответить какую-нибудь гадость. Ну, подумаешь, любит она играть. И что теперь? Враг народа и расстрел без права переписки?

Миксер все-таки забрала, обошла Сеньку, ожесточенно вытирающего руки полотенцем, и оглядела приготовленные миски: одну с почти тестом, одну - с желтками, и еще одну - с творогом. Мстительно смешала в одной миске все, кроме творога, и плюхнула на огонь сковородку.

- Гурьевские блины отменяются, - сказала, очень надеясь, что прозвучит спокойно. - Будет новый вид. "Поцелуй негра".

За спиной прыснули дуэтом, Настасья с Тыквой. А Сенька буркнул, рухнув на табурет:

- Не поцелуй негра, а привет от горлума. Я буду бутерброд,

мне жизнь дорога.

- Приятно подавиться, - в тон ему буркнула Лиля.

Она категорически не понимала, что творится с Сенькой. Лучший друг, почти старший братик, - даже внешне похож, только Сенька высокий и плечистый, а она моль мелкая и белесая, - чуть не с пеленок вместе. От хулиганов защищал, алгебру с ней делал. Когда Лиля пыталась поступить в консерваторию, отпрашивался со своей охранной службы и ходил с ней. А потом отпаивал вином в ближайшей кафешке и героически тащил на себе мокрую от слез бездарность. До самой ванны, потому что ей было плохо. И никогда Сенька не жаловался, что она не умеет толком готовить. То есть умеет, но под настроение, а не так вот... Нет, совершенно непонятно, что за вожжа попала ему под мантию!

Первый блин предсказуемо сгорел. Второй прилип, порвался и был под укоризненными взглядами голодающих тоже отправлен в помойку. А третий испоганить она не успела: Настасья громко чихнула и жалобно-жалобно попросила:

- Сень, а Сень? Кушать хочется. Очень-очень.

- Колбасы на всех не хватит, - сказал Тыква и тяжко вздохнул: при его росте под два метра никакой колбасы не хватит. И впрок не пойдет, все равно так и останется тощим и нескладным, как циркуль.

Лиля покосилась через плечо, наткнулась на очень обиженный Сенькин взгляд и снова отвернулась к дымящейся сковородке. А она что, она ничего. Она предупреждала, между прочим! И вообще, может после двух часов игры на морозе у нее пальцы не гнутся...

- Богема, руки из одного места! - проворчал Сенька, отодвинул Лилю от плиты и с тихим незлым словом сунул горящую сковороду под кран.

Сковорода матерно зашипела, но шеф-повар с ней договорился, и следующий блин вышел вполне съедобным. Даже очень вкусным: не дожидаясь, пока Сенька плюхнет его на пустую тарелку, блин цапнули сразу с трех сторон, по-братски поделили и проглотили, обжигаясь и дуя на пальцы.

- Сожрете все блины без меня, в другой раз сами будете готовить, - флегматично предупредил шеф-повар, прежде чем положить на тарелку второй блин.

Угроза возымела действие - все три руки разом отдернулись и попрятались. Под стол, для надежности. Лиля отвернулась от маленького, бедненького и такого одинокого блинчика. У Тыквы от сочувствия блинчику забурчало в животе. Громко. А Настасья бодро заявила, сглотнув слюну:

- Ладно. Ты жарь, а мы будем гадать. - Она отставила тарелку с блинчиком на подоконник, с глаз долой. - На суженого, вот! Лильбатьковна, тащи зеркальце, а ты, - ткнула пальцем в Тыкву, - налей воды во что-нибудь.

Тыква попробовал было возразить, что гадать положено на Святки, а не на Масленицу, и вообще ночью. На что Настасья велела ему не сбивать настрой и задернуть шторы, чтоб была ночь и Святки. А если не верит - то особо недоверчивым можно сугроб за шиворот, чтоб прониклись атмосферой и режиссерским замыслом.

Сугроба за шиворот Тыква не хотел, им всем хватило сугробов по самое не могу: как назло, едва они расчехлили инструменты и начали играть любимого Гершвина, ясное небо затянуло и пошел снег. Так что пришлось меньше чем через два часа сбегать с Арбата, не наработав даже на ужин в Шоколадке, и идти греться к Лиле домой. Вот только она напрочь забыла, что в холодильнике ничего, кроме пары яиц, прокисшего молока и жалкого кружка колбаски полукопченной, краковской.

Гадать, ясное дело, стали для Лили. К встрече со своим суженным Настасья не была морально готова, Тыква замыслом так и не проникся, а отвлекать шеф-повара от блинов было равно государственной измене.

- Деваться тебе некуда, Лильбатьковна. И вообще, сколько ж можно!.. - не закончив, Настасья выразительно покосилась на сердитую и крайне деловитую Сенькину спину. - Давай, закрывай глаза, повторяй за мной, а потом гляди в Зеркало Судьбы.

Лиля сделала проникновенно-задумчивое лицо, чтоб ей не вздумали совать снег за шиворот для лучшего погружения в замысел, и склонилась над полным воды стареньким блюдечком. Настасья с Тыквой подались к ней, пихаясь локтями от любопытства.

Увидела она только сеточку тонких трещин на дне и какие-то крошки. А больше ничего.

- Нету суже... - начала Лиля, отодвигаясь от неудавшегося Зеркала Судьбы, и тут ее толкнул в спину Сенька, колдующий у плиты. Несильно, но хватило, чтоб дернуться и чуть не сшибить рукой блюдечко.

Вода плеснула на стол, пошла рябью, а Лиля, сама не понимая почему, прилипла взглядом к трещинкам на донце - и эти трещинки вдруг показались лицом. Мужским. Или нет, скорее юношеским. Красивым лицом - благородным таким... Лиля замотала головой и отшатнулась. Ну бред же, не бывает никаких лиц в воде!

Но удрать от мистики с глюками ей не позволили Настасья

с Тыквой:

- Что там? - в один голос спросили ее и чуть не ткнули лицом в воду.

- Ты смотри-смотри! Нечего морду воротить от суженого! - строго добавила Настасья и сама, глянув в воду, ойкнула.

Тыква передернул плечами и фыркнул. Даже Сенька оторвался от плиты и заглянул в блюдце. И заржал.

- Суженый, ой, не могу! - выдавил он, ткнул пальцем куда-то вверх, на обклеенную постерами и журнальными вырезками стену, и заржал снова. - Доигралась!

Настасья с Тыквой глянули вверх и, с облегчением забыв про гадание, принялись громко обсуждать, кто из актеров, игроков или персонажей отразился в воде. А Лиля уставилась в блюдце. Может быть, хотелось снова увидеть то лицо и убедиться: да, точно, всего лишь отражение. Глупо, смешно и никакой мистики. Но вместо этого - словно провалилась туда, в воду, как иногда проваливалась через монитор в игру...

Там, в воде, - то есть там, непонятно где, - по зеленому полю бежал парень. Лиля очень хорошо его рассмотрела, пусть и со спины: длинные темные волосы, заплетенные в кельтскую косу, кожаная куртка, какая-то дичь на поясе, колчан с несколькими стрелами. Реконструктор, ролевик? - мелькнула мысль и была тут же отброшена, как идиотская. Ролевик, ага. В блюдечке. С каемочкой. И свист, и топот с лаем - тоже в блюдечке, а не за окном, ясное ж дело!

А парень внезапно обернулся, скользнул по ней встревоженным взглядом, и припустил еще быстрее, словно за ним гнались. Лиля аж вздрогнула: он ее увидел! Но не отдернулась, вгляделась снова - и перед глазами замелькали яркие плащи, конские гривы, что-то блестящее и острое, и за окном заржали лошади, а незнакомого парня, - она точно это знала! - сейчас будут убивать, а она никак ему не поможет...

- ...да Лилька же! - прямо над ухом заорала Настасья и дернула ее за плечо. - Ты что, уже с голоду померла?

Дернувшись от неожиданности, Лиля опрокинула блюдце, вскочила, бестолково метнулась туда-сюда, чуть не сшибла Сеньку, - он еле удержал от падения с плиты горячую сковороду и, кажется, обжегся, - накрыла лужу кухонным полотенцем и уже собралась перед Сенькой извиняться, как в прихожей заорал телефон. Лиля замерла, не понимая, куда кидаться.

- Иди уже, - вздохнул Сенька и сунул обожженный палец в рот. - Мечтательница.

Кивнув, Лиля бросилась к телефону. И уже поднимая трубку, оглянулась на обклеенную постерами стену. Оттуда

смотрели десятки лиц - и среди них наверняка было то, из блюдца. А может, и не было. Может, тот парень все же убежал...

- Слушаю, - сказала она в телефон.

- Лилия Тишина? - спросил незнакомый вкрадчивый баритон. - Мы бы хотели с вами встретиться.

Часть 1

Глава 1. Сакс

Конский топот и улюлюканье Деррил Сакс услышал на середине поля.

- Браконьер! Ату! - радостно заорали со стороны леса.

Нобли, принесла нелегкая чужаков!

В горле у Сакса мгновенно пересохло, сердце ухнуло вниз, рука сама потянулась к поясу, отцепить и бросить дичь. Только толку? Увидели уже, щучьи дети! Не тратя ни мгновения, Сакс кинулся к заросшему рябиной оврагу. Вдруг повезет, не станут стрелять? Зайцев же добыл, не рыбу! Это за рыбу вешают, как за оскорбление щучьего герба. А зайцы, что им, рыбникам, какая-то пара зайцев...

Помоги, Матерь, отведи беду! Пусть нобли будут с добычей, добрые!

Оглянулся на бегу: несутся из леса, со стороны Девьего озера, топча зеленый овес. Трое благородных ноблей в желтых беретах, на породистых жеребцах, - с копьями наперевес, - и полдюжины слуг с луками и пиками, но без единой оленьей туши.

- Ату! - снова крикнул один из рыбников, остальные подхватили по-своему.

Топот за спиной приближался - быстро, слишком быстро, а зеленые заросли словно убегали, и дыхание рвалось, и между лопатками уже почти вонзилась стрела!..

Сакс вильнул и пригнулся на бегу, и тут же справа, совсем близко, просвистело. И еще раз: вторая стрела воткнулась в землю перед ним, шагах в пяти.

Пугают, словно он им - заяц!

Едва не запнувшись о кротовину, Сакс вильнул снова - быстрее, к оврагу! Пусть пугают, может, успеет добежать, совсем же немного, еще чуть!..

Позади заржали нобли, что твои жеребцы.

- Стоять, дирт! - властно крикнул все тот же чужак.

"Грязь", - бездумно перевел знакомое слово Сакс. Чужакам все они - грязь!

Третья стрела свистнула слева, почти задев рукав.

Проклятье, почему овраг так далеко?! Не успеть, пристрелят, дери их!..

Сакс развернулся, хватаясь за длинный нож у бедра. Глянул на ближнего рыбника: успеет ли всадить нож, прежде чем сдохнет? Нобль выкатил злющие белесые глаза, ощерился -

вылитая щука с луайонского флага. Затопчет? Или - копьем? Лучше бы попробовал затоптать, бить будет сподручнее!

Ну же, иди ближе, щука ты драная!..

Но ударить не удалось.

Нобль что-то выкрикнул по-своему, натянул повод - копыта пропахали землю в полушаге от Сакса, оскаленная морда жеребца вскинулась над его головой... Далеко, не достать! Но почему остановился? Передумал убивать?

От внезапной надежды сердце подпрыгнуло куда-то к ушам, в животе похолодело. Очень захотелось жить, подумалось, что отец с мамой ждут - Сакс у них последний остался. Не вернется, совсем пропадут одни.

Отступив на шаг, он отвел глаза: нобли как звери, не выносят прямых взглядов. И вздрогнул от боли: плеть со злобным свистом опустилась на руку, хорошо - не по пальцам, по кожаному рукаву.

- Брось нож, - картавя и ломая язык, велел рыбник. - Лук брось.

Кажется, убивать не будут, слава Матери!

Плавно, чтобы не ткнули пикой, отстегнул ножны. Уронил. Снял со спины лук, тоже уронил. Руки дрожали от досады и бессилия, чуть не до слез было жаль купленного в городе ножа и отцом сделанного лука.

Нобли окружили его: мелькали края дорогих плащей, сапоги телячьей кожи со шпорами. Ни кабана, ни косули, ни завалящей утки - немудрено, что злые как боуги. А нечего было Отца и Матерь гневить, охотиться у Девьего озера! Нет на землях Девы добычи для рыбников, и самого озера нет!

Поднять глаза выше Сакс не решался, мало ли, нобли разозлятся. И в сторону оврага уже не смотрел, поздно. Догнали уже.

Нобли лопотали по-своему. Сакс различал отдельные слова: браконьер, повесить, грязь, моя земля, работать. Помянули солнечного бога, Асгейра. Хотят отдать браконьера в жертву? Совсем плохо. Лучше бы подстрелили, чем на костер...

Подумал о костре - как наяву почуял запах гари, увидел заросшие березняком остовы домов, закопченные стены замка, одноглазого мельника с ожогом на пол-лица... Клятые щуки, мало вам?!

Рука дернулась к поясу - но ножа не было. Зачем послушался, отдал? Теперь совсем зазря пропадет.

Лопотание сменилось смехом. Сакса бросило в жар: решили. Только бы не на костер.

- Заяц дай, мое, - приказал все тот же рыбник, и как

плюнул: - Дирт.

Протянув обе тушки слуге, Сакс кинул взгляд на нобля, успел увидеть лишь ухмылку и замах. Увернуться бы, сбежать, но куда?! Кругом рыбники, слуги - и те из Луайона!

Плеть ожгла плечи, следом - спину. Удары посыпались со всех сторон. Сакс только и мог, что опустить голову, закрыть лицо и спрятать пальцы, лучник без глаз и пальцев недорого стоит... лучник? Дурень! Отец же велел: падай! Будут бить - падай, кричи, что хочешь делай, но выживи! И он упал, заверещал что-то жалобное. Было не столько больно, сколько противно, и грязно, и кислая злость жгла горло, требовала рвать чужаков зубами!.. Но Сакс только скорчился в пыли, смешанной с потоптанными колосками, перекатился так, чтобы закрыть собой нож. Заскулил.

Рыбники засмеялись, снова залопотали. Убрали плети.

Сакс не шевелился, притворялся дохлым.

- Мерде, - громко и презрительно сказал важный нобль, что-то еще добавил по-своему. Остальные почтительно засмеялись.

Послышался хлопок, словно перчаткой по конской холке, и жеребец нобля рысью пошел прямо на него. Сакс сжался, готовый откатиться, бежать - да пусть подстрелят, все равно уже, только не покорно ждать. Но рыбник хохотнул, и жеребец перепрыгнул Сакса, едва не задев задними копытами.

С десяток ударов сердца, громких, отчаянных, Сакс выжидал и прислушивался. Топот копыт и довольный смех удалялись. Зато наваливалась боль, а вместе с ней стыд, до слез: сколько ж можно валяться перед рыбниками в грязи?!

- Убью. Клянусь кровью, ни одного луайонца не будет на нашей земле! - В запале он треснул кулаком об землю, поранил ладонь о некстати попавшийся камешек и сморщился от боли. - Дерьмо рыбье.

Поднявшись, он подобрал нож и расщепленный копытами лук. Ножны пристегнул обратно к поясу, а негодную деревяшку отбросил. И рысью побежал к лесу: возвращаться домой без лука, без добычи, в драной куртке и грязным? Нет уж. До полудня еще далеко, успеет и помыться, и добыть что-нибудь. Да хоть бы и рыбу, щучьим детям назло! И вообще уйдет в Кроу, к повстанцам. Отец с кузнецом говорили, скоро будет восстание, не может не быть. Уже двадцать пять лет нобли грабят Тейрон, заставляют кланяться своему богу, объявили Отца с Матерью порождениями тьмы. Сколько ж можно!

Повстанцы сметут рыбников с родной земли, втопчут в грязь...

Да! Сакс станет рыцарем, возглавит восстание... не потому что дед был лордом Оквуда - а потому что он достоин! Сам

тейронский король Бероук пожалует ему герб, пробитый стрелой дубовый лист, как был у деда, и блестящий доспех, и оруженосец будет держать над ним зеленый стяг с королевским медведем. А луайонские щучьи знамена - в грязь, под копыта, и ноблей - под копыта!

Прежде чем нырнуть в орешник, Сакс обернулся: в поле было по-прежнему пусто, слава Матери. Нобли, верно, ускакали подальше от Девьего озера охотиться, не пустыми ж возвращаться в замок. На всякий случай сплюнул через плечо, отгоняя боуги: озеро - владения Девы, и свора ее где-то рядом. По крайней мере, старый хранитель Фианн так говорит и велит обходить озеро стороной. Дурное, мол, место. Ноблей и мудрых не подпускает, королевские стражники у озера и вовсе пропадают, одних колдунов привечает. А все потому что там водится нечисть из холмов: фейри да боуги.

Да пусть бы там всех стражников и ноблей боуги съели! Не жалко!

Поведя плечами и зашипев от боли, - рыбники лупили от души, даже кожаную куртку пропороли, - Сакс ступил на неприметную тропку. На половине дороги подобрал сухую ветку и принялся ворошить траву: ранние маслята и сыроежки все лучше пустой сумы.

Живот откликнулся согласным бурчанием. С рассвета Сакс не ел ничего, кроме горсти земляники, спешил принести зайцев к обеду. Чтоб рыбникам те зайцы поперек встали!

Наверное, в насмешку, прямо над ним застрекотала белка. Крупная рыжая белка. Сакс с досады запустил в нее червивым масленком и пообещал себе сегодня же сделать новый лук, благо в сарае как раз досушились заготовки.

Сунув в сумку последний гриб, он быстрее пошел к озеру: уж там рыбников точно нет! Нобли сколько не искали озеро, а найти не смогли, ни сами, ни с провожатым. Грозились перевешать наглых диртов, и плетьми били, без толку. Вон, у мельника вся спина исполосована - за то, что сказал ноблям правду: туда нет ходу тем, кто не почитает Отца с Матерью, молится одному Асгейру и слушает мудрых.

Как-то, залив глаза, Фианн рассказал легенду про озеро. Старую легенду, не то вранье, которым потчуют мудрые. По той легенде Дева-Охотница плакала над раненым возлюбленным, целое озеро наплакала. А Отец-Лекарь сжалился над ней и дал слезам волшебную силу. Возлюбленный Девы вылечился, поклялся верности Охотнице прямо у целебного озера, а через год женился на дочери рыцаря с большим приданым. Охотница разгневалась, затравила изменщика своими псами, боуги. С тех

пор у Девьего озера не клянутся, говорят, Дева за язык поймает.

Правда то или нет, Сакс не знал, сам у озера не клялся и ни боуги, ни фейри никогда не видел. А кузнецов сын, Томас, видел. Если не врет, ясно дело. Фейри видел. Статных, румяных, как яблочко по весне, и косы у них до самой земли, у светлых - золотые, у темных - черные. Выйдут из холмов и купаются, а то и парней заманивают.

Сакс дважды сплюнул и пощупал нож, холодное железо. Без ножа на Девьем озере делать нечего, а с ножом никакие фейри не страшны.

Озеро показалось внезапно. Сколько ходил этой тропой, а каждый раз - как впервые. Верно, колдовство! Блестит, слепит, дразнит, а земляникой-то пахнет! Весь берег - сплошь земляника, красная, крупная. Сладкая!

Наевшись ягод, Сакс скинул на пригорок пояс и сапоги с курткой, и плюхнулся в воду, прямо в рубахе и штанах. Мальки брызнули в стороны, сердито и тяжело плеснуло в осоке: то ли молодой сом, то ли сазан. А Сакс смывал грязь вместе с унижением, полоскал стащенную с шипением и проклятиями рубаху. Присохла к ссадинам на плечах, отодрал с кровью. Щуки луайонские, их бы так, плетью! За пару-то паршивых зайцев!..

Но волшебное озеро, солнце и рыбный плеск быстро поправили дело. К землянике захотелось сомятины, жареной на углях. И грибов. И дикого чеснока. Да чего угодно захотелось, лишь бы в животе не бурчало.

Недолго думая, Сакс поймал головастика, вылез из воды. Костяной крючок он всегда носил с собой, жилу тоже. Нашел палку подлиннее - и снасть готова. На сома, молодого и непуганого, сгодится. Главное - правильно забросить, в самую сомячью яму. Со второго раза получилось. Теперь - нарвать чеснока, развести костерок и посушиться. Еще бы куртку зашить... Сакс вздохнул. Иголки нет. И зашить так, чтоб мама не заметила, не сумеет. И врать не будет, пусть стыдно. Не дело это, матери врать.

Так, в размышлениях, он разложил рубаху на пригорке, а чтоб штаны сохли быстрее, сам улегся в траву, среди земляники. Пощипал ягод, прислушиваясь к озеру: правильно же забросил, вот-вот клюнет сом. А то и щука. Луайонская. Это ж надо придумать такое, нарисовать на гербе щуку! Черную. С зубьями, что твой палец.

Про зубья и пальцы Сакс додумать не успел, потому что в озере плеснуло. Тяжело, громко, словно что плюхнулось в воду. Сазаны так не плещут, это целый олень. Ну, не олень - но уж косуля, не меньше.

Тихо проклиная рыбников за испорченный лук, - вот бы отец обрадовался, принеси он домой косулю! - Сакс пополз наверх. Выглянул из-за пригорка - и затаил дыхание. Плескалась не косуля - фейри! Наверняка фейри! Вон, белое, на берегу лежит - сорочка, и платье рядом, а какая девица станет нагишом купаться? Только фейри. Они как прилетят, наряды снимут и сложат на берегу, а сами в воду. Если изловчиться и утащить сорочку, тогда фейри сама за тобой пойдет. И все сделает, что ни скажешь.

Сакс уж было дернулся тихонько нырнуть в воду, переплыть озеро, чай, здесь оно неширокое, всего-то в перестрел, и покрасть сорочку. Но сам себя остановил: а вдруг это ланнон-ши или еще какая нечисть? Говорят, дочери Ночного Ллира заманивают парней и выпивают кровь досуха... может, и эта заманивает!

Сакс дождался, пока дева вынырнет, присмотрелся: нет, не ланнон-ши. У тех косы черные, да и плавать они не особо любят. А эта - беленькая, и ныряет как рыба. Хотя, может, вовсе и не фейри?

В голове перемешались обрывки Томасовых россказней, страшилок хранителя Фианна и материнских сказок. Было страшновато и страсть как любопытно: что за дева такая? Не сама ли Охотница? Только почему тогда боуги не слышно и не видно, она ж без своей своры ни шагу!

Сакс во все глаза смотрел, как она выходит из воды. Вот лопатки показались, вот уже вся спина - волосы недлинные, до пояса не достают. Прилипли. И спина гибкая, узкая, ладонями можно обхватить...

Ладони закололо, словно по-настоящему дотронулся, а кожа у нее мягкая и холодная, что твоя озерная вода.

Девица тем временем подобрала волосы, скрутила, чтоб вода стекла. И чуть боком повернулась.

Точно не дочь Ллира, но, может, кельпи или все же Охотница? У Девы левой груди нет, чтоб из лука стрелять было удобно. А у кельпи волосы всегда мокрые, на ногах копыта и грудь большая, лошадь же... еще повернись, а? немножко...

Словно услышала, повернулась. Грудь показалась, как раз левая - маленькая, в ладонь, и соски розовые, как земляника. В рот просятся. Не Охотница, слава Матери! И не кельпи.

Страх - вдруг Охотница разгневается, что он подглядывает! - отпустил, но сердце все равно билось как сумасшедшее, горячо, сильно. В горле пересохло. И на губах вкус земляники, а кажется - это она, фейри, земляникой пахнет. Выходит из озера, уже всю видно, и под коленями у нее ямочки. Никаких лошадиных копыт, гладкие тонкие щиколотки. Красивые. Поймать бы...

Фейри наклонилась, - да как наклонилась, дух сперло! - подняла сорочку, встряхнула. Надела. И потянулась за платьем. Платье было неправильное: не зеленое, как у ночных, и не белое, как у дневных, а вовсе синее, васильковое. И надела не наизнанку, как кельпи носят. А башмачков у нее и вовсе не оказалось - чудно, должны же быть, у светлых фейри непременно красные башмаки с золотыми пряжками, у темных - зеленые, с серебряными.

Подобрав подол и опять показав щиколотки, фейри покружилась. Танцевать зовет? Ох, дурной, надо было сразу сорочку хватать!

Сакс замечтался, чуть сома не упустил. Вместе с крючком и жилой. Сом плеснул, дернул палку, потащил за собой. Сакс еле успел - осокой порезался, но сома не упустил. Подсек, выдернул - и на берег его. Хорошо, мелкий попался, в локоть. С крупным возни было б...

Фейри, конечно, услыхала. Еще бы. Шумел, как медведь в валежнике. Обернулась, посмотрела на него. Долго смотрела, Сакс успел подумать - лет-то ей сколько? Может, как ему, семнадцать? Или меньше? Все равно, деревенская б уже с дитем была.

А она засмеялась. Смех у нее был - как льдинки зимой звенят. Рукой помахала, прочь побежала, в лес. Как раз туда, где заколдованные холмы: там фейри и живут, кого к себе заманят, тот вовек не вернется.

Лишь когда она скрылась, Сакс снова вспомнил про сома. Тот уже допрыгал почти до воды. Сакс его поймал, голову отрубил, выпотрошил. Пока потрошил, собирал костер и жарил сомятину на огне, все фейри перед собой видел. Странная она была. Совсем не такая, как деревенские девки: слишком тонкая, руки-ноги маленькие, бедра узкие. Как такой в поле работать и детей рожать? Бесполезная. Но красивая. Словно фарфоровая куколка. Сакс видел такую в прошлом году на ярмарке: нобль смотрел кобылу, а с ним была дочь, держала куклу, небольшую, с ладонь. Волосы белые, личико белое, глаза черные, нарисованные. Красивая. Если б сестра не умерла маленькой, Сакс бы ей такую куклу добыл. Точно добыл.

В раздумьях о сестре и старших братьях, которых не видел уже шесть лет, Сакс чуть не прозевал сома: очнулся, лишь когда один рыбий бок начал обугливаться. Начал палкой переворачивать...

- Вот он, браконьер! - раздалось с опушки вместе с треском кустов.

От неожиданности Сакс выронил палку и чуть не сиганул в

озеро: показалось, отведи Матерь Ллировы мороки, что нобли нашли его тут, прямо над рыбой. Вовремя сообразил, что у озера ноблей не бывает, это вам не деревня, да и голос уж больно знакомый.

- Что орешь, как лось на гоне? - сердито спросил, поднимая палку и отворачиваясь от рыжего увальня, вышедшего из-за молодых дубков. - Всех фейри распугаешь. Я, может, их на рыбу приманиваю.

- На рыбу? Фейрей? Вот, значит, как!.. - внезапно вызверился Томас, шагнул к костру, сжимая кулачищи...

Сакс едва успел увернуться и сделать подсечку, но Томас все равно его сгреб - и они покатились с пригорка, мутузя друг друга, свалились в воду, оба едва не захлебнулись...

Вывернувшись из медвежьей хватки, Сакс вскочил, - уже по пояс в воде, - выплюнул попавшую в рот тину и снова отшатнулся: Томас и не думал успокаиваться. Едва вынырнув, попытался сцапать Сакса. Пришлось его еще разок притопить - в воде кузнецово племя ловко, что твой топор. Правда, малость перестарался: рыжий как-то слишком притих.

Вытащив ошалело мотающего головой приятеля на берег, Сакс хмуро потер плечо: только ссадины присохли и ноблевы плети забылись, и тут вам нате! Бешеный медведь,..

- ...дери тебя сворой! - вслух продолжил он. - Чего развоевался?

Томас невнятно зарычал, затряс головой, разбрасывая с волос водоросли, и вдруг успокоился, поднялся и посмотрел на Сакса ясными глазами.

- Сам ты лось. Браконье-ер! - сплюнул на песок перекушенного пополам малька, поморщился, принюхался и снова поморщился. - Сом сгорит.

Присел у костра, засучил рукава и голыми руками сгреб раскаленные угли с камнями, раздул жар и положил сверху сома.

Сакс сел напротив, сунул в рот стебель чеснока, отбить вкус тины, и вопросительно хмыкнул, мол, рассказывай давай.

- Придется уходить, как урожай соберем, - вздохнул Томас, бездумно разминая в руках раскаленный почти докрасна камень.

Прилипнув взглядом к куску руды, который в руках кузнеца превращался в лошадку, Сакс кивал и все больше хмурился: по словам Томаса, в деревню заявились нобли. Свой, из замка Лонгрейн, и какой-то важный гость. Не то злые, не то довольные, Ллир их разберет, и объявили: окажут Оквуду честь, позволят парням служить королю Бероуку...

- ... и на меня так - зырк, ну, гость этот важный. Наш-то что, наш только кивал, хоть и видно, злится. Ему-то не с руки

оставлять деревню без мужиков, подати не с кого будет драть. А тому горя мало. Браконьер, говорит, вышел знатный, вот пусть теперь отработает. А то бы в каменоломни его, там тоже будет польза государству.

Сакс длинно выругался. Пользу? Обоих братьев, Марка и Грэма, забрали - вот уже шесть лет как. Тогда же у шорника Мэта взяли единственного сына. А Томасова старшего брата, который служить не хотел и попытался удрать, повесили, щучьи дети, в назидание прочим. Если Сакса, Томаса и Ушастого Хью заберут, в деревне совсем мужиков не останется, пропадет деревня. А ноблям и горя нет, не их же земля, пусть дичает.

- Что отец-то? - спросил Сакс.

- Да что! - Томас сморщился и бросил лошадку обратно в костер. - Деревенских успокоил, мол, ничего ж нобли не сделали, пошумели, погрозились и уехали дальше охотиться. А про осень промолчал.

Толку-то про осень говорить, подумал Сакс. Теперь, как приедут рекрутеры, в лесу не отсидишься. Придется идти к повстанцам, все лучше, чем в подыхать Зеленом легионе, как муж мельниковой сестры. То есть помер-то он уже дома, в Оквуде, ровнехонько через месяц после того как его отпустили со службы.

- Осенью в Кроу уже будем, - вздохнул Сакс. - Лошадей только придется продать, не в лес же их с собой вести.

- Угу, - согласился Томас с набитым ртом: нобли ноблями, а есть-то хочется.

Обсуждая, куда девать лошадок и что делать с кузней, съели сома. Потом вымылись. Потом еще посидели, вырезая лошадку и птичку для маленькой Сесили, правнучки хранителя Фианна. Домой Сакс не спешил, пусть отец малость успокоится. Да и попадаться на глаза кузнецу и шорнику не хотелось. Мэт даром что немножко горбат, рука него тяжелая. А про кузнеца и вообще лучше не думать, этот как треснет, потом ищи голову в кустах.

- Ничего, - хмыкнул Томас, словно Сакс думал вслух. - Батя к завтрему остынет. Нет ему другой заботы, с тобой драться-то.

Так что домой пошли, только когда сумерки опустились. Они бы и здесь, на озере, заночевали - над водой туман, а вода-то теплая, что парное молоко. Но если сейчас не вернуться, мать будет волноваться, а отец совсем разозлится и так всыплет, что ноблевы хлысты летним дождиком покажутся.

Хоть Сакс пробирался домой окольной тропой, а все равно у самого сада наткнулся на длинного, сухого старика.

- Неслух! - голос у хранителя был надтреснутым, но все равно громким, на всю деревню слышно. - Говорил, не ходи на озеро! Одни беды от тебя!

Старик замахнулся палкой с искрящимся даже в темноте набалдашником.

Увернуться от него было просто, и слушать совсем необязательно. Он и хранителем-то был не настоящим. Это до мудрых в Оквуде было двое хранителей, ночной, Ллиров, и дневной, Асгейров. Ночной погиб вместе с лордом и его замком, а дневной - вот он, остался. Мудрые его не тронули, потому что он хоть и верил неправильно, но в посохе к него был солнечный камень, а значит, Асгейр принял его службу. Давно еще, до луайонцев, все тейронские и даже ирлейтские хранители на посвящение приходили к Девьему озеру и искали свой солнечный камень. Говорили, в других местах они почти не встречаются, а здесь - целые скалы из него. Сакс толком и не понимал, зачем искать, если вот они, на берегу лежат, как галька. Только у простой гальки скол серый, а у солнечных камней - цветной и полупрозрачный. Бери любой! Правда, если кто пробовал делать из солнечных камней ожерелье там или серьги для своей милой, камни тускнели и через месяц-другой становились серыми, как простая галька, и крошились. А у хранителей в посохах - светились и сыпали искрами, так что посохом можно было бересту поджечь.

У мудрых, говорят, тоже в амулетах кусочки солнечного камня, только их не видно. Прячут. Вроде как не подобает кому ни попадя смотреть на Солнце, ослепнуть можно. Только Сакс думал, что врут они. Ничуть солнечный камень не слепит! Красивый, и греет, а мудрые просто врут, небось у них камешки не светятся, вот и не показывают никому серую гальку.

Вот из-за камня Фианна и пощадили. В мудрые не взяли, никаких дел не доверяли, но посох не отняли, побоялись гнева Асгейра. А Фианн взял и уверовал в Единого бога, которому и Ллир не брат, и Мать - не мать, и Отец - не отец. И уже двадцать лет пугал деревенских страшными сказками про злых фейри, ночного демона Ллира и прочую жуть. Иногда только, напившись браги, рассказывал старые легенды и плакал, а потом сам не помнил, что говорил. Когда Фианн был трезв и зол, взрослые ему не верили, но жалели. Дети тоже не верили, но боялись.

Пока Сакс бежал через сад, вслед ему неслись проклятия пополам с угрозами и обрывками страшилок: о ночных девах, что выпивают парням мозг и кровь, о ллировых мороках, что заставляют людей не слушать мудрых и заводят в трясину, о богопротивных колдунах... Когда Сакс был маленьким, он боялся.

А теперь точно знал: врет старик. Самые страшные - не колдуны и не ночные фейри, а люди. Нобли. Только мимо проехали, а уже всей деревне плохо.

Отец встретил его на пороге. Молча впустил в дом, молча же закрыл дверь. Покачал только головой и махнул на его закуток, спи, мол, дурное дитя. Мама тоже молчала, видно было - плакала недавно, но Саксу улыбнулась, погладила по голове. Еле дотянулась.

Наутро отец велел:

- Со двора ни ногой. Матери помоги с дровами, воды натаскай да колесо почини. Тянучку посмотри, что-то она вчера смурная была. Асгейров день скоро, а у нас ничего не готово к ярмарке. - Хмуро посмотрел на Сакса, покачал головой и добавил: - А нобли, что те нобли? Как лесной пожар, никуда от них... - махнул рукой и ушел на выпас.

Время до ярмарки пролетело в суете и хлопотах. На третий день отец разбудил до света, с петухами, и отправил запрягать Тянучку. Эту буланую трехлетку отец хотел продать прошлогодней осенней ярмарке, а не вышло. Цапнула ноблева конюха. Хорошо, сам нобле был пьян и весел: лишь врезал отцу по уху, собственной благородной рукой - в тонкой перчатке и кольцах, что не хуже кастета, а кобыле велел выдать плетей. После тех плетей Тянучка никого, кроме Сакса, не подпускала, и на ноблей шипела, что твоя гадюка. Как такую продашь? Вот и оставили, как раз Звездочке двадцатый год пошел, уже и запрягать стыдно.

Во дворе подошла мама, сунула в руку рябиновый месяц на шнурке - манок для удачи. Постояла малость и вернулась в дом - собрать им с отцом еды и найти желтые ленты, которые положено вязать на рукава, если идешь в город. Вроде как признаешься в верности рыбникам и мудрым. Тьфу.

Тянучка укоризненно фыркнула и топнула копытом: замечтался. Правильно фыркнула. Из дома вышел отец, между старых яблонь, у калитки, показались шорник и кузнец с сыном, нагруженные мешками: тоже на ярмарку.

Пока Сакс помогал грузить мешки на телегу, те молчали, только шорник Мэт хмурился и на Сакса не смотрел. Только потом, когда уже выходили на тракт, - разбитый и заросший по краям, - кузнец буркнул ему:

- Дурень, - и отвесил подзатыльник. Легонько, даже в ушах не зазвенело.

С половину дороги старшие спали на телеге, Томас правил, а Сакс приглядывал за лошадьми. На этот раз повели на продажу всех, даже однолеток и жеребых кобыл. Накануне отец с матерью

думали: не заподозрят ли нобли неладного, если оквудский шериф приведет жеребят продавать? Но решили, что нобли о делах грязи не задумываются, а жеребят в Кроу не уведешь, сгинут в лесу. Так-то хоть кому отдать можно будет, глядишь, и не пропадут лошадки.

Про мамин сад и вовсе не говорили. А что тут говорить, только маме печалиться. Яблони с вишнями с собой не унесешь и не подаришь никому. Одичает сад, ничего не сделаешь.

Томасу с отцом тоже кузню бросать - инструмент унести можно, но горн-то с собой не возьмешь.

О том, что с собой брать, и не дотянуть ли до первой осенней ярмарки, старшие и разговорились, когда проснулись. Сакс с Томасом, - его с телеги согнали, нечего лошадку зазря нагружать, - это все слушали-слушали, пока все уши не прослушали, да отстали подальше. Все равно ничего нового не услышат.

- Эй, - пихнул его в бок Томас. - Будешь много думать, мхом обрастешь.

- Сам ты! - отмахнулся Сакс и вдруг рассмеялся, припомнив свисающую с Томасовых ушей тину, а вместе с ней - и озерную фейри.

Томас, похоже, вспомнил о том же и, понизив голос, спросил:

- Ты что, тоже на озере фейри видел?

Тоже, ага. Томас-то уже года три как про озерных фейри рассказывал хрустальные сказки, мол, фейри зазвала его плясать, а потом не отпускала до самого утра. Ллир его знает, может, и не врет. Сакс сам как-то видел - шел приятель на рассвете из леса, взъерошенный, без куртки и рубаха развязана. Хотя, может, и не к фейри ходил, а вовсе к мельниковой сестре. К ней и сам Сакс захаживал временами, отчего не утешить молодую да румяную вдовушку? Все одно ей замуж больше не выйти, баб по деревням много, а мужиков - кукушкины слезки.

- Видел, - кивнул Сакс. - Где и ты, на той стороне, где холмы.

- Да иди ты!

Сакс фыркнул.

- Сам иди! Точно говорю. Тонкая, беленькая, как... - Сакс замялся, подыскивая сравнение, Томас-то куклы не видел! А с чем еще сравнить, чтоб рыжий понял, он не знал. Разве что... - Как кувшинка, во! Купалась в озере. Нагишом. Такая вся... так бы и...

- Прям плавала? А ты чего?

- А ничего. - Вздохнул, пожал плечами. - Сорочку надо было хватать, а на том берегу ж... Ты эту свою видел потом?

- А то! К ним в новолуние надо. Они из холмов выходят - поплясать, значит, и того. И чего, так ты ее и упустил? Вот раззява! - Томас хохотнул.

- Ничего не раззява. Что тебе, фейри - мельникова сестра? Она такая... да что ты понимаешь!

Фыркнув, Сакс отвернулся к жеребой кобыле и похлопал ее по холке. Бедняжка всхрапнула, жалуясь на долгую дорогу, и ткнулась мягкими губами ему в плечо, выпрашивая лакомство. Достав из кармана вялую прошлогоднюю морковку, прихваченную нарочно для утешения лошадок, Сакс потянул ее кобыле на открытой ладони.

Подумалось, что зря он Томасу рассказал про фейри. Все равно не верит.

- Эй, - окликнул Томас. - Ты того, не обижайся! Ты скажи, что дальше-то было!

- Убежала она, - буркнул Сакс, не то Томасу, не то кобыле. - Посмеялась, рукой помахала, и в лес. А платье у ней было синее.

Кобыла повела на хозяина глазом и сочувственно всхрапнула. А может, реку почуяла. За поворотом показался мост, а на мосту - стражники. Один тощий и узкоплечий, с бритой рябой рожей - похоже, луайонец. Трое - крепкие, что твои медведи, бородатые, явно свои, тейронцы. Все четверо с мечами и пиками, в коротких желтых плащах поверх кожаных курток с железными полосами и в круглых шлемах.

- Сакс, - тихо окликнул его с телеги отец. - Рот закрой и не высовывайся.

Пока отец торговался со стражниками, - те норовили содрать с каждого коня не по медяку, а по два, - и пока стражники ворошили товар, Сакс держался позади, под руку не лез и молчал. Томас тоже молчал. И когда один из стражников сунул за пояс лучший нож из тех, что кузнец вез на продажу, никто слова не сказал. Лишь кланялись - своим, как чужакам.

Так же молча остановились на привал за лесочком, принялись разжигать костер. Сакс взял ведра, пошел к реке - надо бы и похлебки сварить, и Тянучку напоить. И лишь у самой реки позволил себе выругаться. Тихо, но от души. Подумалось, среди тех стражников могли бы быть его братья, Марк с Грэмом. Ведь могли, а? Нобле сказал - они пойдут служить королю Бероуку, а не в Зеленый легион, не всегда же нобли врут...

Справа, в тростнике, зашуршало. Сакс обернулся, схватившись за нож.

- Не ругайся, - укоризненно сказали из тростника. Голос был красивый, звонкий и чистый, но говорила девица непривычно, не как оквудские. - Плохо, когда ругаются. Коробит.

Сакс опешил. Хотел ответить что-нибудь насмешливое, но все слова куда-то делись.

Тростник зашевелился, и оттуда показалась сначала рука - тонкая, совсем без мозолей, такие только у нобилек бывают. А потом - она. Фейри. Платье все то же, синее, и глаза синие, как нарисованные, а волосы рассыпались по плечам: светлые, как беленый лен, и камышинки в прядях застряли. Захотелось потрогать - мягкие?

Фейри склонила голову набок и улыбнулась.

- Я тебя видела. У озера.

Он тоже ее видел. В озере... Жар залил по самые уши, снова закололо ладони.

Сакс буркнул что-то невразумительное, опустил глаза - как раз, чтобы увидеть выглядывающие из-под мокрого подола ножки. Грязные, в тине. С поджатыми, как от холода, пальчиками.

Фейри хихикнула. По-девчоночьи. Шагнула ближе.

- Ты можешь сделать дудочку?

- Дудочку? Ага, - обрадовался он: дело понятное, правильное, не то что у озера. Тут же вытащил нож и принялся высматривать подходящий тростник. - А зачем тебе дудочка?

- Играть буду, - объяснила фейри и снова хихикнула.

Над ним, верно, смеется. И то - нашел, что спросить! Что с дудочкой делать, как не играть? А на деле хотел знать - зачем ей тростниковая, когда у фейри дудочки должны быть золотые.

С дудочкой он управился быстро. Мог бы и еще быстрее, но она все вертелась вокруг, рассматривала, словно он - диковина какая. Даже за косу дернула, и ойкнула, когда у него соскользнул нож. Чуть палец не отрезал.

Протянул ей дудочку, а когда брала - руку поймал, всего на миг, уж очень было любопытно, какая она? Оказалась прохладная и мягкая, как шкурка у новорожденных жеребят. А фейри и не подумала отнимать ладошку. Только показала на ведра и задрала голову, чтоб не в шею ему смотреть, а в глаза.

- Не решат, что ты утонул?

Сакс помотал головой. Он - и утонул? Смешно. Потянул ее к себе, другой рукой погладил по волосам. Тоже мягкие. И сама она такая... земляничная фейри. Только красных башмачков не хватает.

- Ты это... почему босиком, а?

- Были у меня башмаки, - пожаловалась и губки надула. - Красные, с пряжками. Оставила у порога, а их украл кто-то. Холодно теперь.

И на цыпочки поднялась. А Сакс сглотнул, шагнул к ней - согреть, верно, холодно же. Или на руки взять, чтоб ножки не

наколола. Или... просто обхватить ладонью спину и попробовать, она только пахнет земляникой, или на вкус тоже - земляника?..

Но фейри отпрыгнула. Прижала пальчики к губам, а потом этой рукой ему помахала. И скрылась в тростнике. Тростник прошуршал и стих. А Сакс, толком не понимая, приснилось ему, или в самом деле чуть не поцеловал фейри, подобрал ведра, зачерпнул воды и пошел обратно.

Костер уже горел, попутчики жевали сухомятку и судачили о болезни короля Бероука. О королевской немочи уже два года весь Тейрон судачил: мудрые говорили, его прокляли колдуны, а народ шептался - мол, колдовское вино король пил, пил, да и занемог. Потому как честному тейронцу подобает пить честный тейронский эль, а не луайонскую отраву!

Отец, глянув на нерадивого сына, лишь покачал головой и протянул ему четверть хлеба с куском сыра. Объясняться Сакс не стал, чего уж там. Да и что тут скажешь? Встретил на реке фейри и сделал ей дудочку? Отец велит не сказывать хрустальных сказок и будет прав. Фейри вот уже двадцать лет не показываются около городов, боятся. Говорят, мудрые не слишком-то разбирают, фейри или колдун. На костер, Асгейру в жертву, и вся недолга.

Давно, лет в восемь, Сакс видел, как в городе жгли колдуна. Прямо перед статуей Асгейра, в большом костре. Колдун был странный, очень смуглый и кудрявый, - такие, он слышал, живут в далеком Амире, на полудне, - и говорил непонятные слова, верно, заклинания. Только толку от них не было, и плакал колдун по-настоящему, и кричал от боли по-настоящему. А мудрый говорил, мол, огонь очищает колдуна от проклятия ночного демона Ллира. Ох. Странно это все, неправильно. И Фианн неправильно говорит, что надо верить мудрым и отказаться от Отца с Матерью...

Иногда думалось, лучше бы Фианн погиб тогда же, вместе с лордом и большей частью деревни. Но он остался сумасшедшим стариком, а не настоящим хранителем. И деревня осталась. Вместо села в сотню дворов, окружавшего замок лорда, - полтора десятка домов и развалины на пепелище. Почему отец не погиб вместе с лордом, Сакс не знал. Ни сам отец, и никто из деревенских об этом не рассказывали, а когда спрашивал - морщились и велели благодарить Матерь за милость. Вот только Сакс был уверен, что шрамы на отцовской спине оставили именно луайонцы. Мать Сакса тоже молчала о том времени. Даже о том, что она - дочь лорда Оквуда, Сакс узнал не от нее, а из разговоров деревенских кумушек: сетовали, что нос задирает, слова мудреные говорит и сыновей неподобающему учит, чуть ли не грамоте! Грамоте, конечно, мать их не учила, она и сама не

умела. Считать умела и учила, рассказывала про лордов и их гербы, про тейронских королей и дальние страны. А еще про Хрустальный город и войну фейри, от которой и пошла Сушь, а вовсе не от Асгейрова гнева на колдунов, как мудрые говорят.

Сакс молча забрал у отца еду и, жуя на ходу, принялся поить Тянучку. Хлебом тоже поделился, нельзя ж отказать малышке - она и фыркает, и тычется мордой. Так бы всю четвертушку и съела.

- Хватит с тебя. - Сакс погладил ее по морде. - Пей, девочка.

Лошадка укоризненно вздохнула, припала к воде. Осталось следить, чтоб не обпилась.

Подошел Томас. Постоял, помялся. Наконец, не выдержал.

- Ты чего так долго? Зайцев своих в речке ловил?

Сакс усмехнулся, пожал плечами.

- Не слышал, чтоб фейри на дудочке играли?

- А как же, играют, - охотно подтвердил приятель. - Сам не видел - дед рассказывал. Чего, опять тебе фейри из Хрустального города являлась?

- Нет. - Сакс так и не обернулся. - Не являлась. Просто послушать бы. Любопытно.

Глава 2. Сакс

На ярмарке было не до дудочки. Пока приехали, пока расторговались. Лишь к концу следующего дня, когда продали половину лошадей, отец отпустил Сакса побродить и купить еды. К обжорному ряду надо было идти через всю площадь, что перед ноблевым замком. А там, под стенами - веселье! Менестрели с дудками и лютнями, мужик с медведем - кто зверя поборет, тому кружка эля и народный почет. Какой-то парень лезет на столб, сорвать подружке ленту.

-...а лучшему лучнику приз - башмаки фейри! Настоящие, фейри потерянные, нами найденные! Лучшему лучнику, на удачу!

Зазывала орал, и как только глотку не порвал? Сакс скривился от досады: он бы поучаствовал, состязания лучников - дело хорошее, только отец велел не высовываться. Сакс и не высовывался, хотя зазывала... Чего он там кричит такое?!

Сакс даже остановиться не успел, а его уже цапнула за рукав румяная молодуха с шиповниковым цветом в косе:

- Добудь башмачки, поцелую! - и с хохотом убежала.

Сплюнув дважды, чтоб отвести сглаз, Сакс протолкался к рыжему зазывале. Перед ним и в самом деле лежали ботиночки, ярко-красные, маленькие, на взрослую бабу не налезут, только что на фейри. Увидев Сакса, зазывала обрадовался, разулыбался. И уже нормальным голосом спросил:

- Нравятся башмачки-то? - Рыжий подмигнул. - Ты не боись, самые что ни есть настоящие. А всего и делов, сбить горсть яблок. Собьешь - и башмачки твои, и сам принц Артур возьмет на службу. Его высочеству ох как нужны добрые тейронцы! Чтоб, значит, на нашей земле - наши воины, во как.

Подмигивал зазывала хорошо, и монетами в кошеле у пояса звенел тоже хорошо. Да и служба у принца чем плоха-то? Это вам не Зеленый легион, из которого возвращается едва каждый десятый, пусть с деньгами и почетом, но мертвому-то оно ни к чему.

Через толпу протолкался здоровый мужик, встал пред зазывалой. Цапнул башмачок, повертел, чуть не обнюхал - пряжка блеснула на солнце, рассыпала горсть солнечных зайчиков.

- Служба эт дело! - прогудел здоровяк. - И приз годится. Где нашли, хозяин? Давненько у нас не видали фейри... За башмаки-то они в услуженье идут. А выиграю я! Буду и при деньгах, и на службе, и с везеньицем!

- Погоди башмаки-то примерять, - усмехнулся Сакс.

И, не дожидаясь ответа, пошел прямиком к кучке лучников в дальнем конце площади, у самых замковых ворот. Хоть Сакс и храбрился, и задирал нос, а спину холодило: состязания - это вам не зайцев по лесам стрелять. Вдруг промажет, позору ж не оберется.

Для начала выставили обычные мишени, деревянные, в двадцати шагах. Ребенок попадет. Потом на сорок шагов - двое промахнулись. С шестидесяти - ушли еще четверо, бормоча что-то неласковое про везучего щенка и плохой ветер. А вот с последнего захода осталось всего трое стрелков. Сакс, тот здоровый мужик и еще один, явно охотник: сухой, жилистый, на щеке четыре полосы, как рысь лапой мазнула. Пока рыжий орал, призывая люд добрый поглядеть на смельчаков, что состязаются во славу принца Бероука, - о как, подумал Сакс, уже и во славу принца! - два стражника подвешивали на бечевках яблоки.

Здоровяк все хвастался, он-де таких яблочек дюжину да одной стрелой. Охотник молчал и слушал ветер. А Сакс разглядывал его лук, отличный лук, на зависть, и думал: как получит у принца жалованье, себе купит такой лук. И матери красную шаль, с кистями.

- А теперь, кто больше яблок собьет, того его высочество на службу и возьмет! - Рыжий широко улыбнулся. - Стреляем по очереди, не торопимся!

Первым пошел здоровяк. Сбил яблоко. Толпа радостно завопила.

Вторым - Сакс. Тоже сбил. Про себя удивился еще, для чего так близко повесили?

Охотник мало того, что попал, так еще и перебил бечеву ровно посередине. Здоровяк завистливо покосился, но смолчал.

- Вот! Глядите, добрые люди! Не перевелись в Тейроне зоркие глаза да верные руки! - снова разорялся зазывала.

Добрые люди шумели, свистели, подбадривали стрелков. Молодуха с шиповником в косе протолкалась в первый ряд зевак, таращилась во все глаза. Сакс ее увидел - и забыл. Девок много, а как он в гвардию попадет, будет еще больше. Сейчас бы лук не подвел - второе слева яблоко, с красным бочком, уже звало стрелу лучше любой девки.

Сбил. И здоровяк сбил. И охотник. А ровно в тот миг, когда яблоко упало - заревели трубы. Толпа всколыхнулась и подалась к воротам замка. Там, за опускной решеткой, уже виднелись зеленые и желтые стяги, блестели пики и шлемы. Королевский выезд. Точнее - принцев, сам-то король стар и немощен, уже лет пять не покидает своего замка в Тейре. Зеленые штандарты Бероуков третий день висели на стенах вперемешку с желтыми,

асгейровыми, и желто-синими, местного нобля. Вся ярмарка ждала, когда ж принц явится народу. Явился. Саксу даже не пришлось оборачиваться, с его места было отлично видно, как поднимается решетка и выезжает кавалькада, из ворот - сразу к лучниками.

Первым ехал принц Артур: на тонконогом кауром жеребце в вышитом черпаке, нагрудник сверкает, что твое серебро, плащ бархатный, наполовину зеленый, наполовину желтый. На щите - красный медведь, золотые дубовые листья и солнце на зеленом поле: медведь и листья у Бероуков всегда были, а солнце уже при луайонцах добавили.

Сам принц - высокий, крепкий, нос с горбинкой, песочные усы кончиками вверх и бороды нет - по щучьему обычаю. И волосы из-под берета русые, тоже по-луайонски, колечками. По правую руку от принца Артура, на шаг позади, лорд в таком же плаще, с таким же медведем на щите. Разве что перья на берете жиже и завитушки из-под берета короче и светлее, а сам лорд - мельче. Стража и прочие благородные выстроились сзади по трое. А по левую руку принца, закрывая его собой от лучников, ехал капитан стражи, явно любимый и доверенный, хищно поглядывал по сторонам.

Сакс чуть не забыл поклониться - засмотрелся. Поначалу на принца, а потом - на капитана, показалось, что-то знакомое... да нет, не может же быть! Марк?!

Едва не завопил во все горло: брат!

И завопил бы, но зазывала толкнул в спину, шепнул:

- Кланяйся, дурень!

Поклонился. Низко.

Принц что-то сказал вполголоса. Смешное, наверное - стражники захохотали. Тронул коня, подъехал к зазывале.

- Это у тебя что? - Показал на башмачок.

Зазывала растерялся, забормотал, что вот, изволите видеть, нашли в холмах, лучникам на удачу...

Принц скривился.

- Здесь состязаются лучники или детишки? Хрустальные сказки, пф! - Повертев башмачок в руках, принц запустил им в яблоки. Не глядя. Мимо. Кивнул зазывале: - Пусть стрелки продолжают. Мы посмотрим.

Сакс тоже растерялся: Ллир знает, чем башмачки принцу не угодили. А потом глянул на брата и забыл про башмачки. Брат еще вытянулся, заматерел, отрастил луайонские усы кончиками вверх, и держался вольно, гордо, как победитель. А Саксу улыбался, в точности как в детстве, когда учил стрелять из лука. В груди стало тепло, и захотелось показать, - не принцу, а брату, -

что не зря учил. Он - достоин, он - лучший!

Зазывала суетился, не зная, то ли кланяться, то ли снова орать. Неловко махнул здоровяку. Тот стукнул кулаком в грудь, глядя на его высочество, и склонил голову. Лишь потом вышел к черте, долго целился - и попал.

Принц одобрительно кивнул, что-то сказал своему спутнику, не Марку. Только тогда Сакс понял, что лорд - тоже Бероук. Принц Брандон, точно Брандон, мама же рассказывала. На лицо младший принц был как Артур, только без усов, и держался не так важно. Точно не сам по себе принц, а тень брата.

Тут на черту вышел охотник. Поклонился их высочествам. Долго разглядывал мишень, хмурился, потом дернул щекой и выстрелил - ровно в тот момент, как яблоко качнулось от ветра. Промазал. Промазал! Сакс не смог сдержать радостной усмешки, слушая, как разочарованно улюлюкает толпа и презрительно фыркает принц Артур. Но тут же усмешку спрятал. Нехорошо это, радоваться чужому горю...

Только никакого горя у охотника не было. Нахмурился, конечно, подергал плечом и уходил, опустив глаза. Словно впрямь расстроился. Но уходил слишком быстро, торопился, и не ушел совсем, остался в толпе. Что-то тут было не так... Ладно. Не о сопернике надо думать, а о яблоке, тебе во славу, Дева-Охотница!

Попал! Ровно в середину бечевки!

Обернулся - к брату. Поймал одобрительный взгляд, улыбку. Поклонился принцу. И отошел, ждать, пока здоровяк сделает последний выстрел. Подумалось: вот бы и этот промазал! Чтобы Сакс один остался. Лучшим.

Но здоровяк мазать не собирался. Снова ударил себя кулаком в грудь, прицелился...

Свист стрелы, стук яблока, радостный вопль толпы - все утонуло в громком голосе его высочества:

- Отличный выстрел, гвардеец!

Толпа снова взревела: слава доброму принцу Артуру, слава Бероукам!

Здоровяк со всей дури стукнул себя кулаком в грудь, синяк небось набил, и пошел прямиком к принцу. Про фейрины башмачки от радости и забыл. Опустился на одно колено, что-то такое сказал о верности, чести и доброй службе. А Бероук уже на него не смотрел, а подался к Марку и что-то ему сказал. Тихо, слов не разобрать. Марк заиграл желваками, бросил на Сакса оценивающий взгляд и ответил, громко и жестко:

- Да, сир, принимаю!

Артур хлопнул его по плечу, рассмеялся. Второй принц

тоже рассмеялся, но не так весело. И глянул на Сакса то ли жалостливо, то ли презрительно.

- Последний выстрел, добрые люди! - не пойми с чего разорался зазывала. - Глядите в оба, не пропустите!

Сжав зубы, чтоб сердце не выскочило от волнения и предвкушения, Сакс на миг зажмурился. Помоги, Дева Эйла! Открыл глаза, прицелился, увидел уже, как стрела полетит в бечевку, срежет - посередке!.. И тут, ровно как собрался отпустить тетиву, что-то ударило в руку. Сердце чуть не выпрыгнуло, и такая злость взяла, что хоть вой. На стрелу Сакс уже и не смотрел, знал - мимо. А нашел ту щуку, что кинула камнем. И обомлел. Охотник! Вот ллирово отродье, зачем?! А охотник подмигнул и скрылся в разочарованно воющей толпе.

Сакс расправил плечи, обернулся...

Стыдно было, досадно, но он знал: брат не рассердится, не обругает. Брат всегда говорил - стрела что женщина, как ни люби, а все ветром сдувает.

...обернулся к брату. Не к принцу. И сам словно наткнулся на стрелу.

Марк глядел мимо и сквозь. Словно перед ним не брат, а пустое место. Дирт.

А старший Бероук хохотнул. Опять что-то сказал Марку и поманил Сакса. Пришлось подойти, поклониться. На Марка больше не смотрел, хоть и хотелось сказать ему: сам принц не брезгует, а ты что же?

- Ты, парень, неплохой стрелок. Просто не повезло, бывает. Приходи на следующий год, возьму в гвардию, - сказал Артур. Снисходительно, громко, для толпы. Потом задумчиво пригладил пальцем ус. - Или сразу взять? Мне нужны верные люди. Что, парень - будешь мне служить?

Сакс глянул на него прямо, ударил себя кулаком в грудь.

- Буду, сир! - повторил за братом. - Буду верно служить Бероукам, кровью клянусь!

Старший Бероук ухмыльнулся, довольный. Обернулся к Марку:

- Дубки - опора трона. - И подмигнул, Марку же. - Не хмурься. Подумаешь, лишний раз своему принцу сапоги вычистишь, Дубок.

У Марка дернулась щека. Но смолчал, склонил голову. А Бероук бросил Саксу золотой - хорошо бросил, в руки, а не мимо.

- Молодец, гвардеец! Погуляй пока, отца, мать обрадуй, а потом ступай в замок. Скажи, ко мне!

И тронул коня, Сакс едва успел отскочить. Марк так и не обернулся. Приотстав от их высочеств, остановился у лотка со

сластями и ухватил горсть орехов в меду. Миска опрокинулась, орехи попадали в пыль. Торговка промолчала, только часто заморгала и губы распустила - вот-вот заревет! Марк ущипнул ее за щеку, хохотнул и поехал дальше.

Стало тошно и стыдно за брата. Тетка неделю орехи лущила, в меду варила, сушила. Мать такие орехи делала, им же, сыновьям. Толку горсть, а возни телега. А тут Марк не столько взял, сколько конем потоптал. И торговку обидел.

Подумал про материны орехи - в животе забурчало, и тут еще колбасой запахло, жареной... Еды купить надо, вспомнил Сакс, отец заждался! Пошел на запах, почти дошел, как его ухватили за плечо. Крепко. Сакс обернулся: охотник, щука такая, еще и усмехается! Только раскрыл рот, как охотник сунул прямо в руки красные башмаки.

- Держи. Дураку везенье нужно, - подмигнул он, в толпу шмыгнул - и пропал.

Сакс пожал плечами и пихнул башмачки в сумку. Не бросать же.

Колбаса была вкусная, язык проглотишь. И пирожки хороши. Только монет было маловато, - не менять же на базаре золотой! - так что пришлось взять больше хлеба и меньше колбасы. Хотел еще эля, но подумал - ну его, отец говорил, на ярмарках не эль, а конская моча. Лучше простокваши.

Возвращался к отцу, жевал хлеб и все думал, чем в гвардии будут кормить? Вряд ли колбасой. Так задумался, что чуть не налетел на старика в красном и желтом, с асгейровым солнцем на груди. Едва успел остановиться и склонить голову. А мудрый его не заметил. Смотрел в другую сторону, внимательно и недобро. Никак колдуна углядел?..

Сакс тоже глянул. И подавился хлебом. Не колдуна, щучий потрох! А его, саксову, фейри!

Какого Ллира она заявилась прямо в лапы к мудрым? Это в старые времена, до рыбников, фейри частенько захаживали на ярмарки, торговцам на радость: покупали хлеб и молоко, платили вдвое. Но не сейчас же, когда за живого фейри мудрые дают пять золотых! А эта - играет на дудочке, сидя на телеге посреди кузнечного ряда... Да не на какой-то там телеге, а на отцовой, которую отдали под товар Дунку, оквудскому кузнецу!

Недолго думая, Сакс вытащил башмачки и, улыбаясь до ушей, побежал к дурехе. С полдороги закричал:

- Гляди, маленькая, что я тебе выиграл!

Спиной почуял взгляд мудрого, словно кто шило воткнул.

Фейри вскинулась. Увидела его - просияла, соскочила с телеги, только подол плеснул, побежала навстречу. Подхватив

фейри подмышки, Сакс усадил ее обратно на телегу, сунул в руки башмачки. Подмигнул Томасу - тот глядел, словно ему корова на голову села.

- Примеряй обнову, маленькая. - Погладил по голове и шепнул: - На костер захотела? Убираться надо. Быстро.

Проворно обувшись, она потянула его за рукав.

- Куда убираться?

Сакс не успел ответить, как позади раздался конский топот, звон металла и снисходительный голос:

- Бери что хочешь, Дубок, плачу!

До чего не вовремя, подумал Сакс, оборачиваясь. Пока старший Бероук его не замечал, занятый Марком. А тот уже разглядывал выложенное на одной из телег оружие - не лучше, чем оквудский кузнец ковал, только богаче украшено. И совсем не вовремя очнулся Томас. Тоже увидел принца, узнал Марка - и громко спросил:

- Подружку завел? Хорошенькая, только моя фейри все одно краше!

Фейри сдвинула брови и спрыгнула на землю. Между телегами, подальше от всадников. Только принц все равно обернулся.

- Угу, - буркнул Сакс, отступая вслед за фейри и натужно улыбаясь. - Подружка.

Артур Бероук повернул коня к нему, и, глядя в упор, усмехнулся.

- Смотри, Дубок, твой брат не теряет времени. Настоящий гвардеец. - Ощупал выглядывающую из-за спины Сакса фейри хищным взглядом, причмокнул. - Иди-ка сюда, парень. И подружку веди, посмотрим - хороша ли? Моим гвардейцам не каждая сгодится!

Сакса передернуло. Он кровью поклялся служить светлому принцу, а тот?.. Сакс не очень понимал, отчего рука потянулась к ножу, а язык словно распух - ни слова не сказать, и в ушах голос охотника: дураку везение нужно. Дураку, точно. Размечтался. Честь, верность, гвардия...

Младший принц подъехал к брату, тронул за руку. Заговорил негромко, мягко. До Сакса только и долетало: не подобает, королевское достоинство, бесчестить, великодушно. Старший отмахнулся, едва ли не брезгливо. Поманил Сакса пальцем.

- Иди-иди. Твой принц ждет.

Фейри схватила за руку, не дала достать нож. Правильно не дала. Тут не драться, тут бежать надо. Сакс уже ее пихнул назад и собрался шепнуть: бегом! - как Томас влез. Никогда не мог

смолчать, и тут не утерпел, во весь голос окликнул Марка:

- Эй, старший, тебе не совестно?! - Дурень, что ж ты делаешь, хотел крикнуть Сакс, но толку-то? А Томас продолжил еще громче: - Не слышишь, как братнюю девку бесчестят? Побойся, от такого и Матерь, и Дева отвернутся!

Договорить не успел, как Марк к нему подлетел, чуть не затоптал конем, и эфесом - в зубы. Томас свалился. Кузнецы, что до того молча хмурились и вовсе отворачивались, недовольно загудели. Артур Бероук досадливо скривился, выругался в голос. Обернулся к Марку. А младший принц поймал Саксов взгляд и показал пальцами: беги. Быстро беги!

Кинув последний взгляд туда, где валялся Томас, Сакс вытолкнул фейри из прохода между телегами, схватил за руку и помчался прочь. За спиной загрохотали, заулюлюкали. Около уха просвистело тяжелое, воткнулось в землю.

- Ату их! Ату!

Щучьи дети, как за зайцами! Брат, твою мать! Принц!

Ругался Сакс про себя, надо было беречь дыхание. И - прятаться.

Они бежали, петляли, ныряли под телеги и снова бежали - через площадь, к заборам и закоулкам, куда конные не полезут. Стража принца с гоготом и грохотом ломилась вслед. Торговцы орали, проклиная всех скопом. Какой-то толстяк попытался схватить Сакса, - перед принцем выслужиться захотел, щука? - ринулся наперерез. Получил кулаком под дых, отлетел, заверещал.

Лишь когда Сакс перекинул фейри через высокий забор и запрыгнул в чужой дворик сам, от них отстали, а может, нашли другую забаву. Сакс остановился, прислонившись спиной к частоколу. Фейри замерла рядом, дышала хрипло, с присвистом, не привыкла так бегать.

- Куда... теперь? - жалобно спросила, словно дите малое.

- В лес. Тихо!

Сакс повернулся на звук, оттолкнул ее за спину и вытащил нож - все в одно движение. Но это была всего лишь горожанка, высунулась из двери, увидела его и убралась от греха подальше. Грохнул засов.

- Мне надо предупредить отца, а потом выбираемся из города, - убрав нож, объяснил он.

Она испуганно кивнула. Железный нож, верно, не понравился. Но ни слова против не сказала. А Сакс задумался: к отцу надо, а с фейри как быть? Спрятать бы ее... да точно!

Сакс запустил пальцы в почти пустой кошель, достал последнюю серебрушку и постучал в дверь.

За дверью зашебуршало. Молча.

Сакс повертел монеткой так, чтоб бликовала на солнце, и попросил:

- Добрая женщина, продай плащ какой, Матери ради! Невеста моя совсем замерзла.

- Монету покажь, - скрипуче потребовали за дверью. - А то знаю я вас...

Монету он сунул в щель под дверью - исчезла тут же. Горожанка подумала немножко, верно на зуб пробовала, буркнула: "ладно" - и заскрипела засовом. Отворила дверь на ладонь, только чтоб выпихнуть серую тряпку, и снова захлопнула, опустила засов. Пробормотала что-то вроде "ходють тут всякие, а у честных людей потом вилы пропадають..."

Что она бормотала дальше, Сакс не слушал. Накинул потрепанный и не единожды штопаный плащ на фейри, как раз укрыл по самые башмаки, и потянул ее в узкую щель между домами.

Она последовала за Саксом без лишних вопросов, и так тихо, что если б за руку не держал, точно решил, что пропала. Щелями и проулками добрались до конного ряда. Сакс выглянул, нет ли поблизости Бероука или стражи. Не было, хвала Матери. В конном ряду, считай, никого не осталось, лишь отец и еще один заводчик с Приречья - Сакс его и раньше встречал, но забыл, как звать. Отец то и дело тормошил бороду, совсем растрепал, и поглядывал по сторонам. Сына ждал. Небось уже догадался, за кем с улюлюканьем гонялись их высочество.

Сакса с фейри отец заметил, едва показались из проулка. Бросил хмурый взгляд, отвернулся и что-то сказал товарищу. Тот кивнул и пошел прочь, не оборачиваясь. Чего не вижу, о том не болею? И правильно. Ему-то принцев гнев ни к чему. А вот отцу худо придется...

Отец обернулся, без замаха дал Саксу по уху.

- Чего пришел? Бегом из города, и Тянучку забери. Твоей породы кобыла. Дурная.

Сакс виновато кивнул отцу в спину и потянул фейри в другой проулок, тот, что к городской стене. При луайонцах стену не чинили, как обвалилась, подмытая ручьем, так и оставили дыру. А от дыры до постоялого двора рукой подать. Спина зудела, чуя, как отец дома всыплет розог. И поделом. А еще думалось: седла нет, Тянучку запрягали в телегу, не сбить бы малышке спину...

Оставил фейри у конюшни, сам пошел за кобылой. Та, почуяв хозяина, радостно заржала. Сакс похлопал ее по морде, позволил пощипать себя за волосы, пока внуздывал. Вывел во

двор, хотел фейри позвать - а ее нет! Продрало холодом - до пота. Что если не сама ушла, а снова влипла?! Вот послала Матерь наказание!..

Уже хотел бежать, искать и спасать, как она показалась из-за угла. Улыбнулась, рукой помахала.

Отлегло. Даже вечер светлее стал. Сакс ей тоже кивнул, и примерился к Тянучке, неудобно без стремян-то. Запрыгнул. Подъехал к фейри, подхватил и усадил перед собой.

- Ты того, не вертись, - буркнул. - А то девочке спину натрем.

Фейри кивнула, замерла. Сакс обнял ее за пояс одной рукой, чтоб не упала.

Ехать вдвоем было неудобно. Не то чтобы ему не нравилось ее обнимать, нет. Скорее слишком нравилось, так, что в жар кидало и думалось не о том, что он бросил раненого Томаса и заставил отца отвечать перед принцем за непутевого сына, а о том, какая она там, под платьем, гладкая и мягкая, и что если руку чуть поднять, как раз грудь поместится в ладонь.

Лучше б вообще не думал. Стало совсем жарко и неудобно, пришлось поерзать, отодвинуться. А то как-то оно... еще смеяться станет, фейри, они такие...

А еще всю дорогу его преследовал запах колбасы. Жареной. И думалось, что ж, дурень такой, даже хлеба не купил? Мало ли, что фейри страшно одну оставлять, не охотиться же на ночь глядя и у самого города. Дурень и есть.

До реки добрались только к закату, и не к мосту, а забирая до брода. Там переночуем, решил Сакс, а утром дальше. Присмотрел место повыше, спешился и помог фейри слезть. Задумался: надо ночлег обустроить и Тянучку напоить, а уже темнеет. Ладно, сперва лошадка. Тут его дернули за рукав.

- Напоить надо, - сказала фейри. - Отпустишь со мной? Я воды принесу, у меня мех есть.

- Осторожней, Тянучка с норовом.

Он отдал повод, - кобыла недовольно всхрапнула, но хоть лягаться не стала, - и занялся костром. Не поесть, так согреться. И лапника нарубить, на подстилку. Одну. И теплее будет, и нож меньше тупить, и фейри обнимать приятно. Если, конечно, не сбежит - но хотела б сбежать, раньше ушла, правда?

Он уже и костер развел, и лежак соорудил, а фейри все не было. Неужто сбежала? И Тянучку увела?

Не сбежала.

Обернувшись на хруст веток, Сакс так и застыл. Тянучка не просто шла за фейри, она и за волосы щипала, и тыкалась мордой в плечо, чтоб погладили. А фейри отщипывала от хлеба в сумке, и

ее кормила - Тянучка осторожно, мягкими губами, брала с ладони кусочки и благодарно фыркала. И куда только норов подевался!

Тут же подвело живот, рот наполнился слюной. Сакс сглотнул, тоскливо вспомнил про потерянную на ярмарке сумку. Фейри остановилась, погладила лошадку по морде и отцепила от пояса свою сумку, протянула ему.

- Ты же есть хочешь, наверное.

- А ты? - спросил, а рука сама потянулась к сумке. Оттуда так пахло колбасой, что живот снова запел шакальи песни. - И устала, верно.

Она подождала, пока он сумку развяжет, ухватила кусок лепешки.

- Испугалась больше.

И кусочек откусила. Маленький.

Он тоже сунул в рот кусок лепешки, чуть не зажмурился от удовольствия. И потянул фейри к лежаку, усадил, погладил по руке.

- Ничего, в лесу тебя не достанут. В город только не ходи вот так... - дернул плечом, не зная, как сказать: глупо.

И вернулся к костру, насадил кусок колбасы с лепешкой на палочку, горячее ж вкуснее.

Фейри помолчала. Потом пошуршала ветками и спросила:

- Как тебя называть? Ты меня спас, а я и имени твоего не знаю.

- Друзья Саксом зовут. - Он обернулся, протянул ей палочку с горячей колбасой. - Или Деррилом.

Фейри помотала головой и показала - сам ешь.

- Деррил - это Эри?

- Даро, - поправил он и вцепился зубами в колбасу. Потом подумал, проглотил колбасу и добавил: - Да пусть Эри. Забавно.

Звучало и впрямь забавно, вот как она сама. Еще бы узнать, как ее звать. Но было неловко спрашивать, фейри же, еще обидится на наглость. А окольно, с уважением, он не умел. Его дело лошадки да зайцы, а окольно и с уважением - это хранители и барды всякие. Только все равно любопытство грызло.

- А я... - она осеклась, вдохнула и поправилась: - Меня можно звать Лиле.

И зашуршала опять.

- Лиле, - повторил он. - На иволгу похоже.

Почему иволга, сам толком не мог сказать. То ли маленькая такая, то ли голосок нежный. А может, потому что улетит же, фейри - что твоя пичуга, волю любят.

Доел лепешку, разбросал костер. Не оборачиваясь, сказал:

- Ты это, ложись спать. Я сейчас, до реки.

Она вздохнула.

- Я подожду лучше. Вот как вернешься...

Он вернулся быстро, чего там, умыться-то. Не на закат же глазеть. Лиле так и сидела на лежаке, смотрела в дотлевающие угли. В быстро сгустившейся темноте она словно светилась, может, потому что кожа белая. Снова закололо ладони, ровно тогда, у озера. Подумалось, это ж всю ночь рядом... и Томас про фейри говорил, они завсегда согласные... Только это было неправильно. Будто требовать плату за спасение от костра. Что твой стражник.

Вздохнув, Сакс вышагнул из кустов, хрустнул веткой, чтоб заметила.

Фейри ему улыбнулась, отодвинулась к краю.

- Иди, ложись. Тебе выспаться надо.

- Уснешь тут, - хмыкнул Сакс, садясь рядом и стягивая сапоги.

- Уснешь.

Она вытащила откуда-то, чуть не из рукава, свою дудочку. Поднесла к губам и заиграла. Тихо-тихо, как выдохнула. От ее песни стало вдруг хорошо и светло, и показалось - весь этот дурной день был сном, а завтра он проснется, пойдет с отцом на ярмарку и встретит Марка. Не то щучье отродье, что за шесть лет ни разу даже весточки матери не подал, а за родным братом охотился, как за зайцем. А того старшего брата, что учил его стрелять из лука, ставить силки и вываживать сомов, катал на плечах и обещал когда-нибудь, непременно, отвезти в столицу смотреть короля.

Вот и посмотрел. Принца.

Сморгнув злость, Сакс устроился на лапнике, положив голову Лиле не колени. Она не возражала. Все играла что-то странное, незнакомое, и играла...

***

Ему снилась Лиле. Теплая, мягкая, она то обнимала его, то убегала, и белая спина мелькала между деревьев.

- Эри, - звала она.

Позволяла себя догнать, поймать, но в его руках снова оставалась лишь украденная сорочка, и пахло земляникой, хвоей и чем-то вкусным, уютным. Он снова догонял ее, ловил, падал с ней вместе в траву, задыхаясь от желания, и метелки ковыля

щекотали кожу... лезли в глаза, в рот... щекотали...

Сакс чихнул и проснулся.

Под рукой было теплое и шерстяное. Пахло земляникой, дымом. И листвой. А еще по-прежнему щекотало нос. Сакс открыл глаза. В лицо ему лезла растрепанная коса. Он осторожно, - не разбудить бы, - отвел щекотную прядь. Не разбудил. Лиле только нос наморщила, пожаловалась, что холодно, и причмокнула во сне.

Еще осторожнее, словно собирался воровать мед прямо из пчелиного дупла, придвинулся к ней еще ближе и коснулся губами губ. Гладкие, нежные. Теплые. Очень хотелось продолжить, хотя бы поцеловать ее так, как учила мельникова сестра. Сакс зажмурился, отгоняя видение земляничных сосков, тяжело сглотнул. Отстранился. Еще не хватало ее испугать. Вдруг она не такая фейри, как те, томасовы? С теми Сакс не хотел бы проснуться рядом. А с Лиле... да хоть каждое утро.

Она вздохнула во сне, потянулась к нему, словно не хотела отпускать. От этой мысли стало так хорошо... только страшно. Он что, хочет привести домой фейри? Вот отец обрадуется. Проклятье.

Сакс тихонько снял с себя ее руку, выскользнул из-под плаща в утреннюю сырость, поежился - и побежал к реке. Нет ничего лучше с утра, чем хорошая пробежка босиком по росе и нырок в реку. Холодную. Поглубже. Чтоб вымыло все дурные мысли из головы.

Вернулся он - к костру. Лиле уже расстелила платок и разложила остатки вчерашнего ужина. А сама кормила Тянучку яблоком. Обернулась через плечо, кивнула ему и показала на костер.

- Сохни, замерзнешь.

- Не замерзну, тепло, - буркнул он, но к костру подошел.

Снял рубаху, которой вытирался, растянул на воткнутых в землю ветках, чтоб быстрее сохла.

Лиле вздохнула и как-то нерешительно попросила:

- Ты меня через реку перевези. Ладно? Дальше я сама...

- Угу, - не глядя на нее, отозвался Сакс.

Вот так-то, мечтатель. Не нужен ты ей больше. Только из костра вытащить и через текучую воду перенести. А ты - каждое утро. Дурень, как есть дурень. Башмачки отдал, сорочку и ту не скрал.

Она снова вздохнула, села к костру. За руку взяла.

- Угрюмый ты с утра. Дома сердиться станут?

Ладошка была теплая-теплая. Верно, совсем замерз в этой реке. Передернул плечами, снова зазудели в ожидании отцовской

розги, и хмыкнул:

- Ничего, переживем. Не впервой.

- Что ж тогда?

- Брат, - ответил, что в омут нырнул. - Помнишь то щучье отродье, капитана стражи? Шесть лет как забрали на службу. Ни весточки, ничего. Мать думала, его в Зеленом легионе уморили.

Фейри промолчала. Что тут скажешь.

Встала, сняла с пояска гребень, зашла Саксу за спину и стала волосы ему чесать. Мягко, ласково. И подумалось вдруг: может, брат еще опамятует. А нет - все не одни мать с отцом. Он-то их никогда не бросит, что бы рыбники не обещали.

Сидеть так, чтобы заботились и чесали, было хорошо, целый день бы сидел. А если б еще и обнять ее... Сакс поймал ее за руку с гребешком, прижался щекой.

- Лиле, а ты... - сглотнул, но все же снова набрался храбрости. - Ты еще придешь? Не на ярмарку, к озеру, может?

- К озеру приду, - засмеялась она. И погрустнела. - А встретимся ли там - кто знает. Если захочу что на память дать, возьмешь?

Он кивнул, не отпуская ее руки. Почему-то показалось, больше ее не увидит, и тоска взяла. Глупая такая тоска, щенячья, от которой хочется скулить и ласткться к теплым ладоням.

Лиле пошевелила пальчиками, погладила щеку. Освободила руку и вложила ему в ладонь гребень. Красивый, гладкий. Ореховый. В горле встал ком, Сакс даже поблагодарить не смог. Просто глянул на нее, улыбнулся и привязал гребешок к поясу.

Пора было собираться. Гасить костер, внуздывать Тянучку, перевозить фейри через реку - и прощаться.

Прощался он тоже молча. Снял с лошади, подержал немножко, прижав к себе и вдыхая запах дыма и земляники, поцеловал в губы, сунул в руку данный матерью рябиновый месяц - и отпустил. Лиле отступила, помахала рукой. Показалось, глаза у нее заблестели? Да нет, вряд ли. Потом метнулась к деревьям и пропала. Сакс не успел оторвать взгляда от скрывших синий подол ветвей, как запела дудочка, славно и светло. Под это светлое Сакс почти и не заметил, как добрался до дома: казалось, песня за ним летит, провожает, обещает что-то хорошее. Верно, встречу?

Интермедия

День был душный и жаркий, - что нетипично для московского апреля, - вонючий, - что типично для заправки, - и скучный до одури. Клиент шел мимо, к соседям-конкурентам, начальство по случаю субботы отдыхало на природе, даже воробьи, и те облетали одинокую заправку стороной. Один Джафар, трудолюбивый таджикский дворник, мерно шваркал метлой по асфальту. Любой другой заправщик спокойно подремал бы на рабочем месте, но Миша Шпильман не мог себе этого позволить. Сидя на ящике с песком, он тщетно пытался поймать вдохновение. Все необходимое для ловли (общая тетрадь, ручка и открытая банка ледяного пива) было при нем, но муза так и не снизошла. А может, и снизошла, прокралась за спиной у страдальца, выпила все пиво и, глумливо хихикая, сбежала к другим. Удачливым, растиражированным по лоткам продажным бездарям!

Продажные бездари Мишу так расстроили, что он даже приложился к банке, забыв, что она уже пуста. Из банки пахло горько и кисло. Понятно, музы на такое не ловятся, музам подавай коньяк. Или мартини.

"Вот допишу роман, издамся и куплю тебе "Чинзано". Литр!" - пообещал Миша капризной музе.

Муза то ли не поверила, то ли не захотела ждать, вдохновение не появилось, Главный Герой тупо смотрел на поднимающиеся за Дремучим Лесом башни Ужасного Черного Замка и не трогался с места.

С тоски Миша решил сменить метод приманивания музы. На чукотский. То есть что вижу, о том и пою. Даже написал в тетради целых полторы фразы, правда, голимого реализма... ну не тянул таджик на Великого Злодея! И на героя не тянул. И на целых две фразы - тоже. Ну нет ничего интересного в таджикском дворнике!

Смяв пивную банку, Миша бросил ее в сторону урны. Промазал. Снова уставился в тетрадь. Шварканье метлы затихло.

Миша обрадованно напрягся: вот только скажи свое "ай, нехорошо мусорить!"

Но таджик молча подобрал банку, сунул в урну и снова зашваркал метлой. Не понимает, дитя природы, что без конфликта нет жизни в произведении! Вот посещал бы семинары, слушал умных людей - понимал бы. Да что с него взять, дворника?!

Муза согласилась, что с дворника взять нечего, и решила сделать Мише подарок. Не очень, правда, роскошный - вполне кореллирующий с качеством пива. Но хоть что-то: на заправке

остановился байк. Черный, немного потрепанный и рычащий, как заходящий на посадку дракон. С байка сползла синеволосая девица готичного вида - Миша посмотрел на нее разок, содрогнулся, назначил Любимой Женой Главного Злодея, дал ей имя Брома и поспешно перевел взгляд на, собственно, байкера. И восторженно замер. Вот он! Великий-Ужасный-Могучий Злодей! Здоровенный, сутулый и длиннорукий, как горилла, с черными немытыми патлами ниже плеч, в криво повязанной бандане с черепами - чудо!

Могучий Злодей пошевелил горбатым носом, покопался в поясной сумке, с невнятным рыком сунул девице скомканную банкноту и ткнул пальцем в сторону ларька. Готка фыркнула что-то нецензурное, но к ларьку пошла. А Злодей обернулся к Мише и уставился на него в упор. Само собой, Миша тоже уставился на Злодея: настоящий писатель никогда не упустит шанса достоверно описать образ, и неважно, что никто не узнает о скромном подвиге труженика литературной нивы...

Единственного мгновения хватило Мише, чтобы навеки запечатлеть в сердце (скорее, скорее записать в тетрадочку!) по-звериному черные, почти без белков, глаза, НКВД-шный прищур, нос с горбинкой, тяжелый подбородок в недельной щетине, хищную посадку на байке, словно на необъезженном мустанге - боже ж ты мой, какой образ! Какой напишется роман! Продажные твари с лотка будут кусать локти от зависти!!!

- Ну?! - проворчал Великий Злодей и угрожающе подался к Мише.

- Да! Сей момент! - восторженно отозвался Миша, схватился за тетрадь... и сообразил, что если он сей же момент не заправит байк, получит в глаз. Тяжелой злодейской рукой. Конечно, ради достоверности образа надо было бы испытать на практике силу удара, чтобы ни одна сволочь потом не посмела заявить, что, мол, Михаил Шпильман не знает, о чем пишет, и погибающий от рук Злодея Герой неправдоподобен, но... но... - Вам полный бак? - спросил Миша, подбегая к Злодею с заправочным пистолетом наперевес.

Злодей согласно буркнул. А в кармане у него заорал телефон. Причем заорал не что-то из Rammstein, а "Полет шмеля". Не иначе, Злодей был крайне коварен и работал под прикрытием...

Творческая мысль так бурлила и кипела, что Миша едва не пропустил самое интересное. А именно - появление на заправке еще одного персонажа. Совершенно неожиданного.

- Слушаю вас, - раздался прямо над ухом знакомый до боли голос артиста Янковского.

Миша вскинулся, чуть не вырвав истекающий бензином пистолет из бака, обернулся - и от неожиданности сел. Прямо на прислоненный к колонке пожарный щит.

Артиста Янковского на заправке, ясен пень, не было. Зато Злодей больше не был похож на гориллу. Плечи распрямились, резкие складки между бровей разгладились, взгляд стал мягким и интеллигентным, как и голос. Даже немытые патлы словно сами собой причесались, а длинная щетина стала аккуратной бородкой.

"Да! - чуть не заорал в голос Миша. - Вот он! Мой шедевральный образ!"

Так и сидя на пожарном щите, Миша впитывал и запоминал: вкрадчивые интонации, изгиб бровей, беспокойные движения пальцев, блеск необычного брелока, подвешенного к телефону - крупное стилизованное солнце, подходящее скорее какому-нибудь славянофильскому шарлатану, чем байкеру.

- ...светлая фейри на ярмарке? Не мы прозевали, а... - Злодей осекся, нахмурился. - Я понял. Да. Разумеется.

С каждым ответом он хмурился все больше, и, наконец, прервал собеседника:

- Никого он не убьет. В прошлый раз вы сами велели... Нет, не хочу я ничего сказать! Шесть лет прошло, юноша полностью оправдал вложения... - еще послушал, вздохнул. - Как скажете, мастер Конлей.

Сдавил пальцами брелок, Злодей помянул детей какого-то Ллира с их сказками и принялся набирать номер.

Ответили ему быстро.

- Доброго вечера, сударь мой, - все так же мягко сказал в трубку. - У меня для вас поручение...

Не прерывая разговора, Злодей вдруг глянул на Мишу, в его руке особенно ярко блеснул брелок, - Миша на миг зажмурился, не по-апрельски злобное солнце брызнуло в глаза, - и звук пропал. Словно выключили. Или набили в уши вату. Наверное, все же перегрелся с непривычки: шутка ли, шесть часов на солнце с непокрытой головой!

Помотав головой и потерев уши, Миша поднялся и снова взялся за пистолет: бак наполнился, еще немного, и бензин перельется через край.

Пока он исполнял ненавистные прямые обязанности, глухота прошла. Постепенно. Вернулся рев машин, зашваркала метла, что-то визгливо заорала готка, - и когда она успела прибежать от ларька с четырьмя банками пива? Байкер ей что-то ответил, рычащее и матерное. Назревал скандал.

Без интереса глянув на переругивающуюся пару, Миша

уселся обратно на ящик с песком и взялся за ручку. Теперь-то он точно напишет великий роман!

- Роман, говорите? - раздался голос Янковского, тут же сменившийся гнусным байкерским ржанием. - Етить твою налево, роман!..

Если байкер что-то и говорил дальше, Миша все равно не понял: все потонуло в реве стартующего дракона. То есть байка. И Миша решил считать, что ему пожелали удачи и стотыщ тиражей. Ибо настоящий талант нельзя утаить! Вон, даже байкер, и тот понял, что перед ним - гений! Это вам не таджикский дворник, эх, да ну его...

Плюнув на чисто подметенный асфальт, Миша Шпильман принялся увлеченно строчить в тетрадке.

Глава 3. Лиля

Свет ударил в глаза. Тонко, на грани слуха, запищал кардиомонитор.

Лиля заморгала, прищурилась - виски сдавило, к горлу подкатила тошнота. Как и в прошлый раз.

Над ней наклонилось белое пятно: куратор, сейчас отлепит датчики и поможет выйти из камеры. Еще про коктейль напомнит.

Ухватилась за поданную руку, сначала села - голова закружилась. Сколько она в этот раз пролежала? Сутки, двое?.. Неважно. Надо вставать. Перекинула ноги через бортик, сползла на пол. Одернула задравшийся халатик.

Над ухом кашлянул куратор, сразу поймал за руку, уколол палец - экспресс-анализ крови. Потом заглянул в глаза, проверил реакцию зрачков, кивнул, что-то записал в планшет.

- Голова не болит? Судорог нет?

Она отрицательно хмыкнула, в горле было сухо и больно, должно быть, лежала не меньше суток.

- Вот и хорошо, вот и ладно. Дотронься указательным пальцем до носа, умница. Теперь другим, ага...

Он снова что-то отметил в планшете и взял Лилю за запястье, считать пульс. А она, наконец, смогла толком сфокусировать зрение и прочитать надпись на бейджике: Дубовицкий Михаил Васильевич. ИЦ "Дорога домой". Потом подняла глаза на самого куратора, блеклого блондина лет сорока с незапоминающимся лицом и удивительно яркими сине-зелеными глазами, в точности того же цвета, что вделанные в изголовье камеры кристаллы - полупрозрачные, крупные, не меньше ладони. Что-то эти кристаллы такое напоминали, где-то она такие уже видела... Нет, не вспомнить, и голова кружится.

Курато все еще считал пульс, сверяясь с часами-луковицей на цепочке: их он носил в кармане темно-малинового жилета, такого же старомодного и уютного, как часы. А белый форменный халат не застегивал, а набрасывал на плечи. Все это вместе почему-то упорно наводило Лилю на мысли о Белом Кролике - хотя ничего от грызуна во внешности Михаила не было.

- Теперь, Лиля, коктейль. - Он улыбнулся, показав ровные белые зубы с крупноватыми клыками. - Сначала кислородный. Не быстрее, чем за три минуты. Потом переоденься, и белковый - десять минут. Пока пьешь, погуляй по центру, в общем зале сегодня турнир.

Ободряюще подмигнул и ушел. Лиля потянулась к столику рядом с камерой. Взяла тот стакан, что поменьше. Потянула коктейль через трубочку - мм, с кленовым сиропом. Вкусно!

Допила, поставила бокал обратно и пошла переодеваться. Халатик повесила в шкаф, натянула джинсы, потом майку, свитер - и нахмурилась. А носки где? Точно же были! В сумке носков не оказалось, в кармане джинсов - тоже. Лиля почесала затылок, подергала себя за косу, пощелкала пальцами - и вытащила скомканные носки из правого сапога. В прошлый раз, кажется, запихивала их в карман куртки. Наверное, надо все-таки привыкнуть класть их в одно место. Застегнула сапоги - опять заело молнию на правом, что ж такое-то - и взялась за второй стакан. Здоровенный, на поллитра. Тоже с трубочкой.

Отпила, поморщилась - белковый коктейль это вам не кленовый сироп! -- и вышла из комнаты. Турнир в общем зале - это хорошо, посмотрим, как другие игроки спасают мир от Суши.

Большой зал находился за зимним садом, а тот -- в конце узкого коридора с шестью дверями, с каждой стороны по три. Комнатки за этими дверями были небольшие и обставлены совершенно одинаково: шкаф для одежды, столик с медоборудованием и камера, похожая на горизонтальный солярий. И попадали в эти комнатки в лучшем случае полсотни человек за год, а хотелось каждому игроку. Еще бы: почти настоящий мир, любимые персонажи, несколько суток игры! Когда выходишь - внимание, расспросы, восторги...

Наверняка ее тоже станут расспрашивать, а рассказать нечего. "Неправда, есть что рассказать!" - самой себе возразила Лиля. Вспомнилась улыбка Эри, неловкий поцелуй, и на сердце потеплело, захотелось радоваться и праздновать невесть что. Вот только никого кроме нее это не касается, и вообще не надо о таком рассказывать. Никому.

Но ведь было же и другое! Ярмарка, принцева погоня... Лилю передернуло. Это интересно, да. Слушать - интересно, а вот когда за тобой так гонятся - совсем не весело. И то, что гонится принц Артур собственной персоной, дела не меняет. Да и, сказать по правде, тот принц совсем не походил на самого себя из игры. Зато капитан стражи, Марк Оквуд - очень даже походил. Даже, было дело, захотелось сказать Эри, что его брат потом, после коронации Артура, станет лордом Оквудом, но как-то показалось некстати.

Так, вся в воспоминаниях и с дурацкой счастливой улыбкой, Лиля вышла в зал. При ее появлении гам притих, добрая половина игроков оторвалась от экранов и обернулась к

ней: заветная дверь открывалась редко, и по большей части выпускала сотрудников ИЦ. А от группы "лордов" и "леди" отделился смутно знакомый парень в бархатной бриганте с вышитым гербом и пошел прямиком к Лиле.

- Привет. Я - Егор. - Он улыбнулся, протянул руку. Лиля хотела пожать, не дал, малость неуклюже склонился и поцеловал. - Позволь угостить тебя кофе?

Голос тоже был знаком, только Лиля никак не могла вспомнить, где видела этого Егора. И почему ей неприятна его галантность... даже не так. Приятна, но неестественна. Не вяжется с... а пес его знает, с чем. С глюками.

Лиля пожала плечами и тоже улыбнулась: глупо обвинять Егора в собственных странностях.

- Спасибо. Только про игру не расскажу, я контракт подписывала. Растреплю - вылечу.

- Да знаю я про контракт. - Егор подмигнул. - И что это дело здорово выматывает. Кофе - самое оно, ага?

Посмотрев на стакан в руке, Лиля смяла его и бросила в урну у ближайшего стола. Над столом висел плакат: здоровенный мужик в желтом плаще на фоне замка. На плакате все было гладкое, чистое. Гламурненькое. Совсем не похоже на настоящее. А мужика Лиля видела - один из игроков-счастливчиков. У нее в контракте тоже был пункт: изображение в рекламных целях.

- Ну да, - кивнула она. - Самое то. Куда пойдем?

Егор оглядел ее, не то что критически, так, с намеком. Улыбнулся.

- Да недалеко. - Кивнул на стеклянную перегородку, за которой была кафешка. Обычно Лиля в нее не ходила, слишком дорого, а тут решила: праздник же, можно разок пороскошествовать! - Передохнешь, пойдем еще куда. Если захочешь.

- Ну, пошли. - На этот раз улыбка вышла сама собой. Егор был милый и симпатичный, волосы вот темно-русые, длинные, на висках косички - как в Тейроне носят. И намек на "потом" тоже был приятен. - А кого ты косплеишь? - спросила она и опустила взгляд на герб: меч в дубовых листьях.

Егор нахмурился, стал как будто старше и серьезнее, подал ей руку...

- Я не спущу с вас глаз, миледи, - сказал с очень знакомой интонацией.

И тут все встало на свои места. Ну, точно же, она его видела, только вчера - но не здесь, а там, в Тейроне! Он же вылитый Марк Оквуд, только младше. И - не такая сволочь!

- А, Угрюмый Лорд, - кивнула Лиля, убеждая себя, что

пятиться и удирать не надо, здесь на нее никто охотиться не собирается. Или собирается, но совсем же не так!.. - Хороший персонаж. Только мало кто поймет, он несюжетный.

- Ну не принца же Артура Сотого играть, - хмыкнул Егор, улыбнулся и снова стал просто мальчишкой с деревянным мечом и хвостами по математике, или что он там изучает на первом курсе института.

В кафе было людно. По большей части тут тусили богатенькие великовозрастные детки, те, что в парке за игровым центром катаются на лошадях, хвастаются друг другу антикварным оружием, попутно налаживая крепкие деловые связи, и устраивают фуршеты с аутентичными потрахушками в кустах. И все они готовы прямо сейчас выложить стоимость московской квартиры за "миссию с полным погружением", вот только медкомиссия отчего-то и даром не пропускает, и взяток не берет. Раньше Лиля не могла понять, по какому принципу отбирают "погруженцев", а сейчас подумала: ведь в большинстве своем они, как и Лиля, обыкновенные. Без богатых пап, без видов на Нобелевку, чаще всего одинокие и не избалованные вниманием. Вот и сейчас пять человек, в том числе и тот бугай с плаката, сидят за отдельным столиком, вроде как своей компанией, отделились от народа - а на самом деле наверняка им от всеобщего внимания неловко.

Странно.

Раньше так хотелось, чтобы на нее смотрели, ей восхищались и завидовали, чтобы такой вот Егор подошел знакомиться, а теперь - вроде и приятно, а все не то. Не тот, не Эри.

Фу, глупости какие! Встряхнись и улыбайся! Хотела парня - получила, хотела внимания - тоже получила, с чего теперь нос воротить?

Улыбнувшись, Лиля кивнула на какой-то вопрос Егора и позволила ему открыть дверь. Непривычно, но здорово же!

Стоило им войти, как ей помахал рукой бугай с плаката. На самом деле вид у него был далеко не такой мужественный, как на рекламе, а вместо плаща и меча - толстый свитер и очки. Остальные четверо тоже обернулись с улыбками, мол, присоединяйся, коллега! А вслед за ними на Лилю уставились и турнирные игроки - с любопытством, и папенькины детки - с завистью. В их глазах так и щелкали калькуляторы: сколько заплатила, кому заплатила, сколько и чего заплатить ей, чтоб показала лазейку - мне лазейку, другу-соседу кукиш. На Егора тоже смотрели не то как на врага, не то как на кредитного менеджера, о чем-то шушукались, казалось, еще немного, и

начнут тыкать в Лилю пальцами.

Она отвела глаза, чтоб не портить настроение, и встретилась взглядом с ярким, смуглым брюнетом в бороде и усах, похожим то ли на испанского идальго, то ли на лихого разбойника. Он смотрел на шушукающихся обалдуев с понимающей и самую малость брезгливой улыбкой. Перехватив Лилин взгляд, отсалютовал бокалом, - брезгливость в улыбке сменилась сочувствием, - и вернулся к своему жаркому в горшочке.

Егор же чувствовал себя как рыба в воде: улыбался, кивал знакомым и мотал головой на предложения подсаживаться - нет, извините, девушка устала, сами понимаете, полный контакт... надо отдохнуть. Нет, девушке сейчас не до знакомств, вот в следующий раз - обязательно. Лиля украдкой вздохнула: следующий раз дело хорошее, но знакомиться с тусней все равно не тянет. Лучше бы следующий раз был где-нибудь в другом месте.

Принесли кофе с мороженым. Фисташковым. Лиля зачерпнула было из креманки - и опустила ложку, не донеся до рта: из-за соседнего столика так и пялились, как в зоопарке, честное слово. А Егор решил развлечь даму разговором - рассказал пару забавных случаев из своего прохождения, несколько свежих анекдотов по игре и спросил, как лучше бить демона в королевском замке - представляешь, он меня за минуту выносит, может, с тактикой что не так?

Анекдоты были и правда забавные, Лиля от души посмеялась. Подсказала, как бороться с демоном. А потом увидела, как девица за соседним столиком ловит их в объектив телефона. Тьфу, хоть бы кофе попить спокойно дали! Попыталась отвернуться, но Егор не дал. Обнял за плечи, улыбнулся прямо в камеру. Стало противно. Ну да - посидеть в кафе с местной знаменитостью, приобщиться, понятное дело. Вон Марк тоже приобщился, да так, что собственного брата едва не пристрелил на забаву принцу.

Она прикусила губу. Высвободилась из объятия. Порылась в сумочке, нашарила кошелек, так же, ощупью, выдернула оттуда бумажку, положила на стол - глянула мельком, какая попалась? Попалась тысячная. Как раз столько кофе с мороженым здесь и стоит. Жалко - это ж три рабочих дня.

Посмотрела на Егора. Тот хмуро и виновато помотал головой, отодвинул ее руку с бумажкой.

- Не надо.

- Спасибо за кофе. Я пойду, дел еще много.

И пошла к выходу, очень стараясь не бежать и не смотреть

на "погруженцев" - видеть их сочувствие было уже слишком.

Выскочив на крыльцо, порылась в рюкзачке, вытащила телефон. Выругалась под нос - в пень внимание, в пень Егора-Марка! Никакой радости, одна нервотрепка. Тьфу.

Ладно, есть хороший способ поднять настроение.

Прежде чем звонить, глубоко вздохнула и огляделась... снова чуть не выругалась. В трех шагах, спиной к ней, стоял дядька в дорогой дубленке, дымил. Ветром несло в ее сторону. Она уже приготовилась чихать, от сигаретного дыма всегда першило в горле, лились сопли и хотелось убить курильщика вместе с табачной компанией. Но, странное дело, дым пах не табачищем, а вишневой смолой и чем-то лесным. Так что Лиля только фыркнула и набрала номер. После первого же гудка трубку сняли, и оттуда послышался родной гул Старого Арбата и Настькина тараторка:

- ...со своим флаером знаешь куда? Ка-азел. Лилька! Вылезла, редиска такая, чего так долго, Сенька без тебя лажает как колхозник! - все на одном дыхании, звонко и четко: вокалистка, что с нее взять.

Настроение уверенно поползло вверх.

- Я сейчас буду, только до метро добегу!

- Беги быстрее! А ты чего смотришь, ка... - Настасья отключилась.

Лиля накинула на голову капюшон, спрятала телефон и побежала, а то Настасья ж съест, не подавится.

Они подружились еще в пятом классе, когда Лиля перешла в другую школу. Новенькой пришлось бы несладко, если б Настя не заявила: кто ее тронет - ух я вас! Чем страшен "ух!", Лиля не поняла, а вот остальные поняли хорошо и трогать ее не стали. Дураков не было - связываться с бешеным колобком. Прозвище, к слову, было меткое. Темненькая, худая и носатая Настасья характером и впрямь напоминала колобка, который от дедушки ушел, от бабушки ушел, заставил волка с зайцем выкурить трубку мира с коноплей и выстроить себе посреди леса терем-теремок, а из лисы набил чучело и поставил в прихожей.

- Эй, Лиля, куда так несешься? - окликнул ее знакомый голос с автостоянки.

Обернулась: куратор стоял около пожилого "ауди", смотрел сердито. Пожала плечами, крикнула:

- На Арбат! - и собралась припустить дальше, но куратор велел:

- Садись, героиня, подвезу. Почти двое суток в камере, а туда же, бегать. Мне за тебя отчитываться, между прочим!

Не отвечая на ворчание, Лиля благодарно улыбнулась и забралась на переднее сидение. Пришлось убрать с него плюшевую зеленую белку, малость погрызенную и слегка замусоленную. Сначала подумала, что у него собака, но заметила на заднем сидении детское кресло.

- На старый, на новый? - спросил Михаил, выруливая со стоянки.

- Старый.

- Отлично, мне как раз дальше по Садовому, - кивнул он.

До Арбата доехали быстро - суббота, без пробок. Лиля внимательно выслушала рекомендации на ближайшие два дня - не переутомляться, не злоупотреблять метро, есть побольше фруктов и ничего тяжелого. Пообещала послезавтра быть к четырем в центре, поблагодарила, что подвезли, и выскочила из машины.

На Арбате было людно, шумно. У сувенирного расположились приятели-конкуренты, струнники из консы. Играли маленькую ночную серенаду Моцарта - народ образовывался, проникался и кидал в футляр от скрипки мелочь. Увидели Лилю, закивали, заулыбались. Она тоже махнула в ответ.

Своих услышала издалека - Настасья распевала "Карамболину". С гитарным сопровождением получалось своеобразно, но публике нравилось. Лиля остановилась на минутку, выровняла дыхание, вытащила из рюкзачка флейту и подошла. Настя, не прерываясь, кивнула - мол, вижу тебя, подключайся.

Два часа пролетели незаметно. Сыграли немножко Россини в сенькиной джазовой обработке, дважды отдали дань любимому Настасьей Гершвину. На "Summertime", как всегда, собралась толпа, кто-то даже подпел. Даже в ноты! На этнику и баллады слушателей тоже хватало, а по случаю солнечной погоды народ не жмотился. В общем, вечер удался.

- На пиво хватит, - резюмировал Сенька, когда буквально в десяти шагах панки принялись расчехлять бас. - Пора сворачиваться.

Нахальных укуренных деток весь Арбат считал стихийным бедствием, но связываться не хотел никто. Потому - просто уходили за пределы слышимости, или уходили совсем. Настасья гневно засопела и уже открыла рот, обругать конкурентов. И закрыла - к ним протолкался новый слушатель. Вроде ничего особенного, только в толпе он выглядел как контрабас среди скрипок - вроде родня, но дальняя.

Лиля его сразу узнала. Тот испанский разбойник из кафе,

еще улыбался сочувственно - и он же курил на крыльце, точно: высокий, коричневая дубленка, пахнет вишневой смолой. Сейчас разбойник тоже улыбался, чуть заметно. А в руках у него была коробочка.

Он бросил что-то в футляр от гитары, подошел к Лиле, достал из коробочки орхидею и протянул ей.

- Играете чудесно.

И смешался с толпой. Настька присвистнула, тронула восковой лепесток ногтем.

- Широкий жест.

Лиля повертела орхидею в руках, посмотрела на Сеньку, прыснула и сунула цветок ему за ухо. Сенька выпучил глаза и заржал, Настасья фыркнула и тоже заржала. Один Мастер Тыква, он же ударник от бога, он же мизантроп с аккордеоном из районной музшколы, недоуменно пожал плечами и спросил:

- Что, собираемся?

- Неа, - ответила Лиля и уставилась в небо. Уходить расхотелось - захотелось напоследок выдать что-нибудь этакое, чтобы слушатели ахнули. Чтобы посмотрели... не как разбойник с орхидеей, а как... как Эри.

Лиля мысленно выругалась - нашла ценителя! Игрового персонажа! Только что делать, если ее никто не слушал так, как он? Тряхнула головой, поднесла флейту к губам и заиграла вступление. Соль-минор, пять тактов до вокала... Мастер Тыква счастливо вздохнул и поднял на стойку свою "маленькую радость" - комплект из восьми там-тамов, собственноручно изготовленных им из долбленных тыкв. Сенька вступил на третьем такте, а потом - Настасья, тихо и проникновенно:

- Все иду-спешу к забытому дому... А услышит меня кто, кто ответит?

Отвечал ей Тыква, неожиданным для такого нескладного парня мягким басом:

- Я услышу, моя боль-моя радость, я отвечу, я - бурьян придорожный.

Флейта в лилиных руках казалась тростниковой дудочкой, вспоминался запах костра, еловых веток, конского пота. И тепло рябинового месяца в ладони...

- Плащ истерся, сапоги износились...

Кто же ждет в родной сторонке бродягу?
- Черный ворон, моя боль-моя радость,
Черный ворон да степные шакалы.
- Голова седа, душа опустела...
Чем же встретят у родного порога?

- Серым пеплом, моя боль-моя радость,
Серым пеплом да обугленным камнем.
- А как лягу, брат, тебе на колени,
Кто всплакнет, кто помянет добрым словом?
- Зимний ветер, моя боль-моя радость,
Зимний ветер да весенние грозы.

Флейта вздыхала степным ковылем, плакала дождем, а Лиля почему-то думала о парне из Барнаула, который написал текст песни. Такой же, как они, не от мира сего математик, по выходным сочиняющий сказки и вот такие дивные стихи. Тыква нашел его в сети, прочитал все недописанные романы и как-то всем им тыкал в нос бумажку со стихами, а они отмахивались. Пока Сенька не сжалился и не прочитал. Он тут же сыграл вот эту, умгарскую народную, на пальцах показал Лиле, что тут за флейтовое соло после третьего куплета, а Настасья спела - как само поется. Наверное, это была самая лучшая их песня...

Надо сыграть ее Эри. Ему понравится.

На этой мысли последний проигрыш закончился, Лиля отняла флейту от губ и огляделась. Публика молчала. Даже панки, и те молчали. Слушали. Вот так, в молчании, они собрали инструменты и ушли. Даже пятитысячную бумажку, наверняка брошенную бородатым разбойником из игрового центра, делили без комментариев.

Лишь у метро Сенька спросил ее:

- Проводить тебя? Что-то совсем не весела, подруга.

Она отказалась: не было сегодня настроения ни гонять чаи, ни трепаться. Устала, просто устала. И почему-то казалось, что ее в родной стороне кто-то ждет, только сторона эта не здесь, совсем не здесь.

***

Утром, сварив кофе, Лиля спохватилась, что надо позвонить Насте. Та спросонья витиевато намекнула, что у дорогой подружки совсем крыша поехала - в десять ночи звонить. Но предупреждение, что до четверга Лили не будет, выслушать соизволила. Сочно зевнула и пробурчала, что не страшно, у Тыквы тоже неделя занята - ученики сдают экзамены, так что играть будем в субботу. И отключилась.

А Лиля устроила себе ванну, разболтала в ней полбутылки пены и неожиданно задремала. Проснулась около двух, - вода остыла, пена разошлась, - вылетела из ванны и помчалась одеваться. К метро летела, как призовая лошадь, боялась опоздать.

И в центр ворвалась, еле дыша от гонки, в расстегнутой куртке, с мокрыми взъерошенными волосами и красная, не хуже спелого помидора. Внимания на нее сначала не обратили - в общем зале был скандал. Грандиозный, совершенно безобразный скандал - прелестная дева в курточке из меха неизвестного животного топала стройными ножками в модных сапогах и нецензурно орала, что они права не имеют не дать ей поиграть, и все еще пожалеют! Вот прямо сейчас и пожалеют!

Очередной отказник, подумала Лиля. Наверное, пробовалась на полный контакт и не прошла медкомиссию. Или психологов.

Пара менеджеров мягко и совершенно безрезультатно увещевали деву. А вот игроки в зале на нее не обращали особого внимания, разве что морщились, когда скандалистка брала особенно высокие ноты.

Лиля постаралась как можно быстрее пересечь зал. Не удалось - девица ее заметила. Замолчала. Перевела дыхание. И завопила снова - уже предметно. О том, куда мастера смотрят, что такую мышь в обмороке до игры допускают, или тут у них специально реабилитационный центр для нищих и убогих? Стало тошно и по-глупому, чуть не до слез, обидно. Ну мышь, не поспоришь. Тощая и белесая. Косметика могла бы помочь, да вот беда - на обычную косметику у Лили была аллергия, а на гипоалергенную не было денег. Ну да, и джинсы с распродажи. Зато купленные на свои кровные, а не выклянченные у богатого папы. И кто, собственно, дал этой моднице право на нее орать?

Лиля остановилась. Посмотрела на девицу. И протянула с Настасьиными интонациями:

- Насчет нищих - не знаю, а для убогих - точно нет! Вас же не взяли.

За спиной послышались хлопки и смутно знакомый бас:

- Браво.

Девица захлопала глазами. Набрала воздуха в грудь. А Лиля обернулась. Давешний разбойник с орхидеей глядел на скандальчик и криво усмехался. Лиля на автомате оценила прикид, - скромная роскошь, до нефтяного магната чуток не дотягивает, - "Nikon" с длинным объективом на груди, рост в метр девяносто, широкие плечи и поджарую фигуру. Стало любопытно, что этот породистый экземпляр здесь делает? Один из этих,

которые по веянию моды тусят на свежем воздухе, играют в рыцарские турниры и снимают юных дам-с прямо с седла? Ну, точно. Снимает!

Лиля хихикнула. А девица слишком поздно сообразила, что значит "Nikon" и ухмылка. Лишь когда фоторазбойник резко поднял объектив и щелкнул подряд десяток кадров. Девица с открытым ртом, девица красная от гнева, девица замахивается сумочкой...

Лиля похлопала и вернула ему "браво!" Разбойник поклонился, ухмыльнулся, отсалютовал фотоаппаратом и смылся, пока менеджеры держали девицу, а прибежавшая на визг Светочка - главный местный психолог - заговаривала ей зубы. Лиля тоже смылась. Ее ждало погружение - и Девье озеро. И, возможно...

Уже переодевшись, Лиля задумчиво поглаживала открытую крышку камеры, - подумалось вдруг, что она скопировала привычку Михаила, он вечно трогает то кристаллы на камере, то монитор, словно они живые. Наверное, ненормальный компьютерный гений, из тех, что разговаривают с "железом". А кристаллы в самом деле красивые, и кажется, внутри них мерцает огонек, интересно, какие они на ощупь? Едва она дотронулась, кристалл загудел и завибрировал, как мурлычущий кот. От неожиданности Лиля ойкнула и отдернула руку.

- Что случилось? - спросил от двери Михаил.

- Он гудит. - Она обернулась и виновато пожала плечами; куратор казался удивленным и рассерженным. - Я не знала, что его нельзя трогать. Надеюсь, я ничего не сломала?..

Покачав головой, Михаил потянулся за тонометром. Он снова был спокоен и невыразителен, и Лиля подумала, что ей примерещилось. Все, и свет внутри кристаллов, и электрический разряд, и странная реакция Михаила.

- Готова? - спросил, снимая манжету тонометра с Лилиной руки и почему-то глядя ей за спину, в изголовье камеры.

Она кивнула.

- Как пионер!

- В этот раз у тебя будет неделя. Семь суток. Возвращаешься как обычно. Правила помнишь?

Лиля широко улыбнулась.

- О своем мире не говорить, беречь экологию, за два часа до перехода быть в холме! Помню.

- Экологию игрового пространства! - поправил куратор. - Если почувствуешь себя нехорошо, пожалуйста, возвращайся сразу. Сама знаешь, новые локации не всегда безопасны.

Лиля пожала плечами. Ну да, наша служба и опасна, и

трудна, и тусне она, пожалуй, не видна. И славно. И тусня, и ФСБ, и хрен с горы обойдутся без сакрального знания о том, что технология полного погружения еще не до конца отлажена, а в новых локациях случаются глюки. И о том, что некоторые счастливчики не платят за игру ни копейки. Немножко опасно? Да. Но не опаснее, чем жить в Москве, ездить в метро и есть сосиски из магазина. И всяко не опаснее, чем попадаться на зуб родным гадюкам из библиотеки.

Глава 4. Сакс

Розга по Саксу, может, и плакала, только отец его не тронул. Хотя наверняка боялся, что Сакс заплутал или попался стражникам - вернулся-то домой позже отца. Но ничего не сказал, крепко обнял, похлопал по плечу, а потом так же, молча, ушел в дом.

Целых три дня они жили так, будто ничего не было. Отец ни о чем не рассказывал, сам не расспрашивал. Мама тоже, лишь иногда кидала на своих мужчин обеспокоенные взгляды, вздыхала и возвращалась к делам. Единственно, отец запретил Саксу охотиться. Сказал просто: не ходи в лес без меня. Саксу даже в голову не пришло возразить. Видать, их высочество изрядно повыбили дурь, а что не повыбили - то само ушло. В холмы, вслед за фейри.

Обо всем этом Сакс старался не думать, а чтоб думать не хотелось совсем, занялся огородом. Давно собирался выкорчевать разросшийся терн, и заменить несколько досок в сарае, и обрезать яблони, и... Он как раз закончил починку тележного колеса, как позвал отец. Вышел из дома в чистой рубахе, с ножом у пояса, собрался куда?

- Одевайся, пойдем к Дунку. У Тянучки подкова разболталась.

К кузнецу в чистой рубахе? Темнит отец.

Ополоснувшись парой ведер из колодца, Сакс натянул рубаху, сухие штаны, опоясался - раз отец с ножом, то и ему не повредит. Расчесал спутанные лохмы фейриным гребнем, заплел косу заново. Поцеловал маму в макушку, привычно уже подумав, какая она теперь маленькая, не то что в детстве.

- Идите уже, - мама улыбнулась одними губами, глаза в лучиках морщин так и остались грустными и беспокойными. - Вернетесь, будет вам пирог с яблоками.

Пироги мама готовила по-благородному, добавляла мед, полдюжины трав, сушеную вишню и толченую черемуху. Так готовила кухарка ее отца, сэра Оквуда, еще до луайонцев. Сакс точно не знал, как получилось, что молодой деревенский шериф женился на благородной, родители не рассказывали о том, как пришли рыбники - а замок деда сгорел вместе с дедом, и с большей частью деревни, той, что за ручьем. В развалины до сих пор никто не ходит, даже мальчишки не лазят. Даже луайонцы - хотя приезжал как-то нобле, осматривал деревню и прикидывал, во что обойдется отстроиться заново. Так и не собрался, верно,

нашел место получше. Как нобле плюнул и уехал, жители Оквуда вздохнули с облегчением. Пусть деревня стала совсем маленькой, зато никаких рыбников под боком.

Кузнецов дом стоял на отшибе, у реки, чтоб шум и дым от кузни не мешал добрым оквудцам и не пугал скотину. Сам кузнец встретил их у калитки, отца сразу повел в дом, а Томаса с Саксом послал поправлять Тянучке подкову.

- Про повстанцев, небось, говорить будут, - шепнул Томас, глядя им вслед. - Слышь, отец с ярмарки сам не свой. Послушать бы.

- Быстренько подкову, и - того, - кивнул Сакс.

С подковой управились в миг, благо там всего лишь гвоздь вылетел. И полезли через сарай в подпол, по длинному лазу аккурат под комнату. Пришлось, правда, рубаху оставить в сарае, а то отец бы непременно спросил, где ж Сакс так извозился. Над самыми головами скрипнула доска - кто-то ходил. Кузнец, наверное, он тяжелее. Ну точно - отцов голос раздался сбоку, где стол.

-...подъехал ко мне, - горько говорил отец. - Уставился свысока, вроде он меня и знать не знает, щучье отродье. Давай ему младшего, он принцу не угодил, да тот милостив. Простит, на службу возьмет. А я решил - не дам. И так двоих старших забрали. И то, один, похоже, вовсе сгинул, а второй вон чего учинил! И отец ему не отец, и Томаса твоего мало не искалечил, и на родного брата охоту устроил. Тьфу!

- Да и моему там делать нечего, - прогудел кузнец из угла. - Верно говоришь, посмотрели мы, чего принцева-то служба с людьми делает. Я уже и с родней из Ротенбита договорился, отвезу им женку. А то и твою туда же, а, Герт? Вот как мудрый на Асгейров день приедет, подойдем под благословение, чтоб видел, что все здесь. А потом в лес...

Кузнец помолчал, вздохнул и добавил:

- А может, нам с Томасом раньше уходить надо было. Мудрые эти, боуги их задери... - покряхтел и снова замолк.

- Выкладывай, Дунк, что случилось-то?

- Да в городе. Как Бероук за Саксом погнался, ко мне подошел мудрый. Все выспрашивал, кто мы да откуда. Может, услыхал как сынок мой хвастает фейрями, а может и того... почуял чего... Томас-то мой руду и воду под землей видит, вон, говорит, под Девьим озером серебряная жила идет, прям где родники, оттого там вода такая светлая, вкусная и никогда не цветет. Да ты сам видел, чего уж там...

Отец длинно выругался, а Сакс подумал, точно же, Томас сколько раз каленое железо руками хватал, лепил как глину. И

сам кузнец тоже. Даже и не думалось как-то, что это колдовство - оно ж всегда так было. Какие они колдуны-то? Кузнецы и есть. Это пастухам и всяким огородникам не положено ладить с огнем и железом, а кузнецам - положено, как же кузнец иначе ковать будет? И мудрый тот не на Томаса смотрел, а на фейри. Или все же на Томаса? Ллировы мороки!

Рядом с Саксом зашуршало. Скосил глаза: Томас тер подбородок. Верно, так и болит после братнего эфеса. Ну, Марк, дери его сворой! И сам хорош. Бросил друга, а если б его затоптали?

Сакс потянул Томаса за рукав, мол, что надо - услышали. Когда выбрались обратно в сарай, буркнул:

- Чего, дурной, полез?

- Сам дурной, - насупился приятель. - Я ж помочь хотел. Скажи еще, что не помог. - Глянул на смущенного Сакса и махнул рукой. - Да ладно, плюнули и забыли. Ты про девку лучше расскажи. В городе, что ль, познакомился?

Помявшись, Сакс мотнул головой.

- На озере же.

Невольно улыбнулся, вспомнив, как резал ей дудочку.

- Так она чего?.. - Томас открыл рот: догадался. - Да быть того не может! А что ж не зачаровала принца-то?

- А не знаю. Странная она, иногда что твое дите, а иногда... - Нащупал у пояса гребень, сжал.

Томас нетерпеливо хмыкнул.

- Она в холмы ушла. - Сакс вздохнул. - Гребень вот подарила, а потом ушла.

- Вернется, - убежденно заявил Томас. - Раз прям сама, своими ручками отдала - точно вернется! Только они ж такие... раз подарила, значит, выбрала. Ты теперь на мельницу ни-ни. А то ж они ревнивые, фейри-то.

Про фейри Томас мог говорить бесконечно. Вот и в этот раз - пока таскали в дом воду, а потом валялись на сеновале, жевали выпрошенный у томасовой матери свежий хлеб и запивали молоком, он рассказывал хрустальные сказки. Сакс слушал в охотку, переспрашивал. Не то чтобы он всему верил - да не могла его фейри ни кровь пить, ни в омут никого заманивать! Добрая она! - но вдруг чего пригодится. Томас тоже расспрашивал про Лиле, разглядывал гребень, и все ему не давало покоя, как это так Сакс с ней целую ночь ночевал - и ничего. Неправильная это фейри, и Сакс раззява, то ли дело сам Томас! Вот бы он эту фейри - ух!

- Свою фейри ухай, - хмыкнул Сакс. - А эта моя.

Поделить всех фейри с Девьего озера они не успели, зато

решили, что точно тот мудрый почуял Лиле, а не заподозрил кузнеца в колдовстве, так что и тревожиться не о чем, Лиле-то давно в своих холмах.

Около кузни послышались шаги и чужие голоса. Мать Томаса, тихая и робкая Гвенда, заглянула к ним на сеновал.

- Сынок, Даро, ступайте на улицу, мудрый приехал, Асгейрово питье привез.

При упоминании мудрого Томас вздрогнул, а Сакс едва не схватился за нож. Очень уж не хотелось показываться ему на глаза, вдруг все же узнал про фейри? Еще потребует гребень отдать... хотя, откуда ему про гребень-то знать? Оборони Матерь от щучьих прихвостней!

Вместе с Томасом вышли вслед за Гвендой.

На площади, ровно между Саксовым домом и домом гончара, уже собралась вся деревня - от старого хранителя Фианна до его правнучки Сесили, сопящей в платке за материнской спиной. Мудрый, тот самый, что приезжал каждое лето перед солнцеворотом, что-то говорил деревенским, а перед солнечным камнем, тем, что остался еще со старых времен, творилось странное. Двое здоровенных парней в красном и желтом, - асгеройвых лучей, - заканчивали складывать огромный костер, словно собирались жарить лося целиком, а деревенские дети все подносили им дрова. Небось, половину деревенских поленниц разорили. Еще двое, в кольчугах под красно-желтыми плащами и с длинными мечами, топтались рядом с мудрым и поглядывали на народ, что твои пастухи на стадо. Нехорошо это было, неправильно. Сакс уже собрался потянуть Томаса обратно, нечего ему тут делать. Хотя, верно, мудрый-то сказал, к чему костер - а раз деревенские спокойно слушают, вон и отец с кузнецом тут же, значит, ничего страшного и нет. Знать бы еще, чего сказал...

Томасу тоже было любопытно - и весело, Томас он такой, о плохом дольше вздоха не думает. Он подмигнул Саксу и щипнул за бок мельникову дочку.

- Слышь, что мудрый говорил-то?

Она хихикнула. Зашептала, чтоб старик не слышал:

- Говорил, в городе колдунство приключилось. Принц не в себе стал, да натравил на тебя слугу - все потому, что его зачаровали, принца-то. Вот теперь, значит, добрый Асгейр укажет на чаровника.

И костер, значит, для чаровника? Вот же щучье отродье!

- Пошли отсюда, а? - шепнул Томасу.

Тот пожал плечами:

- Да чего ты, не бойся, - и пошел к мудрому.

Односельчане неспешно, каждый в свой черед, творили перед камнем святой знак и отпивали асгейровой водицы. Вон и отец прошел, и мельник, и мама, и кузнец. Потом Томас, а после него и Сакс. Сглотнул питье, горло сдавило от гадкого вкуса, собрался отойти, как заметил, что с Томасом что-то неладно. Приятель застыл на месте, смотрел на мудрого и не моргал.

Сакс его дернул за плечо - Томас не шевельнулся. Да что за Ллировы мороки? Оглянулся на отца, хотел его спросить, и наткнулся на бессмысленный взгляд кузнеца: тот замер, словно и дышать забыл. Сакс чуть было не заорал в голос: что ж вы, щучье отродье, сделали?! Лишь помня о том, что вышло в городе, удержался.

Мудрый тем временем внимательно оглядел кузнеца и Томаса, обернулся к лучам, кивнул им. А потом - к сельчанам и негромко так заговорил. О темном Ллире, отце проклятых колдунов, о бестолковцах, которые проклятие принимают за благо, о подлых чароплетах и чистоте Асгейрова пламени, тех чароплетов от проклятия избавляющем. Договорил, - деревенские слушали с почтением и недоумением, - сделал рукой хитрый знак и велел кузнецу, указав на костер:

- Иди. - И Томасу тоже: - Иди.

Дунк вдруг шагнул вперед. Отец попытался ухватить его за рубаху, тот отмахнулся не глядя, чуть отцу глаз не выбил - рука-то у кузнеца тяжелая. И Томас за ним, прямиком к костру пошел! Оба влезли на сложенные поленья и там остановились. Мудрый благостно улыбнулся.

- Светлый Асгейр да очистит...

Тоненько завыла толстуха Гвенда. Отец нахмурился, шагнул вперед.

- Не дело это, - сказал. - Я Дунка с малолетства знаю. И парень его с моим не разлей вода. Не колдуны они вовсе, напутал ты, мудрый. Никто от них зла не видел. Не дадим нашего кузнеца жечь!

А мудрый снова улыбнулся, показав по-волчьему желтые зубы, и махнул рукой с зажатым в ней золотым солнцем. Костер занялся, бабы заполошно завопили - а Сакс одновременно с отцом рванулся через огонь, к Томасу.

Дальше Сакс плохо понимал. Перед глазами было красное и пахло кровью, в ушах билась кровь, кто-то верещал, как подбитый заяц, воняло паленым мясом, под ноги все попадалось мягкое и мокрое... А потом его тряхнули за плечи. Отец. Новая рубаха в крови и саже, на щеке порез. И улыбка - оскал.

- Беги собираться, - сказал отец пьяным и счастливым голосом. - Матери помоги. Что унесем, то и наше.

И заорал на всю площадь:

- Все собирайтесь, уходим мы!

Никто не возразил. Селяне, не глядя друг на друга, разбежались по домам и за скотиной на деревенский выпас. Один старик Фианн задержался, подобрал с земли затоптанный красно-желтый лоскут, бросил в исходящий жирным дымом костер. Сморщился, словно собирался заплакать, сгорбился - и тут его утащила внучка.

Томас и кузнец так и ждали за солнечным камнем, куда их вытолкнул Сакс. Оттуда их и забрал, потащил за руки к дому, что твоих баранов. Клятые рыбники, что ж они с людьми-то делают?! Кузнец-то ни слова против Асгейра никогда не сказал, почитал мудрых и отдавал им положенную долю.

Собирались быстро, да не так быстро, как надо бы. Пока помог плачущей тетке Гвенде увязать узлы и попрятать кузнечный инструмент в погреб, потом маме - узлы собрать, на лошадь навьючить. Сам отец пригнал оставшихся после ярмарки лошадей и жеребят, роздал односельчанам - не бросать же. А Саксу пришлось бежать за коровой, дурная скотина почуяла неладное и едва не удрала в овраг. Только когда солнце покатилось к лесу, он вернулся на площадь, принес отцу узел и свой на плечо повесил, рядом с луком и колчаном. Народ уже собрался, - кто с козами, кто с коровами или курами, - тревожно шелестели голоса.

Отец забрался на солнечный камень, оттуда оглядывал односельчан и что-то говорил Гвенде, держащей за руку мужа: кузнец так и не опомнился. Оделся отец в старую куртку с железными полосами, взял короткий меч, лук и повесил на грудь шерифскую бляху. Два десятка лет ее не надевал, мол, какой на дюжину дворов шериф-то? А рядом с отцом, у камня, мялась девчушка, мелкая и худая, в штопаном плаще. Как Сакс подбежал, обернулась к нему, откинула капюшон...

Сакс не понял, обрадовался он, что пришла - или испугался, что снова влипла. Уж очень она была встревоженная и хмурая. Когда за ней принц охотился, и то веселее глядела.

Увидев Сакса, отец поднял руку.

- Надо торопиться! Сюда идет отряд, - громко сказал он. Селяне притихли, кто-то из женщин всхлипнул. - Стража принца. Упустили щучьего сына, он теперь ведет солдат. Сулили девке золотой, чтоб провела лесом. Все собрались? - Нахмурился, глянул на клонящееся к закату солнце. - Мы с сыном, Пирс с младшими и Мэт с племянником идем в Кроу, к повстанцам. Дунк с Томасом - с нами. Остальные отведут женщин с детьми в Ротенбит. По дороге нельзя, потому все через лес, и не толпой, а

порознь, чтоб не выследили. Мэт, залей костер - и пора! Стража вот-вот будет здесь!

Послышались всхлипы пополам с руганью. Окончательно перепуганные селяне устремились к лесу, отец - прощаться с мамой, а Сакс - к Лиле. Она так и стояла рядом с камнем, смотрела на плещущего из ведра на костер Мэта и хмуро теребила висящую на груди деревяшку... нет, не деревяшку - его рябиновый месяц. Подняла глаза на Сакса, жалобные и растерянные, шепнула:

- Там... там люди?

- Они Томаса с отцом хотели сжечь. И тебя бы сожгли, если поймали. Не люди.

Лиле тяжело сглотнула, взяла его за руку.

- Ты уходи, - сказала, глядя в землю. - А то стемнеет скоро - как ночью по лесу?

- Пойдем вместе. Не стоит тебе одной, опасно.

- Нет, я к озеру. - Помотала головой. - Пора мне.

Поднялась на цыпочки, быстро-быстро коснулась щеки губами. Развернулась и побежала к лесу.

Стало сразу и хорошо, и горько, и страшно. Вдруг с ней что случится? Или - просто больше не придет? Оглянулся на мать с отцом. Отец обнимал мать, а она плакала. Последние остались, Гвенда и та уже была у самого леса, тянула за собой корову.

- Ну чего ты, мам... - Сакс погладил ее по плечу.

- Береги себя, Даро. - Мама подняла красные глаза. - И отца береги. Обещай!

Сакс кивнул. А отец поцеловал мать в лоб, шепнул что-то на ухо, что мать улыбнулась, подсадил в седло и хлопнул лошадь по крупу. Мать поехала, не оглядываясь, а отец обнял Сакса.

- Тянучку не потеряй, сынок. Встретимся в Кроу.

И скорым охотничьим шагом пошел к лесу. Сакс остался наедине с привязанной у родной калитки Тянучкой. Похлопав ее по морде, отвязал, вскочил в седло... и вместо леса направил к оврагу. Была там одна тропка, где можно провести лошадь в поводу, а не объезжать полмили. Привязав Тянучку на той стороне, вернулся налегке, только с луком и ножом. Вдоль рябинника побежал туда, где овраг совсем близко подходил к деревне - меньше чем на перестрел, они с Томасом не раз спорили, добьет саксов лук до солнечного камня или нет. Добивал, и до Мэтова дома тоже. Забрался на древний дуб, один из тех, что дали название деревне, и прислушался. Показалось, конский топот? Точно. Успел.

Стражу Сакс высматривал уже с наложенной стрелой. Может, конечно, это и мальчишество - стрелять их старшего, но

переполох-то будет. Под переполох он и еще кого снимет. А потом пусть побегают за ним по оврагам, коням ноги поломают. Как раз свои хоть успеют отойти.

Отряд влетел в деревню на полном скаку - старший в шлеме с желто-зеленым плюмажем, как у принцевой стражи, и два десятка воинов - все в кольчугах и с мечами наголо. За спиной последнего подпрыгивал асгейров луч, кривился и что-то орал, указывая на площадь.

Сакс зашипел сквозь зубы: вот же щучье отродье, всю деревню хочет под нож! Его - вторая стрела! Остановитесь только, чтоб уж точно первым выстрелом - и главную щуку, с перьями, чтоб неповадно было с мечом и на честных людей.

Проскакав до площади, стражники и вправду остановились. Главный что-то проорал, и все разом натянули поводья, коней подняли на дыбы, сами заозирались. Что, опоздали? Некого бить? Ну, будет вам сейчас веселье...

Он уже прицелился, - в глаз, чтоб точно убить, и натянул тетиву, - как старший сорвал шлем и обернулся к оврагу, глянул чуть не Саксу в глаза. Рука дрогнула, еле успел удержать стрелу. Зажмурился на миг и выругался: Марк, дери его сворой! Братец! В свою деревню - с мечом... проклятье... а если б там мама? Ах ты, щука такая...

Снова прицелился, почти выстрелил, благо братец так и торчал посреди площади без шлема, все озирался, словно родного дома не узнал. Но не смог. Как подумал, что сам будет не лучше, если брата убьет, снова дрогнула рука.

В третий раз Сакс уже не выцеливал Марка, а решил бить желто-красного щучьего сына. Вот сейчас спешатся, пойдут искать деревенских - и стрелять!

Только странное дело, спешиваться стражники не спешили. Так и вертелись, оглядывались кругом, словно не понимали, куда их занесло. Марк прямо по свежим углям доехал до родной калитки, тронул ее, нахмурился...

И тут из-за старой яблони, что росла на краю маминого сада, показалась Лиле. Серый плащик, красные башмачки, дудочка у губ. Сердце оборвалось, пропустило удар: что это она? С ума сошла?! Убьют же! И никак не спасти, что он отсюда-то, двух-трех снимет, а остальные? Все эти мысли пронеслись быстрее, чем летит стрела. Фейри как раз и успела шаг сделать - а Сакс спрыгнуть с дуба, чтоб к ней бежать.

Три шага пробежал и остановился, глядя на фейри и стражу во все глаза. Даже сплюнуть от сглаза и скрутить материнский оберег забыл.

Лиле шла не торопясь, прямо к Марку. А тот совсем

растерялся, тер лоб и глядел то на дом, то на солнце, то на своих солдат. А солдаты попрятали мечи, сбились в кучку и перешептывались. Один асгейров луч спрыгнул с коня, подбежал к Марку и что-то ему твердил, размахивая руками. Тот послушал, сморщился и резко отпихнул луча сапогом.

- ...ты провалился! - донеслось до Сакса.

Луч упал, а Сакс опомнился, сорвался с места, бросился снова к Лиле - и замер, как мешком ударенный. Не было Лиле. Не было! И яблок на яблоне не было, и самой яблони тоже! Были горелые пни на месте сада и десяток заброшенных домишек, таких, что вот-вот развалятся. У самого дряхлого - калитка сорвалась, висела на одной петле - остановил коня Марк. Ветер гнал по площади пыль, тропинки заросли бурьяном. Сакс помотал головой, прогоняя наваждение. Наваждение потускнело, но не пропало, зато Сакс увидел Лиле: она остановилась совсем близко к стражникам и все играла... и над опустелой деревней ветер пел на странном, чужом и понятном языке:

" - Голова седа, душа опустела...

Чем же встретят у родного порога?

- Серым пеплом, моя боль-моя радость,

Серым пеплом да обугленным камнем".

Марк махнул рукой своим солдатам, сам развернул коня. А Лиле пошла за ними, не прекращая играть. Дошла до околицы, потом встряхнулась, и бросилась назад. К Саксу. Подбежала, стукнула кулачком в плечо.

- Ты почему не ушел?!

Она не видела, как желто-красный встал, схватился за свое солнце и так ей в спину глянул... Не дожидаясь, пока он сотворит какую пакость, Сакс шагнул в сторону от Лиле, поднял лук и выстрелил навскидку. Щучье отродье схватилось за вошедшую в брюхо стрелу, захрипело. Плохо выстрелил, подумал Сакс, и ответил Лиле:

- Потому что нельзя было уходить. - Поймал ее, растерянную и сердитую, обнял. - Все же хорошо. Только этого добить надо, он тебя видел.

У нее дрогнули губы. Обернулась к лучу, присмотрелась и покачала головой.

- Он и так... только мучиться будет.

Вдруг оттолкнула его, подбежала к асгейрову сыну, - Сакс и опомниться не успел, - снова поднесла к губам дудочку и что-то сыграла, до Сакса едва донесся холодный отзвук. Луч дернулся и застыл. Сакс тоже дернулся: как-то оно получилось неожиданно... не то чтобы он не догадался, что волшебство она творит своей дудочкой, но что пойдет добивать врага вместо него? Вроде ж

мужское дело-то, ему ее защищать, а не наоборот. А Лиле вернулась, бледная вся. Тихо сказала:

- Теперь правда пойду. Стража не вернется.

- Хорошо, что не вернется. - Снова обнял, прижал к себе и погладил по волосам, как отец маму гладил. - Тебе к озеру надо? Пойдем, провожу.

Она так и просияла.

Тянучка встретила фейри радостным фырканьем и ткнулась мордой в плечо, чтоб погладили. Умная лошадь, подумал Сакс, он бы и сам вот так, чтоб погладили. Зато почти час, что ехали до озера, обнимал свою фейри и вдыхал земляничный запах ее волос, наконец-то перебивший тоскливую и страшную вонь горелого мяса.

У озера спешился, снял Лиле с лошади - и прежде чем отпустить, потерся щекой о ее ушко, спросил:

- А тебе непременно надо уходить? Вот прямо сейчас?

Фейри прильнула к нему.

- А вот не обязательно. Хочешь, сейчас останусь и утром с тобой пойду?

От неожиданности все слова вылетели из головы, оставив только одну мысль: моя, не отпущу!

- Угу, - выдавил он и заставил себя разжать руки. Не убежит же, сама предложила остаться!

В то, что не убежит, верилось плохо. Потому, расседлывая Тянучку, собирая хворост для костра и расстилая войлок, Сакс то и дело оглядывался на Лиле. Просто чтоб убедиться, что она здесь.

А она его взглядов будто и не замечала: шуршала в землянике, собирала ягоды в платок. Как он развел костер - подошла, положила платок у огня. Добавила к ягодам пару лепешек из сумки и отцепила от пояса фляжку. Развела руками.

- Вот и весь ужин на сегодня.

Снова не получилось ответить, слова застряли где-то по дороге. Да и не надо бы, верно, говорить ей - что фейри, вся в бликах огня, такая красивая и волшебная, вкуснее любого ужина. Сакс так и сидел на корточках у костра, смотрел на нее и улыбался, как дурак. И заливался жаром, от самых ушей: поняла, о чем он думает, вон как смотрит...

Лиле тоже покраснела, мотнула головой, протянула лепешку и фляжку.

- На, поешь. Не мясо, конечно, но хоть что-то.

Не отрывая от нее глаз, взял фляжку, - в горле пересохло так, что язык прилип, - и глотнул. От души глотнул. Горло

обожгло, словно кипятком. Сакс закашлялся, едва не расплескал то сладкое и крепкое, что во фляжке было.

Фейри всплеснула руками, подскочила, хлопнула по спине. Отняла фляжку.

- Крепкое? Ох, ты ж, наверное, и не пил ничего крепче эля. Вот я бестолковая! Хотела, как лучше... погоди, я воды принесу.

Он помотал головой, она не заметила.

- Не надо, - поперхнулся, - не надо воды.

Вскочил, шагнул к Лиле - а она обернулась и посмотрела на него, как на ребенка. Ну да, крепче эля не пил. И что?

- Яблочный пирог будешь? - спросил он и полез в сумку.

Она закивала. Правильно, значит, Томас говорил - фейри сладости любят.

Лиле ела пирог медленно, растягивала удовольствие. Отпила немного из своей фляжки и посмотрела на Сакса:

- Будешь еще, плохо не станет?

Еще чего, плохо! Нет, забота ему нравилась, но... но он же не ребенок, в самом-то деле.

- Буду. А что это? На наливку похоже.

Лиле протянула ему фляжку.

- Выморозка. Так получается крепкое вино. И вкусное, правда же?

В этот раз Сакс отпил немножко. Подержал во рту, чтоб распробовать. Вкусно, сладко, похоже на вяленую грушу, только не груша, ну точно, что-то волшебное. Глотнул еще разок и отдал фляжку. Если это вино такое же крепкое, как вкусное, не стоит больше. И без того как-то жарко, и Лиле еще так смотрит... Да не ребенок он! Просто...

- ...напиваться не хочу. Завтра далеко идти, - сказал не то ей, не то сам себе, и неожиданно для себя добавил: - Купаться пойду. Гарь эта...

Сморщился, вскочил, - чуть не споткнулся, камень под ногу попался, - и пошел за кусты. Не при ней же раздеваться. Развесил одежду, подумал, не постирать ли рубаху, но за ночь же не высохнет. И забежал в озеро, сразу поглубже. Вода была теплая-теплая, верно, ночью парить будет. Какие-то мальки приняли его за вкусную корягу, пощипали за ноги. Смешные! Что-то тяжело плеснуло в осоке, тут же захотелось нырнуть - Сакс и нырнул. Поплавал малость, смыл пот и грязь, встал у берега, чуть глубже чем по пояс, и принялся расплетать косу: в волосах тоже гарь и кровь, красавец просто.

- Может, помочь расплести? - окликнули его с берега.

Сакса обдало жаром, похлеще, чем от выморозков. Обернулся, оглядел Лиле с ног до головы, - в сумерках она снова

светилась, только глаза казались темными колодцами, - и позвал:

- Иди сюда, помоги.

- А ты отвернись, - засмеялась она.

Еще помедлила на берегу, потом за спиной плеснуло. И еще плеснуло, ближе. Потом на плечо легла теплая рука. Вторая потянула за волосы.

- Наклони голову, а то не дотянусь.

Сглотнув, Сакс склонил голову - щекой потерся о ее пальцы на плече. Отчаянно хотелось развернуться, поймать ее и поцеловать, наконец. И... много чего еще хотелось, только бы не испугать.

В волосы закопались ее пальцы. Расплела косу быстро и осторожно. И отступила. Опять плеснула, обошла его кругом. Вода ей была выше груди, а волосы она завязала в узел на макушке. И сорочки на ней не было - конечно, она же нагишом купается. Фейри. И смеется так, волшебно, как льдинки звенят. В горле снова пересохло, подумалось, снова над ним смеется?

Чтоб не думать всякой ерунды, нырнул, проплыл с ней рядом, скользнул рукой по теплому и гладкому. Вынырнул, встряхнулся. Снова стало хорошо и весело, верно, фейрино волшебство такое - сама как те выморозки, сладкая и крепкая.

- Красиво плаваешь! - восхитилась Лиле. По-правде восхитилась, не насмехалась.

- Давай наперегонки к островку?

Сакс махнул себе за спину, там, в половине перестрела, был крохотный остров с кучкой берез и ковром земляники. Сам он смотрел только на Лиле, точнее - на выныривающие из поднятых им волн темные ягоды сосков. Дышать стало тяжело, сердце колотилось где-то в горле, и он сам уже не понимал, чего ждет: вот же она, только руку протяни!

Она мотнула головой. Покусала губу.

- Зачем наперегонки?.. Или ты на спор хочешь?

- Ага. На поцелуй.

- Ну, - она смутилась. - Я плаваю... не так, чтобы быстро, ты сразу выиграешь! Давай я тебя лучше просто так поцелую, без спора.

Он и ответить не успел - обняла за шею, заглянула в глаза и поцеловала. Прямо по-настоящему, как мельникова сестра... нет, лучше.

Вмиг забыв и о споре, и о мельниковой сестре, Сакс подхватил ее, оторвал от дна - в воде она совсем ничего не весила - и прижал к себе. Скользнул ладонью по спине и ниже, чуть не задохнувшись от сведшей бедра судороги, непроизвольно толкнулся.

Лиле ахнула, прильнула - не оторвать. Выдохнула в рот:

- На берег... не здесь же...

Подтолкнув ее ладонью выше, попросил:

- Обними.

Как вынес ее на берег и уложил, Сакс уже не понимал. Кажется, она дрожала, а может, это он дрожал. И шептала что-то неразборчиво-сладкое, и держалась за него крепко-крепко... Опомнился, только когда толкнулся между обнявших его ног, сквозь тонкую преграду. Замер, закусив губу: не может быть, чтобы фейри - и не знала мужчины? Но нет, ему же не показалось, в самом деле первый...

- Лиле? - шепнул ей в волосы.

- Ммм?.. - выдохнула ему в плечо, потерлась об него всем телом.

Так потерлась, что он забыл, зачем остановился - и толкнулся снова. И снова...

Она была такой... как озеро, как земляника, как сладкие выморозки, как волшебство. Она была - его. Она вздыхала, гладила его по спине, вскрикивала и кусала за плечо, а потом закинула голову и простонала:

- Э-эри... - и вся сжалась, задрожала.

Он тоже вздрогнул, зажмурился - и выплеснулся, весь, в нее, хватаясь за тонкие плечи, словно мог утонуть и не выплыть...

Потом она вытянулась, прерывисто выдохнула... Чуть слышно шепнула в ухо:

- Ты тяжелый.

Не отвечая и не выпуская Лиле, Сакс перекатился на спину - так, чтобы она лежала на нем.

Фейри ткнулась лбом ему в плечо, погладила по щеке.

- Какой ты... таких не бывает.

Счастливо улыбнувшись первым звездам, Сакс зарылся пальцами в спутанные волосы, погладил затылок и хрупкие лопатки.

- Я люблю тебя, Лиле. Только тебя, всегда. - Вспомнил томасовы байки и добавил: - Никого больше не будет, только ты.

Ладонь легла ему на губы.

- Ш-ш. Не говори. Не бывает всегда. И чтобы никого другого, тоже не бывает. Тебе всего-то...

- Я не ребенок, Лиле, - прервал ее, отняв ладонь от губ. - И я знаю точно, что ты для меня - единственная.

Она отодвинулась. Сползла сначала на бок, потом и вовсе села на край войлока. Нахмурилась.

- Эри, Эри... Я прошу, не говори. Я же знаю, как бывает. Вот вы сейчас будете воевать, потом война закончится и вспомнится,

что нужно возвращаться домой, лошадок разводить... Потом - что мужчине нужна жена, чтобы дети и хозяйка дому. Сам выберешь, или за тебя, не важно. А ты такой - будешь себя ругать, что не сдержал слово. Не хочу, чтобы ругал. - Запрокинула голову, уставилась на звезды. Пробормотала еле слышно: - Пошлость какая, в такой момент об этом говорить...

Сев рядом, Сакс обнял ее за плечи, развернул к себе и заглянул в глаза - темные, волшебные и мудрые. Подумалось, а сколько же лет этой фейри? Мало ли, выглядит как девчонка, они ж вечно молодые. Может, и вечно девственные... Зато Лиле говорит, как старик Фианн, когда напьется. Только Саксу было все равно, сколько мудрости в ее словах, и скольким юным и глупым она что-то такое говорила, чтоб не обещали.

- Не надо, Лиле. - Мягко и бережно поцеловал хмурую морщинку между ее бровей, потом - скулу, и губы... едва оторвался. - Не бойся за меня. Война или не война... Или ты уже хочешь уйти?

Она мотнула головой.

- Не хочу, Эри. Совсем не хочу! Если бы можно было - не уходить! Как будто ты привязал, честное слово, - жалко улыбнулась.

- Так останься. Пойдем завтра вместе. - Снова поцеловал ее, завалился на спину и потянул на себя. - Может, это ты меня привязала? Вот как увидел тебя, и все.

Лиле засмеялась, шепнула в ухо: "Мальчишка!" и прижалась, зарылась пальцами в волосы, приникла губами к шее. Сакс еще успел подумать - жаль, что летом ночи короткие.

А потом она уснула. Верно, устала, ей сегодня пришлось и колдовать, и от стражи бегать, и он еще... первым... Сакс даже зажмурился, так сладко было думать, что она - только его, ничья больше. И зря она так, он же не просто так сказал. Она правда - единственная, не надо ему никого больше.

Тихонько сняв с себя ее руку, Сакс встал. Чуть полюбовался светящимся в темноте телом, укрыл плащом. И вернулся к тому месту, где купались. Зашел в воду, умылся - кровь тоже смыл, и вздрогнул, подумав: ей же больно было, а так за него цеплялась, словно сразу - хорошо.

- Нет, не надо мне никого другого, - сказал вслух, не то озеру, не то сам себе. - И что, война? Фейри и замуж идут, и детей рожают. Вот кончится война, и поженимся... выйдешь за меня, Лиле? Я тебя никогда не обижу, и железом не трону, и сорочку красть не буду, только если сама меня любишь... Любишь же, правда?

Озеро не ответило, лишь плескала вдалеке рыба и

шелестела осока.

- А я всегда буду - только тебя. И если вдруг с кем... даже если жениться - все равно, ни с кем другим счастья не будет. Так и зачем оно...

Сглотнув невесть откуда взявшуюся горечь, Сакс еще раз умылся и вышел на берег. Собрал с кустов одежду, понюхал Лилино платье - точно ли земляника? Точно. Земляника, хвоя и немножко свежий снег. А потом вернулся к Лиле, забрался к ней под плащ, - как был, нагишом, - и обнял. Она пошевелилась, умостилась к нему тесно-тесно, снова закинула поверх него руку и довольно выдохнула:

- Эри...

Глава 5. Лиля

На третий раз Лиля упросила своего личного архангела Михаила сотворить чудо и вывести ее через служебный вход. Правда, сначала пришлось скушать две маковые сдобы Светочкиного приготовления и ответить ей на сотню вопросов о локации и самочувствии, высказаться о моратории на смертную казнь и падении мировых цен на макрель, а под конец клятвенно пообещать неделю гулять, кушать витамины и делать по утрам зарядку. Очень хотелось самой задать сто и один вопрос, особенно о том, как можно сделать игровых персонажей такими... такими живыми. Куда более живыми, чем девяносто девять из сотни реальных, настоящих и уж точно живых посетителей ИЦ в Битце. Но Лиля испугалась. Вдруг Михаил скажет, что это зависимость или еще какая хрень, и запретит ей играть?

Черт. До чего неподходящее слово, играть, думала Лиля, шагая к метро Новоясеневская. Играть чужими жизнями и чувствами, пусть нарисованными, но... Если бы здесь был хоть кто-то, похожий на Эри! Если бы этому кому-то пришло бы в голову хоть посмотреть на белесую мышь...

"Не сходи с ума, девочка", - голос разума подозрительно походил на Настасьино контральто.

"Нельзя сойти с того, чего нет", - рассудительно ответила ей Лиля и зажмурилась, подставляя лицо теплому апрельскому солнцу, вспоминая то, июньское, и горячие губы псевдоанглийского мальчика. Или мужчины? Семнадцать здесь и семнадцать там - две большие разницы.

Вот попроси здесь мальчика зайца поймать - поймает он, как же! Не говоря уж про ободрать и приготовить! Лиля невольно улыбнулась, вспомнив двух пойманных Саксом зайцев. Первого они сожгли, потому что, пристроив над углями тушку, невесть с чего начали целоваться и спохватились, когда заяц совсем сгорел. Зато второго не дожарили - очень уж хотелось есть, а Лиля вовремя вспомнила, что горячее сырым не бывает.

А как он держался, когда на третий день пути (приехали бы куда раньше, если бы поторопились, только не хотелось - торопиться!) из-за кустов высунулись аж три классических отца Тука и сурово поинтересовались: кто, куда и зачем? При этом двое зловеще ухмылялись, а один до того выразительно поигрывал дубинкой! Лиля впервые порадовалось, что все здесь нарисованное. Встреться ей такие экземпляры в реальности - влезла бы на ближайшую елку без разбега! На самую макушку, и

плевать, что высоко! А Эри и бровью не повел. Нет, никакой он не мальчик. Настоящий мужчина, просто еще молодой.

А она - трусиха. Было страшно ночевать в лесу, хотя казалось бы, нечего бояться в игре. Было страшно идти к повстанцам, мало ли, что там за люди? Но за Саксом и в лагерь пошла. Только не поняла, почему они называют это лагерем? Обычная деревенька в лесу. От той, где жил Эри, отличается лишь тем, что домики маленькие, вкопаны в землю по самые слепые оконца, и женщин почти не видно. И скотины мало, всего пара лошадок, несколько коз на привязи и стадо гусей на опушке, под кустами ирги и боярышника.

Сакс тут же высмотрел деревенского шерифа, позвал ее: пойдем, отец уже извелся, надо успокоить! Да и тебе он рад будет. Тут стало совсем неприятно. Ну не должен, не должен нарисованный персонаж так себя вести! А если ведет - то какая же это игра? Она и сбежала. Пробормотала, что пора ей, и сбежала. Правда, не удержалась, пообещала вернуться. И вернется! Эри - он ведь такой...

"Такой, ага", - фыркнула воображаемая Настасья, обозвала ее мечтательной дурой и смылась. А Лиля достала из сумки детективчик в мягкой обложке, про страшную тайну древнего артефакта, и села в вагон. Надо было кровь из носу сегодня явиться в родную библиотеку, к ненаглядным гадюкам и пыльному Достоевскому. Детективчик был тут весьма кстати: пусть гадюки плюются ядом в ни в чем не виноватую Екатерину Лесину и ее "ширпотреб", а не в "лодыря и трутня, парткома на тебя нет". Что за дрянь такая партком, Лиля знала исключительно из Довлатова и уроков истории, но была твердо уверена: там заседают именно такие антикварные гадюки в крепдешиновых блузах.

К Молодежной детективчик кончился. Почти - последнюю страницу Лиля дочитывала на эскалаторе, чуть не сшибла старичка-одуванчика с палочкой и чуть не получила этой же палочкой по голове, вдобавок к матерной фиоритуре в три колена.

Гадюки в библиотеке встретили ее приветливыми оскалами. На "здрасьте" не ответили, - впрочем, как всегда, - лишь глянули на детективчик, театрально потеряли дар речи от возмущения и отвернулись, жаль, ненадолго. Лиля только и успела повесить куртку в шкафчик да переобуться, как за спиной зашипели хором, в хрустальную терцию:

- Явилась, краса! Иди в запасник, вчера вернули Гончарова - лохмотья одни, чинить надо.

Лиля вздохнула, проглотила "и вам здравствовать" и

покорно свернула в узкий проход между стеллажами. За три года работы здесь она твердо усвоила: единственный способ выжить в "дружном" коллективе - не отвечать на шпильки и не протестовать, что бы ни велели делать.

Ее остановило шипение Инны Юрьевны, змеюки особо ценной и редкой, каплей яда убивающей половозрелого слона:

- Делом займись, а то одни мужики в голове. Еще и сюда таскаются, все пороги истоптали, спрашивают - когда наша красавица соизволит на работу выйти!

Мужики?! Лиля чуть не засмеялась в голос. Какая проницательность! Вот были бы физиономии у гадюк, если б в библиотеку явился Эри! Его коса, куртка из оленьей кожи и здоровенный сакс за поясом, по которому и получил прозвание, привели бы их в полный восторг. До валокордина и коллективного письма в партком.

Змеюка, не получив реакции на яд, решила жертву додушить. Никак, возомнила себя дикой бразильской анакондой - это при росте-то в сто пятьдесят сантиметров с каблуками и шиньоном. Потопала этими самыми каблуками, толстыми, ортопедическими, от Gabor, и фыркнула:

- Снова грязи нанесла! Помой за собой, королевна.

Лиля вздохнула. За собой, конечно. Как поставила швабру четыре дня назад, в таком положении та и осталась. Уборщицы нет, ставку на правах главной забрала Инна Юрьевна, но не ей же мыть, в шелковой-то блузке и с высшим филологическим! И остальные дамы к швабре не притрагиваются, у них тоже блузы и образование.

- Не волнуйтесь, Инна Юрьевна, - сказала Лиля.

Хотелось добавить: в вашем возрасте опасно, но не стала. На весь день заведутся, не остановишь. А Гончарова и правда нужно чинить.

В покое ее не оставили даже в запаснике. Анаконда явилась следом, уселась напротив Лили и принялась зудеть. Должники не оповещены о сроках возврата, книг на ремонт полкоробки, а клей уже заканчивается. Хотелось бы знать, что наша принцесса себе думает - ей будут за просто так деньги платить? Или хахали все мозги застили?

- Что за хахали-то, Инна Юрьевна?

Она улыбнулась как могла мягко. Было в самом деле интересно. За все ее двадцать два года из хахалей был только Сенька, и тот - друг с песочницы, с ним и спать как-то неловко.

Анаконда поспешила плюнуть ядом:

- А я всех твоих хахалей наперечет знаю? Сопляк, лет семнадцать. Подсудное дело, между прочим - с малолетками

вязаться! Ни стыда, ни совести.

Лилю перекорежило. Сопляк?! Подсудное?! Вот то, что у них было с Эри, это называется "вязаться"?! Щука ты сушеная! Два года надо мной издеваетесь, хватит уже.

Она отложила Гончарова в сторону. Аккуратно. И улыбнулась. Так, как Настасья учила - о, Настасья много чему учила, целый курс актерского мастерства.

- Инна Юрьевна, а у меня с прошлого года еще две недели от отпуска остались, правильно?

Щука недоуменно сощурилась.

- И я их взять могу по необходимости, правда? - Лиля улыбнулась еще ласковее, пододвинула к себе ручку и чистый лист из пачки, всегда лежавшей на столе.

- Не можешь, - усмехнулась щука. - Я тебе ничего не подпишу. Взяла моду гулять!

- А и не надо, - согласилась Лиля. Быстро написала на листе несколько строк. - Я увольняюсь по собственному желанию. Прямо сейчас. А те две недели в счет отработки.

Вскочила на ноги и пошла прочь. Ощущение было такое, будто сбросила рюкзак с кирпичами. В полтонны. А работа... работу можно и новую найти. Уж Инны Юрьевны там точно не будет, а все остальное переживем.

Щука, может, и шипела что-нибудь вслед, но Лиля уже не слышала. Ей было хорошо.

Она выскочила из библиотеки, улыбнулась солнцу и стянула с головы нахлобученную было шапочку. Прятать ее в рюкзачок не стала - понесла в руке, небрежно помахивая. Купила мороженое в ближайшем киоске. И не торопясь направилась к метро - до сбора на Арбате было еще часа три, можно погулять. Мороженое поесть. Кажется, никогда ничего вкуснее не ела, чем это мороженое!

Буквально через десяток шагов она услышала странный звук: щелчок, второй. Не сразу сообразила, что так щелкает фотокамера. Удивленно обернулась - прямо в объектив. Длинный, никоновский.

- Великолепно! Не двигайтесь, прошу! - послышался знакомый голос, фоторазбойник отбежал на два шага, присел, нацеливая на нее камеру. - Умоляю, только не двигайтесь!

Лиля послушно замерла - с зажатым в одной руке, у самого рта, мороженым, и дурацкой ярко-красной шапочкой - в другой. А тут еще налетел ветер, растрепал завязанные в хвост волосы.

- А?..

Она не понимала, откуда он тут взялся. Бегает вокруг, щелкает, что-то восторженно бормочет. Ненормальный. Не

выдержала, засмеялась, испачкала нос мороженым, само мороженое уронила, но все никак не могла остановиться. Он все снимал, а она смеялась от солнца, легкости и свободы, до слез. Опомнилась, лишь когда ей в руку сунули платок, а руку приложили к лицу.

- У тебя шоколад на носу.

Заглянули в глаза, изучающе и будто голодно. У фотографа глаза были темными, почти черными, сам он был смуглым и улыбался тепло и свободно.

Пока Лиля вытирала слезы и шоколад, он что-то говорил. Приятное. О случайностях, которые не случайны, о редкостной модели, судьбе.

- ...Илья Блок, можно просто Ильяс.

- Блок должен быть Александром! - решительно заявила Лиля. - Илья Блок - это неправильно!

Снова рассмеялась.

- Увы, - он тоже засмеялся и развел руками. - Нет в жизни совершенства.

- Совершенство - это скучно. - Она задрала голову к небу, раскинула руки и покружилась на месте. Остановилась. - А я - Лиля.

- Надеюсь, не Брик? - Он сделал испуганные глаза.

- Даже не Юрьевна, и Маяковского не люблю, - улыбнулась она. - Лиля Тишина.

- Тишина? - он сделал ударение на последнем слоге. - Подходящая фамилия для флейтистки.

- Над этим все смеялись в музыкальной школе. - Лиля прищурилась на небо. Погулять еще, как планировала, или пойти пообедать? - Извините, Ильяс. Мне пора домой, велели режим соблюдать.

- Режим - это гулять и вовремя кушать, а не домой. - Он оглядел ее, словно необработанный кусок мрамора: прикидывая, что бы такого лишнего отсечь. - Здесь есть милый ресторанчик. Вегетарианский, - поспешил он добавить. - И Филевский парк, верба... Прости мою настойчивость, но он, - Ильяс погладил свой "Nikon", - влюблен. И всерьез. Ты ведь не откажешь?

Отказать она не смогла. Этот здоровенный бородатый дядька, - не дядька даже, не больше тридцати, интересно было бы глянуть без бороды, - так трогательно заглядывал в глаза! Словно щенок. Чушь, конечно, за щенка не сойдет даже молча и в темноте, пахнет не так, и властностью от него несет за километр. И благородным безумием художника, что Лиля всегда понимала и уважала. Ну и парк с вербой, конечно. Любопытство.

У Москвы-реки действительно вовсю распушилась верба.

Ильяс снимал Лилю - с вербами, лодками, утками и кудрявым младенцем лет полутора, одолженным у обалделой от такой наглости мамаши, - пока "совершенная модель", уставшая смеяться его шуточкам и просто так, от радости жизни, не взмолилась о пощаде и не призналась, что ей еще нужно на Арбат. Ильяс немедленно выразил готовность подвезти, но она покачала головой. Ни к чему это. У него еще наверняка дела, и у нее - свои. А фотографии... и так сделал сотню кадров, не меньше. Любопытство, правда, заедало, но спрашивать напрямую, как и зачем он нашел ее в тот раз на Арбате, не стала. Не хотелось услышать ложь, а в том, что скажет правду, она сомневалась.

- Увидимся, - сказал он, открывая перед ней дверь в метро.

Ни телефона, ни адреса. Ну да, увидимся. Или нет.

На мгновенье стало обидно, но Лиля быстро это бестолковое дело прекратила. Чихать на фоторазбойника! Через неделю можно будет снова в центр. И к Эри. Он не пахнет парфюмом за двести баксов, не целует ручки, а вместо ресторана кормит недожаренным зайцем. И вообще сопляк, дело подсудное. Было бы, если б он был настоящим, а не горстью пикселей. А на все чихать! Она имеет право хоть раз в жизни сделать то, что нравится, не оглядываясь на других.

Глава 6. Сакс

Время рассчитали неправильно. Тени уже удлинились и переползали лесную дорогу, а обоза все не было. Три часа в засаде, еще немного, и его пристрелят свои же. Нечаянно. И так еле убедил их рискнуть.

- Долго еще? - послышалось внизу, под кленом.

Мэтов племянник Хью, прозванный Ушастым за чуткий слух и сходство с ушастой белкой, шумно почесался.

- Заткнись и слушай, - очень тихо шикнул на него Охотник, тот самый, с состязания лучников.

- Еще не поздно... - снова завел свое ворчание Половинка.

- Тихо. Едут, - радостно и зло прошептал Ушастый.

Отряд из полутора десятков повстанцев, засевший в рябиннике по сторонам дороги, затих и растворился в желто-зеленых, с крупными красными гроздьями, зарослях. А вскоре за поворотом послышалось бряцанье, скрежет и скрип телег, конское всхрапывание и беззаботный солдатский треп. Стража не ожидала ничего опаснее бешеного зайца и прокисшего эля, слишком давно никто не нападал на обозы с десятиной. Так давно, что с обозом пускали всего по дюжине стражи. Конечно, для небольшого отряда и это было много - если учесть, что солдаты в кольчугах и с хорошим оружием. А у повстанцев лишь то, что взяли трофеями и что сделали свои кузнецы. Жаль, Дунк так и не пришел в себя, он бы сковал крепкие мечи...

Эти последние мгновения перед боем Сакс готов был думать о чем угодно, лишь бы успокоить бешено бьющееся сердце. Хорошо хоть рука на тетиве не дрожала.

А обоз уже весь вылез из-за поворота, и первые два конника почти дошли до метки... Так. Его, как договорились - правый. Стрелять под лопатку, чтоб сразу и наповал.

- Бей! - крикнул он, спустив тетиву и выдергивая вторую стрелу.

Еще десяток стрел вылетел из кустов справа и слева от дороги. Перепуганные лошади заржали, заметались, одна - под саксовой целью - упала, перегородив дорогу. Трое солдат рухнули сразу, еще двое - через миг. Дальше стало сложнее, стража подняла щиты, самый проворный успел выстрелить прямиком в листья, прежде чем схватился за торчащее из бедра древко - а из леса продолжали лететь стрелы.

- Остальных добить! - скомандовал Сакс, когда в обозе не осталось ни одного не раненого солдата.

Добивали деловито, стараясь не повредить кольчуги. Последний из трех асгейровых лучей, в самом начале боя успевший спрятаться под телегой, оттуда грозился божьим гневом, но вроде огнем не бросался и никого не заколдовывал.

Сакс положил руку на плечо Мэту, уже нацелившемуся в луча оторванной от телеги оглоблей.

- Погоди. Возьмем с собой. - И добавил для луча: - Вылезешь, щучий потрох, будешь жить. Нет - пристрелю.

- Глупо, - буркнул за спиной Половинка. - С лучами только и связываться, тьфу.

Буркнул тихо, но Сакс услышал. И не только Сакс - Мэт тоже пробормотал что-то вроде "оборони Матерь" и дважды сплюнул, отгоняя сглаз. Кто-то еще из остатков того же отряда, что Половинка, заворчал: на кой им в лагере луайонский выкормыш?

Не дожидаясь, пока щучье отродье вылезет, Сакс обернулся к Половинке.

- Когда спрошу совета, тогда и дашь. - А потом к Мэту: - Дунка не жалко? Они прокляли - они пусть лечат.

Ушастый поддержал:

- А не вылечит, сожжем!

Вылезший из-под телеги луч попытался под шумок улизнуть в рябину, но его увесистой затрещиной остановил Охотник. И, словно не слыша общего спора, заговорил о телегах, добыче и возвращении в лагерь. Он же, еще до нападения на обоз, предложил разбить и пожечь телеги подальше от дороги, чтобы щучьи прихвостни не сразу нашли, а если повезет, то обоз и вовсе пропадет бесследно. Так и сделали. Добычу навьючили на лошадей, тела прикопали под дерн в перестреле от дороги, и уже в сумерках пошли прочь. Лишь после полуночи Охотник, шедший рядом с Саксом, тихонько подсказал: пора.

- Привал! - скомандовал Сакс. - Костров не жечь!

Едва расседлав лошадей и пожевав сухомятки, повстанцы повалились спать. А Сакс, раздав дозоры и проверив лошадей, взял свою лепешку и подсел к Охотнику. Тот подпирал спиной старый граб и неторопливо правил нож о ремень - первый дозор выпал ему.

- Почему ты сам не водишь отряд? - почти неслышно спросил Сакс.

Этот вопрос грыз Сакса с первого похода - тогда еще в отряде отца. Совет командиров сразу рассудил: раз шериф, ветеран бесславной войны, привел почти десяток бойцов, то ему и командовать. Тем более один из отрядов только что был разбит - в самом обычном походе за провизией в ближнюю деревню

нарвались на стражу местного нобля, и лишь четверо унесли ноги. Вот эти четверо и присоединились к новеньким. И еще Охотник - к его слову прислушивались все, даже командиры. Он легко брался за самые опасные дела, никогда не отступал и стрелял, как герой легенд - именно такими, по мнению Сакса, и должны быть повстанцы. А не трусливыми огородниками, как Половинка.

- Предпочитаю работать в одиночку, - так же тихо ответил Охотник.

Сакс усмехнулся, вспомнив эту одиночную работу: пойти и разведать, а заодно показать глупому мальчишке, что из службы щучьим прихвостням не выходит ничего хорошего. Злость на сбитый выстрел давно прошла, а когда Сакс задумался, что бы вышло, если б он тогда не промахнулся... Верно, брат бы не проспорил принцу и не показал бы себя во всей красе. И понял бы Сакс, в какое дерьмо влип, когда было поздно. Или вообще не понял. А с Лиле бы он тогда, верно, и вовсе больше не встретился. Нет, все к лучшему.

- Тогда почему пошел в отряд отца, а теперь помогаешь мне?

Несколько мгновений Охотник молчал, потом хмыкнул.

- Потому что ты молодой и глупый. Я слишком стар и осторожен, чтобы нападать на обозы и разжигать десять лет как угасший костер. А у тебя, быть может, что-то получится. Если не сдохнешь раньше. И если не... - умолк, отцепил от пояса фляжку. Сделал длинный глоток. Убирать не стал, продолжал вертеть в руках и словно о чем раздумывал. - Не станешь слишком уж доверять всяким... покровителям. Они играют на своей стороне. - Еще помолчал и повторил чуть громче: - Всегда играют на своей стороне. И прикармливают молодых дураков, чтоб было кого спустить на противника.

Сакс нахмурился: покровитель у повстанцев только один, лорд Мейтланд - не просто лорд, а целый тан и кузен короля. Сакс видел его лишь однажды, и Мейтланд ему понравился. Держался гордо, но без высокомерия, называл повстанцев братьями, рассказывал, как им будет хорошо без луайонцев, с родными добрыми лордами и низкими налогами - без асгеровой-то десятины. И, в отличие от принца Артура, лорд Мейтланд не сверкал доспехами и с аппетитом ел пресную лепешку из грубой муки.

- Одна у нас сторона. Тейрон, - буркнул Сакс.

- Оно так, - покивал Охотник. - Только править могут Бероуки, а могут и... не они. Да и рыбников можно гнать, а можно... - Махнул рукой. - Я сказал, другой раз смолчу. А ты

думай.

Не Бероуки? Это как же не Бероуки? Полтысячи лет были Бероуки, с того самого времени, как Тейрон стал Тейроном, а тут вдруг... Мейтланды? Нет, не может такого быть. Лорд же говорил, что верен своему брату королю... Троюродному брату, но кровь-то одна! Он же присягу давал, все лорды дают. На крови, перед Отцом и Матерью. Темнит что-то Охотник.

- Думаю, ага, - кивнул Сакс и пошел вокруг лагеря.

Спать хотелось до одури, но он же командир. Отец, когда его ранили рыбники, доверил отряд Саксу, а не Половинке, хоть тот и предлагал, хоть у того и опыт, и старше он, Саксу в отцы годится. От дум про отца сон слетел, а навалилась тоска. Застанет ли он отца живым? Пять дней тому, когда уходили из лагеря, отец метался в лихорадке. Рана поначалу показалась несерьезной, перевязали на месте, и в лагере Фианн взялся лечить отца, промывал рану ромашковым отваром, лепил на нее паутину и всякие листья. А отец слег, и чем дальше, тем ему было хуже. Когда уходили, он Сакса и не узнал, принял за среднего сына, Грэма, что сгинул на военной службе.

Утром, за завтраком, вышла ссора. Когда Сакс велел Ушастому покормить пленника, поднял голос Половинка:

- Руки ему не развязывай. А как поест, сразу заткни рот. А то наколдует чего.

Ушастый кивнул, отломил кусок лепешки и пошел к лучу. А Половинка угрюмо зыркнул на Сакса.

- Только хлеб переводить на ублюдка.

Сакс отложил свою лепешку и, прищурившись, глянул на него в упор. Но Половинка не угомонился, а бойцы притихли, насторожились.

- Сразу бить надо было. Теперь точно нас проклянет. За десятину. Да еще мудрые озлятся, беда бу...

- Заткнись, - велел Сакс; кое-кто из бойцов недовольно заворчал, пока под нос и неразборчиво.

- Не тебе указывать, мальчишка, - разошелся Половинка, чуя поддержку. - Подведешь нас...

- Заткнись и послушай, огородник, - так же тихо повторил Сакс. - Вы сидите в своих норах, не смея высунуть нос, грабите своих же, деревенских, защитнички ллировы. А как только дело дошло до прищемить щукам хвост - порскнули в кусты. Ты боец или заяц?

Половинка набычился, схватился за нож и открыл рот, но Сакс его оборвал:

- Зайцы нам не нужны, так что дойдем до лагеря - и проваливай. А посмеешь еще вякнуть в походе, повешу как

предателя.

- Один останешься, с такой-то прытью. - Половинка хмыкнул. - Храбрый гусенок.

Поднялся и пошел к своей лошади. Остальные, быстро дожевав, тоже принялись быстро и молча собираться. Половинку не поддержали, но и Сакса тоже. Зайцы. Щучьи подстилки.

- Зря ты так, Даро, - укоризненно шепнул ему Мэт, догнав уже на тропе. - Щуки не простят потерянного обоза, начнутся облавы. А нас слишком мало.

- И будет еще меньше, Мэт, - так же тихо ответил Сакс. - Если мы станем такими же зайцами, то следующего кузнеца просто сожгут, и никто не посмеет за него заступиться. Ты этого хочешь? Чтоб твоего Ушастого потащили на костер, а односельчане смотрели и сетовали, что прозевали злого колдуна?..

- Тише ты, разошелся. - Мэт покачал головой. - Да прав ты, только вот... эх...

- Не эх, а прав, - поравнявшись с ними, сказал Охотник. - Глядишь, этак-то и не сдохнешь.

- А, вот оно что... - протянул Мэт, глянув на Охотника. - Пойду я, чего на обед подстрелю.

Мэт растворился в лесу, Охотник тоже, но с другой стороны. Сакс остался во главе отряда один.

- А мы с Пирсом в Ротенбит пойдем, - бросил Ушастый за спиной; его навьюченная добычей из обоза лошадь согласно фыркнула. - Вот отоспимся - и сразу. Мать навестим, рыжей вдовушке крыльцо поправим. А, Сакс? Пошли с нами?

- Пойдем. Мать навестить надо, - снова подумав об отце, согласился Сакс.

Про рыжую вдовушку и мельникову сестру ему думать вовсе не хотелось, а вспоминалась снова Лиле. Правильно она ушла, хоть и жаль было отпускать. Но девице не место в лагере, среди голодных и озверевших без женской ласки мужиков. А фейри - тем более не место. Найдется еще какой умник, испугает ее железом - тогда Саксу ее вовек не найти.

До первых дозоров добрались перед самым закатом.

- Откуда столько добра-то? - послышалось из кустов прежде, чем оттуда вывалился на тропинку смешливый вихрастый паренек с рукой в лубке. - Никак, щучьего короля обобрали?

- Короля не короля, а асгейровых разбойников пощипали, - похвастал Ушастый.

- Да ну?

Паренек вытаращил глаза, а Ушастый принялся заливать: они-де герои, огненного змея, что мудрые напускают, не испугались, да стражи немерено положили, да щучий король теперь все локти искусает! Сакс поморщился: а ведь пару месяцев назад он бы и сам вот так, про полсотни стражи и колдовство, да на всю деревню. Дурной был, что твоя Тянучка.

- Хватит уже, - оборвал Сакс Ушастого. - А то еще кто поверит в змея-то.

Вихрастый паренек разочарованно вздохнул: уже поверил.

- Долго вы, - сказал Саксу. - Невеста твоя заждалась.

Какая-такая невеста, хотел переспросить Сакс, но подумал - если паренек верит в огненных змеев, такого понарасскажет, что мало не покажется. Лучше самому выяснить. Потому только кивнул и прибавил шагу. А паренек все выкладывал новости, соскучился, видать, в дозоре сидеть и на клены глядеть.

-...а старик Фианн и говорит, колдовство все это!

Кажется, он все же пропустил в трепе вихрастого что-то любопытное.

- Колдовство? - переспросил он.

- Ага! Настоящее колдовство! Не может быть, чтоб кузнец ваш безо всякого колдовства раскаленное железо руками хватал. И асгейрова вода на него показала, и память он потерял, потому что колдуны, коли колдовать не могут, вмиг становятся как дети малые.

- Сам он разум потерял, - буркнул Сакс. - Мелет чушь, а ты и веришь.

- Не чушь, я сам видел! - обиделся парнишка. - Дунк прям так и нес котел с похлебкой, с огня снял и нес, а котел-то горячий, я попробовал!

В доказательство парнишка предъявил обожженный палец.

- Вот и говорю, чушь. Раз память потерял от того, что колдовать не может, как же он горячий котел-то взял и не обжегся?

Охотник за спиной фыркнул и тоже влез:

- Ты, сынок, с пятидесяти шагов в оленя не попадешь, а я с сотни белку подстрелю. Тоже, скажешь, колдовство?

- Ой... и верно... - парнишка задумчиво почесал в затылке, глянул на Сакса, потом на Охотника.

- То-то же, - хмыкнул Охотник. - Смотри, этак сам к мудрым за благословением пойдешь, а потом и в щучью стражу, десятину со своих же драть.

Парнишка аж споткнулся.

- Да я... да никогда... да чтоб мне... - насупился. - И вообще, я в дозоре. Недосуг мне, проходите быстрей.

- Вспомнил, надо же, - удивился Охотник. - Не безнадежен.

Так в лагерь и вошли: впереди Сакс с Охотником, следом отряд, а Половинка отдельно, сам по себе. После обеда, Сакс видел, он шептался со своими. Верно, о молодом да глупом командире. К Мэту тоже подходил, но Мэт его послал в ближнее болото, с лягушками квакать.

Охотник задумчиво глянул на Сакса. Погладил бороду и буркнул:

- Иди-ка ты домой. Посмотри, как отец. Сам видишь, про подвиги и так найдется, кому рассказать

- Да уж найдется. - Сакс оглядел своих бойцов, складывающих добычу на застеленной бревнами площадке посреди лагеря, и помогающих им повстанцев из тех, что либо на отдыхе, либо вовсе не покидают лагеря. - Если что, ты же меня позовешь?

- Позову. Иди.

В последний раз оглянувшись на Половинку, о чем-то шепчущегося со стариком Фианном, Сакс побежал к дому. Не то что дому, так, оставшейся от кого-то из погибших бойцов землянке под крышей из дранки и дерна. Надо бы стены еще обшить изнутри деревом, а то отец зимой замерзнет, да и сейчас уже дожди холодные.

Сумка с сыром, яблоками и новой рубахой для отца хлопала по боку. А Сакс, придерживая ее, старался не думать о том, что он будет делать, если отец... нет, оборони Матерь, не мог он...

Он так боялся увидеть пустой дом, что едва не столкнулся с кем-то у собственного порога. Буркнул извинения, поднял взгляд - и подавился.

- Отец?

- Что, сынок, не ожидал? - Крепко обнял, потом отстранил, на вытянутую руку. Присмотрелся и снова улыбнулся. - Вижу, с удачей вернулся. Молодцом.

Сам отец выглядел не очень - бледный, постаревший, опирается на палку. Но зато - живой. Живой! И от лихорадки уже ни следа, за неделю!

- Как?! - выдавил Сакс, оглядывая отца с ног до головы.

- Невеста твоя выходила, - отец хлопнул его по плечу. - Хорошая она у тебя. Матери понравится.

Сакс окончательно перестал понимать, что происходит. Огненные змеи, невесты, чудесные исцеления - как-то оно было слишком.

- Я пойду с Охотником поговорю, - понял его по-своему отец. - А ты иди в дом, иди. Небось есть хочешь. Наговоримся

еще.

Кивнув, Сакс проводил отца взглядом - как тот, прихрамывая и опираясь на крепкую палку, скрывается между домишками. Про сыр и яблоки вспомнил, поздно - не орать же было на весь лагерь. Ну и ладно. Раз тут невеста, отец не голодает. Тьфу ты, оборони Матерь, невеста-то откуда?!

На пороге дома задержался, прислушался: там что-то звенело и вкусно пахло. Вздохнул, готовясь с порога объяснить девице, что нет и не было у него никаких невест, и не надо ему никого - и откинул закрывающую проем оленью шкуру. Девица стояла у очага и что-то мешала деревянной ложкой в мамином медном котелке. Обернулась, сощурилась от света и неуверенно спросила:

- Эри?..

В первый момент Сакс подумал, что ему уже мерещится от усталости. А в следующий - прижимал ее к себе, искал губами губы и беспорядочно шептал:

- Это ты, правда ты? Лиле, как же... останешься?

А Лиле смеялась и кажется, плакала, и гладила его по лицу.

- Я так боялась! Тебя не было, когда вернешься - не знают... Я с вами буду ходить, я лечить умею. Ты другой совсем, Эри, сколько меня не было?

Сакс, наконец, поймал ее губы и окончательно поверил, что это не сон. Сон не бывает таким сладким, не пахнет земляникой, дымом и капустой вперемешку.

- Долго, целых два месяца. А с нами опасно. Ты лучше тут лечи, у нас бывает много раненых.

- Нет, с тобой. Я много могу, не только лечить. Пусти, пусти, а то пригорит...

Не пустил, только котелок снял с огня и потянул к лежаку, а она не протестовала, сама забыла про котелок и путалась пальцами в завязках и застежках... Но до лежака они не добрались. Помешал пронзительный визг Фианна - слов Сакс не разобрал, но чтоб так визжать? Совсем старик плох. Лиле тоже напряглась, оставила в покое застежки и прислушалась. Тут визг повторился, а в ответ ему - сердитый бас, да так рявкнул, что твой медведь.

Отстранив Лиле, Сакс бросился на ссору. Лиле - следом. Он мельком подумал, что зря это она, но останавливать не стал.

Рявкал Томас. Навис над стариком, наливаясь дурной кровью, сжимал кулачищи - уже почти как у Дунка!

- ...ни на медяк добра от щук не видели! Они с отцом вон чего учинили, из-за них дыхнуть не моги! Правильно Сакс их перебить велел, и десятину - правильно, у наших же отобрали, у

тейронцев!..

А старик Фианн, словно не видя кулаков, снова заорал дурниной:

- Отступник он! Колдунов очистить не дал, колдунью привел, беду на всех накликал! Что ж вы, не видите, Асгейр добрый, все видит, своего сына нам послал, а вы его вяза-ать!.. - на последнем слове снова сорвался на визг.

Тут Томас не выдержал, замахнулся. Сакс еле успел подскочить и схватить за руку.

- Оставь старика, он совсем ополоумел, - глядя в красные и безумные томасовы глаза.

Остальные пока лишь смотрели - и отец, и Охотник, и остальные повстанцы. Среди них Сакс краем глаза заметил полуседую-полурыжую голову: Половинку. А Лиле остановилась чуть поодаль и заиграла на дудочке. Сакс только и успел удивиться, что это она вдруг удумала, как Фианн стукнул его палкой и завопил:

- Опомнись, глупый! Отдай колдунью Асгейру! Она ж тебя заворожи-и... - и затих, сгорбился. - Заворожила, обманула, беду наведет, - повторил шепотом.

И Томас успокоился, потер кулаком глаза и вздохнул:

- Точно ополоумел старик. Пойду я к отцу в кузню.

Приятель пошел прочь, а Сакс даже не успел спросить - неужели Дунк опомнился, что в кузне? И Фианн побрел с площади, тяжело опираясь на палку и бормоча под нос что-то тоскливое. А Охотник непонятно хмыкнул, кивнул Саксу, а потом глянул на остальных командиров.

- Все слышали, что Половинка говорил? Парень глупый, нахальный, лезет на рожон и не слушает старших. Я же вижу другое. У парня голова на месте: не растерялся, не наделал глупостей. Советы парень слушает, только не дает сбить себя с толку. А что до старших, сами видели, заступился за старика. Кузнец его пришиб бы, как пить дать. Или кто хочет спорить?

- Все равно на обоз зря напали. Ты ж сам говорил, опасно это, - покачал головой один из трех командиров.

- Во-во, - поддакнул Половинка. - У парня в голове ветер, а нам тут еще жить.

- Опасно, - кивнул Охотник. - А ты хотел безопасной войны? Так не бывает. Жить вообще дело опасное, можно отрубить ногу, когда дрова колешь. Что ж теперь, зимой мерзнуть? А ты, Половинка, вечно собрался в лесах прятаться? Так на кой тебе дом - вон, вырой нору, за барсука сойдешь.

Половинка оскорбленно фыркнул, но больше не спорил. Командир тоже - нахмурился, почесал бороду и кивнул.

Странно это было. Охотник говорил так же, как отец, когда к нему приходили деревенские, споры решать. Говорил, как главный, и все его слушали. Только главным не положено ходить простым бойцом в отряде мальчишки, и в разведку одному не положено.

Верно, Охотник заметил саксово удивление, подмигнул ему и громко, для всех, сказал:

- Я думаю, оставим парню его десяток. Остальные четверо могут присоединиться, если хотят. Кроме Половинки. Трое, значит.

Усмехнулся и засвистел какую-то песенку, мол, все сказал. Лиле на эту песенку вздрогнула, уставилась на Охотника во все глаза. Прошептала что-то похожее на "опасна и трудна, точно" и вылезла вперед, взяла Сакса за руку.

- Я с Эри буду ходить.

Охотник присмотрелся к ней и усмехнулся.

- А пусть ходит. Нам никакая помощь не лишняя. - Не дождавшись возражений, пошел прочь, как раз мимо Сакса. Задержался, хлопнул его по плечу, правда, смотрел почему-то на Лиле. - Что, пригодилось везение? То-то же.

И снова засвистел.

Глава 7. Сакс

- Да будешь ты отвечать, щучий потрох?

Асгейрово отродье, привязанное к грабу, не шелохнулось.

- ...разгневался Асгейр-Солнце на отступников, и настала Великая Сушь на той земле, и иссякли источники, и сгнили посевы, и кричали младенцы в утробах матерей своих... - продолжал луч нараспев читать испоганенные древние легенды.

Сакс оборвал речитатив оплеухой и, схватив луча за коротко стриженые лохмы, заглянул в мутные глаза.

- Я не хочу пачкаться твоей проклятой кровью, но если придется... - сказал совсем тихо, чтобы Лиле не слышала. - Хотя пальцы можно переломать и без крови.

Луч продолжал смотреть вдаль, а Сакс выругался про себя: угораздило же его согласиться, чтобы Лиле пошла с ними! Ей, мол, все равно, что он будет делать с пленником, хоть резать на ремни. Она не будет смотреть и слушать, у нее дудочка и природа, и вообще, война же, что она, не понимает? И Охотник хорош. Пусть-де дочка погуляет, поиграет со зверушками. Ей полезно.

Забавно, но шутка Охотника, мол, Лиле - дочка его родная, от фейри прижитая и вот прямо чудом нашедшаяся, внезапно оказалась очень похожей на правду и прижилась в лагере, будто бы так и надо: вчера впервые повстречались, а сегодня уже дочка. Было между ними что-то схожее, не столько во внешности, сколько в том, как и о чем говорили. Словно впрямь родня. А повстанцы так и вовсе поверили. Видно, так оно проще - если понятно, кто девица и откуда, а не из волшебного холма вышла. Из холма - то для легенд и баллад, а Лиле своя, настоящая. Охотникова дочка, и все тут.

Лиле и в самом деле не смотрела, как Сакс бьется с упрямым щукиным сыном, дери его сворой. Что-то наигрывала, присев на поваленное дерево, а сейчас и вовсе ушла к кустам боярышника, откуда слышалось довольное похрюкивание и хруст веток. А Охотник, так и не сказавший имени, и которого Лиле почему-то называла Кожаным Чулком, - когда не батюшкой, да с поклоном, - сидел на том же дереве и глядел на саксовы мучения. Пожалуй, пора отсылать Лиле в лагерь и ломать лучу пальцы.

Видимо, Охотнику тоже надоело. Хмыкнул и со странной интонацией сказал:

- Неправильно ты бутер... ты с ним разговариваешь, - поправился и снова хмыкнул. - Посторонись, пусть щучий сын посмотрит, чем развлекается моя доченька. А потом продолжим.

Сакс пожал плечами, но отодвинулся, сам обернулся - и вздрогнул. Руки сами дернулись к луку и тетиве. Из кустов боярышника торчал довольный бурый пятак, а Лиле, шепча что-то ласковое, чесала подсвинку уши и трепала по холке. Кабанчик, - раза в полтора тяжелее нее, - жмурился и хрюкал, переступая копытцами. Асгейрово отродье тоже хрюкнуло и прошептало:

- Не надо.

Охотник, тоже приготовивший лук, просто на всякий случай, все с того же дерева ответил, этак ласково, по-отечески:

- Надо, лучик, надо. Не будешь умницей, моя девочка из тебя душу вынет и на дудочку намотает.

Луч тяжело сглотнул, вытаращил глаза - и охнул одновременно с треском куста, басовитым хрюканьем и тихим проклятием Охотника. Выдергивая стрелу, Сакс обернулся и выстрелил навскидку, прямо в здоровенную клыкастую морду, торчащую из боярышника всего в трех шагах от Лиле. Охотник метнул нож, в ту же морду, одновременно с Саксом. Кабаниха тяжело рухнула, дергая копытами и ломая куст, Лиле отскочила и завизжала, а подсвинок обиженно хрюкнул и пошел на нее. Мстить за мать или требовать ласки, Саксу было все равно. Он снова выстрелил - попал кабану в шею, и еще... остановился лишь после третьей стрелы, - хотя в туше почему-то торчало шесть, - когда кабанчик осел в траву и затих.

Охотник опустил лук и дрожащей рукой вытер лоб.

- Чистое везение... чтоб матерого кабана с одной стрелы... - И тут же нахмурился, словно сам на себя разозлился. - Так, парень. Как Дунка лечить, луч не знает. А раз не знает, то он нам не нужен.

Луч завопил, как будто его уже резали. Нечленораздельно и пронзительно, про "не отдавайте колдунье!"

Но Саксу было не до него. Лиле, метнувшаяся в сторону от кабанчика, запуталась соседнем кусте, дернулась раз, другой, исцарапалась, и сейчас замерла, дрожа и даже не пытаясь освободиться.

- Маленькая, тише, все уже, - шепнул Сакс, выпутал ее из веток и на руках отнес к поваленному дереву.

Она сначала вцепилась ему в куртку, потом смущенно и по-девчоночьи шмыгнула носом и разжала пальцы. Присела на дерево, рядом с Охотником, и уставилась вроде в никуда, а получилось - на луча. Тот на мгновенье замолчал, а потом завыл и забился. Охотник досадливо стукнул по стволу кулаком.

- Да он так на нас еще какую пакость наведет! Слышь, парень, уведи-ка его. Сам понимаешь. А я костром займусь, раз уж у нас мясо само пришло.

Кивнув, Сакс занялся лучом: стукнул рукоятью ножа в висок, чтоб замолчал, развязал веревку и связал луча заново, руками назад. Заткнул ему рот комом травы. Чтобы не тащить на себе, пришлось плеснуть лучу в лицо из фляги, и только тогда вести прочь. Луч не вырывался, лишь косился на Лиле, пока полянка не скрылась из виду.

- Ну, расскажешь кое-что, или вернемся? - спросил Сакс, прислонив луча к толстому ясеню.

Луч закивал и замотал головой, мол, что угодно, только не к колдунье!

- Вот и хорошо, - буркнул Сакс, жестом приказывая лучу сесть и устраиваясь напротив, прямо на травянистой кочке. - Вот теперь и поговорим...

Сакс не очень надеялся, что луч много знает. В конце концов, лучи - всего лишь охрана и тягловая сила. Но этот рассказал много - правду пополам со слухами, а что-то и сам выдумал, чтоб чуть дольше пожить.

Прежде всего Сакс спросил, что мудрые сотворили с кузнецом. Питье такое, ответил луч, из особых трав и зачарованное, чтобы добрым людям на здоровье, а колдунам на погибель. От того питься колдуны становятся слабые и послушные, что им мудрый с асгейровам солнцем ни прикажет, все исполнят, хоть мать родную убьют. А жгут колдунов для того, чтоб не наступила снова Великая Сушь. Чем больше колдунов принести в жертву, тем добрее Асгейр и дальше Сушь. Вот когда колдунов вовсе не останется, тогда и Суши не будет, мертвые земли оживут, вместо пустыни станет море и наступит благодать...

Хрустальные сказки это, фыркнул Сакс. Луч возмутился - не сказки, так сказано в священных книгах! От колдунов все беды, они и солнечную волшебную силу крадут, и Сушь вышла от колдунов! Раньше-то, пока демоны, которых чтите богами, не осквернили Хрустальный город, были только фейри и люди, никаких поганых колдунов.

Так что там с фейри, переспросил Сакс луча, снова начавшего нараспев читать Солнечную Книгу - о могуществе Асгейра, о том, что мудрых даже короли должны слушаться и чтить, ибо они суть голос бога. Луч осекся, нездоровый блеск в его глазах потух.

Мало осталось фейри, сказал, ищем их повсюду, выманиваем, а они не ловятся и сами к мудрым не идут. Вон

сколько раз ходили к Девьему озеру, там точно фейри живут! А ни разу не нашли. Глупые фейри прячутся, забыли своего истинного бога, и озеро свое прячут. Его никто увидеть не может, даже если тейронца в проводники взять, все равно заплутают и ничего не найдут. Как зачем фейри? Не в жертву, ты что, как можно! Их сам Асгейр ждет в Хрустальном городе, там медовые реки и сырные холмы, пироги на деревьях и летучие кони, все как встарь было. Только потаенная тропа, что ведет в город, не открывается ни людям, ни колдунам, только фейрям.

В сырные холмы Сакс не верил, и в то, что в Тейроне в каждой деревне по десятку колдунов, тоже. Но луч понизил голос, привык, видно, бояться своих мудрых, и зашептал: да их столько, что на костры надо целый лес! Думаешь, нужна Луайону ваша тощая земля? Да плевать хотели мудрые и на Тейрон, и на Луайон! Им колдуны нужны - и порядок. Вот будет империя без колдунов, будет большая армия, пойдем и дальние земли обращать в правую веру! А тейронских колдунов всех предадим очистительному пламени, даже тех, которые лорды. Да что там, и в королевской семье, говорят, колдунское семя проросло! Вот как только принц Артур взойдет на трон и родит сына без дурной крови, тут-то и настанет большой праздник: всем колдунам смерть, добрым людям счастье. И тебе будет счастье!

Луч еще понизил голос:

- Возьми амулет, своей кровью напои, чары-то с тебя все спадут! Тебя ж колдунья заворожила, глупый, совсем пропадешь, молодой совсем, не жаль головы-то? Дождись, пока уснет, свяжи ее, рот заткни и надень амулет на шею, она колдовать не сможет - а ты ее Асгейру отдай. Асгейр добрый, милость тебе явит, и мудрые золота дадут, а то и в лучи возьмут-то, ты только...

Сакс оборвал его затрещиной. Луч замолк, подавился своим ядом.

- Кострами себе счастье покупаете, щучьи дети? Мне такого не надо.

Оставив тело волкам, Сакс пошел обратно. После долгого допроса зверски хотелось есть, а еще больше хотелось добраться до кого-нибудь из мудрых и показать ему девочку с дудочкой. Что-то Саксу подсказывало, что и мудрый бы разговорился, а пользы от мудрого уж всяко было б больше, чем от луча.

На полпути унюхал одуряюще вкусный запах жареной свинины и прибавил шагу, но у самой поляны остановился, тряхнул головой: нет, не померещилось. Охотник и Лиле в самом деле негромко пели на два голоса, то и дело сбрызгивая водой жарящееся над углями мясо. Прислонившись к дереву, Сакс слушал их песню - чужая мелодия манила, звала, только он не

понимал, куда и зачем. Верно, это тоже волшебство фейри...

- *Душа моя будет рядом*, - нежно и тоненько выводила Лиле, ей вторил хриплый, но на удивление приятный голос Охотника. - *Твои сновиденья до рассвета охранять*.

Он так и стоял, пока они пели:

И ты не узнаешь, как небо в огне сгорает,
И жизнь разбивает все надежды и мечты.
Засыпай, на руках у меня засыпай,
Засыпай под пенье дождя...
Далеко, там, где неба кончается кра-а-а-й
Ты найдешь потерянный рай.
В мире снов...

Странная это была песня. А еще удивительнее - откуда бы Охотнику знать песни фейри? Лиле в лагере не пела, только играла на своей дудочке, и то по необходимости: лечила или успокаивала.

Хотя, подумал Сакс, ведь и Охотник был молодым. Кто знает, нет ли доли правды в его шутке? Когда-то и он, быть может, встретил фейри. И потерял. Наверное, потому и разрешил взять Лиле в отряд, и дочкой зовет. Как будто хочет им дать больше времени... Сакс даже поморщился, такая это была неприятная мысль. Нет, он-то Лиле не упустит. Подошел к костру, сел рядом с ней. Лиле прислонилась головой к его плечу и счастливо вздохнула. Охотник только усмехнулся и протянул Саксу кусок сочного, вкусного, самую малость обугленного мяса на палочке.

Пару дней после того допроса Сакс думал о том, что сказал луч. Вот ведь что получается - мало освободить Тейрон от захватчиков, надо прогнать мудрых! А это куда труднее, рыбников никто не любит, а асгейровы слуги - другое дело. Им же верят, многих и костры не пугают, вот как Фианна, а сколько в Тейроне таких Фианнов! Поговорить бы об этом с Охотником, но Охотник ушел в тот же вечер, сказал, пора проведать повстанцев из Элмброка. Один обоз - мало, если уж разжигать из вашей искры пламя, то от души! Сакс согласился, что одного раза мало. Мудрые только начали собирать осеннюю десятину, если поторопиться, можно захватить еще два или три обоза.

- Не слишком наглей, но и трусов не слушай, - подмигнул Охотник и пообещал вернуться не позже, чем через неделю.

На третий день отец разбудил до рассвета и велел собираться.

- Надо мать навестить, а то, как приволок щучьего сына в лагерь, так и забыл, что собирался в Ротенбит.

Сакс только вздохнул: отец прав, надо навестить маму.

Лиле, услышав про маму, сначала оробела, а потом махнула рукой - в деревню так в деревню!

Родня Дунка встретила их приветливо - мало того, что шериф Гарт спас двоюродного брата хозяина дома, Гвенда и Джейн пришли не нахлебницами, а привели корову, кобылу и пару коз, да и деньги, что готовили на уплату десятины с двух семей, остались при них. Вот только мужчин в доме почти не было, лишь сам хозяин и его внук, парнишка тринадцати лет. Старшего сына давно еще повесили луайонцы за речное браконьерство, младшего забрали служить королю.

Маме Лиле понравилась, Сакс это понял сразу, по глазам. И еще по тому, что мама сначала обняла отца, потом его, а потом и Лиле тоже. Фейри сначала растерялась, руки опустила, а потом тоже прильнула. Подумалось, что Лиле напомнила маме его, саксову, маленькую сестренку, она тоже беленькая была.

А вот на отцову хромоту мама смотрела так, что стало ясно - как только уйдут, будет плакать. Да и отец с такой тоской вспоминал своих лошадок! Вот если бы его оставить с мамой хоть до весны, только страшно же. Это женщин мудрые и за людей не считают, им что корову в село привели, что женщину. А мужчину, если он не старик и не мальчишка, будут расспрашивать, кто и откуда, не из армии ли сбежал, а то, может, разбойник? Поделился опасениями с Лиле. Фейри задумалась, нахмурилась было - и тут же просияла. И объяснила - она такую песню сыграет, что никакие мудрые Гарта не тронут. И никого в доме не тронут. На одну семью ее дудочки хватит.

- Только кузнецовой родне не говори, что за песенка, - предупредила Лиле. - Кто меньше знает, крепче спит.

Сакс согласился. После того допроса он на многое стал смотреть иначе.

А поздним вечером, когда вернулись в лагерь, их прямо у дома встретили четверо парней. Одного из них Сакс точно видел на площади, когда Томас чуть не подрался с Фианном, остальные были из того отряда, что вернулся вчера.

Самый старший, по виду - мелкий и щуплый, а на самом деле ловкий и быстрый, сразу спросил:

- Мы, это. К тебе в отряд хотим. Ты, говорят, щучьих детей скоро бить пойдешь, так мы с тобой. Нашего десятника подстрелили, теперь Половинка водить хочет. Чем к нему - лучше к осам в улей.

- Надоело по норам-то, чай не барсуки, - прогудел другой,

верзила-молотобоец.

- Послезавтра выступаем. - Сакс кивнул сразу всем. - На рассвете. Опоздаете - ждать не буду.

Парни покивали и пошли прочь, а Лиле хихикнула, сжав саксову ладонь, и шепнула:

- А ты настоящий вождь команчей.

Сакс только хотел переспросить, что это за команчи такие, но Лиле потянула в дом, и он так и не спросил. А потом и вообще забыл.

На второй день, перед рассветом, когда Лиле собрала завтрак, Сакс заметил, что она беспокоится. Она и старалась - не показать, даже улыбалась, но дудочку в пальцах так и крутила. Испугалась, наверное. Правильно, фейри на войне не место - Сакс ей даже предложил остаться дома. А она чуть не обиделась. И сказала:

- Ты-то не остался бы, как ни уговаривай!

Сакс даже опешил - он мужчина, ему и воевать, как она сравнивать-то может!

Лиле фыркнула, потрепала его по щеке, словно жеребенка, и как отрезала: идем, вождь команчей, бледнолицые ждать не будут. Больше Сакс не предлагал остаться. Фейри - это не деревенская девка, вон и слова какие волшебные говорит. Луайонцы-то и в самом деле бледные, что твои поганки.

Отряд вырос - вместо Половинки и Охотника пришло аж пятеро бойцов, пятый - почти старик, лет под пятьдесят, только сбежал из города. На мудрых ругался страшными словами, но чем обидели, не сказал, только поклялся, видно не в первый раз, что будет эту сволочь бить насмерть, как только увидит.

- Насмерть это правильно. Но если собираешься лезть поперек и думать только о мести, лучше сразу уходи, - предупредил его Сакс. - У меня отряд, а не банда. Колдунов-то не боишься?

- Ничего я не боюсь, - хмыкнул новенький и глянул на Сакса по-новому, с уважением. - А хороший колдун, он целого отряда стоит.

Лиле быстро отвернулась - улыбку, наверное, прятала.

А на следующее утро, когда были почти на месте, вдруг опять забеспокоилась. Дернула Сакса за рукав и сказала - расходиться нельзя. Лучше в одном месте встаньте и ничего не делайте, пока я не скажу. Сакс удивился, а остальные рассердились не на шутку. Новое дело - девка пытается командовать! Да еще вон какие глупости лепит!

- Не девка, а боец, - рыкнул Сакс. - А кто не согласен слушать меня, может идти с Половинкой ловить лягушек. Ждем

обоз здесь. - Указал на поросший березами и лещиной холмик, а сам тихонько спросил Лиле: - Что такое-то?

Она поежилась.

- Вроде как капкан или ловчая яма. Вроде все спокойно, а чувствую.

- Именно здесь? - Сакс оглядел пустую дорогу, нахмурился: ничего похожего на ловушки он не видел, и птицы вели себя как обычно. - А если мы отойдем к последнему холму?

Лиле досадливо поморщилась и замотала головой.

- Нет. Я не про то. Тут другое. Вот ты на охоте зверя на что приманиваешь? А на что приманивают разбойников?

Сакс вздохнул, еще раз оглядел холмы и дорогу, словно мог по колеям определить, сколько стражи на этот раз будет с обозом. Подумал, что с Охотником было бы проще, он бы подсказал. А так придется самому. Клятые рыбники! Неужели со всеми обозами пустили больше солдат? Тогда, пожалуй, полусотни не наберется. И трех десятков, скорее всего, тоже. Самое большее, десятка два с половиной. На их полтора и Лиле... а Ллир их знает, справятся или нет. Но отступить сейчас - позору не оберешься, скажут, струсил желторотый, как кровью запахло.

- Лиле, обещай мне, что если будет опасно, ты спрячешься и не полезешь под мечи. Пожалуйста.

Она мотнула головой.

- Справимся, ты не думай. Только пусть стоят и не шевелятся.

Не успела договорить - застучали копыта. Едут! Похоже, недооценил рыбников, три десятка стражи будет, не меньше.

- Стрелять - только после меня! - тихо приказал Сакс и отступил за лещину, приготовил лук. Глянул на Лиле, замершую за кустом ирги у обочины, и на всякий случай добавил: - Уши заткните, целее будете.

Обоз показался из-за поворота. Точно, три десятка стражников - в новеньких кольчугах, с железными щитами, озираются. Плохо дело.

И тут Лиле заиграла. Что-то пронзительно-тоскливое, тяжелое. Оборони Матерь, подумал Сакс, закрывая уши ладонями и вглядываясь в стражников, ту пару, что ехала впереди, с отрывом корпусов в десять. Не понял сначала - чудится, нет? Не чудилось. Правый стражник покачнулся и застыл, не моргая, а левый сразу ткнулся лицом в гриву. Тут же - вторая пара. И третья. Только люди, лошади словно не слышали, и не пугались, а последние пары уже пришли в себя, пустили лошадей вперед, к лесу, вытащили мечи...

Еще раз шепнув "оборони Матерь", Сакс выстрелил - в

мудрого, выставившего впереди себя амулет-солнце и зашевелившего губами. Тут же пустил вторую, - в другого асгейрова слугу, - и заорал: стреляй по задним! Бойцы опомнились, на обоз градом полетели стрелы. Сакс снял еще одного луча, последнего - кто-то из бойцов.

Стражники умирали. Засыпали прямо под стрелами, падали с лошадей. А Сакс опустил лук и побежал к Лиле, показалось, она покачнулась? Точно, дудочку уронила!

- Лиле?!

Он ломанулся через кусты, но так и не успел ее поймать: упала прямо в куст, не навзничь, просто села на землю. Бросив последний взгляд на обоз, - бойцы добивали последних и ловили перепуганных лошадей, - Сакс развернул ее к себе и заглянул в лицо - белое, осунувшееся, с темными провалами глаз.

- Пчелка-пчелка, дай мне меду, - прошептала Лиле и тихо рассмеялась. Безумно так, страшненько.

Сакс подхватил ее подмышки, усадил к себе на колени и прижал, стал укачивать.

- Тише, маленькая моя, будет тебе мед, не плачь только, моя Лиле...

Он шептал какую-то чушь, гладил ее по голове и качал, качал, а она обняла его за шею слабой рукой и то смеялась, то плакала, то повторяла про мед и звала какую-то козу Гли. В конце концов Сакс сообразил ее напоить, у него во фляжке был клеверный отвар. Напоить тоже получилось не сразу, фейри дрожала так, что зубы стучали по горлышку. Наконец, сделала пару глотков, поперхнулась, закашлялась, но, кажется, немного пришла в себя. Выпив все, что было, шепнула:

- Прости. - Вздохнула тихо и хрипло. - Разлила... жаль, сладкий... тебя зовут, иди, я чуть-чуть отдохну.

Оставлять ее одну не хотелось, но раз взялся командовать - пришлось. Охотника-то, чтоб выручить, не было. А еще Сакс подумал, что ему нужен в отряде кто-то, кто может подменить, если что. Хоть тот же Мэт.

В лагерь возвращались даже медленней, чем из него уходили: добычи снова взяли много, а оружия и кольчуг - и вовсе гору, каждому бойцу досталось по лошади под седло, и в по одной в поводу. Они б и телегу прихватили, если б не следы, и так пришлось уходить врассыпную.

После этого похода больше никто не заикнулся о глупой девке. Наоборот, его бойцы теперь всему лагерю хвастали, как их фейри ловко положила стражу, а они сами совсем-совсем не испугались, вот честное слово! И добычу взяли, вам и не снилось! Только Саксу это хвастовство было поперек горла. Сам толком не

понимал, почему, но казалось, добра из этого не выйдет. Оборони Матерь, еще начнут ему завидовать, или командиры озлятся, что полез на рожон. А по Лиле лучше бы вообще молчали, не дразнили гусей. Вон, старик Фианн снова косится, бормочет и показывает пальцами колечки, мол, Асгейр видит тебя. В болото бы этого Асгейра вместе с его слугами! Из-за них Лиле до сих пор не может толком проснуться, всю дорогу от обоза, почитай, у него на руках спала, чтоб покормить, и то приходилось будить.

Охотник вернулся одновременно с ними, Саксовы ребята не успели еще разложить добычу - что в котел, что в погреб, что кузнецу в починку, а что - нести в деревню и менять на еду. Едва поворошив гору кольчуг и оглядев целый табун лошадей, нахмурился, спросил:

- Лиле где?

- Дома, спит.

Нахмурился еще сильнее, бросил взгляд на затеявшего проповедь Фианна.

- Медом накормил хоть?

Сакс помотал головой. Забыл он про мед, надо сейчас и отыскать.

- Вот дурной. Ей сразу меду надо, много! Тьфу, елки, заморишь же!

Даже сплюнул от досады. И махнул рукой:

- Ладно, пусть поспит. Поспрашивай, кто в деревню пойдет, пусть принесут. Пойдем-ка. - Отвел Сакса еще подальше от любопытных ушей, к самому лесу. - Ты пока передохни, отряду дай малость похвастать, но малость! В деревню сходите, продайте часть коней, ты ж по этому делу. А потом у меня будет для тебя задание. Не у меня даже, у лорда Мейтланда. Сам понимаешь, пока у нас одна сторона и враг один.

- Асгейровы слуги? - уточнил Сакс.

Охотник глянул на него с удивлением, поцокал языком.

- Экий ты быстрый. Пока - нет. Пока - некий неумный лорд мешает делу революции. Этот лорд вскоре устраивает большую охоту - гости, пьянка, все как положено. Вот на этой охоте его кабан и забодает. Или лось сожрет. Вместе с гостями и костями. Быть там надо через две недели, лучше осмотреться подольше, чем опоздать. Справишься?

- Справлюсь. - Сакс кивнул и вытащил асгейров амулет, снятый с мудрого. - А ты мне скажи, что это за колдовство. Оно фейри вредит?

Охотник присмотрелся и присвистнул.

- Надо же, что добыл! Нет, фейри он вреда не причинит, можешь смело девочке подарить, ей понравится. Только

экранировать бы... Точно. Попроси своего приятеля - пусть под эту штучку сделает медный медальон, чтоб открывался. А если еще такие найдешь - собирай, пригодятся. Со временем. И аккуратнее, не тронь глаз в середине. Думается мне, как раз глаз и будет активировать связь, а огонь - комбинация лучей...

- Лучей? - переспросил Сакс.

- А, забудь. Главное, в медальон его. И сам ничего не нажимай и не крути. Хрен знает, какие у него еще функции.

От странных охотниковых слов у Сакса закружилась голова и захотелось спать. Лучше всего - с Лиле рядышком. Вот только отнести солнце Томасу, послать кого за медом в деревню, запретить своим бойцам трепаться направо и налево, забрать свою долю добычи, помыться, съесть что-нибудь... Как хорошо было дома! И простым бойцом - тоже неплохо. И чего его понесло в командиры?!

Глава 8. Сакс

С лордом Саксов отряд управился, с его гостями тоже. А стали искать лорда или нет, и что нашли после волков - это Саксу было совсем не любопытно. У него по возвращении в лагерь забот был полон рот - достроить дом, сколотить и навесить дверь, добыть еще хоть пару шкур побольше, а то вот-вот наступит зима. Заботиться о Лиле ему нравилось, да и сама Лиле не сидела без дела. То шила ему рубаху, - немножко кривовато сшила, зато от души же! - то лечила раненых, то стряпала. Правда, резал мясо и овощи сам Сакс, не рисковать же своей фейри из-за какого-то супа. А в последние сухие осенние вечера, когда повстанцы собирались у крытого очага, играла на дудочке волшебные песни. Поначалу народ побаивался, да и Фианн все пытался уговаривать повстанцев если не пожечь колдунью, то хоть выгнать - ровно до тех пор, пока не нарвался на только что вылеченного ей отрядного командира. Тот, в отличие от Сакса, не посовестился прибить полоумного старика и пообещать, что еще дурное слово про их фейри скажет, вовсе без языка останется.

В эти две недели Сакс даже не пытался спорить с Охотником, запретившим вылазки.

- С лордом ты удачно, молодцом. А теперь - брысь под веник. Остальным тоже велю сидеть тихо, хватит пока злить рыбников.

Командиры поворчали: как так, только повалила удача, только разогрелись - и под веник?! Но послушались. А Сакс был счастлив, и воевать ему не хотелось вовсе, и думалось все больше о том, как бы уговорить Лиле зимой перебраться к отцу и матери в Ротенбит, у нее ж зимой уже и животик, верно, будет. По крайней мере, Сакс приложил все силы к тому, чтобы поскорее обзавестись наследником. Тогда уж точно фейри никуда от него не денется. Если только не унесет ребенка в свои холмы.

- Нет, Эри, - ответила она, когда он все же набрался храбрости ее спросить. - Куда ж я от тебя.

Она так тесно прижималась и так нежно его целовала, что не поверить он никак не мог.

- И замуж за меня пойдешь?

- Пойду. Только смотри, я корову доить не умею. И рубашки шью криво. - Она хихикнула куда-то ему подмышку и потерлась животиком так, что о коровах и рубашках он тут же и думать забыл. - Только мне скоро надо будет в холмы. Ненадолго. Побуду там немножко и вернусь к тебе. Обязательно. Веришь?

Немножко? Знать бы еще, сколько это - немножко. К прапрабабке кузнеца Дунка приходил такой фейри, клялся в любви и обещал скоро вернуться. Он и вернулся к ее похоронам, поплакал вместе с правнуками и посадил на могиле любимой вечнозеленый тис - в знак своей вечной печали.

Но думать о плохом не хотелось. Совсем. И вместо ответа Сакс накрыл ее рот своим, и до первых петухов доказывал: да, верю.

А на следующее утро Охотник принес медный медальон с серебряным солнцем внутри - красивый вышел, тоненький, с узорными насечками и петелькой для шнура. Томас вовсю старался, не для чужой же девки, а для Саксовой невесты и отцовой спасительницы. Дунк под Лилину дудочку почти опомнился, уже и разговаривал, и узнавал сына, вот только не слышал больше песню огня. Потерял кузнец свой дар.

У Лиле, как Охотник ей повесил на шею медальон, разгорелись глаза. Она как начала сыпать непонятным волшебными словами, так Сакс и сбежал перестилать крышу свежей дранкой. А Охотник с Лиле на него глянули, посмеялись и ушли в лес, сказали, учиться управлять асгейровым колдовством. Вот и правильно, колдовство - оно не для потехи, его надо колдовать подальше от любопытных глаз и злых языков.

Так вот и получилось, что когда в лагерь приехал лорд Мэйтланд, Охотника не было. Послать, что ли, за ним, подумал Сакс, услышав охотничий рожок: лорд всегда предупреждал о своем появлении заранее. За минуту, а то и целых две.

Лорд приехал не один. Взял с собой небольшой отряд - для тана, конечно, небольшой, в десяток солдат. Сам ехал впереди, а рядом с ним - леди. Сакс и раньше слышал, что у тана Мэйтланда есть племянница, что она помогает дяде и благоволит к повстанцам, но только прежде ни разу ее не видел. А тут увидел - и забыл, как дышать, такая она была красавица. Волосы темные, крупными кудрями, и глаза темные, яркие, а грудь - даже под кольчугой такая, что глаз не отвести. По тому, как глядела, как носила меч у пояса, точно было понятно: она может и рыбников рубить наравне с мужчинами, и ни от медведя, ни от кабана не побежит. В седле сидела - словно в нем родилась, а лицо у нее было властное и строгое. Воительница. Королева! Такой леди служить - счастье, а уж если она улыбнется...

На площади лорд остановился - как раз все, кто был в лагере, собрались, кланялись, перешептывались. А леди оглядела толпу, сдвинула брови и спросила:

- Где Киран? - спросила так, что сразу стало ясно: это она про Охотника.

- В лесу, миледи, - ответил Сакс. - Сейчас будет здесь.

Неловко было лезть вперед старших, но почему-то не хотелось, чтобы кто-то рассказал лорду о том, что Охотник не сам по себе в лесу, а с фейри. Вообще про фейри - лорду?.. нет уж. А зовут его, оказывается, Кираном, а никаким не Кожаным Чулком. Только непонятно, чего он ухмылялся и делал странный жест с оттопыренным большим пальцем, когда Лиле называла его Чулком.

Тут леди заметила Сакса, оглядела с головы до ног, словно жеребца на базаре, усмехнулась и поманила рукой.

- Ты и есть тот лось, что забодал лорда Вайтбоу с гостями?

Сакс сделал шаг к ней.

- Говорят, лорда съел кабан, миледи. - Коротко кивнул: лось, ага.

Миледи улыбнулась ему, как лосю, словно уже прикидывала, куда пристроить добытые рога. Правильно Киран сказал, у лордов своя сторона.

- Ну да, кабан. - Леди засмеялась, словно он сказал что-то очень смешное, и нетерпеливо дернула ножкой, обутой в высокий сапог со шпорой. - Чего ждешь, помоги спешиться.

Сакс снял ее с седла, - талия у нее была жесткая, словно вовсе не женская, а пахла она конским потом и чем-то сладко-пряным, чужим и незнакомым, - и отступил, склонил голову. Больше ни трогать ее, ни ловить улыбку не хотелось. Пусть Лиле не королева - и слава Отцу с Матерью, что не королева! Зато она нежная, мягкая, и он ей не лось из стада, а любимый и единственный муж. И на дудочке эта леди играть не умеет, и волшебства в ней ни на медяк!

Неволшебная леди чуть улыбнулась, а тан Мейтланд нахмурился. Бросил:

- Как Киран вернется, пусть сразу идет сюда. - Остро глянул на Сакса. - И ты... лось. Вместе с ним приходи. У меня есть что вам двоим сказать.

Поклонившись, Сакс побежал искать Охотника с Лиле: не надо ей ходить на площадь и показываться на глаза лорду. А Мейтланд с племянницей направились к лавкам у крытого очага, где обычно собирались старшие. В очаге уже кто-то из бойцов разводил огонь, а несколько женщин несли кувшины с медовухой, хлеб, корзины с фруктами и оленину - угощать любимого лорда, чем Отец с Матерью послали. Несли как раз навстречу Саксу, так что он едва увернулся от здоровенного деревянного подноса.

Охотник нашелся у саксова дома, кивнул ему и махнул, мол, пошли к лорду.

- Лиле пусть дома посидит, нечего ей, - буркнул на ходу.

Лорд на Охотника нахмурился, и едва кивнул в ответ на поклон.

- Разгони своих, - буркнул. - Разговор не для лишних ушей.

Охотник пожал плечами и гаркнул на всю площадь, чтоб народ занялся делом, а не за поленницами уши грел. Потом сел напротив лорда, Саксу показал - сесть рядом. Лорд сразу заговорил, негромко и зло:

- Я тебе, Киран, что велел? Я тебе велел - Вайтбоу убрать, гостей напугать. А твои лоси что сделали?

- Лоси лорда забодали, - усмехнулся Охотник. - А гости испугались. Насмерть.

Леди хмыкнула и глянула на Охотника так, что Сакс сразу понял: для нее Киран никакой не лось из общего стада, а совсем даже наоборот. А вот лорд вскочил и хватил кулаком по столу.

- А ну зубы не скаль, или забыл, с кем говоришь? Твоя банда тут и так дел наделала, с мудрыми. Или скажешь - не твои? Так не поверю, умные люди тихо сидят, это только ты воду мутишь! Распустил сопляков...

Кулаки у Сакса сжались сами собой, и так же сами собой разжались. Не драться же с лордом. Но смолчать все равно не смог.

- Сопляки, милорд, дело делают, пока умные люди прячутся и обирают деревенских, - сказал негромко и как мог вежливо.

Охотник втянул воздух сквозь зубы, покосился на Сакса, но смолчал, только кивнул. А лорд зашипел гадюкой:

- Ваше дело - исполнять приказы, а не делать, что душа попросит!

Охотник нахмурился.

- Парень и исполнял. Мой приказ.

- Душа тут ни при чем, - еле сдерживаясь, чтобы самому не зарычать, сказал Сакс. - Что мой король велит, то и сделаю. Я кровью клялся служить Бероукам.

Лорд Мэйтланд аж задохнулся. Похватал ртом воздух, как рыба. А леди подняла ладонь, призывая всех замолчать.

- Дядя, дядя, успокойтесь. Юноша в чем-то прав. И нам он может пригодиться. Вот вы не так давно говорили, что самое время выступить открыто, только Бероука нам и не хватает. А тут, извольте видеть, королевский вассал. Почему бы не поручить ему привезти принца?

При мысли о принце Артуре в лагере повстанцев Сакса чуть не перекосило. Но, с другой стороны, вдруг в самом деле только его и не хватает, чтобы начать войну и вернуть, наконец, тейронцам свободу? И все равно, может, он бы и промолчал... Но лорд презрительно усмехнулся и кивнул племяннице:

- Что ж, верно. Хочет послужить Бероукам, пусть его. Привезет Артура - хвала и честь по заслугам. Нет... - И снова усмехнулся. - Ну что, парень? Поедешь за принцем? Только вот что возьми в ум - если поедешь, то один. Людьми рисковать не дам.

- Поеду! - выпалил Сакс.

А Охотник кашлянул и вкрадчиво сказал:

- Поедет. Только не один. - Подмигнул Саксу и объяснил лорду: - У него полтора десятка. Если кто захочет пойти с ним, мы запретить не можем. Спутник в такой дороге ой как пригодится, особенно если, к примеру, на дудочке играть умеет. А то столица далеко, дорога скучная...

Лорд не понял, посмотрел на Охотника, как на блаженного. А Сакс даже рассердился: увезти принца из его же дворца - это куда как опаснее, чем вылазка в почти родном лесу, как можно туда взять Лиле? Неужели Охотник не понимает? А Охотник как будто прочитал мысли, пристально посмотрел на Сакса и еще раз повторил:

- Да, дудочка в таком деле - незаменимая вещь. - И прикрикнул: - Ты не рассиживайся, ты иди, собирайся в дорогу.

Сакс и пошел.

Дома ждала встревоженная Лиле - но сразу любопытничать не стала, сперва поставила перед ним миску супа, нацедила кружку шиповникового настоя, и только после спросила - что стряслось? Пришлось рассказать. Все рассказать, Лиле как будто чуяла, когда он недоговаривает. А может и правда чуяла, фейри же!

Лиле внимательно выслушала, покивала и сказала:

- Я поеду с тобой. - Так сказала, что сразу стало ясно - отговаривать бесполезно. А потом она нахмурилась и добавила: - Когда закончим, отвези меня к холмам. Уже пора будет.

Глава 9. Сакс

Едва лорд покинул лагерь, к ним с Лиле пришел Охотник, принес красивую кожаную куртку с бляшками, размером на подростка. Или на Лиле. Сакс испугался: куда это он, железо для фейри?! Перехватив его взгляд, Охотник хмыкнул:

- Да не железо это, остынь. Особый сплав, фейри же и придумали. И вообще, спасибо бы сказал. Я, может, еле убедил леди Мейтланд, что эта куртка ее пажу без надобности.

- Она тяжелая, - сморщила нос Лиле, но куртку надела. Значит, правда не железо.

- Ну, извини, - развел руками Охотник. - И не вздумай ее забыть!

Лиле передернула плечами, - мол, ладно, так уж и быть, - и предложила ему кружку отвара. А потом оба, как сели за стол, переглянулись и уставились на Сакса. Через несколько мгновений Киран вздохнул, отодвинул кружки в сторону и выложил на стол кусок кожи.

- Есть ли у тебя план, даже спрашивать не буду. И знаешь ли ты, что такое карта - тоже.

- Знаю, - буркнул Сакс. - Отец показывал.

- А, у тебя ж отец шериф. Интеллектуальная элита. - Снова вздохнул, а Сакс только пожал плечами: он уже привык, что Охотник иногда говорит на каком-то чужом языке. Не луайонском, а совсем чужом. - Лиль, дай уголек.

Угольком он нарисовал несколько линий, потом подумал и пометил одну сторону кожи загогулиной.

- Это север, по-вашему - полночь. Справа - восток, слева - запад. Понятно?

Сакс кивнул. Это тоже объяснял отец: восход, закат, полночь и Хрустальный город на полудне.

А вот дальше началось совсем непонятное. Охотник и Лиле, перебивая друг друга и споря, где лестница вверх, где покои королевы, а где оружейная, разрисовывали кожу. То есть Сакс быстро разобрался, что обозначают линии и крестики: словно разметка для строительства дома, только мелкая. Не карта, что-то другое, на карте должны быть города и реки, а тут был королевский дворец. Вот этого-то Сакс и не понимал. Откуда они знают, где там что? Причем знают так, словно были там не раз и облазили сверху донизу, как родной амбар.

Сакс заикнулся было, спросить, но тут же передумал. Судя

по смущению обоих, соврут, а Лиле еще и мучиться будет, для нее врать - что босиком по углям ходить. Просто постарался запомнить расположение комнат и лестниц, а потом - еще и потайного хода, из кладовой на первом этаже до оврага за городской стеной.

- На случай осады, - пояснил Охотник. - Хорошо, что у вас есть амулет. Готов поспорить, что теперь все тайные двери открываются именно им.

- Еще бы знать, в каких покоях обитает принц, - вздохнула Лиле.

- Найдем. - Сакс положил ладонь ей на руку. - С потайным ходом все будет просто. Ты, главное, осторожнее с ворожбой.

За ворожбу он боялся больше всего. И пока дорисовывали карту, и когда Лиле полночи ластилась и никак не хотела спать, и двое суток, что верхом добирались до столицы.

Лошадей оставили на самой окраине города, у одного, как заверил Охотник, надежного человека. Тянучке пришлось строго-настрого приказать слушаться и не пытаться идти за хозяином, а то с упрямицы, пожалуй, и сталось бы.

Надежный человек оказался еще и добрым, позволил им выспаться и разбудил на закате, да еще дал Саксу мех с медовой водой. Там же Лиле оставила свою куртку, убрала волосы на манер служанок и надела старенький передник. Еще повезло, что жил надежный человек неподалеку от оврага, спустились туда - солнце еще не село. А вот в овраге вышла заминка - Лиле почему-то была уверена, что подземный ход прячется под большим камнем, хотя с Саксовой точки зрения, это была самая, что ни есть, глупость. Сами ж говорили, ход - на случай осады! Это значит, враги замок осадят, а королевская семья будет, чтоб уйти, такую каменюку двигать? Но фейри его слушать наотрез отказалась, зачем-то погладила камень ладонью и назвала его другом.

Подождала неизвестно чего, не дождалась и вдруг хлопнула себя по лбу. Ткнула пальцем в скол на камне.

- Эри, посмотри, трещина на глаз не похожа?

- Может и похожа. Думаешь, тут тоже колдовство?

- Думаю, что замок, а у нас - ключ.

Лиле открыла медальон, вытряхнула на ладонь солнце и приложила к камню, к трещине-глазу. Внутри что-то щелкнуло, скрипнуло, и камень отъехал вместе с куском дерна и кустом бузины. Открылся широкий, двое пройдут, ход. Сакс достал заблаговременно припасенный факел и огниво, но Лиле огниво отодвинула и велела:

- Вытяни руку.

Направила асгейров глаз на факел, надавила на верхний луч - и факел загорелся.

Довольно кивнула сама себе и тут же нахмурилась.

- Лишь бы не закрылся, пока ходить будем... - И велела: - Я пойду первая, ты за мной.

Перечить Сакс не стал, ни к чему. Лиле явно знала куда больше, да и фейри же. Потому тихонько пошел следом, изредка ощупывая на удивление ровную и сухую кладку. Даже пыли почти не было, и никаких следов - словно тут часто мели полы.

Через пару сотен шагов Лиле остановилась, поднесла факел к стене: пламя качалось, дергалось и клонилось к камню, словно туда тянуло воздух. Вместе осмотрели стену, и Сакс нашел грубо выдолбленный круг, как раз под размер амулета, показал на него Лиле. Говорить в этом месте, да и вообще как-то шуметь ему совсем не хотелось. Лиле, видимо, тоже: она лишь молча покачала головой и пошла дальше. Им еще дважды попадались потайные двери - около одной даже почудился странный запах, словно гнилью потянуло. Но ни одну они открывать не стали, любопытство - потом.

О том, что они уже в замке, догадались случайно. Совсем близко, показалось - прямо над ухом, кто-то выругался и заскрипел деревом о дерево. Сакс мгновенно вытащил нож, обернулся, и только тогда разглядел крохотную светлую полоску чуть пониже, чем на уровне глаз. Приник к ней, разглядел какое-то хозяйственное помещение. Того, кто ругался, Сакс не разглядел, верно, он вышел.

- Здесь должна быть дверь, - шепнул Лиле.

Она кивнула, осветила стену - и в самом деле, уже привычный едва заметный круг темнел под смотровой щелью. Факел им пришлось потушить: не надо, чтобы кто-то заметил свет из каменной стены. Так и дошли до конца хода в темноте, едва разбавленной светом из редких смотровых щелей. Лиле потянулась было приложить солнце к найденному наощупь кругу, но остановилась. Достала свою дудочку и только тогда открыла.

Они оказались в кладовке, за бочками. Не зажигая света, добрались до двери, и Сакс выглянул коридор. Он ожидал, что будет темно. Ошибся - факелы тут были через каждые двадцать шагов. А справа он заметил лестницу. Похоже, они вышли поблизости от кухни, как и хотели.

- Нам наверх, - шепнула Лиле и тихонько заиграла.

Теперь Сакс шел впереди, и потому не успел вспомнить о колдовстве, когда прямо перед его носом распахнулась дверь, и оттуда вывалился стражник с кувшином наперевес, а просто схватил его, приставив нож к горлу и зажав рот. К счастью, ни в

коридоре, ни в кладовке никого больше не оказалось, а стражник достаточно испугался, чтобы внятно объяснить, где покои принца Артура. Быть может, ему помог сунутый под нос асгейров амулет, а может - фейрина дудочка. Там же, в кладовке, его и оставили. Лиле, верно, посчитала его оглушенным, но Сакс бил насмерть: милосердие неуместно там, где речь идет о жизни Лиле и успехе вылазки.

Там же, в кладовке, Сакс переоделся: зелено-желтая котта с медвежьим гербом и закрывающий пол-лица шлем сделали его неотличимым от всех прочих стражников. Обняв Лиле за плечи, Сакс повел ее к лестнице наверх, не забывая "пьяно" ухмыляться и помахивать полупустым кувшином - Киран сказал, что вечером на стражника со служанкой никто не обратит внимания.

И в самом деле, стражник на лестнице лишь пожаловался, что в горле пересохло, и покосился на кувшин. Вином Сакс поделился, а заодно выслушал свежую новость: капитан Марк снова в фаворе, сильно угодил его высочеству на утренней охоте. Замковые слуги в большинстве своем спали, а кто не спал - убирался с дороги, едва завидев яркую котту. Верно, страсть как любят добрых принцевых солдат.

На второй этаж они даже не заглядывали, сразу поднялись на третий, жилой: извилистые коридоры с масляными светильниками по стенам, чистые каменные полы, окованные железными полосами двери. Перед покоями придворных лордов стражи не было, лишь перед дверью принца Артура, - напротив нее висело сразу два светильника и щит с королевским гербом, - прикидывались столбами двое стражников. А из-за двери доносились два голоса, один - громкий и пьяный, второй - сдержанный.

Прежде чем сунуться к принцу, Лиле вытащила из рукава дудочку и снова заиграла. Что-то бодрое, резкое, отчего Сакса взяла веселая и бесшабашная злость, а копошившийся внутри страх, - как же это он, простой селянин, посмеет заговорить с самим принцем Бероуком? - куда-то делся. Даже показалось на миг, что все люди - братья, рождены равными и свободными... чушь, в общем. Зато спина сама собой распрямилась, и захотелось сделать что-нибудь героическое.

Он и сделал. Твердым шагом, что твой владетельный лорд, прошествовал к дверям. Сакс даже не успел подумать, справится ли фейрина дудочка со стражниками, или придется убивать, как те сами распахнули дверь в просторную комнату, середину которой занимала кровать под зеленым балдахином.

Принц Артур сидел у камина. Сакс чуть не поморщился: он-то думал, принц всегда такой, как на ярмарке - нарядный и

веселый, а тут? В одних штанах, в руке бутылка, волосы взлохмачены, а лицо красное, как будто давно пьет. Сакс на миг растерялся. Как же с таким разговаривать? Как бы не пришлось силой тащить, принца-то, сюзерена, проклятье... А напротив Артура, дальше от двери, расхаживал по медвежьим шкурам второй принц, Брандон - аккуратно одетый и трезвый. Оба, не обращая внимания на открывшуюся дверь, продолжали спорить: показалось, что как раз о лорде Мейтланде.

Все так же уверенно шагая к принцу, Сакс отметил, как захлопнулась дверь, и Лиле заиграла другую песню. Верно, для стражников - чтоб ничего не слышали. Не переколдовала бы, надо быстрее заканчивать.

На вошедшего "стражника" Артур едва глянул, сморщился и махнул рукой.

- Вон, скотина.

В отличие от него, Брандон глянул остро, но ничего не сказал.

На половине дороги Сакс сорвал шлем и опустился на одно колено.

- Ваше величество! Вы нужны своей стране! Вашему народу! - Слова, подсказанные вчера Охотником, выскакивали сами собой, хоть и казались какими-то ненастоящими. Но принц Артур слушал, не обрывая. - Силы объединенного ополчения свободного Тейрона готовы выступить по первому вашему слову, ваше величество. Нам нужны ваши мудрость и воля!

Младший принц хмыкнул и кивнул - а старший, уже поддавшийся охотниковым заклинаниям, вдруг перевел взгляд на него, потом на Сакса, вытаращил глаза и захохотал.

- Дубо-ок! Ха, истинно, дубок! - и разозлился, приподнялся с кресла, указал на Сакса бутылкой. - Да как ты смеешь, грязь! Ко мне, сам! Ах ты...

Сакс едва успел подумать, что придется все же тащить принца волоком, вон и Лиле снова заиграла колыбельную, как Брандон поднял открытую ладонь.

- Погоди, брат!

Старший принц осекся, обернулся к младшему, побагровел еще больше и словно задохнулся. Дудочка тоже замолкла. А младший продолжал:

- Это хорошее предложение. Армия! Своя! - Подался к старшему. - Это сейчас ты никто, а если...

- Никто?! - Артур вскочил, качнулся к брату, замахиваясь бутылкой... - Пр-редатель! Да как ты смеешь!

Убьет же, подумал Сакс, бросаясь между ними и закрывая собой Брандона; бутылка уже летела ему в голову.

Дудочка вскрикнула резко и зло.

Сакс перехватил руку Артура: даже пьяный, тот был тяжел и силен, как медведь. Такого убивать сразу, не то заломает... но как убить, принц же, сюзерен, кровью клялся ему служить!

Сакс замер, понимая: еще миг промедления, и все...

Но дудочка запела, как стражникам в обозе - умри!

- Закройте уши, мой принц! - прохрипел Сакс, едва удерживая руку Артура. Тот напирал, нащупывая у пояса несуществующий меч.

- Кругом предатели! - зарычал Артур и замахнулся второй рукой.

"Что ж ты не дохнешь, щука?!" - только успел подумать Сакс, как за спиной послышался шелест вытягиваемого из ножен клинка, - Брандон убьет брата или наглого простолюдина? - а кулак Артура влепился под дых... слишком слабо. И тут же принц рухнул на шкуры, просипел проклятие - и умер. Дудочка всхлипнула и замолкла. А Сакс обернулся, не до конца уверенный, что сейчас сам не получит полфута стали в сердце за оскорбление королевской особы; глянул на Лиле - слава Матери, стоит на ногах, хоть и опираясь спиной о столбик кровати.

- Простите, мой принц, - выдохнул, падая на одно колено и опуская голову. - Я не... моя вина.

- Прощаю. Как тебя звать-то, безумец?

Едва дождавшись обалделого: "Сакс", - деловито велел:

- Вставай, уходим.

Сакс потряс головой, вскочил и бросился к Лиле, подхватил ее - все же не выдержала, сползла на пол. А принц тем временем достал из какого-то сундука плащ, кинул ему. Себе прицепил к поясу мешочек и второй клинок, за спину повесил щит.

- За мной, быстро! - зашагал к дверям, на ходу спросил: - Девица - колдунья?

Сакс мотнул головой.

- Фейри, ваше высочество.

Принц одобрительно кивнул и распахнул дверь.

- Уснул, - бросил стражникам. - Кому жить надоело, может разбудить.

Им вслед понимающе хмыкнули на два голоса.

Принц пошел прямо к конюшне. Пнул спящего поперек порога конюха и гаркнул:

- Коней, быстро!

А Лиле тихо ойкнула.

- Тянучку бы забрать...

Принц глянул на нее, как на полоумную, а Сакс шепнул:

- Потом, ничего с ней не сделается.

- Эри, - она подергала его за рукав и совсем тихо спросила: - Я его убила, да?

Сакс заглянул в перепуганные глаза, прижал ее к себе.

- Конечно. Не бойся, он не встанет, - сказал Сакс, а Лиле вздрогнула и снова ойкнула, словно только сейчас поняла, что произошло. - Тише, все хорошо, маленькая, ты все сделала правильно.

Пока конюх седлал лошадей, Сакс отпаивал Лиле медовой водой. Она поначалу отказывалась, мол, пока обойдется, но он заставил. Сказал, если она сейчас упадет, то дальше ей мед не пригодится. Принц прислушивался, что-то обдумывал, но вопросов не задавал.

Уже выехав за город, Лиле подала голос:

- Ваше высочество, когда нас хватятся? То есть, когда погоню пошлют?

- Не раньше рассвета, - отозвался Брандон. - Как тебя называть, волшебная дева?

- Лиле, ваше высочество, - ответила она. Ответила учтиво, а Саксу все одно смешинка послышалась. И то, что фейри людские принцы? А Лиле добавила: - В лагерь сразу нельзя, а то погоню туда и наведем. Надо бы спрятаться, только где?

- Поедем к Девьему озеру, - предложил Сакс. - Туда асгейровым слугам дороги нет.

Сказал, и вспомнил: она же уйти хотела. Ненадолго. Что же получается, вот прямо сейчас и - все? В холм? Она, наверное, подумала о том же. Посмотрела на него жалобно, кивнула, а вслух сказала:

- Там же пустошь, для погони самое то... Вот что, если вдруг все-таки догонят, то вы скачите к лесу, а я отстану и вас спрячу. Только вы не двигайтесь, что бы ни случилось.

Скакали всю ночь, едва не загоняя лошадей. Сакс всю дорогу молился Матери, чтобы оборонила, не дала коням споткнуться, а погоню отвела. Лиле, бедная, еле держалась, уж думал, пора ее брать к себе в седло, чтобы не упала от усталости. Не привыкла она к таким гонкам. А на рассвете начались вересковые пустоши - лиловые, туманные. Усталые кони плыли по колено в молоке, тишина навалилась пуховой подушкой, и спать хотелось, что хоть тут ложись. Верно, из-за тумана не сразу услышали погоню.

Первым обернулся Брандон. Выругался, тихо и равнодушно, и дал жеребцу шенкелей. Сакс остро пожалел, что под Лиле - послушный мерин, жеребец-то быстрее. Крикнул ей:

- Держись крепче!

И хлестнул мерина по крупу. Тот злобно заржал и прибавил ходу, но мало, слишком мало. Конь Брандона все больше уходил вперед, а за спиной уже слышалось звяканье железа и конский топот.

Сакс обернулся и тоже выругался. Молчаливая погоня была слишком близко - а ведь до озера оставалось всего ничего! На горизонте уже холм, с которого видно воду, торчит над туманом, словно горб. А значит, там их уже не найдут... Если только озеро подпустит их самих с погоней на хвосте. Проклятье.

- Эри, лес! - выдохнула Лиле и махнула вправо: там вынырнули из тумана полуголые кроны. Брандон тоже увидел, повернул жеребца туда.

Мгновенье Сакс колебался, но толку? Лиле все равно не успеет, это они с Брандоном еще могли бы оторваться...

- Эри, черт подери, в лес! - уже с отчаянием крикнула Лиле и натянула поводья.

Соскользнула с коня, едва удержавшись на ногах, и выхватила свою дудочку, как сам Сакс хватался за нож. Заиграла. Сакс вспомнил - она обещала их спрятать. И сама же спрячется, конечно. Он повернул к роще, влетел под деревья и осадил коня. Брандон тоже остановился, выдавил:

- Почему она велела не двигаться?

- Чтоб колдовство... - Сакс тяжело сглотнул и вцепился в луку седла, вглядываясь в смутный силуэт Лиле, - не нарушили.

Прислушался: до них не долетало ни звука, все тонуло в тумане.

Брандон кивнул.

- А... она?

- Тоже спрячется. Она сильная, она сможет...

Очень хотелось плюнуть на колдовство и бежать к ней, уводить от погони - ведь несутся прямо на нее, и туман, как назло, стремительно тает. Вот уже совсем растаял, и слышно, как поет дудочка, а всадники с луками наизготовку несутся к рощице, что не рощица даже, а десяток хлипких берез, в них и белка не укроется. И вдруг, почти поравнявшись с Лиле, первый натянул поводья, глянул сквозь Сакса. Марк, проклятый братец! Только успел подумать, как тот развернулся к Лиле, поднял лук...

Сакс уже дернулся к ней, почти заорал: не туда смотришь, братец! Но Брандон изо всех сил сжал его руку - ровно в тот миг, как просвистела стрела. Песня дудочки оборвалась - вместе с дыханием Сакса, а Лиле упала в вереск. Марк подъехал к ней, - там и тридцати шагов не было, - грязно выругался, сложил пальцами асгейров оберег и махнул своим: уходим!

Как во сне, смотрел на скачущего прочь брата - точно знал,

если сейчас Марк оглянется, увидит их. Но не оглянулся, никто не оглянулся. А Брандон сжимал его ладонь, пока всадников стало не различить, только тогда отпустил. И тронул поводья.

Так и не понимая толком, что и зачем делает, Сакс последовал за принцем. К Лиле.

Она лежала среди вереска, навзничь. И дышала, на губах пузырилась пена. Розовая.

Розовая - это значит кровь. Сакс видел однажды такую рану. Тот боец умер, часа не прошло. А Лиле царапала пальцами землю, захлебывалась и хрипела:

- К холму... к хол...

Как хватал ее на руки, запрыгивал обратно на коня, - а может, ему помогал Брандон, - Сакс не помнил. Он осознал себя лишь на вершине холма, над молочной гладью Девьего озера, с бесчувственной Лиле на руках. Она еще дышала, еле-еле, но дышала. А Сакс смотрел на холмы, десятки холмов, и понимал, что не успеет найти нужный. Зато успеет положить ее в озеро, в волшебное озеро, и слезы Девы непременно исцелят ее, не могут не исцелить!

Он направил коня прямо в озеро, спрыгнул в воду с ней на руках - она попыталась утонуть, враз намокшее платье потянуло на дно, но Сакс не позволил, удержал. Или Брандон - он спешился, вбежал в воду, подставил руки. Полмгновенья они стояли, по грудь в воде, по обе стороны от фейри: из ее груди, под ключицей, торчала стрела, а вокруг расплывалось розовое пятно.

Закусив губу, Сакс выдернул стрелу - рана должна закрыться, пожалуйста, Отец-целитель, помоги!..

Лиле вздрогнула, открыла глаза, глянула прямо на Сакса... И умерла.

Верно, Сакс стоял бы так до вечера и до следующего утра, надеясь на чудо, но Брандон тихо вздохнул и сказал:

- Пойдем. Помолчал и добавил: - Надо ее похоронить. Здесь, чтобы не нашли.

Могилу рыли мечами, вынимая землю щитом с королевским гербом. Молча. Так же молча Сакс завернул ее в плащ, поцеловал белые губы и уложил в неглубокую яму, погладил по животу. Хотелось сказать ей... хоть что-то сказать. Но сжавшееся горло едва позволяло дышать.

Засыпали и обкладывали холмик дерном так же, не произнося ни слова. Лишь потом, когда Сакс сидел рядом со своей Лиле, так и не ставшей ему женой, так и не родившей его сына, и смотрел на закат, - первый закат без нее, - Брандон протянул ему только что вырезанную тростниковую дудочку:

- Я так и не слышал, как она играет.

Сакс осторожно взял дудочку у него из рук, положил на могилу. Закрыл глаза. В голове звучал Лилин голос, тихий и нежный - та странная песня, что она пела вместе с Охотником.

Засыпай, на руках у меня засыпай...
Засыпай под пенье дождя...
Далеко, там, где неба кончается край,
Ты найдешь потерянный рай.

- Она правда была фейри? - тихо спросил Брандон.

- Правда. Она жила здесь...

Перед глазами встал тот полдень, пахнущий земляникой, тонкая девичья фигурка над водой. И темные глаза, шепот: пойдем на берег. Сакс зажмурился, сжал кулаки.

Брандон еще помолчал, потом сжал его плечо.

- Расскажи. Я почти ничего не знаю... о них.

- Я тоже не знаю о них. Только о Лиле... - Сакс сглотнул земляничную, пахнущую кровью горечь. - Я вырезал ей дудочку. Перед ярмаркой, она попросила...

Он сбивался, путался, иногда надолго замолкал, и тогда Брандон снова сжимал и его плечо и требовал: продолжай. И он продолжал, пока слова не закончились вместе со слезами, а над озером не взошла луна.

- Она уснула у меня на руках. Навсегда. Знаешь, говорят, если сильно любить фейри, они не уходят. А она - ушла. Вместе с нашим сыном...

Брандон молчал, просто обнимал его за плечи, делясь своим плащом и своим теплом, и это было правильно: король и крестьянин вместе. Сегодня - правильно, а что будет завтра, неважно.

- Может быть, ей было мало моей любви? - продолжил Сакс. - Или оттого, что загляделся на леди Мейтланд, Дева решила, что нарушил клятву. Потому и слезы не помогли. Лось, дурной лось... слышал, верно, легенду о маленькой фейри?

- Нет, не слышал, - покачал головой Брандон.

- Маленькая фейри выросла, когда ее полюбил принц. Была ему верной женой. А потом он загляделся на прекрасную леди... Тогда фейри снова стала маленькой и ушла. Совсем. Тот принц умер от горя, потому что ему нужна была не та красавица, только его фейри. А она так и не вернулась...

Зажмурившись, Сакс уткнулся лицом в ладони. Снова ни дышать, ни говорить, ни думать - ничего. Пусто.

Брандон нашел его руку и переплел пальцы.

- Твоя фейри была лучше, чем та, из сказки, слышишь,

брат? Та убила принца, а твоя - спасла. Нас обоих. Чтобы мы освободили Тейрон. Мы с тобой, больше некому.

Сглотнув так и не пролившиеся слезы, Сакс глянул Брандону в глаза и склонил голову: клятва на крови - это все, что у него осталось. Он будет служить своему сюзерену, что бы ни случилось.

- Да, мой принц.

Брандон нахмурился.

- Хватит принцев. Мы теперь братья, Сакс. - Поднялся сам, потянул Сакса за руку, чтоб встал. Указал на лес. - За тобой лапник, за мной костер. А на рассвете - в Кроу. - И вдруг кривовато усмехнулся. - Вы же там засели, а, брат?

Сакс пожал плечами и старательно усмехнулся в ответ.

- Да, Брандон.

- Так-то лучше, - кивнул принц и хлопнул его по плечу.

Глава 10. Лиля

В этот раз она выплывала из забытья медленно и неохотно. Никак не могла поверить, что вернулась, что жива, что все закончилось... Главное - что все закончилось. В полусне она ждала, пока Михаил отцепит датчики, все в том же полусне взялась за его руку, с трудом поднялась.

- Голова не болит?

Лиля подумала.

- Нет, - сказала она хрипло и заново удивилась, что горло после выхода из камеры как будто кошки драли. - Только кружится и поташнивает...

- А, это нормально. Неделя, чего ж ты хотела, - улыбнулся куратор. Глаза у него все равно были грустными. - Чудо, что вообще на ногах стоишь. Я тебя отвезу домой, только сначала осмотр, коктейль и отчет.

Проверил зрачки и пульс, постучал молоточком по коленке, пододвинул к ней поднос с двумя стаканам. Потом присел к компьютеру и принялся что-то быстро печатать. А Лиля, выпив витамины, замялась: ей очень хотелось задать один вопрос, но она не решалась. Наконец все же спросила:

- Михаил, а вот скажи... меня же убили в игре, и я в холм не смогла... Меня теперь не допустят к основной миссии? - хотелось спросить беззаботно, а получилось сдавленно и жалобно.

Куратор оторвался от монитора, поднял голову.

- Конечно, допустят, Лиле. Контракт мы не разрываем, следующее погружение - на основную миссию, но ты же помнишь правила? После смерти в игре ты не можешь вернуться в то же время. В игре твое отсутствие будет длиться не меньше пятнадцати лет.

Лиля помотала головой.

- Но там же Эри! Так же нельзя, он же...

Осеклась, вспомнив, как он спрашивал: ты собираешься родить нашего ребенка в холмах? А она не смогла сказать, что никаких детей у них не будет, потому что она ненастоящая, у нее в игровом теле даже месячных нет. Как это все неправильно!

Михаил нахмурился.

- Правила есть правила, все это ты читала в контракте. На последнюю миссию можешь прийти в любой день с двадцатого октября по двадцатое ноября, думаю, помнишь. А сейчас - допивай, одевайся, и поехали.

Едва начавшие зеленеть тополя казались нарисованными

серым карандашом, люди - смутными силуэтами, а настоящей была лишь боль под правой ключицей, куда угодила стрела. Лиля то и дело потирала несуществующую рану, морщилась и сжимала руки, чтобы не искать свою тростниковую дудочку. А перед глазами стояло лицо Эри - когда он понял, что она умирает.

Горстка пикселей не должна плакать от того, что погасла другая горстка пикселей. А ей не должно быть так больно от того, что пиксели больше не сложатся именно в это лицо. Он же нарисованный. Его нет, и никогда не было. Вся его любовь - продукт высоких технологий и девичьей мечты. Дери ее сворой.

То и дело косившийся на нее Михаил нашарил в кармане начатый блистер, протянул ей.

- Три штуки под язык, пока сами не растворятся. И потом по штуке в час.

- Эти стрелы - такая гадость, - виновато пожала плечами Лиля и попыталась улыбнуться.

Выдавив крохотные таблетки, она сунула их в рот и только потом догадалась глянуть название: глицин. Ага.

- А еще лучше - ложись спать, - серьезно добавил Михаил. - Выпей сладкого чая, поешь меда или шоколадку какую - и спать. И никакого кофе до конца недели, хорошо? Я буду звонить.

Помог ей выйти из машины и уехал. Лиля постояла-постояла посреди двора, равнодушно посмотрела на огромного злобного мастиффа, - гордость местного (с третьего этажа) то ли бандита, то ли совсем наоборот, - от которого еще неделю назад влезла бы на дерево, как кошка. Мастиффа такое вопиющее пренебрежение расстроило: он сначала зарычал, а потом почему-то попятился и забился под лавку. Где-то на краю видимости появился собачий хозяин - размахивал руками и орал что-то неприятное. Лиля поморщилась.

- Не надо, чтобы собака гуляла без поводка, - сказала она и все-таки поплелась к подъезду.

Дома было душно и пыльно. Надо бы прибрать хоть немного, подумала Лиля, принесла из ванной тазик воды, бросила туда тряпку. Тут же вспомнила, что нужно разуться, вернулась в прихожую, скинула кроссовки и пошлепала на кухню. Михаил же сказал, что нужно сладкого чаю...

А потом можно поиграть, то есть нужно, обязательно нужно поиграть и увидеть, что Тейрон победил в войне с Луайоном. И ведь наверняка можно найти в кодексе упоминание об Эри! Он же был важным персонажем! И о принцах прочитать - она же точно помнила, что королем стал старший принц, Артур Бероук, а младшего в какой-то стычке изловили луайонцы и предали огню во славу Асгейра, потому что младший принц оказался

богопротивным колдуном. Она так легко позволила Эри ввязаться в эту безумную авантюру лишь потому, что точно знала: все у него получится, Артур согласится возглавить мятеж... а они его убили. И вовсе тот Артур был не похож на благородного, мудрого и доброго короля Артура из игры, а был он похож на мастифьего хозяина: холодный, страшный и далекий, как осьминог какой. Как бандит или политик.

Лиля вскочила, бросилась в комнату, перепрыгнула непонятно зачем принесенный таз с водой.

Включила компьютер.

До мелочей знакомая заставка, - хрустальные башни, исчезающие в порталах фейри и Сушь, наступающая впереди орды кочевников, - почему-то ее напугала. Раньше - не пугала, ни разу, Лиле только любовалась работой художников и звукорежиссера, сумевшего вплести в шелест сухих листьев отзвуки Рахманинова и Бетховена. А сейчас...

Нахмурившись, Лиля вышла в игровое меню. Здесь была другая музыка, без намека на вздохи тростниковой флейты.

Пока загружалась игра, напрочь позабытое сохранение посреди какой-то дурацкой миссии, Лиля пыталась побороть дурацкую надежду на то, что сейчас на экране вместо королевского дворца появится вересковая пустошь...

...Эри подхватит ее в свое седло, обнимет, а она заиграет на дудочке, прямо на полном скаку, и погоня утонет в тумане: сначала кони погрузятся по колено, потом - по брюхо, и последним утонет зеленый плюмаж Марка... А поднятого лука, белых от ненависти и страха глаз, стрелы в груди - не будет. И того страшного лица у Эри, как будто это в нем стрела, тоже не будет...

Вместо пустоши оказался коридор, и похожий, и не похожий на тот, которым они с Эри пробирались в покои принца. Те же серые стены, факелы, стражники у дверей - одинаково неподвижные, не чешутся, не позевывают, не жалуются друг другу на прокисший эль и надоевших до оскомины служанок. Факелы не чадят и не трещат, а про запахи, неподражаемо промозглые и дымные запахи дворца, и говорить не стоит.

Из ближайшей стены на Лилю полезло привидение, помеченное красным маркером: враг, надо драться. Глупость какая! Было бы настоящее привидение, она б его расспросила, а не убивала. Вообще убивать - это мерзко, страшно и совсем не интересно. Вот как того стражника. Эри ж его убил, не послушался ее, даже спорить не стал, просто убил. И жалел не о том, что убил, а о том, что она бы расстроилась. Ох, Эри.

Она потерла заслезившиеся глаза. Болят. И играть

расхотелось - замок плоский, картонный какой-то, а если б она действительно встретила Эри вот таким, нарисованным?

Нет-нет, никаких игр, только кодекс и все.

Нажав на паузу и даже не поинтересовавшись, как идет бой нарисованного героя с нарисованным привидением, Лиля открыла кодекс, нашла слово "король" - а рядом с ним стояло слово "Брандон". Лиля еще раз протерла глаза, поискала "Артур" - и нашла. Принц Артур, воспитан луайонцами, отказался от предложения лорда Мейтланда возглавить сопротивление, был убит в собственных покоях, когда пытался помешать бегству из дворца младшего брата, будущего короля Брандона... Нет-нет, не может быть! Ерунда какая-то, она же эту игру проходила пять раз подряд, когда игра только вышла! А потом еще раз десять, она же знает кодекс наизусть. Как он вообще мог измениться? Лиля потянулась было к телефону - позвонить Михаилу и спросить... и отдернула руку. Нет, сейчас нельзя. Он будет ругаться, что села играть, а не пошла спать, а вдруг еще скажет, что психоз? Нет, Михаила можно спросить и завтра. А пока - посмотреть еще, может быть, там есть про Эри?!

Надежда была такой острой и болезненной, что на глаза снова навернулись слезы. И в груди образовался ком, как раз где была стрела. А потом, когда Лиля проморгалась, стало страшно. Господи, что ж она делает? Надеется увидеть его на экране? Может быть, еще и монитор поцеловать?! Нет, нет и нет, никогда, ни за что! Хватит уже, наигралась. До психоза. Лучше горячий чай, шоколадку - и спать. Завтра все пройдет. И станет на один день меньше ждать октября. Целых полгода. Проклятье.

Быстро, пока не передумала, она вышла в меню и нажала кнопку "удалить программу", а сама сбежала на кухню, чуть не упав о Ллир знает откуда взявшийся тазик.

Интермедия 2

- Что-то вы сегодня рано! - вахтерша Валечка, уютная дама лет под шестьдесят, потянулась поправить очки. Не найдя их, смущенно улыбнулась Майлгенну и пожала плечами: - Вот, никак не привыкну, что вижу без очков... - В доказательство она подняла вязание: детский свитерок с узором.

- Вы такая рукодельница, Валечка, - отозвался Майлгенн, вешая ветровку на крючок и прицепляя к рубашке бейджик с надписью "Михаил Васильевич Дубовицкий. Куратор". - Кстати,

Вадим Юрьевич приехал?

- Уже четверть часа как. И Светлана Васильевна здесь. - Валечка неодобрительно покачала головой и снова застучала спицами, бурча под нос: - Суббота, девять утра, а им бы все работать.

На бурчание Майлгенн не отреагировал: мыслями он уже был далеко. В родном Тейроне.

Вчера вечером он так и не заглянул в "игру", посмотреть, что сотворила светлая Лиле такого, что ее убили. Учитывая ее потенциал и пробужденную кровь фейри, можно было надеяться, что ей удалось серьезно отодвинуть наступление следующей Суши. Или хотя бы дать достаточно материала для дальнейших расчетов. Достоверных данных было так мало, что светлый Майлгенн временами чувствовал себя темным: это они не делают разницы между сказочными теориями и фактами, а светлому работать с догадками и низкопроцентными вероятностями - нож острый.

Он так торопился к монитору, что прошел мимо столика с кофеваркой. Лишь погладив вросшие в системный блок солнечные кристаллы - они ответили перемигиванием и низким, почти неслышным гудением - и запросив записи последней миссии Лиле, он обнаружил отсутствие привычной чашки кофе под рукой. Но тут же про кофе забыл: на экране появился лагерь повстанцев, замелькали быстро сменяющие друг друга картинки, замирающие, как только Лиле начинала говорить. Майлгенн промотал несколько дней, не задерживаясь, глянул мельком - снова лагерь, вроде кто-то скандалит, а Лиле стоит в стороне, ничего интересного, дальше! Но через миг до него дошло: только что на экране мелькнуло знакомое лицо. Вернул назад, разглядел...

Вот оно! Киран Браконьер, он же Кирилл Лесник, самая первая серьезная удача проекта! И, похоже, Лиле узнала в нем игрока - а он в ней... какой потенциал!..

- Ты снова не завтракал, - укоризненно сказали за спиной; запахло свежим кофе с корицей. - У тебя что-то интересное?

Обернувшись, Майлгенн уперся взглядом в обтянутую форменной курткой грудь с бейджиком "Светлана Васильевна Дубовицкая. Психолог". Бейджик этот мало кто замечал, отвлекала толстая пепельная коса. Как у местных Аленушек, перехваченная лентой. Разве что не алой, а серой, в цвет глаз.

- Спасибо, Свейлин. - Он улыбнулся коллеге. - Два игрока встретились и, похоже, договорились. Погоди, я еще не посмотрел, что они натворили совместными усилиями.

- Ладно, не мешаю, о великий гений, - усмехнулась она и

поставила перед Майлгенном поднос. - Ешь давай.

Майлгенн укусил сэндвич, благодарно буркнул нечто невнятное и принялся просматривать дальше. То есть сразу последние сутки: не терпелось понять, как же светлая Лиле схлопотала стрелу. Но до стрелы он не добрался. Хватило одного взгляда на падающего замертво принца Артура, чтобы Майлгенн забыл обо всем на свете.

- Кодекс, король Бероук, - скомандовал он.

На экране тут же развернулись строчки: Брандон Бероук, младший сын Роберта Бероука, родился... коронован в 1242 году... женат на Ахане Ирлейтской... дети... внуки... реформы... изгнание мудрых... изгнание мудрых?!

Получилось!

Майлгенн вскочил со стула, сел обратно, принялся беспорядочно листать кодекс в поисках изменений.

Восстание 1251 года? Нет такого!

Массовое сожжение колдунов благородного рождения? Нет такого!

Объединение Луайона, Тейрона, Ирлейта и Фелима в единую империю? Нет такого!

Зато - ограничение прав лордов, прокладка Королевского тракта...

Слава тебе, Кирмет, получилось!

Не зря они торчали в этом безумном городе уже восемь десятков лет, не зря бились с соединением живых кристаллов и местных компьютеров, не зря поставили все на побочный продукт неудачного эксперимента пятнадцатилетней давности...

То была последняя попытка открыть дорогу в родной мир, и она, конечно же, провалилась: сбежавшие от Суши светлые фейри вернуться не могут, такова цена бегства. Вместо родного мира Свейлин тогда оказалась в модели мира, для нее в точности похожей на реальность, только тело ее так и осталось лежать в камере перехода.

Модель оказалась идеальной: можно было попасть в любую точку мира, получить любую информацию. Даже выбрать время - от Второй Суши, когда их научная группа покинула Хрустальный город, до настоящего момента. Вот только ничего изменить они не могли, ни в мире, ни в модели.

Именно Майлгенну пришла в голову безумная идея сделать из модели компьютерную игру и попробовать с помощью игроков влиять на события - а там уже посмотреть, что из этого выйдет. И ведь вышло! Модель изменялась, а вместе с ней менялся реальный мир. Мало того, пять лет назад убитый в Москве игрок, Кирилл Лесник, вдруг оказался в Тейроне. Живым. И не в

игровом теле, а в настоящем!

Поначалу Майлгенн пытался понять, каким образом кристаллы создают в реальном Тейроне тела для игроков, в то время как здесь игроки погружаются в анабиоз безо всякого медицинского оборудования. Еще его крайне интересовала связь между кристаллами в этом мире и в том, способы передачи информации и прочая, прочая - будь у него научная лаборатория наподобие той, что осталась в Хрустальном городе, уж он бы развернулся! Но большая часть вопросов так и осталась без ответа. Впрочем, и на родине никто до конца не понимал, что такое кристаллы и каким образом они сосуществуют с фейри.

Но по большому счету имело значение только одно: у них получилось! А значит, когда-нибудь они остановят Сушь и сумеют вернуться домой!

- Что получилось, Майлгенн? И не ори так, всех собак распугаешь, - раздался от двери жестковатый баритон.

За окном и в самом деле отчаянно выли собаки, орали коты и вороны, всполошенные выплеском эмоций. А на пороге стоял высокий, неброско и дорого одетый господин скандинавского типа, при взгляде на которого почему-то вспоминался тридцать седьмой год и генералы НКВД. Из образа выбивались лишь стянутые в хвост волосы и серьга в левом ухе: светлый, в синеву металл, не опознаваемый ни одним московским ювелиром, и изменчиво-синий, с искрой, кабошон. На груди господина красовался стандартный бейджик ИЦ: "Вадим Юрьевич Элин. Консультант".

- В Тейроне смена ключевых фигур, Элвуд, - уже вслух и намного спокойнее сказал Майлгенн. - Работа светлой Лиле. Помнишь же, две недели назад ей отозвались кристаллы. Вчера вернулась из Тейрона.

Эдвуд просиял совершенно неподходящей образу улыбкой, став похож на университетского профессора, добряка и интеллигента в десятом поколении. Потрепав Майлгенна по и так взъерошенным волосам, он уселся на соседний стул, быстро глянул на экран и громко позвал:

- Свейл, иди сюда! С кофе!

- Потом кофе, - отмахнулся Майлгенн, выводя на экран покои принца Артура. - Ты посмотри! Она вышла строго в нужную точку: коронация Брандона, это же разворот тейронско-луайонской политики на сто восемьдесят! Если эта вероятность стабилизируется, темные потеряют не только Тейрон, но и возможность пройти дальше на восток...

- Покажи-ка мне ее якорь, Майлгенн, - прервал его Элвуд.

- Деррил Сакс, младший брат Угрюмого лорда Оквуда... -

начал Майлгенн и осекся, едва глянув на экран. - То есть теперь... так... Вот! Побратим короля Брандона, лорд Оквуд...

Элвуд махнул рукой, мол, сам вижу, и пробормотал:

- Знакомое лицо... А Лиле, говоришь, убили?

- Да. Марк Оквуд. - Майлгенн вывел на экран момент смерти несостоявшегося короля Артура, покачал головой: - Похоже, девочка поняла, что это не просто игра, вот и получила свой откат за убийство.

- Ох уж мне эти необученные светлые, - вздохнул Элвуд. - Твой прогноз?

- Разумеется, ее надо вернуть в Тейрон. Непременно! Я еще не делал расчетов, но с таким потенциалом, шеф!..

- Посчитай, Майлгенн.

- Да что тут считать? Я вам и так скажу: с ней новая ветка вероятности стаби...

- Новая ветка?! - раздался от двери голос Свейл. - Ты это серьезно?

Майлгенн развернулся к ней, перехватил поднос с кофе и поставил на стол.

- Ну-ка, скажи мне, как зовут Бероука одиннадцатого?

- Артур, разумеется.

- Вот! - он победно отсалютовал чашкой и кивнул на экран. - Артура нет, и не было!

Пока Элвуд с Майлгенном пили кофе и задавали кристаллам параметры расчетов, Свейл прилипла к экрану, чуть ли не попыталась втиснуться внутрь. Кажется, она даже дышать забыла. Отлипла, лишь когда Лиле с Саксом и Брандоном вышли из принцевых покоев.

- Мда... А в кодексе, получается, Брандон? И для игроков - тоже Брандон?

Майлгенн пожал плечами:

- Ну да. Старую ветку помним лишь мы и Лиле. Сама же знаешь, вероятности изменяются для всех, кроме...

- ...тех, кто их менял, - закончила за него Свейл и показала язык. - Зануда ты, профессор Дубовицкий. Самый занудный из всех зануд!

Перепалку прервал Элвуд. Потребовал у Свейл отчета по новым игрокам, а Майлгенну велел немедленно отрываться от возлюбленных кристаллов и заниматься Лиле. И ни в коем случае не выпускать ее из виду!

- Да я все понимаю, шеф, - устало кивнул Майлгенн. Эйфория схлынула, и он снова вспомнил, что спал всего ничего, и сегодня вечером идет на первое погружение еще один светлый с непробужденной кровью, и трое перспективных игроков готовы

отказаться от миссии... Снова волна отказов, что ли? И один Ллир знает, насколько вообще верна их теория, а другой все равно нет... - Сейчас и займусь.

Часть 2

Глава 1. Лиля

Назавтра позвонил Михаил, долго расспрашивал о самочувствии и настроении, и даже ответил на вопрос о кодексе. Очень пространно и так подробно, что Лиля постеснялась сказать, что так ничего и не поняла. С ее точки зрения, внести изменения в готовую игру можно было только патчем, а как можно успеть создать патч за день, а то и несколько часов? Но, выходит, можно. Наверное, какое-то могучее колдовство, подумала она, вешая трубку, и вспомнила, какие у Эри делались несчастные глаза, когда они с Кираном, - то есть здесь его наверняка звали Кириллом, - говорили на своем современном языке...

От воспоминаний снова было больно, и сладко, и не верилось - что вот так глупо все закончилось, что больше никак и никогда. Особенно не верилось во сне. По ночам Эри был живой, а не нарисованный, снова целовал ее, и чинил крышу в той ужасной землянке, и разделывал для супа тощую утку. По утрам - тоже был Эри. И по вечерам. И даже днем, когда совсем не хотелось спать, она что-то делала по хозяйству, с кем-то говорила по телефону и ждала вечера. Снов. Она убеждала себя, что это не психоз, что она просто устала и организму надо восстановиться, и ложилась в холодную кровать - к нему.

За календарем она не следила. Когда как-то днем явилась Настасья, безжалостно разбудив звонком в дверь, и спросила, готова ли подружка ехать на Арбат, Лиля страшно удивилась.

- А что... разве сегодня суббота?

Настасья оглядела ее, горестно вздохнула и сказала:

- Совсем, старушка, плоха стала.

Лиля только пожала плечами. Показалось странным, что Настасья ограничилась столь невинным ответом, но думать об этом не хотелось. И спрашивать Настасью, зачем она лезет в холодильник, он же все равно пустой, тоже не хотелось.

- Ты сегодня ела, несчастье мое? - спросила подруга, захлопнув дверцу.

- Не помню. Наверное, нет. Я же спала.

Покачав головой, Настасья принялась за обыск. Пооткрывала все кухонные полки и шкафчики, выбросила из хлебницы половину плесневелого батона, а с полки достала упаковку овсяных галет и остатки засахаренного варенья. Кажется, вишневого.

- Чайник поставь, что ли, - велела Лиле.

- Ага... чайник...

Лиля тоже пошуршала по полочкам и обнаружила, что чай остался только зеленый. Но какая разница? Лишь бы горячий.

Потом Настасья пила чай и, подперев щеку кулаком, смотрела, как Лиля хрустит хлебцами и приканчивает варенье. Неожиданно вкусное.

- Ладно, сойдет, - вздохнула Настасья, когда варенье закончилось. - Вернемся, купим еды, и ты мне все расскажешь про эту вашу игру.

- Тебе же завтра... - попробовала возразить Лиля.

- Воскресенье завтра, - снова вздохнула Настасья. - Пошли, что ли. Флейту не забудь, несчастье.

На Арбате было шумно. И людно. Наверное, Лиля не смотрела по сторонам, и даже не слишком прислушивалась, что вокруг происходит. Вполне достаточно видеть и слышать Сеньку с Настасьей.

Они сыграли, наверное, десяток песен, когда Настасья почему-то умолкла, Сенька брякнул по струнам не в лад, а Тыква, не сбиваясь с ритма, два раза ударил по бонгу, а третий - по Сенькиной голове, чтобы не лажал.

- Лиля? - голос был, кажется, знакомый. А окликнувший ее бородатый мужик - нет. То есть кажется, Лиля его уже где-то видела, но где - не помнила. Какая разница?

Зато Настасья, похоже, помнила. Глянула в футляр, сделала круглые глаза, потом на Лилю. Чего-то от нее ждала, наверное. И мужик чего-то ждал. Лиля кивнула ему и сказала "здрасьте". А Настасья улыбнулась ему, как Мерилин Монро, и спросила:

- Орхидеи кончились?

Мужик засмеялся, поцеловал Настасье ручку и сказанул что-то почти не пошлое о красоте и таланте, которые затмят и посрамят. Лиля не слушала. Она маялась тоской по тихой квартире и мирному сну - а все это, кажется, накрывалось медным тазом. Или "Никоном". Точно, она вспомнила, где его видела - по фотоаппарату и вспомнила. Мороженое, счастье, ожидание скорой встречи с Эри...

Вот сейчас Настасья наобщается, и вспомнит, что им работать надо, а потом - домой, к любимому диванчику. При чем здесь вообще какой-то мужик, честное слово?

Подружка чувствительно пихнула Лилю локтем.

- Да проснись ты, горе мое! К тебе обращаются!

Лиля потрясла головой.

- А?..

Ее просили позировать. Снова. Несли чушь про

великолепный контраст, улыбались и явно пытались очаровать. Ни позировать, ни очаровываться не хотелось, и Лиля жалобно посмотрела на Настасью. Но та была непреклонна: ей хотелось и позировать, и очаровываться, и...

- ...хватит медитировать, Лильбатьковна. Мы согласны. - Настя обняла ее за плечи, улыбнулась за обеих и поволокла ее куда-то. Позировать.

Упираться не имело смысла. Лиля и не упиралась: чем раньше начнут, тем раньше ее отпустят.

Мужик притащил их, кажется, в антикварный магазинчик, о чем-то побеседовал с кем-то за прилавком и засуетился сначала вокруг Настасьи. Поставил в какую-то нужную ему позу, поднял ее руку, повернул ей голову. Настасья млела. Лиля даже подумала, может, оставить их? А что, мужик Настасье нравится, слепому ж понятно, вот пусть и млеют. Вдвоем. Она тихонько отступила на шаг, потом еще, и уже нащупала спиной дверную ручку, как Настасья перестала млеть и уставилась на нее, как Ленин на буржуазию. Следом за ней обернулся и фотограф, усмехнулся и нацелился на Лилю камерой.

- Иди-ка сюда, контраст, - велела Настасья.

- Вот к этой раме, - поправил фотограф.

Дери ее, подумала Лиля тоскливо. Неохотно подошла, поморщилась, когда фотограф взял ее за подбородок, и повернул, как до этого Настю. Потом за руку. Потом отступил, схватился за камеру.

Настасья, в отличие от Лили, позировала с явным удовольствием

А когда Ильяс, - не сама вспомнила, Настасья подсказала, - снова пошел к менеджеру магазинчика, выторговывать очередной реквизит для очередного гениального кадра, подруга ухватила ее за плечи и легонько встряхнула.

- Да проснись ты, наконец, Лиль, ну ты что, совсем слепая?

Лиля послушно потрясла головой.

- А? Что я?

- Доктор, мы ее теряем, - вздохнула Настасья и отпустила.

Лиля пошатнулась, оперлась на что-то вроде мебели, и тоже вздохнула. Ради Настасьи она, конечно, потерпит. Ну, нравится ей мужик, хочет она профессиональные фотки, не мешать же. Правда, совсем непонятно, зачем им тут сдалась Лиля. На модель она никак не тянет.

Вспомнилось чучело, мельком виденное сегодня в зеркале, и подумалось: на такое бы Эри не польстился. Или польстился? Нет, для него она бы... И так живо представилось, как бы она для него, что стало тепло, кажется, впервые с тех пор как проснулась

в Игровом Центре, облепленная датчиками и опутанная трубками. Последние остатки наваждения спугнул щелчок камеры. Лиля сфокусировала взгляд, разглядела чужие, темные и какие-то тоскливо-голодные глаза, сжатые губы, бороду. Показалось вдруг, что этот полузнакомый фотограф ее понимает. Вот только заканчивал бы он быстрее, а то уж очень спать хочется. Лиля дождалась очередной вспышки и зевнула в ладонь. Глаза сами закрываются.

- У тебя удивительная улыбка, - тихо сказал он и усмехнулся. - Дотерпи хоть до машины, спящая красавица.

Красавица, ага. Которая сто лет проспала, и вот только что продрала глаза: нечесаная, опухшая и помятая. Со всех сторон красавица, точно.

Он убрал камеру в чехол и распахнул перед Лилей дверь. От яркого дневного света Лиля сморщилась и зажмурилась, очень болели глаза. Настя недовольно заворчала над ухом и подхватила ее под локоть.

- Давай уж так, а то навернешься еще... Ильяс, вы про машину говорили?

- Раз уж Лиля так хочет спать, что ее не разбудит даже горячий шоколад...

- Не разбудит, - буркнула Лиля.

Ильяс развел руками.

- Хоть довезу до дома. Должен же я загладить и все такое. Кстати, визитку возьмите.

Настя что-то ответила, Лиля не поняла, что. В ушах гудело, что происходит вокруг, она тоже не совсем понимала. Кажется, ее посадили в машину, а потом она, наконец, заснула.

Глава 2. Ильяс

В машину ее пришлось запихивать как багаж, ибо недоразумение уснуло на ходу. А подруга ее забралась на переднее сиденье, сбросила радостную улыбку и, назвав адрес, притихла. Умница. И красавица - камера от нее в восторге. И вообще, с ней все было бы куда проще, жаль, не судьба.

Пока выезжали с Арбата на Кутузовский, приглядывались друг к другу.

- Вы извините, - сказала, наконец, умница и красавица. - Мы вам, кажется, съемку испортили. Но это просто время неудачное. Вот с полгода назад мы бы - ух! А сейчас Лилька что-то расклеилась совсем.

- Ничего вы не испортили, - пожал плечами Ильяс и искоса глянул на умницу и красавицу. - Контраст и в самом деле... м... разительный.

Он грустно усмехнулся, вспомнив перемазанное шоколадом солнышко.

Настасья вздохнула и сменила тему:

- А фотографии потом можно будет увидеть?

- Конечно. Мыло дайте, все что годное - скину. Кстати, не будет слишком большой наглостью с моей стороны спросить, где вы поете, кроме Арбата?

- Не будет, - она пожала плечами. - Вообще-то я учусь в консерватории, а пою по вторникам в "Южном ветре", знаете, наверное?

Разговор плавно перетек на обсуждение злачных мест для любителей джаза, потом - на арбатские развлечения квартета, на сам квартет. Настасья охотно рассказывала, видно было - гордится. Так и дорогу скоротали, за беседой. Когда доехали, Ильяс попросил:

- Настя, позвоните мне, если вдруг с Лилей что. Я волнуюсь, знаете.

- Ага, - сказала Настасья. Выбралась из машины и пошла извлекать с заднего сиденья сонную подружку.

Честно говоря, на ее звонок Ильяс особенно не рассчитывал. Да и вообще не рассчитывал, известно же, что такое женская дружба. Поэтому вот уже полтора месяца присматривал за немочью сам - приезжал на Арбат по выходным, наблюдал, но больше не подходил. Чем дольше наблюдал, тем сильнее ему не нравилось то, что он видит: Лиля закуклилась, не

видела ничего вокруг и, похоже, не вполне осознавала происходящее. Это несчастное создание не хотелось снимать, и орхидеи ему дарить не хотелось. Только пристрелить из жалости, как чумного щенка.

Как вернуть Лилю в мир живых, Ильяс даже примерно не представлял. Никогда не умел выхаживать щенков - и учиться не хотел.

И только в середине июня позвонила Настасья. Наверное, еле дождалась, пока он возьмет трубку, потому что затараторила почти без пауз:

- Ильяс, здрасьте, это Настасья, вы просили позвонить, если... я вот, звоню.

Поначалу Ильяс подумал, что это скорее повод назначить свидание, чем забота о подруге. Собственно, он был бы всецело за - в других обстоятельствах. Такие, как Настасья, в постели еще лучше, чем в кадре, и никаких тебе обманутых ожиданий, претензий и прочей ерунды.

- Я сейчас вообще-то на работе, - добавила Настасья. - Вы скажите, когда с вами можно будет поговорить? Только мне бы побыстрей...

- Ну, я как раз собирался где-нибудь поужинать, так что давайте прямо в "Южном Ветре". Вы до одиннадцати?

Поел, пока Настасья заканчивала программу. Пожалел, что так и не собрался приехать раньше, ее голос определенно того стоил, да и смотрелась она на сцене великолепно. Ильяс не удержался, отснял несколько кадров.

Настасье удалось его удивить: она и впрямь переживала за подружку. Кто другой мог бы и не заметить, но только не он: у певицы были усталые и озабоченные глаза, а пальцы безостановочно отстукивали по колену какой-то странный рваный ритм.

- Вы понимаете, - начала она напряженно. - Мы все старались что-то сделать, думали - несерьезно, опомнится, это у нас у всех иногда бывает, просто совсем ничего не хочется. Но оно не проходит второй месяц, становится только хуже. А вы... вам, кажется, она не безразлична, я вас видела на Арбате в эти выходные, и в прошлые... вот и позвонила. Может, у вас получится?

- Вы очень наблюдательны, - грустно улыбнулся Ильяс. - Поверьте, я бы с радостью. Но как?! Не тащить же ее на ночные гонки на Воробьевых.

- Как - это как раз понятно, - Настасья прекратила барабанить и подперла кулаком подбородок. - Это не трудно. У Сеньки бы получилось раньше, когда они... Но Лилька как

зачастила в этот игровой центр, у них все и закончилось. А то бы отправились куда-нибудь в Суздаль, все бы прошло.

Сенька и Лиля? Представив эту парочку, Ильяс не смог сдержать ухмылки. Вот уж точно, два сапога, и оба левые.

Настасья понимающе пожала плечами.

- У нее всегда было непросто с... все непросто.

И глянула на Ильяса, словно следователь с Лубянки.

- Со мной будет просто. Если она, конечно, захочет. - Вспомнил о латте, которое так и держал в руке, допил и улыбнулся - открыто, словно признавая всю вину, и свою и чужую разом. - Видите ли, так получилось, что она мне очень важна. Жизненно необходима, если уж совсем откровенно. Так что... - Заглянул в пустую кружку, подозвал проходящую мимо официантку. - Еще латте мне, а леди... что будет леди?

- "Эрл Грей" с мятой. - Настасья прищурилась. - А как вы познакомились?

- В игровом центре. - Глянул на "следователя", усмехнулся: удивится, возмутится? Но "следователь" хорошо держала образ, даже не моргнула. - Я делаю для них кое-какие рекламные материалы. Увидел ее после погружения, в местной кафешке... и вот... - развел руками. - Ваша подруга очень противоречивая личность. Одна сплошная загадка.

Настасья непонятно хмыкнула.

- Ясно. Вы ее свозите куда-нибудь, где красиво. Недалеко от города, а то потеряете в дороге.

Прикинув варианты, Ильяс на всякий случай спросил, как загадочная и противоречивая реагирует на монастыри и церкви. А то всякое бывает.

- Нормально реагирует, - заверила Настасья. - Особенно если старинный. Только... - она на минуту задумалась. - Да. Только проследите, чтобы взяла флейту.

Составив заговор, Ильяс распрощался с леди, благо, она отказалась от джентльменского предложения подбросить до дома. Тут же, на стоянке около клуба, позвонил дамочке, возжелавшей запечатлеть свое прыщавое чадо в отчаянно рекомендованной подругами модной студии, и отменил завтрашние съемки: у него, кхе-кхе, небольшая простуда, не стоит рисковать здоровьем драгоценного чада и его прелестной мамаши.

***

Лиля открыла не сразу, Ильяс успел испугаться, что ее куда-то понесло в самый неподходящий момент. Что было бы странно, за прошедшие с последней игры полтора месяца она если куда и ходила, то лишь в Битцу или на Арбат. В игровом центре она была позавчера, так что сегодня определенно должна быть дома.

Открыла, не спросив, кто.

- Ильяс? - удивилась вяло. На двоечку. Выглядела тоже на двоечку. С минусом.

- Привет, аленький цветочек, - усмехнулся он, шагая в квартиру.

Она посторонилась, даже не спросила, зачем пришел - первый раз, без звонка, в мотоциклетной куртке. Ну да, нам на все чихать. На себя в том числе.

Огляделся. Обычная квартирка, кооперативная двушка родом из шестидесятых, скромно, подзапущено и душно. До свинюшника, как бывает при запоях и загулах, не дошло, и то слава богу. Ладно.

- Джинсы годятся, майку надевай без рукавов, на улице тридцать, - велел ей. - И ветровку. Давай, цигель-цигель.

- Куда?..

- Недалече. Одевайся.

Она пожала плечами, ушла в комнату, пошуршала там, через две минуты вернулась: те же потрепанные голубые джинсы, черный топик, обтягивающий ребра, волосы в хвост и никакой косметики. Обула кроссовки, сдернула с вешалки ветровку и рюкзачок. Господи. Дитя Освенцима! Где та прелесть в красной шапочке и с шоколадом на носу?! Такое можно снимать только на плакат "поможите-люди-добрые", без грима и костюма, как есть.

- Флейту возьми, цветочек.

Кивнула, сунула футляр в рюкзак, посмотрела без выражения. Остро захотелось поджечь гребаный игровой центр, а ее как следует встряхнуть, окунуть в прорубь и напоить скипидаром, чтобы на бумажном лице появились хоть какие краски.

Надела шлем, села позади него на мотоцикл, словно кукла. Маленькая кукла, особенно по сравнению с ним. И держаться удумала за скобы. Пришлось положить ее руки себе на пояс: крепко обхватить не смогла, рук не хватило.

- Не свались, аленький цветочек, - буркнул Ильяс и еле удержался, чтобы не добавить "мечта мазохиста".

Лилька уцепилась за ремень, и на том спасибо. Но ни полслова не проронила всю дорогу, не пожаловалась на предельную скорость и даже ни разу не завизжала на нарочито

резких поворотах. Словно то волшебно-изменчивое создание, - то ли ребенок, то ли женщина, то ли идеально чистый лист, - умерло в игровом центре в Битце, а у него за спиной сейчас сидит плюшевая игрушка, только уж больно костлявая. Есть, что ли, забывает? Черт. Вот же угораздило связаться!

Проезжая Сергиев Посад, подумал: пиццей накормить? Здесь, напротив Лавры, отличная пиццерия. Нет, не стоит рисковать. Надо полегче. Остановился у магазина, купил две бутылки йогурта и шоколадку. Отнес, скормил недоразумению. Похоже, и правда не ела со вчерашнего дня - шоколадка исчезла тут же, а на щеках появилось подобие румянца. После йогурта она даже подала голос. Спасибо сказала. С ума сойти.

Но хоть можно ехать дальше без опаски потерять пассажирку. Правда, скорость он на всякий случай сбросил. Немного.

Километров через пятьдесят свернул с трассы на стремную грунтовку. По такой или на тракторе, или на мотоцикле, и только посуху. Еще через десять минут показалась деревенька. Он ездил сюда часто: поснимать реку и храм - девятнадцатого века, когда-то очень красивый, а сейчас заброшенный и обветшалый. А сейчас вот привез свою "идеальную натуру". Снял ее с мотоцикла, мотоцикл завел в сарайчик к бабульке, с которой еще пару лет назад договорился о постое. Вернулся к Лиле - она так и стояла посреди дороги, но хоть растерянно оглядывалась, а не смотрела перед собой с отсутствующим видом. И зябко куталась в ветровку.

Жара за тридцать, а ей холодно. Черт бы подрал это их полное погружение!

Он достал вторую бутылку йогурта, сунул ей в руки, махнул на храм:

- Под стеной источник. То ли святой, то ли целебный, но вода вкусная. До реки одна не ходи, там болотце. А я скоро приду.

Кивнула, задумчиво пошла по грунтовке к обваленной ограде. Хмыкнув, Ильяс сделал пару десятков снимков - нечто худющее, несчастное, на фоне заброшенного кладбища... концептуально, однако. Если усадить на могилку, сойдет за местное привидение. Неупокой. А что, неплохое названьице!

Отсняв неупокой, он на полчаса о Лиле забыл. Этот храм с просвечивающими насквозь стенами и кружевными от старости куполами он мог снимать бесконечно. Да просто быть тут, сидеть на берегу и смотреть на убегающую в поля извилистую речушку, бродить между замшелых плит, оттирать от столетней пыли кусочки фресок... Изредка он посматривал на Лилю. Похоже, волшебство этого места делало свое дело: дитя Освенцима уже

бродило по кладбищу, все с той же бутылкой из-под йогурта в руках. Не бросила под куст, умница. Нельзя здесь мусорить.

Решив, что дал ей достаточно времени, чтобы осознать себя в новом месте и вдохнуть порцию кислорода, Ильяс подошел. Лиля как раз стояла около куста шиповника, мяла в пальцах шелковый лепесток. Вокруг нее с гудением летал шмель. И, о чудо, она улыбалась! Ладно, может быть и не придется пожалеть, что привез ее сюда. Ни одну модель, ни одну подружку, никого не привозил. Не хотел пачкать здешнюю тишину гламурным тусняком. А для старых друзей, которые бы поняли и не испачкали, он давно умер и воскресать не стремился.

Она убрала руку от цветка, подумала, протянула снова. Разгладила лепесток подушечкой пальца. И пошла по тропинке к храму. Не побрела, сутулясь и еле волоча ноги, а именно пошла. Скрылась в проеме двери. Ильяс минуту колебался - пойти за ней или не надо? Решил, что не стоит. Лучше еще побродить вокруг. Успел обойти дважды, а потом внутри запела флейта. Пронзительно, чисто, почти навзрыд и очень, очень светло.

Он замер на полушаге, выдохнул. И, опасаясь спугнуть, прокрался к длинной вертикальной щели в стене. Прижался лбом к холодному камню. Закрыл глаза. Под флейтовую мелодию его отпускало. Он сам не понимал, насколько боялся, что ничего не выйдет, пока вот... Вот чего здесь не хватало, понял он. Флейты. Что-то из Баха, кажется, уж очень знакомое.

Кадры через щель вышли странными, болезненными и надломленными. Острый камень, острые полосы света и угловатая бесполая фигурка с флейтой. Пыль. Полумрак в углах. Под сводом - едва угадываемые лики.

Молясь всем богам и святым, чтобы она продолжала играть, он обошел храм, сел на пороге - и снова снимал. Не столько ее, сколько мелодию теней, брошенную на пол ветку шиповника, росчерки ласточкиных крыльев над крестовиной колокольни, бабочку на треснутом колоколе. А потом опустил "Nikon" и просто слушал ее, привалившись спиной к стене. Флейта пела и пела: светлое, радостное, и надрывное, глухое, словно тянущее к земле. Умолкла, когда тени сдвинулись к ограде. Часа два прошло, не меньше.

Сбоку застучали подошвы. Остановились.

- Я что-то есть хочу, - сказала она негромко и виновато.

Он достал из никоновского футляра красное яблоко, протянул ей, не вставая. Заглянул в глаза. Вот так, снизу, они казались черными и топкими, как смола. И сама она была то ли сошедшим с фресок раненым ангелом, то ли тоскующим от вечности зла бесом. Не дожидаясь, пока она что-то скажет или

укусит яблоко, взялся за "Nikon". Она поняла, замерла, отрешенно глядя на яблоко в руке.

Он сделал несколько кадров, опустил камеру, Лиля прицелилась было откусить от яблока, и вдруг опять остановилась.

- Что-то я... - Сделала полшага, вышла из тени в луч и протянула яблоко на открытой ладони, простым детским жестом. - Хочешь?

Ильяс едва не забыл про "Nikon", заглядевшись на пыльно-золотой нимб, - растрепанные волосы, просвеченные солнцем, - и улыбку, чистую и невинную. Машинально потянулся за яблоком, дотронулся до пальцев - и сердце зашлось, подскочило к горлу, от пальцев прокатилась волна мурашек. Показалось, она тоже вздрогнула, и глаза потемнели... Не смея моргнуть, чтобы не спугнуть чудо, смотрел на нее, настоящую. Не бесполого и безгрешного ребенка, а женщину. Еву. Его Еву, прекрасную и желанную до дрожи.

- Стой, не двигайся, пожалуйста...

Ильяс снова снимал ее, совсем иную, незнакомую. "Nikon" касался ее - прохладной кожи с невидимым мягким пушком, пробовал на вкус - словно розовую клубнику, обмытую дождем, раздевал и ласкал. Так, как пока не смел он сам: не здесь, не сейчас, вдруг то волшебное касание не повторится?

Он встал, подал ей руку.

- Идем к источнику. Тебе там понравится.

Коснувшись его руки, она улыбнулась, испуганно и немножко безумно: еще одна маленькая молния ударила обоих.

- Идем, - повторил он и отпустил ее ладонь.

Не здесь.

Не сейчас.

Рано еще.

Она смутилась, молча кивнула. Убрала в футляр свою флейту, спрятала в рюкзачок.

Вытащив из брошенного у порога храма рюкзака белую простыню, Ильяс сломил еще ветку шиповника. Как раз самый свет перед закатом, ее волосы будут казаться золотом.

У самого источника Лиля остановилась, глубоко вдохнула. Посмотрела на солнце.

- Вечереет же. Как обратно поедем?

- Быстро поедем, - кивнул он. - Раздевайся, заворачивайся, распускай волосы и садись на этот камушек. Подглядывать не буду.

Он отвернулся, не дожидаясь ответа, и усмехнулся сам себе. Пока не будет. Если раньше и не хотелось, то теперь... Ничего, он

подождет. Но недолго.

За спиной прерывисто вздохнули, зашуршали. Неразборчиво пожаловались на холод.

Потом кашлянули.

- Я... это. Вот.

Вот. Сидела на камне, подобрав ноги, опираясь рукой для равновесия. Смотрела напряженно и любопытно.

- Ага... - протянул он, присматривая ракурс. - Ноги в воду и прекрати меня бояться. Не съем. Даже не покусаю.

Бросил в воду ветку шиповника, показал рукой, мол, волосы вперед, через плечо.

Она кивнула. Перебросила волосы, опустила ноги в воду. Поджала пальчики - ну да, вода холодная. Источник же.

Еще бы расслабилась, вот как с яблоком. Такое было лицо, мадонна и бесовское наваждение!

Лиля подождала-подождала пока начет снимать, потом заинтересовалась чем-то на дне. Наклонилась ниже - волосы почти коснулись поверхности. Всмотрелась в воду. О нем забыла. Наконец!

Затаив дыхание, он снимал, снимал - пока она не вспомнила, что надо бояться и делать умное лицо. Чуть не свалился в овражек, выругался, - молча, только молча! - и напоследок снял сверху, мадонну в омуте. Пришлось залезть на трухлявую оградку, извозить джинсы в ржавчине, но кадры того стоили. Слезать оказалось много сложнее, чем залезать. Хорошо, мадонна замечталась над водой и не видела собаки на заборе. Как ни досадно было это признавать, но его здоровый пофигизм дал трещину.

Ильяс хмыкнул, отряхивая джинсы от ржавчины и мусора, и позвал:

- Лиля?

Она вздрогнула, подняла затуманенный взгляд и выдернула ноги из воды. Покачнулась - он едва успел прыгнуть на ближний камень, поймать за плечо. Очень хотелось прижать сосульку к себе, отогреть, но по взгляду было ясно: не поймет и не одобрит. Трусишка.

- Одевайся, - скомандовал он. - Только пока не обувайся.

Сходил за рюкзаком, вынул фляжку коньяка, вернулся - она как раз завязывала волосы в хвост, дрожа и ругаясь под нос. Уже не обращая внимания на стеснение и прочую дурь, присел рядом на корточки, налил коньяка в ладонь, фляжку сунул ей и принялся растирать сначала одну замерзшую ножку, затем вторую.

Балансировать на одной ноге ей было неудобно - сначала

оперлась ему на плечо, потом вцепилась, сжала пальцы. Как только отпустил, кинулась шнуровать кроссовки, а выпрямилась - улыбаясь и блестя глазами.

- Тепло. Спасибо, Илья.

Ну вот, совсем другое дело, подумал Ильяс. И ладно, пусть пока зовет так, потом привыкнет нормально. Уф. Теперь можно надеяться, что будет это самое потом...

- Домой хочу, - проворчала она под нос.

- Выпей чуть, чтоб не простыть. И поехали. Пиццу будешь?

Она сглотнула. Быстро кивнула.

- Буду. Только без осьминогов. А коньяк - не, а то упаду по дороге.

На коньяке он не настаивал. Даже сам не глотнул, хоть и хотелось - рано расслабляться.

Через полчаса они уже спускались в подвальчик: маленькую пиццерию напротив Троице-Сергиевой лавры. От вкусных запахов кружилась голова, и очень хотелось курить. Так что, оставив Лильку делать заказ "тебе что хочешь, а мне слона", он вышел на улицу, закурил сигарету. Глянул на первые звезды, едва видные из-за уличных фонарей, проверил звонки на телефоне и послал одну смску:

"Примадонна, с меня вискарь".

Заказ на слона Лиля поняла почти буквально - его стейк занимал чуть не полстола. А она алчно приглядывалась к пицце с грибами и грела руки о кружку кофе с корицей. Когда он сел за стол, потянула носом, смешно сдвинула бровки, но ничего не сказала. Кроме, разумеется, "приятного аппетита". Ладно, подумал Ильяс, не будет при тебе сигарет. Вздохнул, - искусство и жертвы, как всегда, - и принялся за слона. То есть стейк.

Лиля добралась до половины пиццы и вдруг ойкнула. Разумеется, поперхнулась и раскашлялась. Сдернула со спинки стула свой рюкзачок и полезла внутрь, совершенно не заботясь, как это выглядит. Ну совсем как весной. Закопалась, судя по движению руки, перебрала все содержимое, перебрала еще раз и опять ничего не нашла. Повесила рюкзачок обратно.

Подняла на Ильяса смущенные и растерянные глаза.

- Ключи забыла. Когда уезжали.

Он тоже чуть не поперхнулся. Это что, приглашение? Или как с яблоком, чистая невинность? Черт. Танго на минном поле, а не женщина. Капелька нитроглицерина. Насколько было проще, пока он ее не хотел!

- Переночуешь у меня, а завтра найдем слесаря. Подумаешь, проблема. - Он улыбнулся (без намека!) и чуть отстранился. - И сразу начистоту, ладно? Ты ничего никому не должна и никого не

побеспокоишь.

- Не надо слесаря, - заторопилась она. - У Настасьи запасные ключи, если успеем вернуться до полуночи, то... - Замолчала. Вцепилась в свою чашку, отпила почти половину в три быстрых глотка. - Ты так сказал у источника... что бояться не надо. Смешно. Я же и так не боюсь.

- Расслабься, аленький цветочек. Никто не сомневается, что не боишься. Просто я люблю, чтобы все было понятно. Сразу. Знаешь, всякие недомолвки и ложь чертовски осложняют жизнь. Ты не согласна?

Лиля фыркнула в чашку.

- Согласна. Только и без объяснений все было понятно, нет?

Так фыркнула, что стало неуютно и горько. Его не глядя записали в ряды козлов, не пропускающих ни одной юбки. По принципу "кто девушку обедает, тот ее и танцует". Черт.

- Не уверен, что понятно. - Он посерьезнел. - Если ты думаешь, что я каждую модельку вожу в Залесье... Ладно. Не будем об этом. Поехали уже, в самом деле поздно.

По пустому шоссе доехали быстро. В этот раз она обняла его сама и положила голову на плечо. Спать надумала? Смешная. Самый кайф, пролететь по ночному МКАДу, через ленты огней, радуги развязок. Ради этого полета он и держал мотоцикл. Детскую мечту, некогда непозволительную и опасную роскошь. Ничего. В другой раз, не сегодня, он поставит ее на бортик эстакады, над разноцветным сияющим морем, с флейтой... Да. Это будет хороший кадр.

В лифте она зевала в рукав, сонно щурилась и бурчала про контрастный душ.

Цветочек аленький оживал на глазах!

В душ Ильяс ее запихнул, как только вылезла из кроссовок и сбросила рюкзачок. Куртку повесил в шкаф, вполголоса обругал Тигра, что не вышел встречать хозяина. Сполоснулся в душе, который в студии, - даже через лестничную клетку не пришлось ходить, давно уже сделал дверь между студией и квартирой, - сунул свои и ее грязные джинсы в стиралку, сделал горячий чай, налил четверть бокала коньяку и сел с ноутбуком в гостиной, просмотреть сегодняшнюю добычу.

Добыча была однозначно хороша. Не гламур, не рекламные фантики. Фото с кладбища отложил: концептуальная безнадежность - в самый раз для выставки в ЦДХ, богемная публика будет в восторге. Только Лиле это пока показывать не надо, не оценит. Дальше были - источник, отражения, ласточки, флейта... До чего хороша! Видно, не профессиональная вешалка, и без краски лицо как туман. Остановился на кадре с яблоком.

Тяжело сглотнул: получилось еще лучше, чем казалось там, хотя куда уж! Невинность и вызов, чистота и эти тяжелые тени под грудями, тонкие пальцы с короткими ногтями без лака... И Евино яблоко. Бесовское наваждение, а не женщина. Как он сразу ее не разглядел?

Ильяс закрыл глаза, откинулся на спинку кресла. Нащупал бокал с коньяком, выпил, вместо винограда ощутив на губах сладость того яблока - и жаркую волну сверху вниз, до пальцев ног. Несколько мгновений подождал, пока в голове перестанет шуметь, сбросил рубашку в кресло, оставшись в обрезанных мягких джинсах. И пошел на звук льющейся воды.

Дверь в ванную открылась от легкого нажатия.

Лиля стояла под душем, задрав голову и закрыв глаза, улыбалась чему-то. Услышала его - обернулась, открыла глаза, по-прежнему чуть улыбаясь. Чисто, как на том кадре, только яблока не хватало.

Дыхание перехватило, словно у подростка. Шагнул к ней, выключил воду и наклонился - слизать капли с груди. Вкусные... Вся она была вкусная, прохладная, словно вода из источника.

Лиля дрогнула, сжала рукой его плечо, словно боялась упасть, а другой зарылась в волосы. Пальцы у нее были мокрые, скользили по коже, и дышала она неглубоко и прерывисто. Облегченный вздох, - ожила, слава богу! - Ильяс проглотил вместе с водой. Поднялся губами по шее, прикусил ушко и одной рукой провел по лопаткам и вниз, до ямочек на пояснице. Другой рукой накинул ей на плечи полотенце.

- Пойдем в постель, Капелька моя, - шепнул и, не дожидаясь ответа, завернул ее и подхватил на руки.

Лиля выдохнула что-то согласное и умостилась на руках уютно и естественно, словно всю жизнь вот так...

Вот так и нужно - всю жизнь, думал Ильяс, обнимая сонную и довольную Лильку. Засыпая, она закинула на него ногу. Гладкую, чуть влажную, дивно красивую ногу с маленькой ступней и тонкой щиколоткой, так удобно ложащейся в ладонь. Она вся была такая маленькая, тонкая и удивительно уютная, и самой естественной вещью на свете казалось, что теперь половину его постели будет занимать она. Каждую ночь. И ничуть ему это не помешает.

Ильяс хмыкнул, вспомнив, как оберегал свое личное пространство от всяких моделек, заказчиц и прочих существ женского пола. Даже до утра старался не оставлять, вызывал такси и отправлял домой. Только не в этот раз. И не в пустой дом - в одиночестве аленький цветочек с голоду помрет.

Поцеловав "несчастье" в макушку, - нет, не права Настасья, Лилька счастье, а не несчастье! - Ильяс выскользнул из постели и, не одеваясь, пошел за трубкой и планшетом. Раскурил, вернулся в спальню. Сел в кресло.

Лиля спала, разметавшись морской звездой, улыбалась чему-то во сне. А он дымил, поглядывая на свое счастье, набрасывал эскиз одной вещички, - то есть пары вещичек, - и думал, какой подвох на этот раз заготовила ему судьба. Он точно знал, что за чудо и счастье придется дорого платить. Впрочем... не сейчас. Платить - не сейчас.

Загасив трубку и сунув планшет подальше, он лег рядом, обнял ее: удобно, словно нарочно под него сделана. Закрыл глаза. И уже не заметил, как из-под кровати вылез недовольный кот, потянулся и улегся на подушку.

Разбудил его Тигр. В своей неподражаемой манере - поставил лапу на щеку и выпустил-спрятал когти.

- Убью и шапку сделаю, - пообещал коту Ильяс, но встал. Тигр победно мяукнул и развалился поперек постели, пузом вверх. Из кухни, она же столовая-гостиная-кабинет, пахло кофе - горячим, только что сваренным, с корицей и кардамоном. Нет, кофе подождет.

Пошел в душ, постоял под холодными струями, проснулся окончательно. Вспомнил, что оставил джинсы в комнате, хмыкнул. Полотенце сойдет.

Кофе ждал на столе и еще парил. А Лилька сидела на подоконнике, поджав одну ногу, болтая другой. В его белой рубашке, той, что вчера бросил на кресло, собираясь за своей совершенной натурой. Натура уткнулась в книжку и дирижировала чайной ложечкой. Этой же ложечкой помахала в знак приветствия. И пробормотала, не отрываясь от книжки:

- Извини, я тут немного похозяйничала... не страшно?

- Завсегда пожалуйста. - Он хмыкнул, отступая к столу. - Ключи от квартиры в холле у зеркала.

Оторвать от нее глаз было просто невозможно, так что "Nikon" он искал наощупь - помнил, что оставил тут же, на столе около ноутбука... ага!

Она неопределенно помахала ложечкой в ответ. Расслышала или нет?..

Послал бог пофигистку, думал он, снимая кадр за кадром. Чудо, совершенство! В его рубашке, просвеченной солнцем, на фоне свежей липовой зелени за распахнутым окном, она была дивно хороша. Домашняя, уютная. Желанная. Естественная. Модельки так не могут, сколько раз пытался усадить на окно вот

так, и Моцарта им ставил для настроения, и коньяком поил - а в кадре все одно выходила похабщина.

Лиля перевернула страницу и закрыла книгу. Посмотрела виновато.

- Извини, я увлеклась немного. Ты что-то говорил?

- Ключи от квартиры, говорю, в холле у зеркала, - повторил он, опуская "Nikon" и размышляя, утащить ее в постель сейчас же, выпить сначала кофе или взять прямо на подоконнике? - Чистые рубашки в шкафу, а холодильник ты и сама нашла. Все к твоим услугам.

Шагнул к ней, полотенце упало, да и черт с ним.

Глава 3. Лиля

В тот день Лиля так и не уехала. И на следующий почему-то тоже. С Ильясом было тепло, уютно и легко, - в точности, как в тот весенний день на берегу Москвы-реки, только почему-то еще лучше, - несмотря на его эстетское сибаритство. Вопиюще мужское - его квартира ясно показывала, что живет тут холостяк, не привыкший себе ни в чем отказывать, а дамы бывают лишь в гостях: халат в ванной один, синий махровый, гели для душа и шампуни только мужские, дорогущие и вкусно пахнущие, никакой забытой у зеркала помады или чулок. Может быть, все следы его любовниц убирала домработница: Ильяс не производил впечатления человека, способного драить плиту до блеска и наглаживать две дюжины рубашек. Тем не менее, в довольно скромной спальне и немыслимых размеров кухне-студии (она же гостиная и кабинет) с тремя окнами было чисто так, как бывает чисто лишь у заботливых хозяек. Но так как хозяйки здесь точно не было, и пахло у Ильяса только хорошим табаком, кофе, "Фаренгейтом" и сандалом, Лиля и подумала на домработницу. А, и еще немного пахло котом. Очень аккуратным котом. Серо-полосатый мейн-кун по имени Тигр сразу признал Лилю за хозяйку, ходил по пятам, выпрашивая еду и ласку, и по ночам устраивался спать на кровати, норовя влезть на подушку между ней и Ильясом. А Ильяс смешно морщил нос во сне, когда кошачий хвост попадал ему в лицо, отпихивал Тигра и, не просыпаясь, тянулся к Лиле. И от этого почему-то было снова тепло и хорошо, и казалось, что вот так и должно быть. Всегда.

На третье утро Лиля млела под горячим душем, когда услышала сначала звонок своего мобильного, потом бас Ильяса. Резкий, почти незнакомый. Наверное, говорит, что она сейчас не может подойти...

Она встряхнулась, словно только что проснулась. Нахмурилась.

Вот вздор, прекрасно она может!

Выскочив из ванны, Лиля натянула джинсы, поморщилась - они неприятно липли, как и майка, но все-таки лучше, чем полотенце. А надевать Ильясову рубашку она не решилась: вчера выход из душа в его рубашке закончился сексом на столе и остывшим кофе. Вкусным сексом и вкусным холодным кофе... Лиля потрясла головой, отгоняя внезапно стыдные мысли, и пошлепала на кухню, оставляя на полу влажные следы.

Из кухни пахло кофе и подгорающей ветчиной. Ильяс как раз ее переворачивал, что-то бурча под нос. Обернулся на звук шагов, улыбнулся и тут же отдернул руку от сковородки: зловредная ветчина зашипела и брызнула раскаленным жиром.

Ильяс облизал обожженную костяшку и кивнул на стол, где лежал Лилин мобильник:

- Тебе звонили. - Голос был недовольный, с нотками ревности. - Из Битцы. Куратор.

Лиля так растерялась, что споткнулась о Тигра и плюхнулась на диванчик.

- А разве уже?.. - И тут же сообразила, что да, уже пора - с последнего звонка Михаила прошла как раз неделя. А она забыла, потому что... потому что последние три дня совсем не думала об игре. Совсем. И о том, что обещала Эри вернуться, забыла. - Я... я сейчас перезвоню, - пробормотала она, хватая телефон. - Сейчас-сейчас.

Ильяс передернул плечами и вернулся к ветчине и кофе, а Лиля набрала номер.

В этот раз Михаил после вопросов о самочувствии осторожно поинтересовался, с кем он говорил несколько минут назад. Лиля снова растерялась, посмотрела на трущегося об ноги Тигра, и сказала, что со знакомым.

Тут же раздался сердитый звон тарелок об стол. Лиля вздрогнула, подняла глаза - но Ильяс уже отвернулся и пошел за кофе, спиной показывая, как ему все равно. Вот нежные создания эти мужчины, подумала Лиля, чуть что - обижаются. Вот Эри бы... Так живо представилось, как Эри смешно дергает плечом, а руки у него заняты зайцем, и как он улыбается - что перехватило дыхание, и захотелось плакать... нет, нет, хватит психоза! Нет никакого Эри - зато есть Ильяс. Живой. Не нарисованный.

Забытый Михаил кашлянул, напомнил, что нужно следить за здоровьем и поинтересовался, не собирается ли Лиля расторгнуть контракт. Лиля страшно удивилась и сказала, что ни в коем случае. И тут же испуганно уточнила, не собирается ли это сделать руководство Центра. Тон Михаила потеплел, и он заверил, что свои обещания они держат, а Лиле надо бережно относиться к своему здоровью, и особенно к зрению. Нет-нет, сказала Лиля, я не играю. Честно говоря, совсем не тянет.

Отключившись, сначала с недоумением поглядела на телефон, потом - на уткнувшегося в ноутбук Ильяса. Странно все же получилось с этой поездкой в Залесье, и вообще странно он себя ведет. И назвал ее по-дурацки, Капелькой. Совершенно непонятно, почему она эту глупость посчитала милой и трогательной!

- С чего Михаил вдруг решил, что я собираюсь... - махнула рукой и принялась чесать довольно урчащего кота. - И как я пропустила время звонка? И... - Она запнулась. - Это я у тебя уже третий день? Вот так нахально поселилась?

Не отрывая глаз от ноутбука, Ильяс подвинул к ней кружку с кофе.

- Всего третий? - задумчиво переспросил он. - А мне казалось, ты всегда тут была. К хорошему быстро привыкаешь.

Наконец, он нашел то, что искал и повернул экран. Там, на экране, была она - с флейтой, в залесском заброшенном храме. Наверное, она, потому что девушка на фотографии была не бледной мышью, а чуть ли не мадонной. Хотя нет, для мадонны слишком много чувственности.

- Все-таки не я, скорее, удачная копия. - Вздохнула Лиля. То, как видел ее Ильяс, льстило и немножко пугало. - Домой надо.

- Оригинал лучше, - согласился Ильяс, оглядел ее вот так же, как вчера после душа, и спросил: - Тебе что-то нужно дома?

Лиля попыталась вспомнить, что же ей нужно. Вспоминались только Настасьины слова про пустой холодильник, в котором, поди, мышь повесилась. Отчетливо представились маленькие серенькие мышки, померевшие с тоски вокруг баночки с засохшим плавленым сыром.

- Выбросить мышей, - пробормотала она.

Встряхнулась. Снова попыталась собраться с мыслями. Значит, домой... а, собственно, зачем? Снова тосковать, сходить с ума и вешаться рядом с мышами в ожидании октября и игры? Или тупо за зубной щеткой?..

Додумать и снова затосковать помешал смех Ильяса.

Лиля уставилась на него.

- А? Что я сказала?

- Выбросить мышей, - с самой серьезной миной повторил он и снова рассмеялся. - Ты такая... Капелька. Зачем их выбрасывать?

Лиля снова потрясла головой и попыталась собраться. При чем здесь мыши... а!

- Понимаешь, Настасья сказала, что у меня в холодильнике мышь повесилась. Вот я и представила, что за три дня их там, наверное, много собралось и надо их выкинуть. Ты не обращай внимания, я иногда такую чушь несу.

Вместо ответа Ильяс заправил ей за ухо мокрую прядь и нежно чмокнул в нос.

- К черту мышей. У нас Тигр всю печенку сожрал, вот это - серьезно. - Ильяс потрепал сунувшуюся ему на колени умильную морду: как же, сказали волшебное слово "печенка". - Заодно

купим тебе пижаму и прочие мелочи.

Выразительно глянул на ее старые джинсы, так что захотелось их чем-нибудь прикрыть, а Ильяса - послать лесом вместе с его Nikon`ом и сибаритством. Вместе этого Лиля фыркнула, хотела сказать что-нибудь язвительное, но не успела. Ильяс снова ее поцеловал - и теория о том, что старые джинсы могут оказаться чему-то там помехой, рассыпалась в прах. Когда она уже думать забыла о теориях, мышах и джинсах, Ильяс вдруг от нее оторвался и с нескрываемым сожалением сказал:

- И все же придется идти за едой. А то Тигр съест нас.

Поход за печенкой начался почему-то с торгового центра на Рублевке и пижамы ее мечты, увиденной в витрине. Мечта стоила как раз столько, сколько у Лили оставалось в кошельке после Арбата. Мельком подумав, что это очень удачно - кормить не ей, а кормят ее, можно все потратить на ерунду - Лиля доверила Ильясу выбор "всяких мелочей".

- Зубную щетку, гель для душа, - она пожала плечами. - Еще? Да вроде ничего не надо.

Ильяс усмехнулся и велел не теряться, пока он покупает зубную щетку и прочее. Говоря о "прочем" он почему-то смотрел на витрину "Золотой Стрекозы". Кивнув, Лиля удрала к пижаме - а еще там были тапочки-медведи, и кашемировый клетчатый плед, и вышитые подушки, и столько всякого красивого и уютного, что глаза разбегались.

Когда улыбчивая продавщица заворачивала махрово-голубую в кляксах прелесть, за спиной раздалось знакомое шипение.

- А расплачиваться-то у тебя есть чем, краса? Тебе ж только на мороженое в здешнем кафе и хватит, и то сомнительно.

Лиля обернулась через плечо, растерянно уставилась на гадкую улыбочку Инны Юрьевны: та выдерживала паузу. Лиля смяла в кулаке только что выбитый чек... все слова куда-то делись, осталась только обида: откуда тут взялась эта гадюка, зачем испортила все удовольствие от покупки и что ей вообще надо? Как назло, как раз в этот момент в магазинчик заглянул Ильяс, улыбнулся ей из-за спины гадюки и показал два здоровенных пакета - один с логотипом "Золотой Стрекозы", второй незнакомый. Наверное, себе что-то купил... ну не мог же он этот баул назвать "мелочами"?! И не нужно ей ничего, она же с ним не за дорогие шмотки, а потому что... потому что...

"Влюбилась?" - гадючьим тоном поинтересовался внутренний голос.

Стало вдруг стыдно, и холодно, и совсем непонятно, почему же вот так, вдруг, чуть не с первым встречным? Она же любит

Эри, он же единственный, и плевать, что нарисованный...

А гадюка близоруко сощурила глаза на пижаму:

- Ни вкуса, ни стиля. Немудрено, что и мужики у тебя... - и брезгливо фыркнула.

Остро захотелось провалиться сквозь землю, а еще лучше - провалить туда Инну Юрьевну. Ну вот зачем она все портит? Так было легко и приятно не думать о высокой морали, а просто немножко радоваться жизни. А теперь хочется только одного: сбежать, спрятаться и... вот был бы тут Эри, он бы ее защитил.

- Лиля, радость моя, - пророкотал Ильяс и, смерив удивленно обернувшуюся гадюку ласковым взглядом, шагнул к Лиле. - Это не твоя бабушка?

Гадюка глянула на Ильяса, потом на пакеты в его руках и поперхнулась. Как же, бабушкой обозвали, да еще и предположили, что она Лилина родственница. Страшное оскорбление. В другой ситуации Лиля, может, и обрадовалась бы, а сейчас почему-то стало ужасно неуютно.

- Это... - она сглотнула и помотала головой. Потом покосилась на девушку за прилавком. - Извините.

Та сочувственно улыбнулась и протянула Лиле упакованную пижаму.

- Носите с удовольствием.

- Спасибо. Илья, пойдем, пожалуйста!

Забрав у Лили пакет, Ильяс обнял ее за плечи и склонился к ушку.

- Слава богу, я уж испугался, - шепнул достаточно громко, чтобы ошалевшая гадюка услышала.

Видимо, от шока, Инна Юрьевна промолчала. Лиля тоже ничего не ответила, пытаясь понять, что с ней такое творится: одновременно кажется, что ее любят и защищают, и в то же время - что под необъяснимой нежностью и заботой Ильяса прячется что-то еще, далеко не такое светлое и чистое. Может быть, что на нее смотрят как на собственность? И вообще, бедная гадюка. Не хотелось бы Лиле самой попасть под этот асфальтовый каток.

Ильяс усмехнулся и повел Лилю прочь, не к выходу, а к лестнице на второй этаж, объясняя, что ей обязательно нужны новые джинсы, а их без примерки не купишь, зато потом они поедут домой, или пойдут гулять - как ей хочется? Может, на пляж? Погода отличная!

Лиля сказала, что хочет домой. Может, все же действительно ей показалось там, в магазинчике? Ведь сейчас в нем нет ничего подозрительного... Подумаю об этом завтра, решила она.

Но завтра, и послезавтра, и весь следующий месяц думать

было некогда, да и не хотелось - потому что когда она думала, в мысли упорно лез Эри, и приходилось напоминать себе, что его нет, и когда она пойдет на следующее погружение, никакого Эри там не будет, даже нарисованного. Так что она была даже благодарна Ильясу за то, что он почти не оставлял ей свободного времени, таскал с собой на съемки, а когда не работал - катал на мотоцикле по всяким интересным местам, водил на пляж или придумывал что-то еще. Поначалу он даже пытался убедить ее не ездить на Арбат, мол, зачем тебе эти гроши? За серию рекламных фотографий для автосалона, - как он умудряется находить подобные заказы на час работы и черт знает какую кучу денег, Лиля не понимала, - ты получила гонорар, как за десять выходов с квартетом. И таких заказов - сколько хочешь, просто делать лень, это ж не искусство...

- А квартет - искусство, - отрезала Лиля.

На что Ильяс только пожал плечами и буркнул что-то на тему "чем бы дитя не тешилось". Лиля тогда промолчала. Но выводы сделала. И поделилась ими с Настасьей - как раз Ильяс улетел в Мексику, снимать кактусы в сомбреро, а у Лили очень удачно не оказалось ни загранпаспорта, ни визы. Еще не хватало, по заграницам с ним мотаться, словно содержанка какая. Правда, домой она все равно не поехала, жаль было бросать Тигра на домработницу.

- Ты бредишь, подруга, - фыркнула Настасья, когда Лиля попыталась объяснить, что же в этом принце на черном мотоцикле не так. - Такой мужчина! На руках тебя носит, капризы терпит, а ты? Редиска неблагодарная!

Лиля безнадежно махнула рукой. Ничего удивительного, что подружка не поняла - она и сама толком не понимала, что ей не нравится в Ильясе, а интуиция - это не аргумент. Впрочем, она догадывалась, что именно не так. Они слишком разные, даже для противоположностей, которые почему-то должны притягиваться: бесстыдно красивый мужчина, модный фотохудожник с чемоданом бабок - и нищая уличная музыкантша, мышь белесая. К тому же что-то в его отношении к Лиле есть неправильное, словно второе дно. И потому нечаянный праздник жизни долго не продлится. А раз не продлится, что толку заморачиваться и портить короткое удовольствие? Все равно в октябре будет основная миссия, а потом... на потом она не загадывала. Может быть, потом она вообще пошлет все к лешему и начнет новую жизнь.

А пока вдруг страшно захотелось поехать в игровой центр. Не играть в картонки и не тусить, а поговорить со Светочкой, психологом и помощницей Михаила. Почему-то показалось, что

она все поймет и не будет обзывать редиской.

Светочка в самом деле поняла и редиской не обзывала. Заперла дверь, чтобы не ломились "всякие настырные", накормила чудесными пирожками, на сей раз с капустой и грибами, рассказала несколько смешных историй с последней большой ролевой игры, выслушала, вместе с Лилей вздохнула о том, что пятнадцать лет - очень много, и даже нарисованный Эри не будет так долго ждать...

- Хотя кто знает? - задумчиво улыбнулась она, подвигая к Лиле вторую тарелку с выпечкой. - Чудеса случаются, если очень верить. Сама посуди, ты же верила, что несмотря ни на что попадешь на миссию в полном погружении? И все у тебя получилось, пусть и не совсем так, как ты думала. Может быть, и Эри снова увидишь. Тейрон - не серое, скучное и прагматичное "здесь". Там чудеса, там леший бродит.

Светочка подмигнула, а Лиле подумалось: леший - это Киран. Наверное, тут его зовут Кириллом. Вот было бы здорово встретиться! Пусть нельзя говорить о подробностях погружения, но это ж необязательно, довольно просто увидеться, еще раз спеть дуэтом из Арии. Лиля даже осторожно спросила у Светочки, бывает ли так, чтобы в игре встречались два игрока?

- Бывает - все, - загадочно ответила Светочка. - Даже то, чего не бывает никогда.

И искоса глянула вправо и вверх, на глазок видеокамеры.

Ясно, подумала Лиля, так я Кирана не найду. Рисковать хорошей работой Светочка не станет, какая бы добрая ни была. А вот к совету не думать о плохом и радоваться тому, что имеешь, стоит прислушаться. К тому же, Светочка поделилась рецептом пирожков, Ильясу наверняка понравятся, и самой будет приятно.

- Ты приезжай еще, Лиль, - на прощанье попросила Светочка. - Просто так, поговорить за жизнь и вообще. Честно, так надоели все эти озабоченные имиджем тусовщики! Ломятся и ломятся, вынь да положь им полное погружение! А так будет повод от них слинять и хоть немного поговорить с нормальным человеком.

Лиля пообещала непременно приезжать еще, а пока - наслаждаться жизнью.

И только выйдя из игрового центра, поняла, что найти Кирана - не блажь и не бред, а лекарство от психоза. Вот только пока она не будет никому об этом лекарстве говорить, а подумает, где бы добыть списки игроков, прошедших основную миссию. Постепенно. Не забывая радоваться тому, что имеет.

Глава 4. Сакс

Дорога от Девьего озера до Кроу заняла полных три дня. Припасов у них не было, так что пришлось ловить рыбу и охотиться. Если бы не Брандон, Сакс бы, верно, и не вспомнил, что голоден. Но оставить голодным своего сюзерена не мог. Тем более что Брандону нужно было знать все о повстанцах, о деревенской жизни, о местных лордах и мудрых. Он требовал, чтобы Сакс рассказывал ему все слухи и хрустальные сказки, даже самые невероятные, часто хмыкал и повторял, что мудрые - ллировы дети, только ллировы дети могут так нагло врать. Пожалуй, Сакс был ему благодарен за эти бесконечные, до заплетающегося языка, разговоры. И за то, что на второй вечер, когда жарили на углях подстреленную Брандоном же утку, он обратил внимание на болтающуюся у саксова пояса фляжку с выморозками - волшебную, подаренную Лиле.

- Что, правда никогда не заканчивается? Любопытно. - Потряс, понюхал, попробовал вино на вкус: будь это обычная фляжка, осталась бы пустой. - Очень любопытно! Ну-ка, брат, пей и рассказывай все, что знаешь о фейри.

Ни пить, ни рассказывать Сакс не хотел, и Брандон это прекрасно знал. Тем не менее - спросил. Пришлось пить и рассказывать, - получилось, что нечаянно рассказал и о Лиле, - целую ночь. Правда, то и дело сбивался и называл Брандона высочеством, на что тот дергал плечом и хмурился, и снова спрашивал - о самом Саксе, его отце и братьях. А когда дело дошло до Марка, и Сакс снова назвал его "мой принц", оборвал на полуслове:

- Думаешь, я каждого встречного братом называю?

Растерянный Сакс только помотал головой: он вообще не понимал, с чего такая милость, больше похожая на блажь, тем более что Брандон и блажь вместе не уживаются. Значит, он это всерьез, и не без причины.

Видимо, все что думал - то на лице и отразилось, потому как Брандон хмыкнул и снова протянул ему фляжку.

- Ты славный парень, Сакс. Смелый, честный, ответственный и, что немаловажно, умный. Значит, понимаешь, что привезти меня в Кроу - даже не полдела. - Дождавшись кивка, продолжил: - Я не Артур, мне мало будет послужить знаменем Мейтландова переворота и болванкой для короны. Это братец мой был бы счастлив назваться королем, отдать власть дядюшке и продолжать в том же духе: блуд, драки, пьянки и балы с охотами,

как повод для блуда, пьянки и драки. Само собой, при этом луайонцы как были хозяевами Тейрона, так и остались бы, а через год-другой Артур женился на луайонской принцессе, как раз старшая войдет в брачный возраст, и мирно присоединил Тейрон к Луайону. Провинцией.

Брандон скривился, отобрал фляжку и от души хлебнул, а Сакс снова кивнул: после бесед с Охотником и речей Мейтланда он что-то такое и подозревал, только верить не хотел. Слишком уж не похоже было на красивые легенды и баллады.

- Так вот, брат мой, - с нажимом сказал Брандон. - У меня нет никого, кроме тебя. А у тебя - никого, кроме меня. И в деревню тебе уже не вернуться, слишком высоко залез, теперь или карабкаться дальше, или падать и ломать шею. А мне ты нужен. Я мог бы, конечно, пожаловать тебе рыцарство, отдариться мелкой деревушкой и отослать, но кому тогда доверять? Дядюшке? Лордам, которые меня давно уже записали в расход?

- Почему в расход? - удивился Сакс такой Брандовой уверенности.

- Потому. - Брандон снова хлебнул. - Колдун, проклятая кровь. Сожгли бы, как вашего кузнеца, и никто из "верных вассалов короны" слова против не сказал!

Он резко замолк и прищурился на Сакса, совсем трезво прищурился, словно всю ночь не прикладывался к фляге. Наверное, надо было что-то ответить, но Сакс не знал, что, и потому просто встретил его взгляд. Прямо.

- А ты бы полез спасать. Погиб безо всякой пользы, но все равно полез. Как герой баллады.

- Может и не без пользы.

- Вот! - Брандон поднял палец. - Поэтому ты. Мой. Брат. Не Артур, не Мейтланд, никто из этих лизоблюдов, а ты. К тому же, это несусветная глупость, из чистой сентиментальности побрататься с крестьянином и сделать его своей правой рукой, а? Я ж не буду вот так с ходу объявлять, что ты - законный внук убитого рыбниками лорда, это все потом. А сейчас пусть дядюшка убедится, что из меня можно сделать чучело в короне ничуть не хуже, чем из Артура.

На последних словах Брандон неуловимо изменился: умный и волевой правитель пропал, зато появился зашуганный недалекий мальчишка, обиженный на весь свет и растерянный от свалившейся удачи. Сакс восхитился бы таким волшебством, если бы мог восхищаться. И, наверное, радовался бы такому доверию - если бы мог. Если бы Лиле была жива. И она бы тоже за него радовалась. Только теперь, без нее, все это не имело смысла.

- Надеюсь, ты не пожалеешь о своем доверии.

- Не пожалею. - Брандон снова был похож на летящий в цель болт. - Потому что ты не хочешь, чтобы смерть твоей Лиле оказалась напрасной.

После ночных откровений отсыпались чуть не до полудня. Так что, когда приехали в лагерь, лорд Мейтланд уже ждал. Саксу бросил: "Молодец!" - и так скривился, словно хлебнул прокисшего эля. А к Брандону подошел с поклонами, намекнул, что кони ждут: ехать в его, лорда Мэйтланда, замок. Не оставаться же сиятельному принцу среди простолюдинов. И на Сакса покосился, как будто ждал, когда тот снова вспылит.

Ясное дело, ждал зря.

Зато Брандон оправдал дядюшкины надежды: едва завидев, просиял, но вовремя вспомнил, что теперь он наследник престола, без пяти минут король.

- Это мой народ, дядюшка. Мои честные тейронцы! Согласитесь, ваш протеже верностью и отвагой превосходит иных лордов. - И велел Саксу: - На колено, брат.

Лорд Мейтланд сдвинул брови и собрался возразить, но Брандон глянул на него с таким детским восхищением, что лорд не удержался, оделил племянничка отеческой улыбкой. Видно, уже порадовался, что королем станет тихий и послушный младший принц, а не горячий и норовистый Артур.

Правда, Сакс сомневался, что побратиму удастся долго изображать для дядюшки покладистого жеребенка.

Брандон посвятил Сакса в рыцари у всего лагеря на глазах: повстанцы радовались так, словно их золотом с ног до головы осыпали. Потом поставил слева от себя, - справа, конечно же, был лорд Мейтланд, - положил руку на плечо и сказал речь о свободе, верности, справедливости и правильных старых богах. Повстанцы ликовали, кидали в воздух шапки и славили доброго и мудрого принца. Лорд Мейтланд тоже сказал речь. Он, мол, готов жизнь положить за Бероуков, и тейронские лорды лишь ждут королевского приказа, чтоб выступить против жестоких и жадных луайонцев. Сказал, что Зеленый легион под командованием его младшего брата уже идет к столице, чтобы поддержать законного наследника и выгнать рыбников. А на границе стоят три сотни ветеранов - они, с благословения Отца и Матери, не пропустят ни единого щучьего сына на свою землю.

- Выпейте за здоровье принца Брандона, добрые тейронцы! - напоследок выкрикнул лорд Мейтланд и махнул своим людям; те выкатили разом четыре бочонка с элем.

Месяцем раньше Сакс не знал бы, куда деваться от радости: сбылась его заветная мечта, та, в которой едва смел себе

признаться: рыцарство! А сейчас - что было, что не было. Хотелось только уйти домой, и не видеть, как льнет к принцу леди Белинда, и как щурится на Сакса Киран. Он же сейчас спросит...

И спросил. Как только Брандон отпустил Сакса, Киран протолкался сквозь окружившую бочонки толпу.

- Где Лиле?

Ответить Сакс не смог. Слов не было. И слез уже не было, ничего, одна горечь на языке. Киран покачал головой и ушел - тоже не хотел смотреть, как леди Белинда воркует с принцем, а про него забыла. Зато лорд Мейтланд про Сакса не забыл. Раз-другой поглядел, точно примеривался, как бы ловчее удавить гадюку. Как раз война же на носу, а война все спишет. Что ж, погибнуть в бою - не самая плохая участь для рыцаря, который и меч-то толком держать в руках не умеет. Все лучше, чем жить без Лиле.

"Война, будет война", - гудел лагерь в Кроу.

Вечером, когда повстанцы разошлись по своим землянкам, к Саксу заглянул Киран и велел быстро идти за ним. Привел в самый большой дом, отданный принцу и лорду под ночевку.

Брандон и Мейтланд о чем-то спорили над картой, незнакомый рыцарь из мейтландовых и Белинда стояли рядом и внимали. Принц обернулся, махнул Саксу, мол, иди сюда. Мейтланд презрительно дернул плечом и вопросительно глянул на Брандона.

- Побратим будет рядом со мной, - ответил он.

Кирана он словно не увидел, и тот уже отступил к двери, чтобы тихо исчезнуть. Но вмешалась Белинда, сердито глянула на Кирана, чтоб не вздумал сбегать, и улыбнулась принцу:

- Если ваше высочество позволит...

- Говори прямо.

- Киран вам нужен, мой принц, - мягкий тон не вязался со смыслом, словно Белинда неудачно притворялась нежной и кроткой девой. И недовольно сведенных дядюшкиных бровей она не замечала. - Лучшего командира народным ополчением вам не найти. Только благодаря ему повстанцы за двадцать пять лет не превратились в разбойников. Мой принц, забудьте, что Киран не благородного происхождения! Он даст фору большинству лордов. Если б не он, этот лось, - она кивнула на Сакса, - в жизни до вас не добрался.

Сакс подтвердил, мол, в самом бы деле не добрался. И вообще толку от него - как от козла молока. В том, что привез Брандона к повстанцам, не его заслуга, а среди благородных лордов ему делать нечего.

Мейтланд кивнул, мол, деревенщина знает свое место, а

Брандон нахмурился и бросил:

- Я сказал, рядом. А ты, - он кивнул Кирану, - иди сюда. Насколько разбойники, тьфу, ополчение, сможет задержать луайонские войска?

Киран тут же ответил, показал на карте...

Мейтландов рыцарь напрягся, сжал челюсти: не по нраву, что принц спрашивает какого-то простолюдина. Но промолчал - его мнение принцу неинтересно.

А Сакс встал за плечом Брандона. Молча.

Из разговора над картой он понял, что в смерти Артура обвиняют Брандона. Не то мудрые, не то первый королевский советник - луайонский нобле. А король или слишком болен, или не хочет отрекаться от второго сына и объявлять его мятежником, но мудрые все равно его заставят. И потому будет война, потому надо спешить: луайонской армии потребуется около трех недель, чтобы добраться до Тейры, Брандон должен занять столицу и добиться от отца отречения в свою пользу раньше.

Брандон хмурился, кусал губы, но соглашался, что красиво, как для баллады, не получится. Рыбники не упустят возможности убрать с дороги Бероуков и "законно" присоединить Тейрон к империи. Так что все равно будет война, и ждать, чтобы завязнуть в боях до коронации, он не имеет права. Народ должен его поддержать, что бы ни говорили мудрые и что бы ни сказал король. Значит - завтра они выходят в Шаннон, главный город танства Мейтланд, и оттуда - как можно быстрее в столицу.

- Как думаешь, Сакс? - неожиданно вспомнил он о побратиме.

- Люди поддержат вас, сир, - растерянно ответил Сакс.

Лорд Мейтланд покосился на него, хмыкнул и внезапно улыбнулся, словно что-то для себя решил.

Потом, когда Сакс с Кираном устраивались на ночлег снаружи, у дверей, Киран шепнул:

- Молодец. Мейтланд поверил, что ты безопасен. Пусть верит и дальше.

Почему это хорошо, Сакс не совсем понял, и зачем Брандон спрашивает его мнения, тоже.

- Ну что, убедился? - спросил Брандон по дороге в Шаннон, когда лорд Мейтланд ненадолго отлучился: держать принца под личным присмотром денно и нощно он, к счастью, не мог. - Ты единственный, кому я могу доверять полностью. Еще, пусть пока с оговорками, можно доверять Белинде с Кираном. Мейтланд его ругает, мол, упрям, непокорен, места своего не знает, хоть и умен не в меру. Но чем больше ругает, тем больше я убеждаюсь, что этот ваш Охотник очень интересная личность. Случаем, не

фейри? Нет? А похож... пожалуй, сделаю его таном Флейтри и женю на Белинде.

Сакс подумал, что надо бы удивиться и порадоваться за Кирана. Но не смог: было слишком пусто и холодно. А Брандон снова сделал вид, что не замечает равнодушия побратима, и тихо рассмеялся.

- Я ж не слепой. Белинда хочет быть королевской фавориткой, так пусть. Она красива, умна, целиком и полностью зависит от меня. Значит, будет верна. Отдать ее за кого-то из лордов - это дать лорду в руки непозволительно большое влияние. - Подмигнул Саксу и снова рассмеялся. - Не кривись. Считай это первым уроком дипломатии. Ты ж не думаешь, что будущему владетельному тану позволительно не разбираться в государственных делах? Ты писать, кстати, не умеешь? Тоже учись, и быстрее. Вот закончим войну, дам тебе лучших учителей.

Возражать Сакс не стал - кто он такой, чтобы возражать сюзерену? Тем более, все равно ж война, и ему прикрывать Брандона. И даже если Сакс не поймает назначенную сюзерену стрелу или клинок, лорд Мейтланд не допустит, чтобы около короля был не благородный лорд, а какой-то крестьянин, и плевать Мейтланду на его родство со последним лордом Оквудом. Так что танство и дипломатия - не для него.

Насчет дипломатии он ошибся.

И понял свою ошибку на следующий же день. Когда на склоне холма, за которым уже должен был показаться Шаннон, нос к носу столкнулся с Марком. Тот выехал встречать принца во главе стражи - той самой стражи, с которой гнался за ним к Девьему озеру. Едва пропустив едущих в сотне локтей впереди Брандона солдат, Марк спешился посреди дороги, снял шлем и опустился на одно колено, прямо в осеннюю грязь.

- Сир, - сказал, не поднимая глаз, когда Брандон остановился рядом, и замолк.

Впервые с той ночи близ Кроу, когда Брандон его напоил и заставил выговориться, Сакс вспомнил, что жив. Под ключицей у него снова болела стрела, - убившая его вместе с Лиле, - мешала дышать и думать. Рука сама сжала меч: убить гадину, немедленно! Но сдержался, лишь отвернулся: не ему решать судьбу бывшего капитана гвардии. И Лиле его смерть не вернет. А Брандон помолчал, глянул на Сакса и бросил Марку:

- Встань. Я не стану тебя судить, ты честно служил Артуру. Но на службу не возьму. Смотрю, лорд Мэйтланд тебя принял?

- Если вашему высочеству будет угодно... - отозвался догнавший принца Мейтланд.

- Нашему высочеству все равно.

- Капитан Марк принес весть о том, что ваше высочество покинули дворец и направляются в Кроу, - задумчиво сказал Мейтланд и кинул косой взгляд на Сакса: снова ждал, что лось вспылит и попрет на рожон? - Думаю, да. Нам пригодятся опытные командиры.

Не попер, промолчал. Раз уж взялся служить Брандону, следует вести себя как подобает рыцарю, а не лосю.

- Мой принц, - снова подал голос Марк, поднявшийся с колен, но так и не надевший шлема. - Прошу, позвольте этим людям вернуться к вам на службу. - Он показал на остановившийся позади него отряд. - Они лишь исполняли мои приказы и ни в чем не виноваты перед вашим высочеством. Поверьте, та погоня... мы никогда бы не причинили вам вреда, сир.

Только прикончили бы ваших спутников, а вас вернули рыбникам, мысленно закончил за него Сакс. Правильно закончил, судя по тому, как нахмурился Брандон. Буркнув "ладно", принц тронул коня. Сакс - за ним, не глядя больше на Марка. Ему и так было на что посмотреть: с холма открывался отличный вид на долину Старой Реки, расчерченную неровными бурыми квадратами полей, на окруженный желтыми садами город и мрачно-серый замок, словно придавивший городские дома к земле. Шаннон был едва ли не больше столицы, а может, Саксу это лишь казалось.

- Замок Эллисдайр меньше Мейтланд-холла, но ненамного, зато земли больше, - тихо сказал Брандон. - Обрати внимание, в каком порядке лорд Мейтланд содержит дороги. Не то что около столицы.

Сакс кивнул и судорожно сглотнул: только сейчас он вдруг понял, что Брандон всерьез намерен сделать его, крестьянина, таном. То есть - города, замки, земли... оборони Матерь, как со всем этим управляться? И какой в этом всем смысл без Лиле...

Проклятье. Не время тонуть в горе. Он нужен своему сюзерену. Лиле умерла за свободу Тейрона, а он боится жить ради той же свободы? Нет уж. Он не трус, а Лиле умерла не зря.

Тем временем Брандон повернулся к Мейтланду и принялся расспрашивать об урожае, торговых делах и политических новостях. Дядюшка выпячивал грудь, хвастался, и всячески показывал, что благополучие будущего короля всецело зависит от него - верного, преданного, мудрого и доброго дядюшки, радеющего лишь о благе королевства. Брандон верил. Хорошо верил. Смотрел дядюшке в рот, спрашивал совета и кидал выразительные взгляды на Белинду.

А Сакс, выкинув на время из головы танство Эллисдайр,

политику и дороги, смотрел по сторонам. Все больше на мейтландовых стражников. Здоровых, сытых стражников, в крепких доспехах, вооруженных для боя, а не для парадной встречи. Пожалуй, они выглядели даже серьезнее, чем гвардия принца - Сакс никак не мог понять, зачем Брандон взял на службу людей, верных Артуру? На них же нельзя положиться! Он так у Брандона и спросил, как только тан Мейтланд отвлекся, чтобы перебросится парой слов с племянницей. А Брандон усмехнулся в ответ, совсем не так, как улыбался дядюшке.

- Это мои люди, Сакс. Ты ж не думаешь, что Артур знал их всех по именам?

Сакс кивнул: принц Артур не походил на человека, которого волнует хоть кто-то кроме него самого. А Брандон - совсем не такой. Странно, что он не переманил к себе и Марка.

- Мне нужен ты, брат, - словно подслушав его мысли, тихо добавил Брандон. - И я доволен. Ты правильно повел себя с Марком. Как подобает благородному рыцарю.

Слово "благородный" прозвучало несколько странно, но Сакс отодвинул эту мысль - туда же, куда и тупую ноющую боль под ключицей. Пока его заботила безопасность сюзерена: хоть тан Мейтланд сочился радушием и любовью к племяннику, если он вдруг посчитает Брандона опасным или недостаточно послушным, гостевые покои мгновенно станут тюрьмой, сбежать из которой будет куда сложнее, чем из королевского дворца. В замке Шаннон наверняка есть потайные ходы - но ни Брандон, ни Сакс их не знают. А прорываться через единственные ворота, охраняемые по меньшей мере десятком стражников, и потом через весь город - чистое безумие.

Глава 5. Ильяс

Большую часть дороги от Шереметьево Ильяс проспал. В машине ему всегда отлично спалось, потому и предпочитал мотоцикл. Но не после пятнадцати часов перелета! Проснулся, когда свернули в Рублево, и не сразу понял, куда делись кактусы - жара-то осталась. Хотя нет, в Москве было определенно жарче, чем в Канкуне. Интересно, Лилька дома?

Засмеялся собственным мыслям. Мексика ему, видите ли, за неделю обрыдла, потому что без Лильки и кактусы не фотогеничны. А ведь об этой самой Мексике мечтал лет с десяти, как начитался Майн Рида, и в прошлый раз поторчал там битых два месяца - с кактусами и мексиканками, наснимал на десяток статей и одну энциклопедию, и в этот раз собирался недели на три...

- Приехали, - напомнил таксист.

Выйдя из машины, Ильяс задрал голову - окно на третьем этаже было распахнуто, а из окна слышался Бах. Негромко, но все равно отчетливо. Дома.

По лестнице он взлетел, невзирая на тяжеленный чемодан, который пришлось купить в Мехико в пару верному рюкзаку. Для подарков. Кто ж думал, что в Мексике окажется столько всякого нужного и полезного барахла, которое отлично сочетается с совершенной натурой? Сомбреро, правда, в чемодан все равно не поместилось, зараза. Так и вез в салоне, как какой-то турист.

Открыл дверь - Лиля вылетела в прихожую на щелчок замка: джинсы, теплая ковбойка (в такую-то жару!), рукава закатаны по локоть; тапочки-медвежата и руки в тесте. Ильяс малость ошалел от такой картины. Совершенная натура пробуется для рекламы блинной муки? Или кактусов переела? Нет, он ничего не имел против тихого домашнего счастья. Иногда. В меру. И тесто на руках выглядит... м... вкусно. Пожалуй, реклама муки - не такая уж плохая идея.

Лилька отпрыгнула, демонстрируя руки, вдруг не разглядел, и затараторила про пирожки и перемажешься, привет, как Мексика?

- Мексика отлично. - Он все равно догнал, сорвал короткий поцелуй и попробовал тесто с пальцев на вкус. Не впечатлило, отпустил. - А пирожки с чем?

- С грибами. И с мясом. И с капустой. И с яблоками. Со всем!

Домашнее счастье на глазах приобретало

привлекательность. Правда, он думал потащить ее сразу в ресторан - после переперченной Мексики зверски хотелось нормальной русской окрошки и пельменей. Но пирожки тоже хорошо. С мясом. И с грибами. И все остальные.

- Почти все готовы, - добавила Лилька. - Сейчас вот только последние доделаю, испекутся, пока ты купаться будешь. Сварить кофе?

Кивнув, Ильяс еще раз чмокнул свою совершенную до изумления натуру в макушку и, расстегивая рубашку на ходу, отправился в ванную. Ладно, если уж пирожки, то душ можно принять и одному. Хотя с Лилькой было бы веселее. Когда вышел, из гостиной по-прежнему доносился Бах. Что-то хоровое и пафосное, то ли месса, то ли кантата. Пирожки благоухали - и мясом, и грибами. Вкусно!

А она говорила по телефону.

- Помню... да, после двадцатого октября. Режим соблюдаю. Нет, головных болей нет. И глаза не болят. И вообще все в норме. Да. До свидания... Але, Настя? Сегодня не получится. Ильяс приехал, ага...

Ильяс поморщился. Снова она с этим своим куратором. Достал названивать! Ему ясно сказали: не будет Лиля больше играть в полном погружении! Никаких, черт подери, основных миссий! У нее - реальная жизнь, муж, работа, мировая слава на носу. Правда, она все равно ездила в Битцу, а когда Ильяс попробовал остановить, обиделась и ткнула ему в нос контрактом. Она, видите ли, подписалась, и вообще - куда хочет, туда и ходит. Свободолюбивый попугай.

Тихо выругавшись, Ильяс вместо кухни повернул в холл. Занес чемодан в спальню, распотрошил, достал кофейное с бирюзовым узором пончо, - не все ж ей его пончо таскать! - мокасины ручной работы и вышитую мексиканскую блузу. Пока копался в подарках, досада отпустила. Ладно, в самом-то деле, она ему пока не жена, да и глупо это, хватать и не пущать. Чтобы птичка не рвалась в форточку, форточку надо держать открытой.

- Ильяс, иди, кофе стынет! - окликнула птичка с кухни.

Тигр, на кухне же, гнусаво взвыл. Пирожков хочет. Перебьется, котам вредно. А вот хозяину - совсем наоборот.

Лилька сосредоточенно расставляла тарелки. Увидела пончо - похлопала глазами, восторженно завизжала. Ага, ну никто и не сомневался. И с цветом он угадал, ей пойдет. И что влезет в него тут же, побросав тарелки и от нетерпения путаясь в бахроме - тоже несложно было предсказать.

Испытания пончо они продолжили в постели, после пирожков, разумеется. Расставаться с обновой совершенная

натура не желала ни в какую, но Ильяс не протестовал. Он сегодня был так покладист, что сам себе удивлялся. Может, потому что она соскучилась?

- А поехали на ВДНХ, - предложил он, едва отдышавшись после второго раунда испытаний пончо. - Погуляем, запечатлеем тебя в фонтане. Для потомков.

Она неразборчиво фыркнула, поджала ноги и плотнее завернулась в пончо. Смешная, встрепанная, разнеженная - прелесть. А торчащие из пончо щиколотки и пальчики... м...

Лилька взвизгнула и засмеялась.

- Щекотно же, ты, синяя борода!

- Неправда, борода у меня сугубо традиционной ориентации, - хмыкнул он и еще пощекотал пойманную розовую пятку. - Гулять пошли, Капелька. Или без доказательств не веришь?

Сделав большие глаза, она выдернула пятку и отползла, вылитая Дездемона, только вместо платочка - пончо.

- Верю! Пошли гулять!

С пончо она так и не рассталась. На справедливое замечание, что на улице за тридцать, заявила, что в Мексике тоже жарко. Ну и ладно. Пока Ильяс одевался, сунулась в шкаф, что-то там раскопала и замерла с этим чем-то в обнимку. Обернулась на оклик, оказалось, прижимает к груди жилетку, - грубая кожа, швы наружу, бахрома, хендмейд, - которую он уже года три как забыл на нижней полке. К этой жилетке только карабина не хватает. Или лука со стрелами, а-ля Робин Гуд.

- Надень, а? - попросила дрогнувшим голосом. И в глазах уже не было ни смешинки. - Если гулять... и еще покатаемся... на лошадках. Ладно?

Ильяс пожал плечами. Ну ладно, раз у Капельки такие эротические фантазии, будут ей мексиканские ковбои. Странно, конечно, вроде она не особая любительница кантри, но кто разберет этих женщин. Сменил рубашку на клетчатую, достал с верней полки белый стетсон. Подумал, и добавил ковбойский пояс с кобурами - потертый, крайне мужественного фасону, из студийного реквизита. Револьверы, ясное дело, тоже были бутафорскими - один зажигалка, а второй и вовсе водяной.

- Коня не хватает, - вздохнула она, снова заглядывая в комнату. Уже одетая. Ей-то точно только лошади и не хватало - из пончо так и не вылезла, а к ним добавила вполне этнические брючки с бахромой и новые мокасины. Вот только хвост зря завязала, не подходит он сюда.

Ильяс разворошил ей волосы, разбросал по плечам и прихватил вокруг головы яркой узкой лентой. Ну вот, совсем

другое дело!

В парке было весело. На них, конечно, косились, но в меру. Кого сейчас удивишь экзотическим нарядом? Лиля перемазалась сладкой ватой по уши и наотрез отказалась слезать с симпатичной буланой лошадки, на которую Ильяс ее посадил вообще-то ради удачного кадра. Пришлось и самому вспомнить навыки верховой езды и оседлать здоровенного вороного. Ну что ж, почему бы настоящему ковбою и не покататься верхом, особенно если рядом - настоящий индеец?

Очень удачно подвернулся местный крокодильник - с удавом, верблюдом и неизменной мартышкой. Ильяс даже доверил ему свой "Nikon", - а заодно повесил на него неприкаянное сомбреро, которое Лилька так и таскала за собой на веревочке, - и пообещал за каждый хороший кадр верхом заплатить отдельно. Потом, когда смотрел дома - ругался на бездаря последними словами: Капелька у него вышла никаким не совершенством, а обычной блеклой девчонкой.

Мартышка Лильку не впечатлила, на удава она вздохнула ностальгически, пробурчав нечто похожее на "вылитая Инна Юрьевна", а верблюда шепотом пожалела: худой, заморенный, и ни одной колючки вокруг, сплошной асфальтированный оазис, куда ни плюнь.

Забрав у крокодильника сомбреро и затосковавший "Nikon" вместе с всученной насильно визиткой, - может, коллеге потребуется ассистент или там помощник? - повел ее к фонтану "Дружбы народов". И тут ей позвонили. Лилька глянула на экран и переменилась в лице. Поднеся телефон к уху, пробормотала:

- Да, мам, - и зажмурилась. В трубке застрекотало.

Вот как, с мамой у нас тоже непросто, подумал Ильяс. Прямо как у меня. Вот только моя кукушка не звонит. И на могилку не ходит, если вообще интересовалась, жив ли сбежавший от "любви и заботы" сынуля. Интересно, Лилька тоже сбежала или ее маменька сама свалила? Хотя - нет, неинтересно. К черту ее мамашу, Лильке и без нее неплохо.

Осторожно отведя трубку от уха, Лилька беспомощно огляделась. Вокруг были только подростки на роликах, безучастные фонтанные девы и голубые елки на газоне. И верный рыцарь, спаситель от диких телефонов. Отобрав трубку, Ильяс положил ее на бортик фонтана, а для надежности накрыл сомбреро.

Лилька уставилась на сомбреро. Поежилась.

- Оно на меня смотрит.

- Щаз прыгнет и укусит! - страшным шепотом добавил

Ильяс, хватаясь на камеру. Это точно надо снять. Для потомков!

- Запросто! - от всей души согласилась Лилька. И глядя на сомбреро с отвращением, добавила: - Так бы и расстреляла! Телефон, конечно, ты не думай...

Ясен пень, телефон. Маменьку-то мы любим, и чем дальше маменька, тем больше любим. Немудрено, что Лилька с головой ухнула в виртуальный мир, черт бы побрал этот игровой центр!

Хмыкнув, Ильяс залихватски выхватил револьвер-зажигалку, крутанул на пальце и с грозным "пиф-паф" нажал на спусковой крючок. Револьвер щелкнул и выпустил голубенький язычок пламени.

- Упс... - Ильяс удивленно поглядел в дуло. - Осечка. Дубль два, мотор!

Повторил номер со вторым - на сей раз облив сомбреро чистой водопроводной водой. Показательно расстроился.

Лилька расхохоталась и плюхнулась на бортик фонтана.

- Если ты будешь меня смешить, я упаду туда и утону!

- А я тебя спасу! Вот прямо тут и спасу.

Он подмигнул и снова схватился за "Nikon". Смеющаяся Капелька - чудо, каждый кадр на вес золота.

Какая-то тетка лет пятидесяти посмотрела на них презрительно-негодующее и прошла мимо, ворча под нос:

- Ни стыда, ни совести у молодежи.

Лилька вздохнула, посмурнела. Вытащила телефон из-под шляпы, в трубке по-прежнему трещало, приложила к уху.

- Да, мам. Да. Да... Да. Нет. Ага. Да, мне стыдно. Мам, извини, я немного занята. Я перезвоню.

Опустила руку с телефоном. Уставилась куда-то мимо Ильяса.

Вот же ребенок, подумал Ильяс. Обращать внимание на всяких! Если каждая мимоходящая тетка отнимет хоть секунду и так короткой жизни, себе ничего не останется. Одна вина и сожаления. Мерзость какая.

Телефон он забрал и выключил. Сунул в карман. Прихватив сомбреро, обнял Лильку за плечи и повел обратно, к аттракционам. Там, около американских горок, есть тир - кто-то же не зря заикнулся про расстрел. Тетку бы, да... Второй цирк подряд будет уже перебором.

В тире Лилька ожила, хотя в мишень попасть так и не сумела - за три десятка выстрелов. Пули у нее летели куда угодно, кажется, даже зигзагом, только не в присмотренную пивную банку.

Хозяин тира тихо радовался с безопасного расстояния и подзуживал ее попробовать еще, не может же настоящий индеец

ни разу не попасть?

На "еще" она не повелась, только с тоской поглядела на зеленого косорылого слона, выставленного как главный приз. Вздохнула...

Отвернуться от мишеней и уйти побежденной Ильяс ей не дал. Обнял сзади, ее руками взялся за ружье, щелчком потребовал у тировладельца еще горсть пулек.

Зарядили. Прицелились. Пришлось взять чуть левее, с поправкой на кривую мушку. Сбили банку. Лилька завизжала и едва не стукнула его макушкой в челюсть, еле успел отдернуться.

На пятом торжествующем взвизге Ильяс понял, что шестую банку из такой позиции ему не осилить, несмотря на жару, пончо, дурным голосом орущего Шуфутинского и кучу любопытного народа - ага, мужики по достоинству оценили прижатую к его бедрам попку и уже начали по-тихому делать ставки на стойкого ковбоя. Потому он аккуратно отодвинул Лильку, забрал у нее ружжо и ткнул пальцем в слона.

Тировладелец понял правильно и озвучил условия призовой стрельбы. Нехилые условия, на КМСа потянет, а с учетом кривого ружжа вместо привычной биатлонной малокалиберки - и на полного мастера спорта. Но Капелька смотрела с такой верой в светлое будущее косорылого мутанта... Черт. Не отвлекаться!

Десятку из десяти он выбил. Без выпендра, хоть и подмывало изобразить мистера Смита. Только в отличие от мистера Смита он не брал в руки винтовку уже пять с лишним лет. Но для счастья Лильке хватило просто слона. Обняла его так, что руки зачесались пристрелить, хоть и плюшевый. На всякий случай.

Вместо этого он ее поцеловал. Кто-то из мужиков одобрительно засвистел. Лилька, правда, дернулась. Черт. Ну нельзя же быть настолько трусишкой! Поцелуи на публике ее смущают, господи ж боже ж ты мой!

- Кажется, я проголодался, - шепнул ей в ушко и ласково прикусил. - Пожаришь мне честно добытого мамонта?

Прыснув, Лилька вывернулась и отпрыгнула.

- Не дам мамонта! Он редкий и вообще...

- Еще зеленый, точно. Я передумал. Пошли в ресторан.

По дороге из тира им снова повстречался несчастный заморенный верблюд. Лильке стало его так жаль, что Ильяс предложил подарить верблюду сомбреро. Ибо что может утешить верблюда, как не настоящее мексиканское сомбреро, напоминающее ему о родных колючках? Лилька согласилась. Сама нахлобучила на бедную животину шляпу и сама, под

съемку, изобразила поцелуй в морду. Верблюд офигел. Мимоходящий народ тоже. А Ильяс вдруг понял, что счастлив до безобразия. Так, как никогда не был, даже в детстве. Особенно в детстве.

В "Седьмое небо" Ильяс ее не повел, хоть и хотелось. Трусишка боится высоты, даже на американские горки смотрит с ужасом. Пришлось ограничиться уютным ресторанчиком с живой музыкой, из тех, что Лилька называла скромной роскошью. Народу было немного, лишь несколько бизнесменов и небольшая компания в дальнем углу.

Окрошки уже перехотелось, да здесь и не подавали, зато подавали вкуснейший стейк из ягненка. И мороженое для совершенной натуры нашлось, как она и хотела - с фруктами. И с хорошим французским шампанским. Все же в некоторых вопросах Ильяс предпочитал профессиональному эпатажу здоровый консерватизм.

- А я вечером на Арбат собиралась, - сказала она, глядя, как Ильяс разливает шампанское - сие важное дело он не доверил официанту. - Но, наверное, не отпустишь.

- Не отпущу. - Ильяс улыбнулся. - Если украдут, как я буду без тебя, жизнь моя?

Протянул ей бокал. Лилька рассеянно его взяла и принялась что-то считать на пальцах. Скорее всего, варианты - как именно он будет. Насчитала десяток, потом пальцы кончились - и предъявила оба кулачка.

- Вот! Можно и дальше, но мороженое растает.

Ильяс только и мог, что покачать головой и постараться не рассмеяться. Получалось не очень, потому он поймал в ладони оба кулачка сразу и перецеловал пальчики, чтоб разжались - а заодно спрятал усмешку.

- Все равно не отпущу. - Для убедительности прикусил сбоку мизинчик, самое верное средство от вредности. - И пока твое мороженое не растаяло...

Левой рукой удерживая ее пальцы, правой достал из кармана колечко: белое золото с зеленой шпинелью, эскиз нарисовал в первую ночь, когда Лиля осталась у него, а сегодня, по дороге из аэропорта, забрал у приятеля-ювелира. Глядя в растерянные глаза, надел ей на безымянный палец. Снова поцеловал руку.

- Выпьем за совершенство, любовь моя.

Отпустил, взялся за бокал, другой рукой достал из кармана парное кольцо, мужское, с почти черным аметистом. Зажал в кулаке.

- Ну Ильяс! - заныла, намекая, что шампанское от любопытства не помогает.

Еще очень хотелось снять ее сейчас, вот такой, но было страшно сделать что-то не так - впервые за много лет. И спрашивать, что собирался, тоже. Почему-то уверенность в том, что она согласится, пропала. А если она откажет и, не дай боже, уйдет от него - это будет очень плохо. Она никак не должна уйти.

Вдруг поймал себя на мысли, что будет не просто плохо, но еще и больно. А это неправильно. И потому просто сказал:

- Знаешь, когда-то я мечтал найти свою идеальную натуру... и вот - нашел. Ты не просто прекрасна, любовь моя. Ты - совершенство. А это кольцо... Не снимай, хорошо? Не надо мне ничего обещать, просто носи его.

У нее сделалось такое лицо - смущенное, бровки жалобно задрались, а глаза засмеялись. Чуть подалась вперед, открыла было рот... Ильяс уже почти раскрыл ладонь, почти поверил, что все будет хорошо. Вот прямо сейчас - она тоже наденет ему кольцо, согласится за него выйти... господи боже ж мой, он сам, добровольно, собирается жениться? И боится, что ему откажут?!

И тут рядом раздалось:

- Илья Сергеевич, какая удача! Позвольте мне к вам...

Как хорошо, что револьверы - бутафория, подумал Ильяс, пропуская мимо ушей восторженную чушь. Очень, очень хорошо. А то рисовал бы он свою совершенную натуру пальцем на тюремной стене.

Он обернулся на голос. Медленно. Не пытаясь скрыть того, что думает о незваном уроде.

Наткнулся на улыбку. Искреннюю, светлую. И перехватил взгляд - мимо, на Лильку. Улыбка стала еще шире.

- О, ваша модель, "Неупокой", верно? Я ведь правильно узнал? Милая девушка, мое восхищение.

Лилька моргнула. Закуталась в пончо.

- Ильяс?.. - в глазах отразилось удивление: что за неупокой?

Чертов урод. Только неупокоя, о котором он так и не успел сказать Лильке, тут не хватало.

- Простите, господин... э... мы уже уходим, - очень ровно сказал Ильяс, украдкой опуская так и не надетое кольцо в карман.

Только бы не сорваться. Мордобоя нам не надо. Совсем не надо. Не сегодня.

- Одну минутку, - заторопился урод. - Я, вероятно, не вовремя... но такая встреча, возможность... Илья Сергеевич, я бы хотел предложить, нет, просить вас... Я знаю, вы не участвуете в благотворительных акциях, но, возможно... речь об онкологическом хосписе... вы могли бы спасти... Милая девушка,

помогите уговорить, вы знаете что это такое, достаточно посмотреть ваши фото...

Урод все говорил и говорил, а Ильяс крутил в пальцах бокал, старательно думая о том, что в хорошей мексиканской мелодраме злобный гад просто обязан раздавить бокал и забрызгать скатерть своей черной кровью. Апогей пошлости. Еще хуже, чем мордобой с матом.

- Оставьте в покое девушку, сударь. - Ильяс аккуратно поставил бокал на стол и глянул на урода в упор, остро жалея, что взгляд - не винтовка. - Девушка всего лишь модель. А вы, сударь, извольте пойти на базар, купить там селедку и ей потрошить мозги своей благотворительностью. Надеюсь, вы больше не обеспокоите нас своим обществом.

Обернулся к Лиле, растянул губы в улыбке. Встал, подал ей руку.

Лиля смотрела в стол. Поднялась легко, руки не касаясь. Подошла к нему, обходя урода, еле слышно шепнула:

- Извините, пожалуйста.

Встала рядом, не поднимая глаз.

- Илья...

- Идем домой.

Бросил на стол несколько купюр, взял Лилю за руку и повел прочь.

Глава 6. Лиля

Пока шли до стоянки, Ильяс молчал. Да и потом молчал: открывая ей дверцу, проверяя, хорошо ли она пристегнулась, и даже когда они попали в пробку, промолчал. Хмуро смотрел на дорогу. И свернул потом не к дому, а к Старому Арбату, остановил машину и резко сказал:

- Ты собиралась играть.

Лиля пожала плечами. Отстегнула ремень, вышла и побежала к антикварному - вроде опоздать не должна, хорошо. А что Ильяс мрачен - бывает, испортили настроение, в такие моменты лучше всего побыть одному. Да и ей видеть его не хотелось. Там, в ресторанчике, в какой-то момент показалось, что несчастного работодателя сейчас отправят до двери ударом в челюсть. И за что? Ну, подошел не вовремя, бывает. Разве это повод? Так неприятно тогда стало - до кислой гнусности в горле.

Прибежала-то она вовремя, Сенька еще только расчехлял гитару, а Тыква задумчиво стучал по барабану в одному ему понятном ритме. Кольцо, естественно, тут же заметили, но сразу расспрашивать не стали, сразу - надо работать. Вот потом, после работы...

- Отыграем, зайдем в "Шоколадку"! - объявила Настасья.

Сенька в знак согласия извлек из гитары немыслимый аккорд и хитро посмотрел на Лилю.

В Шоколадку пошли, отыграв два часа и заработав на полноценный ужин. Без шампанского, зато с густым горячим шоколадом и ведром сливок сверху. Тыква и Сенька за шоколадом бурчали о своем, мужском. Только на минутку прервались, спросили у Лили - ты это не замуж? Точно нет? Убедившись, что точно, успокоились, утащили салфетку, изобразили кривой нотный стан и опять зашушукались. Настасья потребовала снять кольцо, рассмотрела со всех сторон, даже шпинель на просвет, вернула и вздохнула:

- Значит, не замуж?

Лиля сморщила нос и помотала головой. Нацепила на вилку креветку и лист рукколы.

- Он не зовет или ты дуришь? - спросила Настасья, прицеливаясь вилкой в помидор.

Лиля задумчиво разжевала креветку. Махнула вилкой.

- Он не зовет, но я дурю. Сама же знаешь...

- Как у вас все сложно-то, Лилия Батьковна. Кольцо дарит, замуж не зовет, а Лильбатьковна сегодня как мешком по голове...

- А он сегодня почти Потрошитель, - хмыкнула Лиля. В двух словах описала сцену с незадачливым филантропом. - Не хочу Потрошителя, ага? Да и вообще не хочу.

Настасья тяжело вздохнула, подцепила-таки помидор и отправила в рот. Вдумчиво прожевав, заключила:

- Дура. Такой мужик... и чего тебе не хватает?

- А не знаю. - Лиля потерла нос. - Не мой мужик. Вот не мой и все. Ну и вообще, одно дело - жить вместе, а замуж - это как-то слишком. Да и вместе - ненадолго это, сама понимаешь. Где мы, а где они.

Настасья фыркнула. Уж она никогда не страдала недостатком любви к себе и была твердо уверена, что она - лучший подарок любому Онассису. Что интересно, мужики соглашались, бегали за ней толпами, а Настасья их посылала лесом - недостойны. Лиля даже завидовала, хотелось бы ей такие же розовые очки.

- Скромность паче гордыни, Лильбатьковна. - Настасья пожала плечами и изловила последний помидор. - В субботу-то придешь, жертва потрошителя?

- А куда я денусь?

- Вот и хорошо, - улыбнулась она, и напоследок выпустила парфянскую стрелу: - А тебе, о последовательница великого гуру Шри Бывывсенаху, не мешало бы задуматься, с чего твой тонкий и ранимый художник вдруг заделался потрошителем. Может, он и прав. Эти благотворители те еще благоговорители.

После Шоколадницы Лиля серьезно задумалась - а не поехать ли домой. Не к Ильясу, к себе. Во-первых, проще добраться, во-вторых - кто его знает, успокоился он уже или нет? Уже почти решилась, но передумала в последний момент. Все-таки некрасиво так, без предупреждения, а у нее и телефона нет, забыла забрать. А не позвонить - волноваться будет.

Поехала в Рублево, на такси ушли остатки заработка.

В квартире Ильяса не было. В спальне было темно, в столовой горел свет и работал ноутбук, а Тигр распластался на пузе у миски, обняв ее передними лапами, и вяло лизал сметану. От соседей слышался "Крематорий", совсем тихо, и Лиля невольно подпела "Мусорному ветру":

И неважно кто из нас раздает
Даже если мне повезет,
И в моей руке будет туз,
В твоей будет джокер.
Так не бойся милая, ляг на снег,

Сморщилась - сегодня этот образ был как-то некстати. Вот не про художников, пожалуйста. И не про джокера - ей такого везения никогда не доставалось.

А Ильяс в студии, наверное, подумала Лиля. Лечит нервы работой.

Не торопясь переоделась - жаль было вылезать из пончо, она еще постояла с ним в обнимку, прежде чем повесить в шкаф. Натянула домашнюю тунику. Вернулась на кухню, погладила Тигра. Сварила кофе. Пока варила, снова вспоминала того благотворителя. Ничего ужасного-то он не сказал, и вроде искренне хотел как лучше. А Ильяс... словно у него потребовали последнюю копейку в пользу цыганского табора, а не попросили помочь больным людям. Сволочь он все же, нельзя так. И ничего Настасья не права, если он может вот так, потрошителем, значит, такой и есть, а не тонкий и ранимый. Или все же права? Ильяс был такой трогательный, когда дарил кольцо, и явно надеялся, что она что-то ему скажет... а это его "ты - совершенство"? Вряд ли он каждой своей модели такое говорит. А может, и говорит. Для художника каждая модель - муза, неважно, кисти у него или камера...

Так, в сомнениях, выпила чашку кофе, вторую понесла в студию. Надо же сказать, что пришла.

Перед дверью в студию прислушалась, показалось, что "Крематорий" - оттуда. Странно, конечно. Ильяс у нас сноб, Ильяс слушает Арта Тейтума, Джо Кокера, Стена Гетца и прочий джазо-блюз. Но если для работы нужно настроение... любопытно, что он снимает?

Ничего он не снимал. Лиля и его самого разглядела не сразу - в студии было темно, только мерцал монитор и светился открытый бар. Насколько Лиля помнила, на той неделе бар был полон, а теперь зиял прорехами. И пахло в студии очень специфично. Кажется, кто-то тут пил, под сигареты вместо закуски. Мерзость.

Она только хотела зажечь свет, как ее спросили:

- Пришла? - хриплым, очень низким и незнакомым голосом. - Надо же...

Послышалось шуршание, звон бутылок, тяжелый плюх упавшего тела и немножко сумасшедший смех. Стало страшновато, и в то же время почему-то его жаль. Может, потому что сильные мужчины, когда им больно, куда слабее женщин.

- Ильяс? - она потянулась зажечь свет, чуть не разлила

кофе, выругалась под нос - и поняла, что забыла, где тут выключатель.

- Иди сюда. - Он как-то странно растягивал гласные, словно подкрадывался и щурился... да дери ж тебя! Где этот проклятый выключатель?! - Мой аленький цветочек.

Под насмешливые скрипичные пассажи и григоряновское "кто ты, алый цветок или мечта мазохиста?" звучало совсем не смешно. Лиля разозлилась. Ведь знает же, что она терпеть не может этого прозвища! Злость прогнала страх, и Лиля нехотя подошла, едва не запутавшись ногой в брошенной на паркет жилетке: вот глупость была, попросить его надеть жилетку почти как у Эри, как будто Ильяс может стать похожим на него!

Остановилась в паре шагов от Ильяса: он сидел на полу, прислонившись спиной к барной стойке. Босиком, без рубашки, в одних джинсах. Стараясь дышать неглубоко, чтоб не стошнило от запаха, Лиля брезгливо отпихнула тапочкой бутылку, кажется, пустую. Ровно спросила:

- Кофе будешь?

- Я люблю тебя, - вместе с Григоряном пропел Ильяс. Фальшиво. И протянул руку за кофе. Как и следовало ожидать, рука дрожала.

И сколько же он выпил? Может, пора нести не кофе, а уголь? Или вызвать бригаду похмельщиков? Или кого там вызывают в таких случаях? Ладно, сперва кофе, а там видно будет.

Лиля сунула кружку ему в ладонь. Интересно, сможет выпить или разольет на полдороге? Судя по букету вони, что-то из последней бутылки таки разлил.

Надо же, выпил. Даже не облился. Поднял на нее глаза, криво ухмыльнулся.

- Я люблю тебя, - сказал почти внятно.

Лиля поморщилась. Она не любила пьяных излияний, и вообще пьяных не любила, опасалась, и как себя с ними вести - не знала. Надо было все-таки ехать домой. Протянула руку за кружкой. Старательно ровно спросила:

- Ты ужинал?

- Мой цветочек меня не слышит. Какая досада-а...

Вместо того чтобы отдать кружку, Ильяс схватил ее за руку, - и как только не промахнулся! - и повалил на себя. Кружку с остатками кофе отбросил, она со звоном разбилась. Лиля еле извернулась, чтобы не стукнуться о барную стойку, и оказалась на нем верхом. В нос шибануло особенно густым перегаром: желудок сжался, к горлу подкатила горечь. Лиля тут же рванулась прочь - он не пустил. Рассмеявшись отрывисто и хрипло, запустил руку

ей в волосы и притянул к себе, чтоб смотреть прямо в глаза. Сопротивляться Лиля и не стала - это было все равно, что пытаться свернуть с рельсов трамвай.

Вот зачем, подумала она, понесло в студию?! Теперь не удрать, он же сломает и не заметит, железная лапа!

Так, тихо, осадила она себя. Без истерик. С пьяными - как с собаками, нельзя показывать, что боишься.

- Ильяс, отпусти. Пожалуйста.

- Мому цветочку все похер, - не слыша ее, протянул Ильяс. - Почему ей все похер?

Мерзко до одури воняло перегаром, коньяком, бычками и чем-то еще. Лиля дернула головой, попыталась хотя бы отвернуться. Чуть косы не лишилась, Ильяс держал крепко. Смотрел в глаза и глухо бормотал: не понимает меня мой цветочек... такая идеальная, такая сладкая; спокойная, такая... равнодушная. Лиля зажмурилась и постаралась убедить себя, что это просто кошмар и должен же он когда-то закончиться. Надо всего лишь не слушать и постараться не дышать.

- Илья, отпусти уже, - вклинилась, когда он перевел дыхание. - Мне больно.

Кажется, услышал. Вздрогнул, отпустил косу и погладил затылок - но руки не выпустил, наоборот, сжал сильнее и, глянув на кольцо, нахмурился.

- А мне не надела. Убью суку.

Лиля вздрогнула, показалось, сейчас в самом деле убьет, просто сломает шею - и все. Но Ильяс вдруг глянул на нее почти осмысленно, криво и очень нежно улыбнулся.

- Не отпущу. Моя... - полез в карман джинсов, стал что-то там сосредоточенно искать. Пока искал, ослабил хватку.

Удрать, вот прямо сейчас удрать, пока занят, подумала Лиля, но почему-то осталась на месте. А Ильяс не нашел, чего искал, поглядел на свою пустую ладонь и очень обиженно сказал:

- Потерялось. - Снова глянул на Лилю, притянул ее руку ко рту, царапнул пересохшими губами. - Сладкая. Выходи за меня.

И потянулся к ней поцеловать. Лиля еле увернулась, дернула руку, и вдруг Ильяс отрывисто засмеялся и опрокинул ее на пол, навалился сверху. Рванул вырез туники, шелк затрещал и поддался, а Ильяс впился ртом в ее ключицу.

Лилю затошнило. От запаха спиртного и кофе, от страха и от его близости. Ильяс сейчас был совсем незнакомый, нежеланный... тонкая натура, тьфу! Она сглотнула подступившую к горлу вязкую и горькую слюну. Дернулась. Он не отпустил, только что-то пробормотал и укусил за плечо. Больно укусил, кажется, даже прокусил кожу. Лиля дернулась еще. Свободной

рукой вцепилась ему в волосы. Запоздало подумала - вряд ли он что-то почувствует под таким наркозом. А плевать, лишь бы отпустил!

Черт его разберет, почувствовал или нет. Вдумчиво зализал укус, - Лилю передернуло, - скатился с нее и растянулся на полу, глядя в потолок. Она не сразу поверила, что отпустил, рванулась прочь. Вскочить не получилось - с трудом поднялась, держась за стойку. Ноги противно дрожали. Прижала ладонью надорванную тунику. Тьфу, нашла время думать - ноги надо уносить! А то мало ли что на него, пьяного, найдет.

- Не любит меня... моя девочка... - тихо и растерянно сказал Ильяс. - Почему? Ты не знаешь?

Потому что скотина пьяная, подумала Лиля, отшатнулась, едва не споткнувшись о пустую бутылку, и услышала храп. Не веря, оглянулась - и облегченно выдохнула. Уснул. Уснул! Теперь не разбудить бы. Потрогав засос на ключице, сморщилась. А Григорян все насмехался: она приходит сюда и ест клубнику со льдом. Отвратительно.

Лиля на цыпочках дошла до стола. Сейчас выключить компьютер - и домой. А то здесь оставаться... к черту эту золотую рыбку.

Взялась за мышку, закрыла развернутый на весь экран проигрыватель - и, не успев щелкнуть на выход из системы, остановилась. Пригляделась - какая-то там была фотография странная, не ильсовская. Узкий коридор, стены выкрашены мертвенно-синей краской. Усталая санитарка везет каталку с комом грязного белья. Сверху наволочка в бурых кровяных и желтоватых гнойных пятнах. Все чуть не в фокусе, и качество плохое, зернистое, но от этой санитарки и наволочки просто шибает безысходность и болью, кажется даже, что запах - старая кровь, гной, прокисшие больничные щи.

К горлу подкатила желчь, захотелось немедленно это закрыть и никогда не видеть, не вспоминать, может даже найти в баре вина и запить больной вкус... Но оторваться было невозможно. Пятна гноя притягивали взгляд, требовали пойти туда, заглянуть за поворот коридора - и бежать прочь, чтобы, не дай бог, не увидеть того, что там, за поворотом.

Лиля зажмурилась и вдруг вспомнила благотворителя. Он же говорил о больнице... нет, о хосписе. Хоспис - это там, где умирают. Ильяс же мог помочь, почему он отказался? Жалко продавать талант задаром, свинья пьяная, дери его...

Она не доругалась, потому что рука дернулась - и страница перелистнулась. На этой фотографии была девочка лет девяти. Еще был кусок кровати, край коричневого одеяла, ночнушка в

веселенький цветочек и с синим больничным клеймом на подоле, размытая мужская рука и светлое пятно окна... Лиля готова была смотреть на что угодно, только не на девочку. Тонкую, высохшую, без волос и ресниц, рот приоткрыт, словно что-то старательно говорит, а в покрытых пятнами ручках книга в ярко-желтой обложке. На книжке что-то написано...

Вместо того чтобы закрыть и забыть, Лиля нажала на увеличение и прочитала: "Хрестоматия для старшего дошкольного возраста". Сказки. Умирающая девочка читает кому-то сказки. Чертов благотворитель, знал, кого просить. Откуда у него это? Здесь явно не модели...

Фотография расплывалась, щеки щипало. Злобно сжав губы, Лиля вытерла глаза тыльной стороной ладони и принялась листать. Коридоры. Виды из окна - на сад и больничный корпус. Палата со скелетами, кто-то из них улыбается и машет рукой. Дети, взрослые, чьи-то руки с яркой кружкой. Беззубая старушечья улыбка. Портрет мертвеца. Снова вид из окна... мертвеца? Осторожно, словно могла спугнуть старую фотографию, Лиля вернулась назад.

На нее смотрело смутно знакомое лицо. Серое. Провалы вместо глаз. Кости вот-вот прорвут кожу. Щель рта. Смутно знакомый мертвец держал перед грудью камеру, побитую и старую. Ни бороды, ни волос, ни бровей с ресницами у него не было, зато был свежий красный шрам на подбородке. Господи, Ильяс... Или нет? Может быть, брат? Если у него брат умер вот так, понятно, почему...

Лиля попятилась от экрана, не в силах оторваться от следующего за ней внимательного обреченного взгляда. Только споткнувшись о бутылку, встряхнула головой и тихо-тихо подкралась к Ильясу. Он так и спал, раскинув руки и приоткрыв рот. И пахло от него все тем же спиртом и кофе. И еще немножко кровью, гноем и больничными кислыми щами.

Присев на корточки, Лиля дотронулась до скрытого бородой подбородка, раздвинула волосы и нащупала едва заметный рубец. Ниточку. На том самом месте. Хотела встать...

Жесткие пальцы схватили ее за руку, тут же расслабились - словно испугались причинить боль.

- Останься, - тихим обычным голосом. - Без тебя мне не жить.

Она обернулась, глянула в колодцы глаз. Оттуда смотрел мертвец, тот, с фотографии.

Закрыв рот рукой, чтобы нечаянно не закричать, Лиля помотала головой. Она сама не понимала, то ли обещает не уходить, то ли отказывается... Она просто не могла больше быть

здесь. Сейчас. С вот этим. Слишком... Нет.

- Я не... - шепнула она и осеклась. Ильяс снова спал. Хмурился во сне, кривился. Но спал.

Тихо, на цыпочках, она вернулась к монитору. Закрыла папку, не глядя больше на фотографии. Выключила компьютер и вышла из студии, тихо закрыв за собой дверь. В холле зачем-то открыла шкаф, взяла с обувной полки кроссовку и подняла в воздухе за шнурки, покачала туда-сюда, как маятник. Потом, решившись, обулась, сунула в карман кошелек и побежала до ближайшей ночной аптеки. И только вернувшись домой, уже под душем, зажмурилась и позволила себе заплакать. Просто так.

Глава 7. Сакс

Кавалькада застряла на въезде в Шаннон: улицу перед главными воротами запрудил радостный народ в зеленых беретах, с зелеными лентами и просто обрывками зеленых тряпок на рукавах. Простолюдины в один голос с рыцарями орали славу наследнику короны, истинному Бероуку, бросали под копыта его коня зеленые сосновые ветви, и то и дело из толпы слышалось:

- Благослови тебя Отец и Матерь! Заступник!

Брандон принимал народный восторг как должное, улыбался, кивал и махал рукой. Тан Мейтланд - тоже, с нескрываемой гордостью поглядывая то на Брандона и как-то незаметно оказавшуюся с ним рядом Белинду, то на возвышающихся над толпой конных рыцарей - как один, при зеленых беретах и полном вооружении.

Невольно Сакс отметил, что горожане в Шанноне выглядели куда более сытыми и довольными, чем столичные жители, не говоря уж про Кроу или те деревни, что были под ноблями. Почему война, разорившая танства Флейтри и Эллисдайр, не затронула Шаннон, Саксу еще по дороге в Кроу рассказал Брандон. По его словам, умный и осторожный тан Мейтланд склонился перед волей короля Бероука и, приняв новую веру, выделил ноблям земли, изгнал хранителей старых богов и беспрекословно платил мудрым непомерные налоги. К тому же, тан Мейтланд принадлежал к королевской семье, а ссориться с Бероуком рыбники не желали. Потому и закрыли глаза на то, что после войны Мейтланд позволил старым хранителям прятаться в лесах Шаннона, а потом собрал под свою руку всех беглецов, уцелевших мятежников и прочих разбойников.

"Ручные повстанцы оказались не такими ручными, как хотелось бы дядюшке", - хмыкнул тогда Брандон.

Среди горожан, к удивлению Сакса, мелькали луайонцы. В первом же ряду махал зеленым беретом пожилой пекарь в перепачканном мукой фартуке, - мелкий, тонкокостный, явно щучьей крови, - за его руку держался мальчишка лет восьми, а за спиной возвышались двое взрослых сыновей, лицами похожие на отца, но здоровенные, как тейронские медведи. Остальные горожане словно и не замечали, что среди них - враг и захватчик. Сакс подумал, надо будет спросить Брандона, почему так, и что он собирается делать с чужаками.

Но вместо Брандона ответил Киран: они оба ехали следом

за принцем, несмотря на то, что люди Мейтланда настойчиво пытались оттеснить их подальше.

- Ассимилировались, - сказал непонятно и тут же поправился: - Женились на тейронках, родили детей. На родине они - босяки, а тут - уважаемые граждане. Среди горожан тоже немало таких. Пока перевес на стороне Брандона, они будут драться за него и за свои семьи.

- И вспомнят, что они луайонцы, как только в Шаннон войдут щучьи войска, - буркнул Сакс, приглядываясь к толпе. Показалось, мелькнуло несколько солдат в зеленых плащах.

- Не войдут, - уверенно ответил Киран, но объяснить, почему, не успел: подъехали к перекинутому через сухой ров подъемному мосту, танские герольды задудели в длинные трубы.

Пока въезжали в замок и спешивались, Киран вполголоса подсказывал, где что расположено, он явно не единожды бывал в Шанноне. У Сакса голова шла кругом с непривычки - толкотня и вонь, гомон и лязг, десятки любопытных взглядов... Но это не мешало ему примечать расположение стражи, приглядываться к лицам - хмурым и радостным, озабоченным и веселым. Встречающий тана и принца во внутреннем дворе рыцарь поглядел на них с Кираном недоуменно и сердито, мол, с чего это сиволапые крестьяне занимают место благородных лордов? А когда они следом за Брандоном и Мейтландом вошли в нижний зал, где уже собралось с десяток лордов и рыцарей со свитами, один из танских слуг, одетый богаче иного лорда, и вовсе велел им отправляться на кухню, а не мешаться у благородных гостей под ногами. Велел достаточно громко, чтобы Брандон услышал и обернулся, на полуслове оборвав прочувствованную речь какого-то старого и потрепанного рыцаря.

Смерив слугу внимательным взглядом, он чуть заметно нахмурился и махнул Кирану с Саксом - мол, не отставайте. Слуге пришлось отступить. А лорду Брандон доверительно пояснил:

- Вот всегда так, о благородстве судят по одежде. Разве ж так наказал нам Отец?

Потрепанный рыцарь согласно кивнул и гордо огладил свой меч - явно старый, не раз бывший в деле, и заговорил о верности Бероукам и Тейрону. Мол, и его дед, и его отец, и он сам никогда не склонялись перед чужаками, а что кроме верности и чести у него ничего не осталось, неважно. Честь - превыше!

Брандон слушал лорда чуть не со слезами на глазах, а как рыцарь закончил, обнял его и громко, на весь зал, сказал:

- Мы, тейронцы, никогда не забываем долгов! Мы ждали двадцать пять лет, но больше ждать не будем! Мы вернем нашу

свободу и нашу землю! И никто, слышите, никто из настоящих тейронцев больше не будет прятаться по лесам, не смея назвать своего имени! Лорд Кайет, клянусь перед Отцом и Матерью, ваши земли снова будут вашими, не пройдет и года!

Тан Мейтланд снова отечески улыбнулся, словно именно он взрастил этого благородного юношу, а лорды и рыцари заорали славу Бероукам. Под этот ор принц прошел через зал, всем своим видом показывая, как тронут, счастлив и полон решимости вернуть родным верным лордам все, что им принадлежало, и еще немного сверх. Или не немного.

Где-то между нижним залом и вторым этажом исчез Киран. Шепнул Саксу, что разведает обстановку, велел сегодня не отлучаться от принца, и пропал.

Мейтланд проводил Брандона до покоев на втором этаже, в пристройке рядом с основной башней, - донжоном, вспомнил Сакс уроки матери. Красивые комнаты, просторные. Королевские. Роберт Бероук, пояснял Мейтланд оглядывающему комнату Брандону, нередко гостил здесь и очень любил эти покои. Особенно ему нравились гобелен с медведем у ручья и вот это кресло у камина. А еще его величество очень любили принимать здесь ванну...

Когда тан открыл боковую дверь, Сакс обомлел. Такой роскоши он не то что не встречал, а даже не предполагал, что подобное бывает. Мать как-то рассказывала, что оквудский замок строили как положено, с канализацией, отоплением и водопроводом, даже объясняла, что это такие медные трубы, по которым течет в замок свежая вода и уходит грязная, но Сакс не очень-то верил. Река внизу, а замковые покои - наверху, не может же вода течь вверх. Если только это не колдовство.

Верно, здесь колдовство и было. Сильное. Потому что стоило покрутить золотые рукоятки, вода текла не только холодная, но и горячая. Прямо в здоровенную каменную кадку, темно-синюю и гладкую. Но рукоятки Сакс крутил потом, и расспрашивал Брандона потом, когда тан оставил их отдыхать до обеда.

К удивлению Сакса, тан лишь снисходительно кивнул, когда Брандон потребовал поставить для брата вторую кровать и принести подобающее рыцарю платье. И для Кирана тоже, прямо сюда! Кровать, правда, не пролезла бы в дверь, и потому слуги принесли лишь платье и узкий лежак. Хотели поставить в дальний угол, но Сакс показал на место у двери. Так, на всякий случай. Судя по тому, как вел себя Мейтланд, дурного против Брандона он не замышлял. Да и сам Брандон сказал не волноваться, а помыться и поспать перед обедом. Вечер будет

долгим и трудным, лорды же.

В отличие от принца, сразу уснуть Сакс не смог, хоть и устал смертельно. Снова вспоминалось летнее озеро, земляника и фейри на дальнем берегу. Она махала рукой, улыбалась и обещала непременно вернуться, совсем скоро. А под ногами у нее был холмик, сплошь усыпанный звездчатыми желтыми цветами жалей-травы. Травы, которая растет только там, где живут фейри. Или где фейри умирают и растворяются в земле, реках и облаках, чтобы пролиться дождем и зацвести вереском...

Сакс очнулся от сквозняка, словно бы отворилась дверь. Не успев понять, где он, скатился с лежанки, вскочил, сжимая нож и озираясь в поисках опасности... и встретился взглядом с Кираном. Охотник стоял в двух шагах сбоку от двери, держал руки ладонями вверх и усмехался.

- Негодный у тебя стражник, брат. - Виновато глянув на принца, севшего на кровати, Сакс сунул нож обратно за пояс. - Проспал.

Киран подошел и хлопнул его по плечу.

- Годный, не переживай.

- Хороший стражник, вовремя почуял, - подтвердил Брандон и, склонив голову набок, уставился на Кирана. - Любопытно, где ты выучился так тихо двигаться? Даже убийца из Фелима, которого еле поймали мудрые в прошлом году, так не мог. Уверен, что ты не фейри?

- Уверен. - Киран хмыкнул и сел на саксов лежак. - Но учил меня фейри. Давно.

Замолк и потянулся к смятой одежде, той, что принесли слуги тана.

- Учил, как я вижу, не только тихо ходить, - не дождавшись продолжения, сказал Брандон. - Ну, рассказывай, что делается у дядюшки и что говорит Белинда.

- Лорды пьют за ваше здоровье и делят танства. Дядюшка доволен как слон... - осекся, видя непонимание в глазах Брандона, и поправился: - В смысле, как кот, сожравший певчего щегла. И прикидывает, когда играть свадьбу вашего высочества с Белиндой.

Киран остро глянул на принца.

- Пусть прикидывает. - Откинувшись на подушки, Брандон принялся задумчиво разглядывать вышивку на балдахине. - До коронации мы не будем его разочаровывать. Лордов тоже. Но и обещать им ллирово золото будем осторожно. А дальше... Чего ждете? Одевайтесь. Не справитесь сами, слуг позовите. Теперь вы не разбойники, а народные герои. И я, как добрый и справедливый принц, буду вас награждать. Для начала

рыцарством. А вы - радоваться.

Киран, вертевший в руках зеленый дублет с привязными рукавами, тяжело вздохнул. Сакс был с ним согласен: королевская награда - не только мед, но и пчелы. Злые и много. На что Брандон хмыкнул и повторил:

- Я сказал, радоваться и благодарить. И передай Белинде, на ушко, что мы благословляем нашу фаворитку на брак с таном Флейтри, лордом Кроу и прочая, прочая. То есть с тобой. После моей коронации, разумеется.

Всего миг Киран недоуменно смотрел на Брандона, словно тоже до сих пор не принимал всерьез мимоходом кинутое обещание отдать ему танство, а может, не ожидал такой прямоты от принца. Но замешательство быстро прошло, Киран криво усмехнулся и, приложив руку к сердцу, словно заправский придворный лорд, склонил голову.

- Слушаюсь и повинуюсь, сир.

Судя по усмешке, Киран ничего не имел против того, чтобы делить Белинду с Брандоном. А Саксу подумалось, что здесь он их обоих не понимает. Делить с кем-то Лиле он бы не согласился ни за что. Даже с королем и побратимом. Особенно с королем и побратимом. И Лиле не променяла бы землянку в лагере на королевскую спальню.

Когда танский сенешаль постучал в дверь и пригласил его высочество почтить присутствием обед, Сакс с Кираном уже были одеты, как подобает лордам, и разве что не завиты на луайонский манер. И готовы благодарить, радоваться и делать все, что прикажет принц. Правда, глаза у Кирана были - в точь как у мальчишки, лезущего в соседский сад за яблоками.

Торжественного обеда Сакс толком не запомнил. Лишь копоть и вонь масляных светильников, жирное мясо, бессмысленные громкие речи и недовольство лордов: принц приблизил и даровал рыцарство сразу двоим простолюдинам, причем второму - здесь же, у них на глазах! Лорды кривились, но роптать не смели. Брандон сделал все красиво, как в легендах, и сказал столько правильных слов о чести, верности и любви к своему народу, что хватило бы на десяток героических баллад. Сакс слушал и удивлялся себе: раньше бы он искренне радовался и верил королевской доброте, а сейчас больше думал о том, что Брандону в самом деле лучше оставить при себе безродных, но верных, чем остаться в окружении лордов. Своих, родных тейронских лордов, глядящих на принца, как на сундук с золотом. Запертый. И каждый из лордов громкими речами и огненными взглядами пытается этот сундук взломать.

Сундук не поддавался. Блестел, звенел, обещал непонятно

что и кому, но очень красиво, и не ломался.

А следующим утром Сакс снова столкнулся с Марком.

Брат поджидал его у самых гостевых покоев. Заступил дорогу, заговорил об отце с матерью, о приказе принца Артура и верности. Припомнил даже, как учил Сакса стрелять из лука.

Вот тут Сакс не сдержался.

- Ты мне не брат, - сказал очень тихо, еще тише, чем вытащил нож из ножен и приставил к горлу Марка. - Та фейри была моей женой и носила сына.

Услышав про фейри, Марк скривился и отшатнулся к стене. А Сакс добавил:

- Ты жив только потому, что она не хотела, чтобы я убивал.

Марк по-волчьи сверкнул глазами и, отодвинув руку с ножом, пошел прочь. Быстро, не оглядываясь. Лишь в конце коридора дважды сплюнул через плечо, отгоняя ллировы мороки.

Значит, фейри для тебя - демон, подумал Сакс. Вот и хорошо. Лучше честный враг, чем лживый друг. Тем более, война скоро. Так что это все ненадолго.

- Дурной лось! - в один голос обругали его Брандон с Кираном, когда хмурый Сакс рассказал о встрече.

Он и сам понимал, что надо было иначе. Только как иначе и зачем иначе, не знал.

- Научишься, - уверенно сказал Брандон. - По крайней мере, врага ты себе выбрал славного. Такой злопамятной сволочи, как Дубок, поискать. Так что придется тебе теперь вдвое внимательнее смотреть по сторонам.

- И не вздумай сам его тронуть, - добавил Киран. - За своего вассала Мейтланд с тебя шкуру спустит.

- Может даже и хорошо, что ты так сдурил. - Брандон задумчиво оглядел Сакса и улыбнулся, словно придумал что-то очень забавное. - Мейтланд и так не принимал тебя всерьез, а теперь убедился, что лось и есть лось. Злой, упрямый, прет напролом... точно. Вот такой ты мне и нужен.

Какой именно и зачем, Сакс понял далеко не сразу. Пока он просто держался за плечом Брандона, без его приказа вперед не лез, а лишь присматривался, прислушивался и мотал все на ус. Жаль только, Киран в то же утро покинул Мейтланд-холл, отправился к повстанцам. Сакс вышел его проводить, да просто выбраться хоть ненадолго из каменного мешка на воздух. Вонючий воздух, слишком много в Мейтланд-холле собралось солдат и лошадей.

- Партизаны, сопротивление, - вздохнул Киран о чем-то своем и подмигнул Саксу: - Смотри в оба, браконьер, береги побратима. И не тоскуй так. Она вернется.

Сакс опешил, хотел спросить, когда вернется? И как может вернуться фейри, если ее убили? Но Киран уже направил коня к воротам. Окликать его на виду у мейтландовой стражи и челяди Сакс не стал, да и ни к чему. Если вернется, значит, вернется. Только ждать ее у Девьего озера нельзя, война на носу, оставить Брандона - значит, предать.

Верно, если бы Сакс не задумался, и если бы какая-то неуклюжая деваха не пихнула его полной овощей корзиной, то ллирова хранителя он бы не заметил. А так...

Пока думал, пока отмахивался от извинений девахи - в ворота въехал всадник. Не рыцарь, потому что без доспеха и один, без слуг и оруженосца. Не купец - купцы не носят серые невзрачные плащи с глубокими капюшонами. Не крестьянин - лошадь хорошая, верховая, деревенщине не по карману.

Лишь разглядев зеркальце, поблескивающее у всадника на груди, Сакс понял: хранитель! Самый настоящий старый хранитель, из тех, что лорд Мейтланд приютил в своих землях. Замковые стражники отдали ему честь, десятник что-то сказал, в гаме было не разобрать, что. А хранитель скинул капюшон и сказал:

- Луна благословит тебя, - громко и торжественно.

Голос у него был низкий и гулкий. И вкрадчивый, так что не глядя можно сказать - Ллиров слуга.

Сакс-то как раз глядел во все глаза. Он ни разу не видел настоящих божьих слуг, только давно еще, когда был совсем маленький, слышал от матери: зеркальца на груди носят Ллировы хранители, хрустальные браслеты на правой руке - Асгейровы, венок из трав - Отца Кирмета. Саксу тогда было страсть как интересно, на кого ж служители похожи, вряд ли на простых людей, но увидеть не довелось.

Этот был похож на ястреба. Нос тонкий, изогнутый как клюв, и внимательные глаза. Сам смуглый, борода белая, и волосы как перец с солью. Соли больше. Точно, ястреб. Пестрый.

Прислушался: интересно ж, о чем хранитель говорит со стражей. Десятник как раз кашлянул, прочистил горло и ответил:

- Тан, как приехал, о вас спрашивал, мастер Конлей. Велел, как появитесь, сразу проводить.

Хранитель усмехнулся, спешился без всякой помощи, не то что мудрые, и уверенно зашагал к башне. Видно было, частый и почетный гость в замке, вон и слуги расступаются, почтительно кланяются.

О ллировом хранителе он, ясно дело, тут же рассказал Брандону. Хорошо же, что Мейтланд слушает правильных божьих слуг, а не мудрых.

- Слушать надо не ллировых слуг, а Отца. Здесь слушать, - неожиданно сказал Брандон и коснулся пальцами груди. - Ты завтракал? Нет? Быстро ешь, нам скоро идти вдохновлять на подвиг Зеленый Легион. А потом снова лорды. Что, много еще приехало?

Пока завтракал, доложил - сколько лордов и рыцарей, сколько солдат, где разместились. Брандон одобрительно кивал, лишь под конец вздохнул:

- Мало. Завтра выступать, а лордов всего ничего.

Ничего себе мало, подумал Сакс, припомнив забитые до отказа казармы и слухи о том, что часть рыцарей разместилась в городе, в брошенных рыбниками домах. К тому же, Зеленый Легион!

Лагерь располагался под южной городской стеной, у реки. Окруженный земляным валом, с выстроенными по ниточке палатками, чистый и аккуратный - куда аккуратнее повстанческих землянок. В расположение Легиона принца сопровождали оба Мейтланда, старший и младший, на диво не похожие между собой. В отличие от тана Мейтланда, его младший брат, - отец Белинды, - был резок, продублен солнцем и ветрами, разговаривал отрывисто и совсем не умел гнуть спину, хоть бы и перед своим принцем. Зато смотрел открыто и улыбался искренне, так, что ему Сакс готов был ему поверить тут же. И солдаты смотрели на своего командира чуть ли не с обожанием. Подумалось, что страшные истории про Зеленый Легион не такие уж правдивые, а что солдаты не всегда возвращаются домой, так на то они и солдаты. На войне, бывает, ранят и убивают. Да и не на войне тоже. Вон, сестру Мэта в лесу волк задрал.

Пока Брандон говорил с офицерами, Сакс осматривался. Все надеялся увидеть среднего брата, Грэма. Младший лорд Мэйтланд не принц Артур, вдруг Грэма не испортила служба? Грэма видно не было. Может, он попал и не в Зеленый легион, спросить бы!

Спросил. У повара, когда Брандон пробовал солдатскую кашу прямо из котла.

- Грэм Дубок? Да конечно! - заулыбался повар. - Стрелок, каких поискать!

Генерал Мейтланд тоже услышал, обернулся к Саксу, глянул с интересом, словно впервые заметил.

- Десятник Оквуд со своими лучниками остался на границе.

Жаль, не передал весточку с Кираном, подумал Сакс - и велел себе забыть о брате до послевойны.

Но войны не случилось, Охотник и тут оказался прав. Не было даже толкового боя, когда Брандон с Зеленым легионом,

рыцарями и народным ополчением вошел в столицу - ровно в тот день, когда от горя скончался король Бероук, так и не успев объявить Брандона братоубийцей и мятежником. Потом только Сакс узнал, что король скончался у ворот собственного замка, когда вышел к народу и собирался что-то сказать. Даже начал, произнес: "Брандон, мой сын!.." - и замертво упал с коня.

В бестолковой свалке, когда никто ничего не понимал, погибло всего полдюжины солдат, и случайной стрелой был убит генерал Мейтланд. А когда Зеленый Легион приготовился кроваво мстить за своего любимого командира, из дворца вышли мудрые в сопровождении лордов и гвардии, преклонили колена перед новым королем, и повинились за изменника, бывшего первого королевского советника, совершенно случайно упавшего с лестницы и свернувшего шею, а то бы мудрые непременно представили его перед королевский суд...

- Ладно, хоть не голову на блюде вынесли, - под нос буркнул Брандон, а мудрые сделали вид, что не услышали.

На этом война закончилась. Нобле ушли из Тейрона сами, быстро, едва не за месяц. Последовать за советником-изменником никому не хотелось.

Когда ноблей в Тейроне не осталось, мудрые пришли к Брандону: напоминать об истинной вере и своей полезности. Но король не стал их слушать, велел прекратить огненные жертвы Асгейру и не вмешиваться в государственные дела.

- Мы, - сказал Брандон, - равно почитаем обоих сыновей Отца и Матери. И приносим им положенную жертву по древнему закону: Асгейру светлый хрусталь и светильники, Ллиру зеркала, янтарь и молоко, Матери - плоды, Деве - цветы, Отцу - змеиные шкурки и травы, Старухе - затупившиеся серпы. И никто, никогда в Тейроне не принесет богу человеческой жертвы.

Мудрые склонились перед королевской волей, но не отступились. А напоследок их главный бросил на Сакса выразительный взгляд, точь-в-точь тан Мейтланд, и Сакс подумал, что война все равно будет. Только война эта будет не мечами и стрелами, а уговорами и посулами. Прав был Брандон, придется ему учиться дипломатии, потому как выкорчевать заразу одним мечом не выйдет. Слишком глубоко проросла.

- Я ж говорил, ты поймешь, брат, - улыбнулся Брандон, когда в тот же день Сакс поделился с ним опасениями. - И будь осторожен. Мудрые думают, что удалив тебя от трона, смогут шептать мне в уши. Они ошибаются. Я никогда не приму их веры. - Брандон прищурился на солнце, и Саксу вдруг показалось, что король стар и сед. - Они бы сожгли меня, как колдуна, как только Артур сделал наследника. У меня хороший слух, Сакс. Очень

хороший.

Глава 8. Ильяс

Его разбудил звонок домофона.

Подскочив с кровати, Ильяс сморщился и чуть не взвыл, так болела голова. Да и вообще было отвратно и тухло, а вчерашний вечер помнился смутными обрывками. Как, впрочем, и утро: кажется, проснулся на полу в студии, влез в душ и там же выпил какую-то антипохмельную хрень - откуда она взялась на полочке под зеркалом, черт знает. А потом перебрался в спальню и снова уснул. По крайней мере, пахло от него не так гадостно, как должно бы. И одет вроде... да, точно. В душе нашлись свежая рубашка и джинсы. Странно. Лилька, что ли, позаботилась?

Проклиная вчерашнего урода-благотворителя, спирт и собственную дурь, - надо же было так нажраться! - Ильяс побрел открывать. Точнее, спрашивать, какого урода принесло в такую рань и за каким хреном? Посреди холла догадался глянуть, что творится в студии. Если, упаси боже, приперся кто-нибудь из заказчиков... Вот будет вобля-а...

Готовясь увидеть картину "здесь были свиньи", толкнул дверь. Удивленно оглядел чистую и аккуратную студию, принюхался - даже запаха не осталось. Свиньи ушли и за собой прибрали?

Хотел позвать Лильку, спросить... о черт. Спросить, с чего такая доброта, или что он вчера творил? Нет. Сначала выпроводить урода, который барабанит в дверь. С чего это консьерж поутру пускает всяких уродов, а? Спать надо в такое время, спать!

Он так и сказал Вовчику, который уже весь извелся, пытаясь отстучать по косяку что-то этакое. Все равно получалось "спартак-чемпион". Дылда гнусно захохотал, сообщил, что день на дворе, а некий нехороший человек забыл, что у лучшего друга сегодня день рождения.

- Эта, поздравляю. - Ильяс скривился. - Не ори так, будь человеком.

Вовчик захохотал еще гнуснее, тряхнул крашеной под блонд челкой, отодвинул Ильяса с дороги и потопал на кухню. На хохот выглянула Лилька, посмотрела на Ильяса сочувственно, а гостю улыбнулась, позвала пить кофе, - все равно уже идет на кухню, - и убралась обратно. Вовчик пожал плечами и постучал себя пальцем по лбу, имея в виду, очевидно, лилькину водолазку под горло посреди июльской жары - но точно не свои грязные ботинки на чистом паркете.

В голове тут же всплыла картинка, как некая пьяная свинья вчера сбрасывала казаки посреди студии и попала в софит. Черт. Зря он прямо в дороге начал. И коньяк в бардачке зря хранил. И вообще, на хер нажрался?

Ответом на риторический вопрос всплыла другая картинка: фото из хосписа на мониторе и пустая бутылка из-под виски. На полу. У, черт. Только не хватало, чтобы Лилька увидела. Хотя... она же пофигистка. Не стала бы она перекапывать всю папку, чтобы найти одну-единственную улику, да и не узнала бы его. Нет, не видела.

Из кухни тем временем послышался жизнерадостный гогот Вовчика и тихий лилькин голос.

Ильяс вздохнул, потер глаза и пошел следом за приятелем. Вовчик вольготно развалился на любимом лилькином месте - в углу диванчика, и громко выражал сожаления об отсутствии коньяка к кофе. Лилька быстро и молча накрывала на стол. Перед Ильясом поставила большую кружку бульона, блюдце с гренками и со своей чашкой села на подоконник.

Бульон был вкусный, а Вовчик, как всегда - нахальный и непробиваемый. Поглядел на Ильяса и бульон, ухмыльнулся и заявил:

- А говорил, никогда не нализываюсь! - Тут же расхохотался, хлопнул его по плечу. - Нормально, братан, не кисни! Щаз мы по пивасику, и все как рукой...

Руку Ильяс перехватил, вежливо положил на стол и очень вежливо сказал:

- Засохни, младенец.

Допил бульон, искоса глянул на Лильку - она сидела на подоконнике и украдкой кидала на гостя любопытно-опасливые взгляды. Видеть ее в роли смущенной старшеклассницы было странно, и вообще как-то неправильно она реагировала на Вовчика.

Самого же Вовку младенцами и пожеланиями засохнуть было не смутить.

- Слышь, я чего вообще пришел-то. Напомнить - будем вечером праздновать, чтоб ты был. Вдвоем. У меня для тебя подарочек.

- А может не надо подарочков? - без надежды на понимание спросил Ильяс.

Он от прошлого два месяца лечился. Вовчик ради лучшего друга расстарался, нашел черную стриптизершу, красивую и экзотичную, как орхидея, вот только справку от доктора с нее не потребовал. А зря. Негритяночка принесла не то птичий грипп, не то свиную чуму, в общем, мерзкую мерзость, передающуюся

воздушно-капельным путем.

- Надо, - уверенно заявил Вовчик. - Тебе понравится. В общем, вечером жду. Насчет формы одежды так - тебе, как художнику, свободная, а даме - в перьях. То есть в вечернем.

Ну да, в перьях. Очень в Вовкином стиле. Сколько Ильяс его знал - всегда таким был: обаятельный хам, добрейшей души пофигист и вообще благородный разбойник. Своеобразная помесь Робин Гуда, того, что из сериальчика восьмидесятых годов, с Витькой Корнеевым. Только на вид чистый Робин Гуд, по крайней мере был, пока ему не взбрело в голову остричь патлы и выкраситься в блондинистый ужас. Познакомились они лет тринадцать назад, в Питере, Вовчика занесло из Первопрестольной на студенческий тусняк - и заносило в Питер еще несколько раз, к их общей подруге-художнице. А потом Ильяс столкнулся с ним в Москве, когда только переехал и искал, где бы обосноваться. Собственно, и Рублево выбрал из-за Вовчика - тот и сам тут жил, и другу присоветовал. Вовчик был единственным, кто знал молодого-амбициозного-талантливого-бесштанного Илью тогда-еще-не-Блока. С теми, кто знал уже не такого молодого и не совсем бесштанного, а почти восходящую звезду, за круглосуточной работой пополам с тусней прозевавшую рак, Ильяс не общался. Принципиально. И в Питер не ездил, тоже принципиально.

Лилька фыркнула в чашку и пробормотала под нос:

- А в средние века это вроде считалось наказанием. В смысле, в перьях. А теперь - пожалуйста, модный наряд.

- Хм. Что-то в этом есть, - почти искренне улыбнулся Ильяс: сейчас Лилька походила на синичку, маленькую и нахохленную. - Тебе пойдет. Точно.

Вовчик посмотрел на него, как на идиота. Лучший друг не понимал, что Ильяс нашел в этой бледной моли. А может, просто привык, что Ильяс не слышит, что там пищат его модельки, и тем более - им не отвечает.

- А? - Лилька подняла глаза и уставилась на него недоуменно. Потом так замотала головой, что чуть кофе не разлила. - Я? Нет-нет, я никуда, и вообще... нет. Извини.

И снова уткнулась в чашку.

Вовчик хлопнул Ильяса по плечу:

- Ладно, приходи один. Найдем тебе конфетку на месте.

- Сами разберемся, - буркнул Ильяс вместо того чтобы послать Вовчика лесом. Все равно без толку.

- Не умеешь ты пить, - посочувствовал ему Вовчик и смылся.

Смываться вовремя он умел даже лучше, чем хамить, и потому почти никогда не бывал бит. А временами хотелось, ох,

как хотелось. Вот как сейчас. Уж точно хотелось больше, чем смотреть в глаза Лильке. Он сам ненавидел пьяных свиней и очень хорошо знал, что эти свиньи могут учинить. Особенно если ты - мелкий и слабый, а свинья здоровенная и пьяная в дрова.

Когда Ильяс, заперев дверь, вернулся на кухню, Лилька невозмутимо жевала бутерброд и запивала второй чашкой кофе. Послал бог пофигистку, уже привычно подумал он. Лучше б ругалась, честное слово, тарелку разбила об его голову, что ли! Тогда можно было б потом помириться... Черт. Попозже, мириться - попозже!

К горлу подкатила тошнота, бульону не нравилось в организме. Может лучше кофе?

Лилька, как обычно, угадала - а может, просто привыкла, что кофе он хлещет литрами. Помахала огрызком бутерброда в сторону кофейника и осторожно уточнила:

- Может, правда лучше пива?

От одной мысли о пиве и пьяных свиньях снова затошнило. Кофе, только кофе! Или гильотину.

После третьей чашки в голове прояснилось и до него дошло, почему Лилька не хочет на тусняк. Боится, что он снова нажрется. И надеть ей нечего, женщинам всегда нечего надеть.

Оставив ее на подоконнике, пошел раскапывать шкаф в студии. Помнится, там оставалось после очередной рекламы очередного бутика нечто бирюзово-золотистое, безразмерное и открытое... ага. Есть.

На бирюзово-золотистое Лилька глянула, как на живую гадюку.

- Это я не надену! - Она поежилась и одернула рукав водолазки. - И не пойду никуда. - Подумала и добавила на всякий случай: - Уговаривать не надо, я не кокетничаю, я правда не хочу.

Что-то снова было не так.

- Капелька, я не могу к Вовчику не пойти. А без тебя... - скривился, подумав, сколько там будет "конфеток", которым очень хочется ключи от квартиры, а можно сразу банковскую карту, ну или на худой конец жирный заказ на рекламу. - Пить не буду, обещаю. Хватит уже.

Лилька скорбно вздохнула.

- Ладно. Но в водолазке! Или рубашку надену.

Нет, это определенно было неправильно. Слишком легко она согласилась, и почему рубашка-то? И эти рукава еще!

Бросив платье на стул, он подошел к подоконнику. Попытался взять ее за руку.

Лилька немедленно сделала вид, что обе руки у нее страшно заняты и в ближайший год не освободятся.

- Ну я же ем! - Сунула ему под нос огрызок бутерброда, вдруг так не поверит.

Значит, пьяные свиньи. Черт.

- Может, расскажешь, что вчера было? Мне стыдно, но я не помню.

- А я не знаю. - Она пожала плечами. - Я поздно пришла, принесла тебе кофе и легла спать. Ну, слышала из студии "Крематорий".

Ильяс покивал и поймал руку с останками бутерброда. Мягко поймал, даже не сжал. Она закаменела, словно руку судорогой свело, и глянула укоризненно - а в глубине глаз был страх. Пугать ее дальше не хотелось, совсем не хотелось, но надо было выяснить масштабы бедствия. Потому он задрал рукав водолазки...

- Не трогай!

Она отдернулась, уронила бутерброд на пол и снова натянула рукав на синяки.

Ильяс отступил на шаг, сглотнул ком в горле. Было стыдно и мерзко, а еще он совсем не помнил, что же натворил.

Помотав головой, спросил:

- Прости, я... я сильно тебя обидел?

- Не обидел, - неохотно ответила она. - Напугал. Ну и... - Прикусила губу и стянула водолазку. - Вот...

Оценив засос на ключице, укус с кровоподтеком на плече и пять синяков на запястье, Ильяс длинно выругался. Остро захотелось дать пьяной свинье в рожу, да толку-то. Он еще отступил - теперь она наверняка его боится. И совсем непонятно, почему она до сих пор здесь.

Лиля поморщилась.

- Не ругайся. - Снова натянула водолазку. Отвернулась и уставилась в окно.

- Лучше бы ты поругалась, что ли. - Он попробовал усмехнуться, но не вышло. - Лиля?

- А? - Так и не обернулась.

- Черт, да выскажи уже все что думаешь, хочешь, в рожу дай, хочешь, тарелки побей. Только не отворачивайся. Пожалуйста. Я... что мне сделать, чтобы ты простила и перестала бояться?

Лилька буркнула в окно:

- Я уже не боюсь и не сержусь. Просто не трогай, ладно? Сейчас неприятно, потом пройдет. И еще я не хочу никуда идти. - Подумала немного и обернулась, робко улыбнувшись: - Ну... или хочу покрасить тебе бороду. - Покачала тапочкой и объяснила: - Это у меня такая истерика. Наверное.

Ильяс хихикнул. Нервно. Наверное, это у него тоже истерика. И со вздохом согласился:

- Тогда бороду. Только не зеленкой.

- Нет дома зеленки, - вздохнула Лилька и спрыгнула с подоконника. - Пойду куплю краску.

Вернулась она примерно через полчаса, притащила кучу расчесок и зачем-то кисточку, развела в чашке сомнительный порошок с резким травяным запахом и велела снять рубашку.

- А то она тоже покрасится.

Ильяс смотрел на эти приготовления, как на свежеразложенный костер инквизиции. Сам себе не верил - он, добровольно, в здравом уме и трезвой памяти, позволил красить себе бороду?! Нет. Такого не может быть, потому что не может быть никогда. Тем не менее снял рубашку, замотался старым полотенцем и сел на стул посреди кухни, утешаясь тем, что бороду можно и сбрить. Или будет у него персидская, крашеная хной борода. Забавно же.

Лилька хищно блеснула глазами, потерла руки и сцапала со стола расческу. Потом хлопнула себя по лбу и вытащила из кармана перчатки. И принялась за покраску. Покрасила не только бороду, но и усы, бурча при этом "а то будет негармонично..."

- Маньячка, - хмыкнул Ильяс и пожертвовал усами. И даже не попытался выпросить "Nikon" и снять пару великолепных кадров. Мученик искусства, не меньше!

Закончив свое черное дело, Лилька велела сидеть час, а лучше два, и, мурлыча под нос, принялась возиться с кастрюлями и сковородками. Мученику искусства она принесла ноутбук и кружку кофе, чтоб не так страдал и поменьше на нее пялился. Он и не пялился. Размер знал и так, а образ уже сложился. Раз девушка хочет рубашку... в конце концов, не только у нее истерика и всякие эротические фантазии.

Едва успел найти и заказать все что нужно, пришлось, правда, платить вдвое, чтобы привезли прямо сейчас, но чего не сделаешь ради искусства. Он даже удивился, что все уже, когда Лилька окликнула:

- Можно смывать, - и торопливо добавила: - Учти, ты сам согласился!

"Это не зеленка. Точно не зеленка!" - напоминал он себе, пока шел в ванную и смывал траву. Вода была какого-то странного цвета, может, просто басма?

С некоторой опаской глянул в зеркало. Ничего ужасного не обнаружил, борода как была черная, так и осталась. Может, цвет проявится, когда высохнет? Терпеть не было никаких сил, и он взялся за фен.

Лилька тоже не утерпела, сунулась в дверь, кивнула сама себе и смылась. И хлопнула кухонной дверью.

Это не к добру, подумал он и, отложив фен, снова глянул на себя. Сначала не поверил. Пощупал отливающее густой синевой безобразие, подергал - на всякий случай, может, спит? Ничего подобного. Это - явь. И он сам на это согласился. Вот ненормальный. А Лилька так вообще такая Лилька... Маньячка. Натуральная маньячка! Извращенка! Ну, он этой Капельке Стрихнину отплатит...

Еще несколько секунд он пялился в зеркало, а потом не выдержал, заржал.

Так ржал, что свалил стойку с полотенцами и сам свалился. И живот заболел.

На грохот прибежала Лилька. Заглянула в ванную, испуганная, прям святая невинность. Уставилась на него, честно попыталась изобразить сочувствие. Выдержала секунд пять, а потом смех победил.

Оторжавшись, Ильяс грозно насупился, ткнул в нее пальцем и вопросил:

- Почто ты учинила сие непотребство, о женщина?!

На последнем слове чуть не задохнулся, пытаясь не заржать снова. Не преуспел - и откинулся обратно на пол.

- Была в истерике, не понимала что делаю, за себя не отвечаю! - отчиталась женщина, давясь хохотом. - И вообще, это не я. Это твоя внутренняя сущность. Синяя борода, сатрап и деспот!

Лилька показала ему язык.

- Да! - Ильяс ухмыльнулся. - Сатрап и деспот! Как хорошо ты меня понимаешь, душа моя. А теперь марш снимать кастрюли, будем красить и одевать супругу Синей бороды. Ха-ха три раза!

Для ускорения он запустил в Лильку полотенцем. Она артистично взвизгнула и захлопнула дверь, и тут же, за дверью, захохотала. Совершенство. Мечта! И засос очень в тему, как раз под ее костюмчик.

Глава 9. Лиля

Разрешения покуситься на святое, то есть бороду, Лиля не ожидала. Но раз уж Ильяс согласился, грех было не воспользоваться. Не то чтобы она особенно любила французские сказки, но когда подумала, что им обоим надо срочно как-то отвлечься, пришла в голову только синяя борода. И даже если он устроит скандал - пусть! Лучше скандал, чем виноватый и несчастный Ильяс - совсем на себя не похожий.

Отвлечь получилось на все сто. Ильяс не то что не разозлился - наоборот, оценил креативность идеи. Полчаса здорового смеха замечательно сняли напряжение.

Но за синюю бороду ей все-таки отомстили.

Ничем другим выбор наряда для вечеринки Лиля объяснить не могла. Нет, джинсы ее порадовали, несмотря на непривычно низкую посадку, такую, что даже белье не надеть. Лучше джинсы, чем перья. Или чем вечернее платье, которое непонятно как носить. Рубашка тоже была хороша - батистовая белая, мужская, на размер больше, чем нужно. Эта рубашка даже примирила Лилю с кружевным корсажем и диковатой прической: два несимметричных узла с торчащими из них хвостиками. А кровоподтек успешно маскировался шейным платком. Алым.

Глянув в зеркало, Лиля рассмеялась:

- Пионерский галстук! А ты - сатрап и деспот, вот!

И показала Ильясу язык.

Он согласился, что сатрап и деспот, и продолжил "создание образа". Нарисовал сине-серые тени вокруг глаз - вид получился утомленный, совсем не праздничный. Надел ей браслеты из черненого серебра.

Браслеты Лиле решительно не понравились. Слишком уж напоминали наручники. Широченные, тяжелые, только цепей к ним не хватало. А последней каплей стали духи. Ильясова "Ambre". Ему-то пряный и тяжелый запах шел, но ей?!

Лиля хотела уже возмутиться и потребовать смыть этот ужас, но некстати вспомнились вчерашние фотографии. Из больницы. Стало стыдно и страшно. У него же рак, точно рак - так выглядят люди после химио- и радиотерапии. Непонятно, как он вообще жив, и тем более непонятно, почему сейчас выглядит здоровым. И шрамов от операций на нем нет. Может быть, ремиссия? Но ведь тогда любой стресс может спровоцировать новый приступ! Вдруг она сейчас начнет скандалить, а он снова заболеет?

Потому промолчала, но настроение упало, и подумалось - лучше бы она вчера поехала после Арбата домой. То есть к Настасье, ключей от дома-то нет, и вообще, она тут зависла уже на месяц с лишним! Странно и глупо. Особенно странно и глупо было оставаться у Ильяса в квартире, пока он ездил в Мексику. Подумаешь, побыл бы Тигр один, он уже привык, и в туалет он ходит сам, а кормить его могла бы домработница.

С ней Лиля встречалась всего дважды, и оба раза - мельком. Ильяс сам не любил присутствия дома посторонних, и когда должна была прийти домработница, сматывался. Вместе с Лилей, разумеется. И сама Лиля сбегала - гулять или к Настасье. Потому что боялась. Что тетка о ней подумает? Какая-то приблудная девица, нахально живущая в чужой квартире, и за ней еще прибираться? Но когда Лиля забыла вовремя смыться, домработница лишь улыбнулась и спросила, все ли хозяйку устраивает.

Лиля растерялась.

- Конечно устраивает, вы простите, я сейчас уйду, чтоб не мешать...

- Ну что вы, Лилия Владимировна! - удивилась домработница. - Это моя задача - не мешать хозяйке. Может быть, вам что-нибудь нужно? Купить, приготовить, вы только скажите.

Надо же, подумалось тогда Лиле, она - хозяйка! Неожиданно, не верится, что всерьез, но приятно.

А сейчас приятно не было. И к Вовчику не хотелось. Лиля сама не понимала, почему ей так важно разобраться, кого напоминает ильясов приятель, и почему так беспокойно на него смотреть.

Вовчик открыл им с Ильясом дверь, округлил глаза и, причмокнув, склонился к Лилиной руке.

- Это точно не мне подарок? - уточнил громким шепотом.

Вот тут Лиля и поняла, кого же он напоминает. У Ильяса он не разговаривал, а глумился, сейчас же - сказал своим, нормальным голосом. То есть голосом Эри. И лицо у него было похожее, и рост, и сложение. Только лет на двадцать старше, откормленный, наглый и крашеный под цыпленка. Словно в насмешку.

Вздохнув, Лиля подумала: вот зачем Ильяс потащил ее сюда? Нет, лучше смотреть не на Вовчика, а по сторонам: сразу видно, тут живет художник. Почти всю квартиру занимает студия, только налево коридорчик, наверное, там кухня и туалет. Прихожая узкая, отгорожена от студии стеклянной стеной, а на

стене фотографии...

- Размечтался, - тем временем ответил Ильяс, а Вовчик сначала удивленно хмыкнул, видимо, обнаружил новый цвет ильясовой бороды, и тут же заржал:

- Кре... крет... креативщик, чтоб тебя!

Именно в этот момент Лилин взгляд задержался на одном из снимков. Наверняка Вовчик снимал, в углу подпись с красивой буквой "В", а в кадре - порнушка. Красиво сделанная, но порнушка. И остальные - тоже.

Стало очень неприятно. Это уже не насмешка: так похожий на Эри человек снимает порнушку, называя ее искусством. Лиля даже обернулась, убедиться, что сходство не померещилось.

Ильяс как раз протягивал Вовчику оплетенный кувшин с текилой.

- С днем рожденья, друг! - пафосно заявил он. - Расти большой!

- И зеленый. Как кактус! - подхватил Вовчик. Вытер глаза рукавом. - Пошли, подразним террариум. Но какой подарок! Угодил, угодил.

Нет, не померещилось. В самом деле, те же черты, даже жест: когда Эри резал лук, так же утирал глаза рукавом.

Очень захотелось взять Ильяса за руку и попросить: пойдем отсюда. Только он, наверное, не пойдет. Ведь день рождения друга, и еще Вовчик что-то там такое Ильясу обещал. Но вдруг?

Не успела. Из-за стекла вышла профессионально накрашенная блондинка ростом за метр восемьдесят, облизнулась на кувшин и протянула:

- Иля-ас, душенька, ты принес текилу! - Затем одарила Лилю презрительным взглядом. - А это что, кактус?

Лиля мгновенно почувствовала себя как в родной библиотеке, среди гадюк. Ну и ладно, как вести себя с гадюками, она знает. И вообще ей все равно, нет здесь никого, на чье мнение ей не чихать!

- А как вы догадались, что кактус? - наивно похлопала глазами она.

Блондинка на миг растерялась, не ожидала от пионерки адекватного ответа. А продолжить ей не позволил Ильяс:

- Ядовитый. При попытке укусить вызывает изжогу, - тоном дипломированного ботаника сказал он, обнял Лилю за плечи и повел в студию, мимо блондинки.

- Ага, коллекционный, - жизнерадостно подтвердил Вовчик, отколупывая сургуч с горлышка. - А ты жлоб, мой друг. Мог бы и поделиться.

- Я сатрап и деспот, - гордо заявил Ильяс. - А сатрапам и

деспотам делиться не положено.

Лиля фыркнула: Синяя Борода получился что надо, угадала она с образом. А Вовчик... нет, он совсем не Эри, хоть и одно лицо.

Она обернулась, в упор не замечая зависшую блондинку.

- Думаю, Ильяс охотно поделится. - Дождалась, пока Вовчик оторвется от кувшина и удивленно глянет на нее. - Самым ценным, что у него есть. Как истинный друг... он уступит вам Тигра на недельку. Когда в следующий раз поедет что-нибудь снимать.

Вовчик довольно загоготал. Позабытая зрителями блондинка фыркнула и ушла за стекло, громко цокая каблучками. Лиля посмотрела ей вслед и поежилась: здешний гадюшник явно не чета библиотечному. Помнится, Ильяс и Инну Юрьевну раскатал в тонкий блин, но тогда подумалось, что случайно. А зря.

- Я туда не впишусь, - вздохнула она.

- Это их проблемы. - Ильяс поправил гребень в ее прическе и шепнул на ухо: - Мы недолго. А будут доставать, натрави на них Синюю Бороду. Я нынче грозен.

Кажется, я тебя совсем не знаю, мысленно ответила она, кивнула, глубоко вдохнула, расправила плечи и пошла в террариум. Вовчик позади присвистнул.

- Где ее нашел? Идет, как русалочка по ножам! Грация, надлом, чудо! Одолжи, я из нее такую конфетку сделаю!

В его голосе прозвучал откровенный восторг художника, а Лиля снова поежилась: интерес Вовчика льстил и пугал. То есть пугало то, что ей этот интерес льстит. Господи, снова психоз, может, не надо?!

- Обойдешься без порнушки с Лилькой, - ответил Ильяс. С явственными нотками ревности. - Знаю я твоих конфеток.

О чем они говорили дальше, Лиля не слышала, все заглушил гам пополам с музыкой: студия, по центру которой горделиво возвышалась наполеоновской помпезности кровать с балдахином, была полна народом. Явная богема - одеты кто ярко и вызывающе, кто нарочито скромно и небрежно, а все равно - вызывающе. Кое-где даже мелькали пресловутые перья. Лиля сперва глазам не поверила: добровольно нарядиться в перья?! Красивые, конечно, яркие и экзотичные, но все же...

Она села на кожаный диванчик у стены, - стены в студии были выложены камнем, очень красиво, но слишком уж выпендрежно, - под большим фикусом, и принялась оглядываться, очень стараясь делать это незаметно. На всякий случай даже сделала вид, что читает валявшийся тут же, на диванчике,

журнал. Кажется, сделаться невидимкой удалось: внимания на нее не обращали, разве что разок послышался громкий шепот:

- Эту мышь привел Ильяс? Боже мой, он заболел зоофилией!

Что именно ответили на шепот, Лиля не расслышала. Из принципиальных соображений. И из тех же соображений сделала вид, что не расслышала и первой шпильки, и вообще всецело поглощена статьей о кельтских обычаях. Интересной, кстати, статьей. И фотографии были красивые, почти как у Ильяса. Хотя нет, он бы снял лучше.

Едва успела прочитать страницу, когда от толпы отделилась красивая и холеная дама, одетая под НЭП и с сигареткой в мундштуке, на пару секунд остановилась напротив фикуса, смерила Лилю пренебрежительным взглядом, приподняла брови, явно недоумевая - что эта девица делает среди избранных, и ушла к ближайшей смеющейся над чем-то компании. Лилю это не огорчило. Она и не рассчитывала на такую удачу, посидеть спокойно и поизучать обитателей террариума в естественной среде. Стоило признать, на фоне местных дам она терялась. И тем более странно было, что Ильяс польстился на нее. Если только надоели попугайки и потянуло на воробья, для разнообразия.

Попытавшись читать дальше, Лиля зевнула и пришла к выводу, что тусовки ей не нравятся. Во-первых, скучно, во-вторых - шумно, в третьих - обитатели террариума явно друг друга не любят. Брр...

- Лилия?

Она обернулась. Улыбнулась: незаметно подошедший со стороны фикуса мужчина лет под пятьдесят, - почему-то хотелось назвать его джентльменом, - располагал к улыбке. В отличие от прочих собравшихся. А еще он казался здесь лишним, может, потому что одет был на удивление просто? Ни фрака, ни перьев, ни кружев - обыкновенные темные джинсы и тонкий джемпер. Обращали на себя внимание разве что светло-русые, забранные в хвост волосы и сережка-колечко с каким-то синим камешком, но и та в глаза не бросалась - издалека не заметишь. В руках джентльмен держал два бокала с чем-то красно-розовым, похоже, клубничным.

- Дайкири, - протянул один из бокалов и спросил разрешения присесть рядом. Голос у джентльмена был звучный, низкий, чем-то напоминающий виолончель; сейчас он говорил совсем тихо, но чувствовалось, что если ему будет нужно, его услышит весь стадион "Лужники", и безо всякого мегафона.

Поблагодарив, Лиля взяла бокал и подвинулась в самый

угол диванчика. Непонятно было, откуда он ее знает и что ему нужно.

- Вадим Юрьевич, - представился джентльмен.

Улыбнулся краем губ, очень тепло и располагающе, а Лиле вдруг показалось, что она его где-то видела. Почему-то вспомнилась заставка игры "Дорога домой", там в самом конце в стекле мелькало отражение мужчины похожего типажа.

Глупости. Причем тут игра?

Уловив ее замешательство, Вадим Юрьевич добавил:

- Элин. Компания "Хрустальный город".

К отражению добавились башни-цветы, бьющиеся о купол сухие ветки, бетховенские темы... Чушь какая!

- Очень приятно, - наконец, Лиля взяла себя в руки и отогнала странные ассоциации. - Лилия Тишина. Уличный музыкант.

- Вы, кажется, интересуетесь кельтскими легендами? - бросил взгляд на отложенный журнал. - Весьма любопытная тема, но, к сожалению, в подобных статьях все слишком поверхностно и далеко от исторической правды. На самом деле фейри - совсем не то, чем принято их считать.

- А вы знаете, кто такие фейри на самом деле?

Получилось резковато, но само слово "фейри" слишком уж бередило то, о чем не хотелось вспоминать. От смущения Лиля уткнулась в бокал, даже отпила немножко. Оказалось вкусно, и не клубника, а земляника. Сладкая.

Вместо ответа Вадим Юрьевич пожал плечами и сказал совсем неожиданное:

- Прошу прощения, что потревожил. Видите ли, мне захотелось посмотреть на модель господина Блока.

- Тогда вы смотрите не туда, - ляпнула прежде, чем успела подумать. - Действующая модель господина Блока здесь не показывалась. Кажется, собиралась куда-то пойти вместе с хозяином дома.

Вадим Юрьевич засмеялся, совсем тихо и очень заразительно. Лилино смущение сразу куда-то делось, и захотелось снова спросить его про фейри. Явно же человек интересуется темой. Но не успела, он продолжил:

- Честно говоря, я приятно удивлен его выбором. Но не совсем понимаю, как ваши пути могли пересечься.

- Честно говоря, я тоже удивлена. - Лиля пожала плечами. - А познакомились мы в игровом центре "Дорога домой", совершенно случайно.

- Как тесен мир. Я как раз спонсирую это начинание... простите за нескромный вопрос, но ваш интерес к кельтской

мифологии как-то связан с игрой?

Сама не понимая, почему, Лиля вдруг рассказала, что наткнулась на игру, когда искала валлийские легенды. В юности она очень интересовалась кельтикой, из-за музыки, кельтские мелодии для флейты - это же прекрасно! И так получилось, что стала играть в "Дорогу". Тоже из-за музыки, в игре изумительно сделан саундтрек, и сюжет, и так тщательно проработан мир, словно настоящий, и персонажи...

Здесь Лиля поймала себя на том, что улыбается, как юродивая, и осеклась. Ну вот, снова вспомнила Эри, и с чего-то возомнила, что господину Элину будет интересен ее бред.

- Что-то не так, Лиля? Простите мою настойчивость, но мне нечасто случалось встречать настолько увлеченных тем миром людей.

- Отчего же? - хмуро пожала плечами Лиля. - В Битце целые толпы фанатов, разыгрывают сцены, устраивают турниры. Мечтают об игре в полном погружении.

Элин покачал головой.

- Вы же сами понимаете, что это не то. Фанаты... многим из них безразлично, по чему фанатеть. Их увлекает сам процесс.

Лиля подумала... и согласилась.

- Вы, наверное, правы. Им важно не пойти в игровой мир, а похвастаться, что были на полном погружении. Это ж модно. - Вздохнула и, сама шалея от собственно наглости, спросила: - А вы позволите тоже нескромный вопрос? Почему вы спонсируете игру?

Элин удивленно поднял брови, улыбнулся, и Лиля тут же поняла - на подобные нескромные вопросы господа спонсоры не отвечают. И оказалась неправа.

- На самом деле я спонсирую не саму игру, а те исследования, которые ведутся в центре. Крайне интересные и перспективные исследования. Вы ведь, если не ошибаюсь, тоже принимали в них участие.

- Я? Но... - осеклась, сообразив: он говорит об испытании новых локаций. Или о чем-то еще?

- Полное погружение, - подтвердил он. - Вы явно не из тех, кто играет только потому, что модно.

Элин расспрашивал ее об игре, о ее магии - ну надо же, настоящая светлая фейри, большая редкость. Что такое светлая? Вы посмотрите кодекс, там все это есть, просто редкий психотип, далеко не у всех игроков просыпается магия. А Лиля заторможено отвечала и пыталась сопоставить кусочки пазла: в центе ведутся исследования. Перспективные. Связанные с погружением. Их спонсирует весьма серьезный человек, по нему заметно, что

серьезный, и тусня глядит на него с нескрываемым уважением. А если добавить его интерес к кельтике и фейри... И ее собственный психоз на почве реальности персонажей и мира - а вдруг не психоз?! Нет. Слишком мало информации и слишком невероятное допущение. Такое бывает только в фантастике.

И только в фантастике бывает, что серьезный человек вдруг проникается симпатией к белесой мышке, плюет на тусню и беседует с мышкой о мифологии - не просто так, общими фразами, а ему явно интересно ее мнение! Тем не менее, они как-то незаметно перешли с кельтской мифологии на скандинавскую и славянскую; Элин рассказывал увлеченно, позабыв о джентльменской сдержанности, откровенно радовался пониманию и Лилиному интересу, особенно к некоторым параллелям...

- Кажется, я слишком увлекся, - вдруг оборвал сам себя. - Сказывается преподавательское прошлое, хлебом не корми, дай прочитать лекцию. Совсем вас заболтал.

- Но мне очень интересно! - запротестовала Лиля.

- Благодарю вас.

Элин поцеловал ей пальцы; вышло галантно, интеллигентно и очень приятно. Не то чтобы он нравился Лиле... то есть нравился, но не как Эри или Ильяс, а скорее как родственник. Дядя или отец. Или дедушка. Наверное, это хорошо, когда есть такой вот дедушка.

От удивления собственным реакциям Лиля даже забыла отнять руку.

- Вадим Юрьевич...

- Надеюсь, мы продолжим нашу беседу. - Он легко пожал ее ладонь и улыбнулся, совсем тепло и по-родственному. - Вы же не откажете? А до того, если позволите, я пришлю вам прелюбопытную книгу. Теории профессора Лайна не получили широкого распространения, слишком фантастичны. Но, на мой взгляд, именно они ближе всего к исторической правде. Надеюсь, вам в самом деле будет интересно.

- Да, конечно, благодарю вас.

- Не стоит. И до встречи, Лиля.

Элин поднялся, Лиля тоже. Ответила улыбкой на старомодный полупоклон. А когда Элин ушел, едва перебросившись несколькими фразами с Вовчиком, поймала себя на мысли: надо непременно узнать, что за исследования. И провериться у психиатра. Если психоз - лечиться, а если нет... что будет, если не психоз, пока даже страшно было думать.

Да, собственно, думать и не получилось. Внезапно около нее образовалось несколько дам, и Лиля поняла, что сейчас ее

будут клевать. Потому что она нечаянно наступила дамам на половину больных мозолей, и Ильяс был из этих мозолей не самой крупной.

Глава 10. Сакс

"...Горчило вереском вино,
Луна смеялась сквозь рубин,
Горела на губах клеймом,
И мёдом пах туман вдали.
И в тёмных я тонул очах,
И забывал значенье слов.
Пришли три женщины с холмов
И старшая звалась Любовь.

И не оставив ни следа
На росах утренних полей,
Ушли, неведомо куда,
Оставив флейту на столе
Да звонкий бубен на стене,
Рубина каплю в хрустале
Печаль, и Радость, и Любовь.
Пришли три женщины ко мне..."

Сакс осторожно, чтобы не сломать, отложил перо, не дописав последние слова баллады, и еще осторожнее закрыл книгу, все еще пахнущую олифой. Посмотрел на исписанный неровными строчками лист, потер ноющую ключицу, и, смяв лист, бросил в стоящую рядом со столом жаровню. Глядя, как лист неохотно разгорается, Сакс снова вспоминал обещание Лиле: "я вернусь". Вот она и вернулась. Строчками "Удивительной и правдивой истории о великом короле, его доблестном рыцаре и озерных девах". Волшебных девах, что явились в ответ на молитвы голодного и обиженного народа, чтобы возвести на престол законного доброго короля. Те девы вышли из холмов, увидели изгнанного чужаками из родного дома принца, полюбили его и помогли вернуться на трон отцов и дедов, а вместе с законным королем в королевство вернулись благодать и процветание.

Дев было три. Первая поделилась с принцем своей мудростью и волшебной силой, вторая воевала бок о бок с принцем, а потом осталась его возлюбленной, а третья... третья заколдовала пением врагов принца. Но врагов было слишком

много, так что ей пришлось вложить в пение всю душу и всю свою любовь к принцу. И умереть.

Баллада была очень красивой, героической и правильной. Ее писали лучшие менестрели, ее напечатали в королевской печатной мастерской и раздарили по книге всем лордам и рыцарям, куплеты из этой баллады распевали на городских площадях и в тавернах. А лорд-наставник, тот самый лорд-наставник, что учил Артура и Брандона, посчитал, что королевскому побратиму будет весьма полезно знать самую любимую народом историю - наряду с этикетом, геральдикой, арифметикой и прочими совершенно необходимыми правой руке короля науками. В том числе чистописанием.

Лист с кривописанием догорел. За окном королевской библиотеки совсем стемнело, и из темноты сквозь приоткрытое окно доносились обыденные, мирные звуки: перебранка служанок, стук тележных колес по булыжнику заднего двора, конское ржание, скрип флюгера на башне, тихая ругань играющих в кости стражников...

С победы прошло без малого полгода. И до сих пор Сакс не мог толком поверить, что в Тейроне мир. Что мудрые ушли, Брандон - законный король, Киран - тан и канцлер, а он сам - вообще непонятно кто. Прикрывать короля от стрел и клинков больше не надо, в придворных интригах Сакс ничего не понимает, в кирановых нововведениях - тем более. Только и делает, что целыми днями читает, слушает лорда-наставника и делает умное лицо на королевских советах. И поддакивает Кирану с Брандоном, словно его мнение может что-то значить.

От советов Сакс уставал больше, чем от починки крыши или рубки дров. Дома после тяжелого дня удирал в лес или к озеру, а тут - еле добирался до постели, а утро наступало, стоило только закрыть глаза. Зато ничего не снилось. Совсем. Ночному забытью Сакс радовался: видеть во сне холм, заплетенный жалей-травой, было слишком больно. А так можно было терпеть. И ждать.

Вот и дождался.

Взгляд снова упал на книгу. Правдивую, дери ее сворой, историю. Каких боуги ради Брандон позволил написать такое? Что ему, мало было того, что Лиле умерла за него, надо было еще и это... эту...

Сакс вскочил, со скрежетом отпихнув тяжелый стул, и устремился прочь - от правильных историй, от кривописания и дипломатии с арифметикой. Надо проветриться, успокоиться, чем-нибудь заглушить боль под ключицей и уснуть до завтра. А завтра снова - учиться. Потому что Лиле все равно вернется, и когда она вернется - он не допустит, чтобы ее обидели. Значит, в

Тейроне должен быть мир. И Сакс должен иметь возможность ее защитить. От всех. Как угодно. Только чтобы она больше никогда не уходила.

В дверях он столкнулся с Кираном.

- С ног собьешь, лось!

Сакс лишь пожал плечами, мол, лося не заметил - сам виноват.

Вздохнув, канцлер посмотрел на Сакса снизу вверх, - когда это Киран стал ниже ростом? - и вдруг усмехнулся.

- Заучился? Бывает. Это ничего, это мы поправим. Я собственно, за тобой пришел. Хватит чахнуть в пыли, пошли.

Как всегда, вовремя, подумал Сакс и молча последовал за канцлером. Помахать мечом или пробежаться десять раз вокруг стен дворца, вроде как ради тренировки королевской гвардии - сейчас будет в самый раз. Но вместо плаца или казарм пошли к людским, черной лестницей. Той самой, которой они с Лиле добирались до покоев принца Артура. Так что когда Киран отворил дверь в кладовку и приложил к стене за бочками асгейрово солнце, Сакс почти не удивился. Но и спрашивать, что задумал канцлер, не стал. Сказать по чести, ему было все равно.

Из дворца они с Кираном попали не в памятный овраг, а просто за дворцовую стену, прямо в один из тупичков верхнего города. Поплутав немного по закоулкам, вышли к таверне. Самой обычной таверне, только большой. Называлась она, Сакс сощурился на едва освещенную факелом у входа вывеску, "Золотая шпора". А нарисовано на вывеске было почему-то стремя.

- Давай, заходи. Здесь отличные кобылки, тебе понравится, - хмыкнул Киран и подтолкнул его в спину.

В полутемном зале было шумно, дымно и пахло пивом вперемешку с какими-то сладкими цветами. У дверей их встретил чисто умытый верзила в жилете мехом наружу, в один взгляд оценил дороговизну дублетов, поклонился и предложил благородным сэрам самый лучший столик в самом удобном углу. Единственный свободный на всю таверну.

Киран уселся, как всегда, спиной к стене и лицом к двери, вытянул ноги. Сакс сел рядом - тоже чтобы видеть зал и дверь, эту киранову науку он усвоил сразу, в отличие от сворой драной геральдики.

- Устал от дворца. - Киран тяжело вздохнул и тут же кивнул подбежавшей подавальщице с большим кувшином. - Давай сюда, девочка!

Подавальщица поставила кувшин и две кружки на стол, при этом наклонившись так, что грудь чуть не вывалилась из низкого

выреза блузы. Вообще здешние подавальщицы выглядели непривычно ярко и вызывающе. И высоко подтыкали юбки, выставляя напоказ ноги чуть не до колена.

- Мой лорд желает что-то еще? - Подавальщица повела плечами и улыбнулась, не то томно, не то устало.

- Перекусить бы тоже не помешало. Попозже. - И шлепнул девицу по заду.

Девица кивнула и пошла прочь. Походка у нее тоже была странная, непонятно почему притягивающая взгляд.

Пока Сакс пялился на девицу, Киран разлил наливку в кружки, протянул одну Саксу и велел:

- Пей до дна! - Сам тут же ополовинил свою, довольно крякнул и занюхал рукавом.

Принюхавшись, - наливка пахла сливой, - Сакс выпил разом полкружки, задохнулся: на вкус наливка была - чистый огонь, похлеще, чем Лилины выморозки.

- Пацан, - усмехнулся Киран и опять потянулся к кувшину. Поднял, встряхнул, прислушался к плеску. - Хорошо под мануфактуру пошло. Что смотришь, пей! Тебе полезно.

Полезно, так полезно. Наливка и впрямь была хороша, если не заглатывать по полкружки. Сладкая, терпкая и густая, как сок перезревших слив. Мама тоже делала такую, правда, легче и прозрачнее.

От воспоминаний о доме внутри стало непривычно тепло, спокойно, подумалось, что теперь наливку мама делает не только для отца, но и для Грэма. Слава Матери, в приграничной стычке с луайонцами он уцелел, лишь получил рану в бедро. Будут с отцом вместе хромать, только на разные ноги. Зато живой и с годовым жалованьем десятника. Для деревни - огромные деньги, можно новый дом ставить и племенного жеребца покупать. И жениться, Грэм - не то что Томас, к сестре мельника бегать не будет, он мужчина основательный.

В столице им увидеться не довелось, брат прямо с границы отправился в Оквуд.

Сакс за эти полгода съездил домой только раз. Отец его обнял, видно было - гордится, а мама от радости чуть не заплакала. Сказала, Грэм уже почти не хромает, ушел в лес, вернется только к вечеру. А брат уже и невесту присмотрел... пока говорила про невесту, все посматривала на Сакса, а потом и прямо спросила - что ж Лиле-то не привез?

Ответить маме не получилось, слов не нашлось. Но мама все поняла, обняла его и расплакалась. А у него слез не было, зато как наяву слышался голос Лиле: "Я вернусь, Эри, ты только дождись, ладно?"

В бок ткнули кулаком. Слегка. И сунули под нос полную кружку.

- Нашел, где заснуть. Вон, смотри, ужин несут.

Сакс тряхнул головой, отхлебнул наливки.

Ужин и вправду принесли. Вдвоем. На одном подносе - половину жареного на вертеле поросенка с мочеными яблоками. На втором - исходящие паром горшочки гречневой каши с грибами, миски соленой капусты с лучком и квашеной брусники, свежий каравай и что-то еще, Сакс толком не разглядел, слишком вкусно все это пахло, и слишком давно был обед. Точнее, завтрак. За обедом вместо пирогов были до тошноты сладкие речи мудрых и скользкие обещания луайонских послов. Такие скользкие, что даже печеная утка казалась болотной жабой и не лезла в горло.

В отличие от Сакса, Киран за обедом кушал с большим аппетитом: утку, пироги, послов и мудрых. А заодно своих же лордов, в очередной раз возомнивших, что настал подходящий момент поделить все еще бесхозное танство Эллисдайр в свою пользу. Танство Флейтри, пожалованное Кирану в наследственное владение, лорды уже делить не пытались, памятуя о тяжелой болезни и срочном отъезде в поместье своего неосмотрительного собрата - право слово, с его стороны было крайне глупо пытаться настроить тана Мейтланда и королевскую фаворитку против канцлера, и еще глупее - намекнуть Белинде, что он сам будет куда лучшим супругом, нежели "этот безродный браконьер". Безродный браконьер выслушал возмущенную Белинду с отеческой улыбкой и отправил обратно к королю, дабы король не беспокоился о пустяках, а занимался важными государственными делами. А на следующий день лорд скушал несвежих грибов, заболел печенками и спешно отбыл домой, поправлять здоровье.

"Таких надо ставить на место сразу. А то сядут на шею, - объяснил тогда Саксу и усмехнулся: - Не совсем дурак лорд. Быстро сообразил, что болезни печени от несвежих грибов куда менее болезненны, чем от ножа".

Сейчас он тоже усмехался, но по-другому. По-доброму. А потом поймал за юбку одну из девиц и притянул на колени. Девица взвизгнула, обняла Кирана за шею и потерлась об него вываливающейся из выреза грудью.

- Комнаты наверху. - Киран подмигнул Саксу и запустил руку девице под юбку. - Кобылку выбирай любую из свободных, нам здесь ссоры не нужны.

Только тут Сакс сообразил, куда его привел лорд-канцлер. Еще раз окинул взглядом бордель и, вместо того чтобы возмутиться, затосковал. Может, потому что столько слышал про гнездо разврата, что ожидал увидеть все что угодно, только не

обыкновенную таверну. А может, потому что Киран, герой и умница, в борделе выглядел неправильно. Словно рыцарь из героической баллады в нужнике.

Киран спихнул девицу с колена.

- Иди погуляй пока. - Проводил глазами колышущуюся юбку и перевел взгляд на Сакса. Сощурился. - Брось дурные мысли. Мужчине нужна женщина. Тело, заешь ли, требует. Жениться ведь ты пока не собираешься?

Раздраженно дернув плечом, Сакс опустил взгляд в кружку. Почему-то пустую.

- Ну-ну. - Киран набулькал ему еще наливки. - Имей в виду, побратим короля - выгодный жених. Дождешься, соблазнит тебя какая-нибудь леди. Этого хочешь?

Не поднимая глаз, Сакс помотал головой. Толку объяснять, что никто, кроме Лиле, ему не нужен. Совсем. И леди могут хоть нагишом перед ним танцевать, ему все равно. Не соблазнят.

- Ну, продержишься еще год, - сказал Киран спокойно и уверенно. - Потом организм все равно свое возьмет, еще пара месяцев - и начнешь видеть сиськи вместо мишеней, а там поверишь в неземную страсть к любой ушлой девке, которая залезет тебе в штаны. Правда, что она там найдет, еще вопрос... - Помолчал и добавил, как бы между прочим: - Если лучник перестанет стрелять, может и разучиться. Ты пей, пей давай.

- Не хочу я пить.

Сакс отодвинул кружку и вцепился в ближайший горшочек. Оказался - с кашей, грибами и мясом. Вкусной кашей. А Киран... Чушь он говорит. Ничего Сакс не разучится. И Лиле он дождется, она ж обещала вернуться, значит вернется. Выйдет за него замуж, детей родит.

"Только корову доить я не умею", - вспомнился ему растерянный голосок. И впервые подумалось, а кто такая Лиле там, в своем мире? Явно же не селянка. Тоненькая, руки нежные, коров доить не умеет, суп и тот варит как-то странно.

- Ну, как хочешь. - Киран отпил из кружки, помолчал, глядя в стол, а потом негромко добавил: - Больно надо уговаривать. Умный был - к совету прислушивался. Видно, заразился дурью от лордов.

И, больше не обращая внимания на Сакса, сгреб в охапку ближайшую юбку, даже не поглядев, что там выше.

Смотреть, как Киран прямо за столом распускает корсаж девице, было досадно. И почему-то вспоминался пир после коронации Брандона, и уходящая в королевскую спальню Белинда. Может, король тогда не обратил внимания, что свежеиспеченный тан Флейтри слишком весело смеется шуткам

лордов и слишком рьяно щупает служанку. Вот и теперь все это было как-то напоказ.

Хотя...

Киран прав. Сакс не герой баллады, покоряющий дев нежными речами и печалью во взоре, а потом не способный поймать деве зайца на обед. Дожидаться Лиле в тоске, в обнимку с лютней и кувшином вина - не дело. Он - солдат. То есть охотник. То есть первый помощник канцлера, почти владетельный тан, и вместо лютни у него меч и долг. Долг перед родиной и перед Лиле. Лютней и тоской он ее не защитит.

Прикончив кашу и поросячью ножку с моченой брусникой, Сакс оценивающе оглядел местных кобылок. Тело пока ничего особо не требовало, разве что горячей ванны и сна, но раз надо, то надо.

- Бери вон ту, фелимку. Неплохо делает массаж. - Киран махнул рукой на смуглянку в чем-то многослойно-цветном и ссадил свою девицу с колен. - Пошли наверх, детка.

Этому совету Сакс последовал.

Массаж в самом деле оказался хорош, а фелимка - умела и ненавязчива. Молча сделав свое дело, она выскользнула из комнаты, оставив засыпающего Сакса одного. И, верно, предупредила, чтобы его не трогали, потому что проснулся он только утром, когда за окном было совсем светло.

Выспался он на удивление хорошо. Лучше, чем во дворце.

Недели через две Сакс вновь пришел в "Шпору", на сей раз один, и взял фелимку, как выяснилось, самую дорогую девицу в "Шпоре" - ради настоящего восточного массажа. Он бы, верно, так и ходил в бордель, брал Зульму и ни о чем не задумывался, если бы она не пользовалась изрядным спросом. И когда крайне огорченный владелец "Шпоры" третий раз подряд извинился перед благородным сэром и предложил любую другую из десятка девиц, но никак не фелимку, решил вопрос собственного удобства кардинально: снял Зульму и комнату для нее на год вперед.

Через день Киран нашел его в дворцовом подвале, оторвал от беседы с мудрым, которого стража лорда застала за сожжением деревенского мельника, обвиняюще ткнул пальцем в грудь и заявил:

- Если ты лишишь меня лучшей массажистки в этой богами забытой дыре!.. - перевел взгляд на привязанного к раме мужчину, сочувственно покачал головой. - Этот тоже думает, что Асгейр его защитит. Бедняга. Чем же им так промыли мозги?.. Не стоит тратить на него время, все равно ничего не знает. Хочет к своему богу - в костер, и вся недолга.

- Пожалуй, ты прав. Почетное огненное погребение будет в

самый раз. - Сакс махнул кату, чтоб отвязывал мудрого, и отвернулся. Мудрый заверещал, обещая все-все сказать, но Сакс не обернулся. - Ладно, уговорил. Лишить тебя массажа - дело, неугодное Отцу. Но с тебя наливка!

Они так и вышли, беседуя о наливке и девках. И только когда за ними закрылась тяжелая дверь, Киран сморщился, будто глотнул прокисшего эля.

- Дикость и средневековье.

Сакс снова пожал плечами: а что делать?

- С волками жить... - пробормотал Киран, потряс головой и преувеличенно бодро заявил: - Значит, вечерком идем в "Шпору". Кстати, молодец. Начинаешь вести себя как настоящий султан.

Кто такой султан (ясно же, что Киран не про украшение для шлема говорил), Сакс и спрашивать не стал. Только кивнул. Вечером так вечером.

Глава 11. Ильяс

- Где ее нашел? - с нездоровым блеском в глазах спросил Вовчик, глядя вслед Лильке. - Идет, как русалочка по ножам! Грация, надлом, чудо! Одолжи, я из нее такую конфетку сделаю!

Ильяс и сам присмотрелся к Лильке: странное дело, никогда не обращал внимания, как она ходит босиком, а тут вдруг... В самом деле, не идет, а течет, словно ручей через острые камни. Красиво. Очень. И жаль ее, откуда в ней надлом? Неправильно это.

- Обойдешься без порнушки с Лилькой, - ответил он. - Знаю я твоих конфеток.

Вовчик пожал плечами, мол, тебе все равно скоро надоест, бросишь, а мы не гордые, мы ее подберем, отряхнем и пустим в дело. Потом. Такая ж модель, чудо!

- Гуталину дать, Отелло? - Вовчик пихнул его в бок. - Не боись, не уведу.

- Еще чего, уведет он. - Ильяс хмыкнул. - Так что там за подарочек, надеюсь, ничего черного?

- На сей раз исключительно светленькое, в твоем вкусе, - заверил Вовчик. - Вадима Элина знаешь? Обещался прийти. Тебя ради. Ну, не вижу энтузиазма!

- Щас прыгать буду, - буркнул Ильяс, выискивая за стеклом Лильку.

Нашел - она устраивалась на диванчике в углу. И тут раздался звонок в дверь. Вовчик разулыбался, как пьяный Дед Мороз на детском утреннике.

- Спорим, по твою душу?

Спорить Ильяс не хотел, и так было ясно - явился мистер Твистер. Позже всех, по-королевски. Не мог владелец заводов, газет, пароходов прийти на полчаса попозже? Оставлять сейчас Лильку одну - погано. Съедят же, и колючками не подавятся.

Сунув Вовчику коньяк и бросив "поздравляю", мистер Твистер попросил провести их в кабинет и оставить одних, там прошелся из угла в угол и уставился на Ильяса в упор.

- Не люблю долгие разговоры. О вас слышал, видел работы. Впечатлен. Хотите персональную выставку?

- Разумеется. Но не любой ценой.

Мистер Твистер прищурился.

- Вот как. И что же для вас неприемлемо?

- Я бы предпочел сначала узнать, что хотите вы.

- Не тревожьтесь, разумеется, ничего незаконного. - Он

усмехнулся. - Мой интерес - реклама. Заниматься выставкой будут профессионалы, за мной только финансы. И согласование темы.

Обтекаемость мистера Твистера была неприятна. Ничего незаконного? Как будто самые большие подлости делаются не законопослушными гражданами с чистенькими руками.

- Прошу прощения, но реклама чего? Не все мои работы могут способствовать успешным продажам пива или избранию господина Жириновского президентом.

- Строительная компания "Хрустальный город".

Название казалось смутно знакомым, но не в связи со скандалами, так что Ильяс согласился. Без особых расшаркиваний, да и вообще ему Элин не нравится. Что-то в нем было чуждое, холодное. И про Лильку ему говорить не хотелось, словно владельцу газет-пароходов может быть какое-то дело до непрофессиональной модели. Но раз уж мистер Твистер изволил спросить, пришлось.

- Тема - Тишина. Лилия Тишина. Думаю, к концу сентября материал будет готов.

Владелец пароходов посмотрел на него как-то странно и спросил:

- Ваша модель здесь? Хочу на нее взглянуть. - Усмехнулся и добавил: - На нее одну, без вас, Илья Сергеевич. Завтра мой секретарь с вами свяжется, обговорите детали.

И, не прощаясь, ушел к тусняку. А Вовчик, подслушивавший под дверью, зашел, не выждав для приличия и минуты.

- Ну? - перегородил плечами дверь, вихры дыбом, на щеке помада, в глазах детское любопытство.- Колись, мне ж интересно!

- Мне тоже интересно, Вовчик, откуда у тебя такие знакомые?

- Откуда-откуда. Снимал я для его компании. Нормальный мужик.

- Для "Хрустального города" снимал? Название это, черт... - Ильяс подергал себя за бороду. - Ладно. Это уже паранойя.

- С острого недотраху, ага, - ухмыльнулся Вовчик.

- Короче, если этот твой нормальный мужик не передумает, будет выставка.

- Тогда будет. Мужик - кремень. Давай-ка по такому случаю?.. - Жестом фокусника вынул из-за спины бутылку коньяка и подмигнул. - Пока там тусня тусит.

К горлу подкатила тошнота, вспомнились Лилькины несчастные глаза и синяки на запястье. Вовчик целую секунду пялился на него, как на новые ворота, а потом загоготал.

- Что, до сих пор?.. Ну ты даешь. Глотни уже, полегчает.

Отличный коньяк, кстати.

Отхлебнул сам, из горла, и протянул бутылку.

Ильяс сморщился и помотал головой.

- Твоих ковров жалко. И вообще, пора Лильку забирать, пока не съели.

- Отравятся, - хмыкнул Вовчик и, обняв Ильяса за плечи, потащил в студию, при этом фальшиво напевая про волшебника в голубом вертолете и дирижируя бутылкой.

Лильку не съели. Но смотрели на нее, беседующую с мистером Твистером и попивающую дайкири, как на врага народа. К гадалке не ходи, как только мистер уйдет, набросятся.

- Погоди. - Остановил Вовчика у края стеклянной стены, на входе в студию. - Господин меценат желали побеседовать с моделью наедине.

- Без ревнивого Отелло? И правильно. О... кажется, мадам Айзенберг. - Вовчик хмыкнул и, увидев, как Ильяс скривился, замотал головой. - Я это лихо не звал. Честно! Я себе не враг!

Все-таки загоготал, гад, и тут же смотался к гостям, по пути раскланявшись с брюнеткой, одетой в стиле двадцатых.

- Ильяс, котик, вот ты где, - пропела мадам.

Несколько ближайших гостей тут же обернулись и уставились на нее в ожидании очередного пиар-скандала. У мадам по плану не менее одного шоу на вечер, иначе ей жить скучно.

Обойдутся без шоу. Еще не хватало, чтобы Лилька увидела его с этой бешеной пираньей!

Ильяс отступил почти до Вовчикова кабинета, так, чтобы его не было видно через стекло. Мадам остановилась напротив, хищно сощурилась и вместо приветствия протянула подзамореннную фитнесом и диетами лапку - для поцелуя. Желательно, коленопреклоненного.

Лапку Ильяс не заметил, сунул руки в карманы, - чтоб не слишком чесались придушить, а то он сегодня в образе, в истерике и за себя не отвечает, - и привалился спиной к стене, под откровенной фоткой де труа.

- И вам не хворать, Людмила Анатольевна, - сказал любезно, ну чистый лорд.

Мадам изогнула выщипанную бровь, снисходительно фыркнула и повелела:

- Послезавтра летишь со мной в Бомбей, котик. Недельки на три.

- Сожалею, Людмила Анатольевна, - еще любезнее. - В мои планы Бомбей не входит.

- Твои планы? - Мадам приблизилась вплотную и

выдохнула дым ему в лицо. - Ко-отик, ты хочешь поиграть в нехорошего мальчика... Как мило...

Ильяс бережно перехватил когтистую лапку, нацелившуюся потрепать его по щеке, вынул из лапки мундштук, вытряхнул сигаретку на пол, - ничего, Вовчик переживет, а его плиточный пол тем более, - и раздавил каблуком. Все это - в упор глядя на мадам. Хватит, были уже и Ирландия, и Сицилия. И котик был, да весь вышел.

- В вашем возрасте курение особенно вредно для цвета лица, Людмила Анатольевна.

Мадам сощурилась, вырвала руку и снова попыталась потрепать его по щеке - пришлось снова перехватить, уже не так бережно.

- Котик показывает коготки, прелесть какая. Пожалуй, так даже интереснее. - Мадам усмехнулась и медленно повела острым каблучком по его ноге, от колена вниз; Ильяса передернуло. - И какие же планы у котика на эти три недели? Неужели котик в самом деле заболел зоофилией и теперь снимает исключительно лабораторных мышей?

- Зато излечился от геронтофилии.

Скривившись от отвращения, Ильяс шагнул в сторону, одновременно отталкивая ее руку. Мадам покачнулась, схватилась за стену и зашипела:

- Забыл, кому обязан?.. - Шагнула к нему с явным намерением вцепиться когтями в лицо.

"Хочешь поиграть в плохую девочку? - подумал Ильяс и почти услышал, как хрустит в его руке запястье, тонкое и сухое, как мертвая ветка. - Ну, давай, еще полшага!"

Полшага мадам сделала, но назад. И злость в ее глазах слегка потускнела и подернулась пленкой сомнения. Его собственная злость тоже отступила, и хруст костей перестал казаться сладким и желанным. И вообще он, кажется, переборщил с хамством. Вот только остановиться не мог, отчаянно хотелось придушить мадам. Сейчас же.

- Некрасиво было бы отказать мсье Айзенбергу в маленькой просьбе: не брать больше заказов на фотосессии от мадам Айзенберг, - очень тихо и ровно сказал он. - Я в самом деле ему многим обязан.

- Сукин сын. У тебя больше не будет никаких заказов...

- ...от священной белой кобры из руин, - продолжил за нее Ильяс и криво ухмыльнулся. - Чудесно. У меня острый дефицит времени, да и у вас, несомненно, дела, мадам. Позвольте откланяться.

Он заставил себя сделать шаг назад, потом развернуться и

неторопливо пойти прочь.

Мадам что-то зашипела ему вслед, но Ильяс не слушал. Ему без того было тошно - за первые крупные заказы пришлось слишком дорого платить. Конечно, он сумел снять мадам так, как она того хотела: не слишком юной, но пикантной и соблазнительной. И сам поверил своим фотографиям, потому что было очень надо. Вот только не ожидал, что мадам окажется столь навязчивой и неадекватной. А ведь Вовчик предупреждал! И теперь этот мистер Твистер. Упырь. Вот зачем ему понадобилась Лилька?

Думал над этим вопросом и дожидался, пока мистер оставит Лильку в покое, на кухне. Спугнул голубую парочку, неплохого дизайнера по интерьерам и восходящую звездульку рекламы трусов. Полез на кухонную полку за сигаретами, не нашел. В хлебнице - тоже не нашел. Ясно, Вовчик бросает курить. Значит, искать в морозилке: именно там Вовчик прятал отраву в прошлый раз.

Пока курил в открытое окно, злость прошла. Почти. Осталась лишь досада: достало прогибаться под всяких меценатов, спонсоров и прочую шушеру. И непонятно, зачем? Заказов - завались, выставки все равно будут, рано или поздно, и безо всяких Айзенберг и Элиных. А главное, есть Лилька. Мышь белая, лабораторная, редкий вид. Оставлять ее одну ради спонсоров - глупо. Спонсоров много, а Лилька одна.

Почти докурил, когда на пороге кухни появился радостный и изрядно косой Вовчик.

- Твоя Лилька точно не знакома с Элиным?

- Олигарх и уличная музыкантша? Не смеши.

- Ну-ну, - хмыкнул Вовчик. - Давай, вылезай из подполья, Че Гевара. Элин ушел, а твой кактус распустил иголки, у наших кисок все носы поколоты.

- А не хер кусать мой редкий кактус.

Сделав последнюю затяжку, выкинул окурок в форточку и бросил в рот несколько кофейных зерен. Вовчик смотрел на это дело, страдальчески подняв брови.

- В детство впал. Не иначе.

***

В студии народ уже танцевал фламенко, используя в качестве кастаньет разбитую тарелку, целовался по углам, вел

философские диспуты с чучелом пингвина, дрых под наполеоновской кроватью... В общем, вечеринка удалась.

Правда, сегодня танцевало меньше народу, чем обычно. С полдюжины моделек столпилось около кактуса под фикусом, а кактус, скромно подобрав босые ножки и обнимая одно колено, от них отбрехивался. Судя по кипению страстей вокруг дивана и спокойствию пионерки-паиньки, получалось у нее неплохо. Даже, пожалуй, хорошо. Умница мышка, так их.

- ...снимал в ванне? Тогда осталось от пяти до семи дней, - "по-дружески" делилась опытом то ли Мариша, то ли Ириша, хрен их всех запомнишь. - Наш Ильяс чемпион коротких дистанций.

- Лучше бы дней пять, - ответила Лилька. - У меня планы, сколько ж можно отодвигать.

Прозвучало это настолько естественно и серьезно, что Ильяс и сам ей поверил. На секунду. И эта секунда ему крайне не понравилась.

- Автостопом в Сызрань? Так не откладывай, милая, - влезла еще одна моделька. - И не бойся, он тебя искать не будет.

- А в Сызрань можно добраться автостопом, правда? - уточнила Лилька, наивно глянув на модельку снизу вверх. - Вот не знала! Но вам верю.

Выглядела она в этот момент истинно ядовитым кактусом, особенно хорошо играл пионерский галстук и просвечивающий сквозь батист синяк на плече. Вовчик тоже оценил, присвистнул и потянулся к камере.

- Завянь, маньяк, - шикнул на него Ильяс.

Отодвинул с дороги Маришу (или Иришу), подошел к диванчику и, ни слова не говоря, взял Лильку за руку и потянул к себе, обнял за плечи. Она недовольно пискнула и сделала вид, что только-только уютно устроилась, а тут агрессоры всякие...

- Пошли домой, душа моя, - сказал очень нежно, сдернул алый платочек с ее шеи, обнажив колье-цепь с маленьким ключиком и роскошный засос на ключице, и поцеловал чуть выше засоса. - Этот серпентарий мне наскучил.

Лилька вздрогнула, почему-то испуганно глянула на Вовчика, и тут щелкнула камера.

- Еще раз также, только пальцы на шею! - распорядился он, не опуская камеры.

Ильяс только хотел послать лучшего друга к черту и увести Лильку от греха подальше, как она дернулась и тихо потребовала:

- Отпусти меня.

От стали в ее голосе Ильяс опешил. Отпустить? Какого черта! Что вообще случилось с Лилькой за эти полчаса? И тут же взяла досада: кактус кактусом, но она перебарщивает. Он ее на

руках носит, свою первую сольную выставку посвящает ей, обручальное кольцо ей надел и всему свету объявил, что она - его муза и судьба, а она - отпусти и пошел вон, и плевать, что на виду всей тусни? Черта с два.

- Эй, вы там уснули? И не смей сбегать! - потребовал Вовчик и, не дожидаясь привычного ильясовского "я тебе не моделька, отвали, маньяк!", жалобно протянул: - Новорожденному отказывать нельзя! Плакать будет!

Лилька неестественно улыбнулась Вовчику.

- Не надо плакать.

Вывернулась из объятия и отскочила, Ильяс едва успел поймать ее за руку.

Вовчик снова щелкнул камерой, - вот же зараза! - громко шмыгнул носом и сделал несчастные глаза.

- Ну пожа-алуйста! Хочу подарочек, моя прелесть!

Ильяс хмыкнул и снова потянул Лильку к себе. Обнял и обернулся к Вовчику:

- Путаешь реплики, халтурщик.

- Новорожденному можно! И не делай умное лицо, я боюсь. А ты не напрягайся так, Русалочка. Я не кусаюсь. Пока.

Вовчик показал им обоим язык и схватился за камеру. Пока он снимал, Ильяс демонстрировал обществу, а особенно новорожденному маньяку, что Лилька - его и только его. А то уже Русалочка! Ну и, само собой, что он - исключительно ее, а посторонних дам-с просят не беспокоиться. Особенно мадам Айзенберг: когда измученный ботоксом анфас вынырнул из толпы сочувствующих и завидующих, Ильяс сделал то, чего ему хотелось с того момента, как увидел пай-девочку под фикусом: опустился на колени, распахнул ее сорочку и лизнул полоску кожи между джинсами и корсажем. Лилька возмущенно пискнула и попыталась вырваться, но он крепко держал ее за бедра.

Вовчик восторженно замычал и замахал руками, мол, голову откинь, дева, больше страсти!

Вместо страсти Лилька зашипела, схватила Ильяса за волосы и резко дернула от себя. Он перехватил ее руку, едва сдержавшись, чтобы не наставить новых синяков. Нарочито медленно поднял голову, - снимай свою Русалочку, маньяк гребаный! - и, глядя в лилькины сверкающие злостью глаза, облизал пойманное запястье. Она больше не дергалась и не пищала: поняла, кто тут хозяин.

Напоследок Ильяс оглядел ее с ног до головы - так, что и слепому бы стало понятно, что думает он только о том, как бы затащить ее в постель. А вот Лилька явно думала о том, как бы его убить. Прямо здесь. Глупая.

Поднялся, не отпуская ее руки и взгляда. Вовчик продолжал снимать - скорее по инерции, а может, уже снимал тусню. Вокруг шипели: "Ледышка, бревно, бездарность". А мадам и вовсе заявила в полный голос:

- Безнадежно, котик. Мышь и есть мышь.

- Совершенно с вами согласна, - с чеканной холодностью сказала Лилька и выдернула руку из ильясовой ладони. - Мышам в серпентарии не место.

- И ради этого убожества ты не летишь в Бомбей? - мадам сделала брови домиком и жалостливо протянула: - Бе-едненький. Смотри, так скоро останешься без ушей, Ван-Гогочка.

Модельки одобрительно захихикали, а Ильяс словно протрезвел. Разом. И понял, какой только что был свиньей - хуже, чем мадам Айзенберг со своими молодыми талантливыми "котиками". Сам же ненавидел, когда кто-то из заказчиков и спонсоров показывал, где его шестнадцатое место, и вот так с Лилькой... Тьфу. Мерзость.

Проигнорировав шпильки, обернулся к Вовчику, заодно встав между Лилькой и мадам.

- Хватит с тебя подарочков.

- А дальше? Ну, я так не играю! - возмутился новорожденный. Ему весь этот скандальчик был, что гусю вода.

- А вы можете продолжить с того же места. У вас здесь сплошь профессионалки, - так же чеканно сказала Лилька, выйдя из-за Ильяса, и улыбнулась так, что об эту улыбку можно было порезаться.

Идиот. Синяя, вашу мать, борода. Обидел ее хуже, чем спьяну. Дебил.

Бережно обнял замерзшую Лильку за плечи, не обращая внимания на все еще пытающихся выдать что-то язвительное моделек, и шепнул ей на ухо:

- Прости, Лиль, я дурак. Круглый. Пойдем уже домой?

Она еле заметно кивнула. Улыбнулась Вовчику, уже нормально.

- Простите. До свидания.

И пошла к выходу. Совершенно некстати вдруг подумалось, что Вовчик-то был прав. Идет, словно босиком по острым лезвиям.

Лиля угрюмо молчала до самого дома, а Ильяс пытался понять, что с ним сегодня такое. Гвозди проржавели, крышу сорвало? Немудрено, в самом-то деле, после вчерашнего. Сплошные сюрпризы. Вот интересно, паранойя у него или такое количество случайностей не может быть случайным? Начать хоть

с благотворителя, сунувшегося в самый неподходящий момент. Случайность? Наверняка. Никто не мог знать, что их с Лилькой понесет в тот ресторанчик - Ильяс и был-то в нем от силы три раза. Потом мадам Айзенберг. Полгода не появлялась на горизонте, "выводила в люди" других молодых и талантливых, а тут вдруг явилась. И самый странный - мистер Твистер. Нормальный спонсор послал бы нахального художника на первой же минуте. Матом. А этот - беседовать изволил, причем с Лилькой - дольше, чем с Ильясом... и название компании, "Хрустальный город", что-то напоминает...

Внезапно заломило виски, к горлу подкатила тошнота. Ильяс в сотый, наверное, раз проклял придурка, нажравшегося до свинячьего визга. Придурка и параноика. Какие, к черту, случайности? Сам виноват. Надо было оставить ее дома, а не тащить под софиты. Она ж домашняя девочка, трусишка маленькая.

Едва войдя в квартиру, Ильяс позвал:

- Лиль? - Замялся, пожал плечами. - Не обижайся на дурака. Пожалуйста.

- Поздно уже... - Трусишка сбросила босоножки и все так же, глядя в сторону, добавила: - Спать пора.

- Ладно, - он сунул руки в карманы, чтоб не треснуть кулаком по стене: не поймет, испугается. Натужно усмехнулся: - Маньяки будут в студии, если что, огнетушитель у консьержа.

Лилька вздохнула и вдруг обернулась, бросила на него короткий взгляд:

- Не надо в студии. Не выспишься, и вообще... - Она пожала плечами и пошлепала на кухню. - Пойдем выпьем кофе.

Ильяс выдохнул. Кажется, так боялся снова сделать какую-нибудь глупость, что даже не дышал.

Из кухни послышалось звяканье турки, шуршание фольги и лилькин голос:

- Тигр, иди сюда, у меня шоколадка есть!

Тут же из спальни выскочил кот и понесся жрать шоколад. Когда Ильяс остановился на пороге, Тигр уже хрустел и урчал, вздыбив шерсть. Шоколадный маньяк. Ему бы еще соленый огурец для полного счастья. А Лилька разливала кофе. Разлив, устроилась с чашкой в углу диванчика, вторую подвинула Ильясу и серьезно сказала:

- Я все понимаю... Но, пожалуйста, не устраивай больше таких демонстраций. Не хочу в это играть.

- Это не игра, Лиль. Сама же знаешь. - Он сел на край, отпил кофе. - То есть игра, конечно, но среди этой публики - норма жизни. Извини, что потащил тебя туда. Не думал,

насколько тебе все это чуждо, и...

Хмыкнул и замолчал: не стоит говорить, что если бы пришел без нее, пара-тройка моделек непременно увязалась бы его проводить, а не вышло бы - приперлись прямо домой, чтоб, упаси боже, не заскучал. Он же никогда не уходил от Вовчика в одиночестве.

Лилька кивнула.

- Ты тоже прости, что я тебя за волосы. Надеюсь, больше ты меня с собой никуда водить не собираешься?

- На тусняки вроде сегодняшнего - нет. Но ты же понимаешь, это все часть моей работы.

- Понимаю. - Лилька отпила кофе, прикрыла глаза. - Но я-то не модель и не фотограф.

- Вообще-то моделей я с собой не беру. Лиль, я понимаю, сейчас не время тебе это говорить... - Ильяс осторожно взял ее за руку; Лилька едва ощутимо вздрогнула, но руку не отняла. - Ты для меня - намного больше, чем модель. Сама же все видишь. И я не хочу, чтобы тебя считали девочкой на вечер.

- Ну, пусть не на вечер. На месяц, ну два. Для чего-то серьезнее я тебя мало знаю. - Лиля покрутила кольцо. - И даже то, что знаю - это только мои выводы. Вот посмотри: я знаю, что ты стреляешь, как Вильгельм Телль, то есть, наверное, занимался спортом, что ты учился, скорее всего, на художника или визажиста, и что ты... - сглотнула и отвела глаза. - Что у тебя был рак, правильно? И я даже не представляю, как ты вылечился. И все. Ни откуда ты, ни чем занимался, ни про твою семью. Ни про то, как ты меня нашел тогда, на Арбате, когда с орхидеей. Да и потом, когда мы встретились у библиотеки. Вот и подумай.

Ильяс заглянул в чашку с кофе, словно там мог найтись ответ - почему не закрыл папку? Хотел, чтобы она увидела? Увидела - и ушла, как та, которая говорила много слов о вечной любви?

Но Лиля осталась. Она не ахала над несчастненьким, но и не сбежала, как от прокаженного, чтобы растрепать всем подружкам свежайшую сплетню. Она осталась. С синяками, испуганная пьяной свиньей, все равно осталась. А он еще называл ее трусишкой! И вообще был уверен, что таких, которые остаются, в природе не бывает, только в насквозь фальшивых душещипательных сериалах. Вдруг подумалось, а если больше чудес не будет, и рак вернется? Ведь Лиля и тогда не сбежит. Будет ходить с ним по врачам, надеяться, а потом колоть ему морфий и менять простыни. От этой картины стало совсем тошно. Нет уж, подыхать лучше в одиночестве. А еще лучше - не подыхать совсем. Еще лет так пятьдесят.

- Значит, все-таки оставил на мониторе.

Она кивнула. Уставилась в чашку.

- Я теперь не очень понимаю, как с тобой. Вдруг я сделаю что-то не так, и оно... и тебе будет плохо.

- Не морочь себе этим голову, Капелька. Мне, конечно, безумно нравится твоя забота. Честно говоря, я к такому не привык, но вот бояться за меня не надо. Не стеклянный, не тресну. И рака у меня давно уже нет, хоть я и не вылечился... ты действительно хочешь все это слушать?

- Хочу. Чтобы понимать. Или не ляпнуть чего-то не того. Но если ты не хочешь рассказывать, то не надо.

Ильяс покрутил полупустую чашку, машинально погладил ткнувшегося в ногу Тигра. Странно, но поделиться хотелось. После того, как сбежал от всех, кто знал прежнего Илью (тогда еще не Блока), после того, как отшил даже Вовчика с его вопросами, хотелось рассказать Лильке. Все. Подчистую. Только все и подчистую он рассказать не мог, тем более - ей.

- Хочу, но... - глянул на нее, пытаясь прочитать по глазам, в самом ли деле интересно. С удивлением понял, что да. Если у него не глюк - то интересно. А скорее всего не глюк, обычно он чувствует ее настроение. - Если ты заснешь на полпути, я не обижусь, правда-правда.

Он улыбнулся и, наконец, решился до нее дотронуться. Просто взять за руку. Лилька подумала немного и переползла к нему на колени. Устроила голову на плече.

- Вот. Я слушаю. - На несколько секунд он забыл, о чем таком хотел рассказать, так хорошо было снова держать ее в руках. Но она нетерпеливо потерлась щекой: - Рассказывай уже.

Они проговорили до рассвета. О том, как он в четырнадцать сбежал из дома, от матери-кукушки, не знающей имени его отца...

- Отчество? По деду, и фамилию взял его.

- А мой отец уехал на север, мне было пять...

Потом - о его учебе в питерской художке; о ее неудавшемся поступлении в консерваторию; о его великой цели и работе вместо жизни, на износ, до неоперабельного рака; о ее библиотечных гадюках и приятеле Сеньке, квартете и трехлетнем увлечении "Дорогой домой"...

- Но ты же не играешь.

Она замялась.

- Играть больше не тянет. Какое-то оно картонное все.

Ну да, подумал Ильяс. После погружения - еще бы не картонное. Но развивать тему не стал.

- Картонное, - согласился он. - Я как-то пробовал играть, надо ж было знать, что продает работодатель. Честно, так и не

понял смысла. Мне больше нравится жить в реальности. Особенно когда здесь есть ты.

- Ну да. Жить надо в реальности. - Лилька тихо вздохнула. - А как получилось, что ты все же вылечился?

- А вот это совершенно нереальная история. Если бы мне рассказали, точно бы не поверил. - Он крепче прижал к себе Лильку, вдохнул ее запах, чтоб избавиться от нахлынувших ароматов хлорки, больничных щей и смерти. - Это было чудо. Понятия не имею, как звали того, кто меня исцелил. Даже не помню толком, как он выглядел. Только что он пришел осенним утром в палату и спросил: "ты хочешь жить?.."

Ильяс замолк. Он бы очень хотел рассказать все, что было дальше. Даже если после этого она уйдет. Но не мог. Каждое чудо имеет свою цену, и он заплатил свою. Ту, о которой не должен знать никто и никогда.

- И как-то он тебя вылечил, - не дождавшись продолжения, закончила она. - Я про такое читала. А что было дальше?

- Уехал в Москву, сменил фамилию. Сюда питерцы почти не суются. Знаешь, я не показывался на глаза никому из бывших приятелей. Даже не хочу, чтобы знали, что жив. А здесь... Вовчик знает, что я верю в чудеса и временами работаю на Патриархию, люблю снимать храмы, источники, монастыри. Остальные знают только то, на что им намекнул Вовчик.

Она снова вздохнула. Явно хотела спросить что-то еще, но то ли сочла бестактным, то ли просто застеснялась. Опять уткнулась ему в плечо и притихла.

- Ты спрашивала, как я тебя нашел, - не дождавшись вопроса, продолжил Ильяс. - Помнишь, может быть, кафешку в игровом центре?

- Помню, - буркнула невнятно. - Хотя это неприятно.

- Ты хорошо держалась. - Поцеловал ее в макушку, усмехнулся. - Кактус мой ядовитый.

- Ну, наверное, ядовитый. Ты не отвлекайся.

- Мне еще тогда очень захотелось тебя снять. Подходить сразу было неуместно, а на крыльце ты так громко говорила про Арбат, что я не удержался, поехал туда. И услышал, как ты играешь. Это было настоящее волшебство. У меня есть несколько кадров, ты не заметила, наверное, я снимал без вспышки.

- Нет, не видела, - призналась Капелька. - А потом? Когда меня... то есть, когда в Залесье? Тогда тебе не хотелось фотографировать, я помню. Это видно было.

- Хотелось. Только такую тебя, как в вербах или как с шоколадом на носу. - Про то, как нашел библиотеку и как засылал туда какого-то оболтуса-старшеклассника, чтобы

разузнать о Лиле, он умолчал, а она не переспросила. - И... смешно, наверное, звучит, но иногда надо отдавать долги.

- Спасти, да? - серьезно переспросила она. - Вот как тебя? Получилось же.

- И себя тоже, - так же серьезно ответил он. - За эти шесть лет я слишком привык к покою и забыл, что можно желать чего-то еще. Чего-то большего. Например, свободы, - закончил он совсем тихо.

Лилька, наверное, не поняла, почему вдруг она - и свобода... а Ильясу до смерти захотелось послать к черту все долги и всех чудотворцев, и хоть немного пожить так, как хочется самому. Совсем немного.

- Везет мне на чудеса, - помолчав, усмехнулся он. - Капелька, я ж тебя очень обидел, напугал и вообще... а ты все равно осталась. Почему?

Она нахмурила бровки, покусала губу.

- Ты меня отпустил. Понимаешь? Мне было больно, и ты отпустил. Кажется... мне тогда показалось, что ты не хочешь, чтобы было больно. И это в том состоянии.

- Кажется, понимаю. Я... - замялся, так и не сказал "люблю": точно знал, что она не ответит тем же, и ему захочется кого-нибудь убить. К примеру, одну нажравшуюся свинью. - Правда не хочу, чтобы тебе было больно.

Лиля вместо ответа погладила его по щеке.

- Пойдем ложиться? Надо же хоть немного поспать.

Как ни странно, они в самом деле уснули. Сразу. Ильяс едва успел отпихнуть мохнатую кошачью задницу с подушки и обнять доверчиво уткнувшуюся ему в плечо Лильку, как провалился в сон. Мерзейший сон - словно Лилька не позвала его пить кофе, ушла спать одна, а утром он нашел записку, что она уехала в Питер и, наверное, не вернется. Ильяс проснулся, лишь когда во сне побежал сбривать синюю бороду и глянул на себя в зеркало. Подушка у него была мокрая, горло саднило, сердце колотилось как бешеное, и он никак не мог поверить, что весь этот ужас - всего лишь сон. Поверил, только когда услышал тихий всхлип. Ей тоже снилась какая-то гадость. Она плакала, завернувшись в одеяло по самые ушки, как обиженный ребенок.

Ильяс обнял ее, погладил по голове - и она затихла, прижалась к нему и, не открывая глаз, потянулась к губам...

А потом, едва они снова уснули под ленивый щебет разморенных утренней жарой синиц, внезапно наступил день, на кровать прыгнул голодный Тигр и принялся с ворчанием топтаться по одеялу. Лилька вставать отказалась, обругала Тигра хвостатой заразой, накрылась подушкой и потребовала отпуск.

- Какое единодушие, любовь моя. - Спихнув Тигра, Ильяс забрался к Лильке под подушку. Сверху тут же попытался устроиться Тигр, и был сброшен вместе с подушкой на пол. - Куда хочешь поехать?

- Не знаю. Куда-нибудь, где красиво.

- Мне как раз надо сделать небольшой заказ в Ялте, буквально на денек. Любишь море?

- А... тоже не знаю. - Она уставилась в потолок. - Я там ни разу не была.

- Значит, сегодня вечером летим в Симферополь, оттуда - в Ялту, или сначала в Алушту... Тигр! Отвали! - Отобрал у кота одеяло, которое тот пытался стащить с ленивых хозяев и съесть вместо завтрака.

- А пешком нельзя? - жалобно поинтересовалась Лилька. - Или хоть чем-нибудь, чтобы невысоко падать...

Ильяс рассмеялся, представив, как они добираются до Крыма пешком - то есть автостопом, с рюкзаками и скатками. Романтика!

Лилька вздохнула.

- Ясно, глупость спорола...

Неохотно сползла с кровати, свистнула Тигру и пошлепала на кухню.

Догнав ее на полпути, Ильяс развернул к себе и чмокнул в нос.

- Если все так серьезно, поедем на поезде. Но это долго, Капелька. Целые сутки.

- Я трусиха, - вздохнула она. - Высоты боюсь жутко. Но можно и полететь. Я постараюсь в самолете спать.

И постаралась же! Заснула до взлета, как только пристегнулась. Ильяс тоже весь полет спал - про запас. На первую ночь в Крыму у него были большие планы, впрочем, как и на все три недели.

Глава 12. Ильяс

О том, что ехали всего на три недели, они с Лилькой благополучно забыли, слишком не хотелось думать о Москве, тусне, работе и всяком прочем, далеком и ненужном. Тем более что телефон он отключил, чтобы не объясняться с похеренными клиентами и всякими мадам Айзенберг. Уже поздним вечером, с трассы Симферополь-Ялта, позвонил Вовчику с Лилькиного телефона - свой как спрятал на дно рюкзака, так и не доставал до самой Москвы.

- Ага, вот он ты! - заорал в трубку лучший друг, явно все еще страдающий похмельем после вчерашнего. Так заорал, что пришлось трубку отодвинуть от уха, дабы не оглохнуть. - Куда смылся, нахер номер сменил?! Давай-ка топай ко мне, идея есть. На мильон баксов! И Русалочку свою тащи. В темпе, в темпе!

- Не ори ты так, - еле вклинился в монолог Ильяс. - Нет меня, и Русалочки нет. Мы в этом, в Перу. Или в Никарагуа, черт их разберет.

- Какая Перу? - опешил Вовчик. - Какая, в пень, Никарагуа?!

- Обыкновенная. Короче, друг мой, у меня в Занзибаре архиважное дело, так всем заинтересованным мордам и говори. А из связи только почтовые голуби, и те не летают. Погода нелетная! Понял?

- Да понял, понял. Бонд, твою налево!

- Сам такой, - хмыкнул Ильяс и отключился.

- Это правильно, что не летают, - пробормотала Лилька, прилипшая к окну жутенького крымского такси. - Жарко же! А что там такое красное, что, правда, маки? А когда будет море? Только я плавать не умею!..

Архиважное дело оказалось таким увлекательным, что Ильяс даже о подготовке к выставке забыл - какая, к черту, выставка, когда тут солнце, море и Лилька! Главное, Лилька. Веселая, с обгоревшим носом, - сожгла в первый же день, пока Ильяс не успел купить ей белую шляпу с широченными полями, больше похожую на зонтик, - самая лучшая на свете Лилька!

Ильяс был счастлив. Возил ее по всему Южному берегу, - горы, водопады, бухточки, дворцы и снова горы, - беспрерывно снимал, поил дивными местными винами, учил плавать, катал на яхте, ловил для нее катрана на удочку... Когда тут думать о чем-то еще? Вот разве что о забытом в Москве втором обручальном кольце. Слишком спешил увезти Лильку подальше от гадюшника,

так что забыл не только кольцо: плавки, и те не взял. Только Лильку, ноут, "Nikon" и документы с кредиткой. Все прочее - фигня, можно купить на месте. Много ли им надо на юге?

Как оказалось, много. Особенно всякой ерунды. Когда в первый же день пошли за купальниками и полотенцами, Лилька увидела лоток с деревяшками местного изготовления, встала столбиком, распахнула глазки и спросила:

- Настоящий можжевельник, да?..

Проследив ее взгляд, Ильяс чуть не рассмеялся. Боже ж ты мой, вот, оказывается, что надо было дарить редкому кактусу: не ювелирку штучной работы, а обыкновенные деревянные бусы. Ну, положим, про обыкновенные он загнул, еще не хватало, чтобы Лилька в Москве щеголяла туристическим ширпотребом. Но для начала, чтоб кактус был счастлив здесь и сейчас - да хоть весь лоток!

- Настоящий, Капелька моя, - шепнул ей на ушко.

Она просияла и бросилась перебирать сережки, брелоки, подставочки и прочую непонятного назначения ерунду. Что-то сразу откладывала в сторону, что-то долго вертела в руках, одни серьги - длинные, чуть не до плеч, даже примерила.

Через четверть часа упоенного копания в деревяшках Лилька обернулась к нему с резным гребнем в руках:

- Вкусно пахнет!

- Ага, мне тоже нравится.

Улыбнулся ей и выудил из груды барахла примеренные серьги и удостоенные тяжкого вздоха парные шпильки, в самом деле - самое лучшее, что было на лотке. Добавил к ним десяток ниток бус, разных, деревянных и ракушечных. Сами по себе в употребление бусы не годились, но если перемешать, несколько крупных бусин расписать, добавить фигурные узелки, жемчуг... И браслет в пару, определенно. Наверняка Лильке понравится!

Акриловые краски Ильяс нашел там же, на набережной. Лилька еще раз встала столбиком перед магазином "Солнечный берег", отделанным под этнику: индийские божки, рязанская резьба по дереву и чукотская по моржовой кости, атцекские идолы, невнятной этимологии канатное макраме, а на вывеске зубасто-глазастое золотое солнышко, явно хренеющее от такой солянки. Из магазина пахло благовониями, а под названием было написано, что это художественный салон.

В этот раз Лилька даже спрашивать не стала, просто ухватила его за руку покрепче, потащила на запах - и зависла перед прилавком с пахучими склянками. Ее тут же взяла в оборот гарна дивчина с косой до пояса и в розовом сари.

Оставив Лильку медитировать над сокровищами, Ильяс

прошелся по остальным отделам: на удивление, здесь нашлось все необходимое, и даже больше. А когда он уже расплачивался с улыбчивым индусом, - похоже, владельцем магазина, - его тронула за локоть Лилька, довольная, словно поймала последнего в тундре мамонта. Она прижимала к груди небольшой, но увесистый пакетик с логотипом магазина.

Увидев ее, индус засиял, как медный Ганеша, стоящий за его спиной, достал из какой-то коробки блестящую фиговину и протянул Лильке:

- На счастье!

Фиговина оказалась брелоком, глазастым солнышком, как на вывеске.

Лилька замялась, отступила, но индус не отставал:

- Подарок, бери! Будешь счастливый, много счастливый! - и подмигнул Ильясу.

"Непременно будет, - подумал Ильяс. - Сегодня вечером - уж точно!"

Лилька тихонько хихикнула-фыркнула, взяла солнышко. Потерла пальцем глаз в центре, понажимала на верхушки лучей. Повернулась к Ильясу.

- Дай телефон, а? - И, прикрепляя подвеску к его мобильнику, передразнила индуса: - Будешь много счастливый.

Индус рассмеялся и что-то длинно сказал по-своему, закончив традиционным:

- Приходите еще!

Священнодействие с бусами Ильяс начал вечером, после катания на катамаране, дегустации "Царицы Феодосии" и караоке дуэтом. По совести, надо было подождать до утра и работать при нормальном освещении, но ему самому не терпелось, да и Лилька весь день приставала:

- Что ты будешь из этого всего делать? Ну скажи, ну Илья-ас!

- Страшное заколдунство! - отбрехивался он, пытаясь сделать мрачно-загадочное лицо, но ничего не выходило: сначала они с Лилькой синхронно хихикали, а потом громко, на всю набережную, хохотали.

Вернувшись в номер, - то есть отдельный крохотный домик, некогда бывший гаражом, а ныне превращенный в двухэтажные люксовые апартаменты, - Ильяс против обыкновения не потащил Лильку в душ и в постель (или сразу в постель), а сделал грозный вид и провозгласил, аки дипломированный шаман:

- Трепещите, смертные, ибо настало время великого колдовства!

Лилька послушно затрепетала, то есть попыталась не хихикать, и угодливо спросила:

- Осиновой коры, киселя из плесени, заячьего помета?

Ильяс хищно прищурился на пакет, который Лилька так и не выпустила из рук: розовую воду, жасминовое масло и еще полсотни флакончиков и баночек.

Прижав свою законную добычу к сердцу, она сложила бровки домиком и возмущенно пискнула:

- Сатрап, деспот! Не отдам!

И снова засмеялась.

Он только махнул рукой и грозно пробурчал:

- Не отвлекай меня, о женщина, от сотворения кольца всевластья!

Вместо плесени и крылышек летучей мыши Ильяс разложил на кухонном столе акриловые краски, кисточку, бусины, ракушки, резные фигурки и морских звезд, бечевки, шнурки, леску и прочую совершенно необходимую мелочевку, зажег принесенную Лилькой из спальни древнюю настольную лампу - и принялся колдовать. А Лилька - помогать. Сначала уютно прижималась и хихикала под руку, для вдохновения, а потом тоже увлеклась, взяла вторую иглу с суровой нитью и нанизала браслет. Для Ильяса. Судя по количеству бусин и узлов, не иначе как подозревала его в вампиризме.

- Руку дай. Посмотрю, не маловат?

Пока надевала ему браслет, сосредоточенно закусив губу, Ильяс представлял, как оно будет - когда она скажет свое "согласна", и вот так же, закусив губку, наденет ему кольцо. То, оставленное дома. И как потом он принесет ее домой на руках, они выгонят гостей к чертям собачьим, и...

- Коротковат, - сказала Лилька.

- Зато красивый.

Лилька что-то пробурчала, зашарила взглядом по столу. Просияла, вытащила из кучи бусин несколько плоских, зеркальных.

- Ага!

И снова схватилась за иглу, напевая под нос: "Ты скажи-ка мне, трюмо..."

Хмыкнув, Ильяс вернулся к сотворению ожерелья для Русалочки: на первый взгляд небрежный хаос, но на самом деле каждый узелок, каждая ракушка должны быть на своем месте, иначе получится не шедевр, а туристическая фигня.

Закончили они почти одновременно. Ильяс чуть позже, так что Лилька ждала с готовым браслетом и смотрела во все глаза, как он приделывает около морской звезды разноцветные

барочные жемчужинки - их Ильяс купил, пока Лилька грабила ароматический прилавок. И не только эти жемчужинки, еще целый мешок всякой всячины. Будет Лильке ворох этнических цацек, пусть носит в свое удовольствие.

- Буду морской ведьмой, грозой Русалочек. Дай померить! - потребовала она, едва он закрепил последнюю бусину.

Чмокнув грозную морскую ведьму в покрасневший от солнца носик, вручил ей ожерелье. Схватив его, Лилька понеслась в прихожую, где было самое большое зеркало, и тут же оттуда донесся радостный вопль:

- Илья-ас! Какая красота!

Повернулась к нему, глаза горят, сама встрепанная и сияющая - загляденье. Сразу видно, в этом ожерелье и спать будет.

- Завтра еще сережки сделаем, - пообещал Ильяс, остановившийся на пороге комнаты.

- А я, а я... - Недоговорив, бросилась к нему на шею, повисла и поцеловала в усы. - У меня тоже подарок есть! И давай браслет мерить!

Браслет и в самом деле вышел хорош, особенно с зеркальными бусинами. Лилька, надев его Ильясу, склонила голову набок и потребовала:

- Не снимай, он волшебный, вот! Не ты один страшный заколдун. - И показала ему язык. Ильяс хотел уже ее сцапать и поцеловать, но Лилька отбежала, сунулась в свой драгоценный пакет и достала бумажный сверток. - А это тебе. Смотри скорее!

Пока Ильяс разворачивал, она ерзала от нетерпения. А он растягивал удовольствие, как же, первый подарок от Лильки! Нет, даже целых два: браслет и...

Трубка! Чудная трубка с янтарным мундштуком и костяной чашечкой, небольшая и очень изящная. Пожалуй, если бы выбирал сам - взял бы именно ее.

Достал ее из коробочки бережно, погрел в ладонях. Хотел поблагодарить Лильку, но все слова куда-то делись. Только и сумел, что позвать ее:

- Капелька?.. - получилось почему-то хрипло.

А она подошла и его обняла, потерлась щекой о плечо. Совсем тихо шепнула:

- Ильяс...

Она так и уснула в ожерелье, зажав в кулаке морскую звезду. Пришлось снять со спящей, чтобы не задохнулась. Правда, сначала Ильяс отснял несколько кадров: мягкая, трогательная до умопомрачения, запутавшаяся в простыне и ожерелье, со счастливой улыбкой...

Моя. Люблю.

А браслет так на нем и прижился, Ильяс даже купался в нем, просто забывал снять. И трубку теперь курил исключительно дареную. Правда, курил редко - некогда было, да и курить, лазая по горам, как-то неправильно. А по горам они лазали чуть не каждый день, хотелось же все успеть!

К исходу третьей недели он наснимал столько, что хватило бы на две выставки. И все была Лилька: солнце, счастье и мечта. Пожалуй, так хорошо и легко ему не работалось никогда, и ни с одной женщиной не было так правильно, как с ней. Иногда казалось, что здесь, в Крыму, они уже лет сто, и лето будет длиться вечно. Да без разницы, лето или зима, лишь бы рядом была она, варила по утрам кофе, принципиально забывала шляпку, - чтобы он хмурил брови и, как истинный сатрап и деспот, надевал ей шляпку сам, - смешно фыркала на солнце, позволяла носить себя на руках и спасать от диких медуз...

С медузами им повезло. Море было чистым, лишь в последние дни случилось нашествие склизких тварей. Разумеется, именно тогда Лилька умудрилась свалиться с пирса. Загляделась на паруса и дельфинов, споткнулась - и упала.

Ильяс прыгнул за ней. Поймал, не дав даже наглотаться воды, и потащил на берег - под радостные вопли гуляющей публики. Как же, так романтично и благородно: нырнуть за девушкой!

О романтике и благородстве, как и о неразлучном "Nikon`e", Ильяс в тот миг думал меньше всего. Просто прыгнул следом, едва Лилька упала, подумать не успел вообще - и сразу оказался в воде. Только когда поймал ее, понял, что перепугался до смерти: вдруг Лилька утонет, и он останется один, без нее? А она вцепилась в него, как в спасательный круг, зажмурилась и вздрагивала, когда ее касалась медуза. И потом, когда нес мокрую мышку на руках до дома, - потому что не мог отпустить, - цеплялась за него изо всех сил и тихонько всхлипывала.

Только дома, завернув Лильку в плед и всучив ей бутылку коньяка, Ильяс решился глянуть, выжил ли друг сердечный, "Nikon". Он, конечно, был запакован в водонепроницаемый чехол, но для купания в море-то чехол не предназначен! Да и разбиться мог, когда Ильяс прыгал с пирса.

Повезло - фотоаппарат не разбился и не промок. Погиб только бумажник, да и хрен с ним, была там сущая ерунда, а кредитку и документы он все равно оставлял дома, не таскать же с собой на пляж. Так что на следующий день на море они не пошли, а полезли снова в горы. На Чатыр-даг - смотреть пещеры и

снова снимать Лильку. Пожалуй, отпуск запросто растянулся бы на три месяца, если бы прямо на Чатыр-даге, когда они с Лилькой отогревались глинтвейном после Мраморной пещеры, не позвонил Вовчик. На Лилькин телефон.

Ильяс сначала не понял, почему она смущенно заелозила по стулу и полезла в свой рюкзачок - парусиновый, вышитый оставшимися от заколдунских экспериментов бусинами и ракушками. Только когда достала надрывающийся телефон, сообразил, что она-то на связь почтовыми голубями не перешла, ей и так за все полтора месяца - да, точно, уже ж конец сентября! - ни разу не звонили.

- Але? - ответила Лилька, а в трубке послышался сердитый Вовчиков голос:

- Дай мне этого Бонда, Русалочка. Я ему сейчас оторву кое-что!

Ильяс отчаянно замотал головой, мол, нет его и не будет! Но Лилька опустила глазки, сказала:

- Ага, сейчас. - И протянула телефон ему.

- Где горит? - со вздохом спросил Ильяс.

- Значит так, Бонд. Тебя хочет секретарь Элина, говорит, к выставке все готово, только тебя не хватает. Если тебе выставка не нужна, можешь и дальше висеть в своей Венесуэлле и жрать почтовых голубей, только скажи об этом Элину сам. Понял?

- Да понял.

Отключившись, вернул телефон Лильке. Она ничего не спросила, просто убрала мобильник обратно в рюкзачок и улыбнулась ему. Понимающе. Остро захотелось придушить гада Вовчика, а заодно - Элинского секретаря, самого Элина и... И самого себя. Потому что отказаться от выставки он не мог и не хотел, даже ради продолжения чудесных крымских каникул. Пожалуй, именно о таких он мечтал в детстве, когда мать брала его с собой в санаторий, совала несколько червонцев на карманные расходы и забывала о сыне до конца отпуска. И то, что эти каникулы не подарили ему, а подарил он, дела не портило, скорее наоборот. Здесь, с Лилькой, он наконец-то был самим собой. Правильным. Целым.

Тем вечером они долго сидели на балконе, смотрели на море и разговаривали обо всем на свете, кроме возвращения в Москву. Очень долго сидели, пока Ильяс не прервался на середине фразы, не подхватил Лильку на руки и не унес в постель. В самом деле, тратить последнюю южную ночь на пустые разговоры - несусветная глупость.

Потом, когда из звуков за окном остались одни сверчки, Лилька спросила:

- Мы ведь приедем еще?

- Непременно.

- Ага. Хорошо, - тихо мурлыкнула она и уткнулась лбом в его плечо.

- Я люблю тебя, Капелька. - Ильяс поцеловал ее в макушку, она снова что-то невнятно муркнула. - Давай уже поженимся, маленькая.

Она не ответила: заснула, доверчиво прижавшись к нему.

А Ильяс снова поцеловал ее в макушку и подумал, что как только приедут в Москву, поведет ее подавать заявление. И никакие благоговорители им не помешают.

Глава 13. Сакс

С самого утра Сакс мечтал сбросить шлем с доспехами, нырнуть в реку и не выплывать оттуда неделю-другую. Лето, солнце, в лесу заливаются щеглы, а он - в полном парадном доспехе, сопровождает короля в гости к тану Флейтри. Поездка Брандона к другу и соратнику, дабы поздравить с девятой годовщиной свадьбы и рождением третьего сына, была отличным развлечением для народа: посмотреть на короля собирались целыми деревнями, устраивали в его честь праздники, забрасывали цветами и зелеными колосьями, просили благословить невест и новорожденных, иногда даже новорожденных телят. Брандон не отказывался, невест целовал в губы и дарил золотые монеты, детей целовал в макушки и снова дарил золотые монеты. В прежние времена две-три такие поездки, и казна показала бы дно, посмеивался про себя Сакс. Хорошо хоть телята не требовали ни монет, ни поцелуев.

Правда, посмеиваться ему удавалось нечасто - слишком легко было вместо краснеющей невесты подсунуть королю убийцу, или в пеленках новорожденного - гадюку, или же спрятать лучника на крыше амбара, не говоря уже о возможных убийцах среди гостей очередного лорда, у которого король останавливался на ночь, а то и на две-три. Конечно, заговорщиков, способных на столь резкие действия, в Тейроне сейчас не должно было быть, но вдруг? Расслабляться нельзя, последователи мудрых только этого и ждут!

Десять лет назад, говоря Брандону, что мудрые так просто не уйдут, Сакс оказался прав. За двадцать пять лет они настолько глубоко укоренились в Тейроне, что выкорчевать не получалось до сих пор. Тем более, мудрыми они назывались не просто так. "Специалисты по промывке мозгов", - называл их Киран.

Судя по тому, как промывал мозги сам Киран, в мире фейри это было любимой забавой. О чем Сакс как-то ему и сказал. Киран тогда нахмурился, в сотый раз повторил, что он - не фейри, что бы Сакс по этому поводу ни думал, и пробормотал нечто явно матерное, с едва уловимым смыслом "сволочи везде одинаковые, но лучше с дубиной, чем с ядреной бомбой". Последнего слова Сакс не понял, но догадался, что Киран имел в виду какое-то оружие, скорее всего волшебное. Может, что-то вроде Солнечного копья Асгейра. Переспрашивать не стал, незачем. У мудрых такого оружия нет, у мятежных лордов - тем более, да и самих

мятежников уже нет почти год как.

Думать о мятежниках и заговорщиках было приятнее, чем о празднике. От праздников Сакс уже давно не ждал ничего хорошего, и прошлогоднее развлечение, - королевская охота у лорда Регана, - окончательно убедила его, что праздник суть тяжелая работа. Именно тогда он выловил на живца полдюжины заговорщиков, а потом битых полгода ниточка за ниточкой вытягивал их связи, вплоть до крайне уважаемого и бесконечно преданного Брандону луайонского маркиза. Маркиз бежал с родины, потому как подозревался мудрыми в колдовстве и потворстве старой вере, нашел приют в Тейроне... Само собой, Сакс не поверил рыбнику ни на грош, и все два года следил за каждым его чихом. И, само собой, уговорить Брандона подписать приказ о казни шпиона не удалось. Маркиза всего лишь довезли под охраной до границы с Луайоном и послали дальше лесом, пообещав при следующей встрече отрезать уши.

- Улыбайся, - тихо велел Брандон. - Вот-вот приедем. Нечего портить Кирану настроение. А тебя еще и невеста ждет, не забыл?

- Забыл, - сказал Сакс и растянул губы в улыбке.

Он с удовольствием не вспоминал бы о невесте еще несколько часов, пока королевский поезд доберется до замка Флейтри. А может, если б Ллир благословил, то и до завтра, пока не придется с этой невестой встретиться.

- Нет, лучше не улыбайся, - вздохнул Брандон и обратил королевский взор на зеленые дубы вдоль дороги и непуганых ворон. - И невесте не улыбайся, а то сбежит от такого счастья.

"И порушит всю мою изящную партию", - мысленно продолжил за него Сакс.

Честно говоря, придуманной Брандоном в прошлом году изящной партии ему и самому было жаль, но не настолько, чтобы безропотно жениться Ллир знает на ком. Для него старшая дочь лорда Регана, - того самого, что помог выловить заговорщиков, - была ничуть не лучше и не хуже всех прочих леди, а проще говоря, даром не нужна и с приплатой не нужна. Ни на ком кроме Лиле он жениться не собирался, пусть даже ему придется ждать ее еще двадцать лет. Только Брандон впервые даже не стал слушать саксовых возражений, а мягко и тихо сказал:

- Ты женишься на леди Реган. Это не обсуждается.

И лишь когда Сакс полностью осознал, что сейчас с ним говорит король, а не побратим, налил ему кружку наливки, усадил в кресло и объяснил, почему.

- Реган - опора и поддержка дядюшки. Последний потомок древнего рода, его дед был другом моего деда, прадед - прадеда. И хоть нынешний лорд мало похож на предков, гонору у него воз,

а лорды традиционно к нему прислушиваются. Самого лорда интересует не столько политика, сколько удачные партии для четырех дочерей и разоренные луайонцами земли. Дядюшка кормит его обещаниями, а я прямо сейчас дам то, о чем он мечтает: тана в зятья и приданое остальным его дочерям. Заодно ты будешь уверен, что твою жену сторонники Мейтланда не используют как заложницу.

Подождал, не ответит ли Сакс, не дождался. Досадливо нахмурился.

- Ты думаешь о своей фейри, так? Что вернется. Так для фейри "уйти ненадолго" может значить лет на сто. А танству нужен наследник, сейчас нужен, а не через сто лет! Я, между прочим, ради тебя возродил старый обычай: наследование танства Эллисдайр только по прямой линии. На всякий случай.

Еще подождал, сунул Саксу в руки уже весь кувшин.

- Не прямо же сейчас ты женишься. Сейчас - только помолвка. Свадьбу устроим через год, после праздника Урожая. И вообще, ты невесту даже не видел толком. Глядишь, еще понравится.

Сакс только вздохнул. Не сторонников у дядюшки надо переманивать! Надо было аккуратно устранять самого Мэйтланда, еще три года назад. Когда до тана Мэйтланда окончательно дошло, что король-то - не жеребенок. Советов уже не слушает, на лордовские вольности посягает. А когда дядюшка напомнил, кому Брандон обязан короной и кто тут вообще-то старший, тот послал дядюшку в Шаннон. Ясное дело, такого тан простить не мог, так что Брандон скоро пожалел о своем милосердии: у дядюшки богатый опыт составления заговоров и разжигания мятежей. И этот опыт он тут же использовал против племянника, благо, лорды и так были недовольны королевской политикой - не забывая сокрушаться, что богами данный король всем хорош, вот только зря слушает не тана Мейтланда, а безродного выскочку Браконьера. Его ж придумка: право первой ночи отменить, налоги ограничить, лордовский суд заменить королевскими судьями - куда ж годится такое слушать?

Надо, надо было сразу. Прямых наследников у Мейтланда нет, земли перешли бы ко второму сыну Белинды. А так получили недовольных лордов, волнения и заговорщиков. И вот теперь - невесту, дери ее сворой.

К счастью, в первый же вечер с невестой Сакс не встретился, лорд Реган оставил ее на весь вечер в покоях, чтоб отдохнула с дороги. Зато вниманием Сакса тут же завладели кирановы старшие мальчишки, разбойники пяти и восьми лет отроду. Они страшно гордились отцовым прозванием "Браконьер", безо

всякого почтения требовали от дяди Сакса показать большой нож, пострелять с ними из лука, рассказать про "взаправдашнюю войну" и удрать на всю ночь в лес, искать настоящих фейри.

На лесе вмешался Киран, шикнул на сыновей и велел отправляться к учителю, читать про фейри, раз уж так интересно.

- Чтобы знали, на что их ловят. А то просидите в лесу без толку. Кстати, фейри по ночам спят, дядя подтвердит.

Сакс подтвердил, пообещал завтра непременно и пострелять, и рассказать. А сейчас, юные лорды, проявите немного сочувствия к не таким юным лордам, которым еще героически терпеть торжественный ужин с речами.

В замке Флейтри пришлось задержаться на неделю. Невесту за это время Сакс видел четырежды: дважды за ужином, один раз в саду (леди прогуливалась в компании младших сестер), и еще раз - в одном из коридоров замка. Леди хлестала по щекам молоденькую испуганную служанку и гадюкой шипела что-то про испорченный воротник. Она так увлеклась, что заметила Сакса, лишь когда он нарочито покашлял.

Прогнав служанку взмахом руки, леди принужденно улыбнулась и поклонилась, подобрав пышные, на луайонский манер, юбки.

Несколько мгновений Сакс рассматривал ее - красивую, смуглую, чем-то похожую на фелимку Зульму, и в то же время - на Белинду, не теперешнюю, счастливую жену и мать, а прежнюю, холодную и надменную. Вспомнилось, как Белинда снисходительно бросила ему в лагере: "Лось!" В глазах этой леди снисходительности не было, а надменности - хоть ложкой ешь. И на будущего мужа она смотрела не как на лося, а как на лягушку.

А свадьба через месяц. Вот удружил Брандон!

Сакс улыбнулся, словно не замечая брезгливости леди, отвесил дежурный комплимент прямиком из учебника по этикету и скорее сбежал.

Оставшийся до свадьбы месяц он невесту не видел. И хорошо. Благо, была крайне уважительная причина: негоже жениху отвлекать невесту от подготовки к свадьбе. Он и не отвлекал. Все, что надо было обсудить, - содержание будущей супруге, гостей, свадебные подарки и прочее, - он обсуждал с лордом Реганом. Тот едва не лопался от самодовольства: как же, такая партия, сам тан Эллисдайр! Про Саксово крестьянское происхождение лорды уже лет пять как предпочли забыть, зато едва не каждый второй громко, чтоб до тана Эллисдайра непременно слух дошел, поминал, как их почтенные отцы с лордом Оквудом, - сэром в высшей степени благородным и полным всяческих достоинств - охотились, бились на турнирах

или просто вместе пили. Вот бы удивился дед, если б узнал!

Снова Сакс увидел невесту лишь на свадьбе. Пышной, многолюдной: поздравить тана Эллисдайра с обретением столь красивой и благородной супруги собрался чуть не весь Тейрон. Из полутора сотен гостей Сакс был рад видеть десяток, не больше. Остальные явились лишь потому, что не явиться не могли. Тан Эллисдайр - сволочь по-крестьянски злопамятная, не подлижешься - неприятностей не оберешься. Тьфу.

Свадьбу играли по старому обычаю, не по луайонскому, который так прилип к лордам, что отодрать было невозможно, разве что с кожей. Но против таких суровых мер возражал Брандон, хоть Сакс ему и твердил, что змеиное гнездо миром не вывести. Будущая леди Оквуд была хороша, как обихоженная к продаже племенная кобыла: шкура блестит, копыта начищены, грива расчесана... Всю свадьбу Саксу с тоской вспоминалась "Золотая Шпора", где довольно было заплатить золотом, и никто не приставал с речами и не требовал за кобылку отдаться с потрохами.

Из всех присутствующих на свадьбе ему не улыбалась только невеста. Она вообще не смотрела на жениха -только на Брандона, ловила его взгляд, пока Брандон свидетельствовал перед Отцом и Матерью добрую волю и почтение молодоженов. И все время, пока праздновали, смотрели фейерверки и поднимали чаши с яблочным сидром, - да будет благословение Матери! - пока танцевали и снимали с молодой жены девять покрывал, оберегающих от мороков Ллира, она ни разу не поглядела на мужа, все только на короля, смеялась королевским шуткам и умильно краснела. Явно метила в фаворитки - не зря ж, верно, Брандон выдает ее за тана, как в свое время Белинду. Только фавориткой ей не бывать, да и при дворе леди останется месяца на два. А потом отправится в Эллисдайр, создавать уют в замке и воспитывать наследника.

А в первую брачную ночь Сакс окончательно убедился в том, что жениться ему не стоило. В отличие от лорда Регана, леди даже не дала себе труда притвориться, что муж ей приятен. Легла в постель, закрыла глаза и сжала губы. Сакс посмотрел на нее, представил, сколько неприятностей доставит эта змея при дворе и молча ушел в свою спальню. Наутро он отослал супругу в Эллисдайр, даже не дав себе труда выслушать ее возмущенную тираду. Просто велел слугам собрать ее в дорогу, а своим гвардейцам - проводить до замка.

Брандон, правда, скривился и спросил:

- Что, потерпеть неделю было выше твоих сил?

На что Сакс пожал плечами:

- За неделю она споется с мейтландовскими прихвостнями и заведет любовника, через девять месяцев предъявит "моего" ребенка и наследника танства, а через год совершенно случайно накормит меня поганками или забудет под кроватью фелимского убийцу.

Брандон махнул рукой.

- Ладно, лорд Реган свое получил, а ты мне нужен живой. Но наследника чтоб сделал!

О королевском приказе Сакс помнил, но вот времени поехать в Эллисдайр все не находилось, да и нужды особой не было: Мэт отлично справлялся с обязанностями управляющего, помогал ему в делах племянник, Ушастый - ныне достопочтенный Хьюго. Правда, леди им мешала, как могла, лезла во все щели, требовала сажать не то и налоги брать не так, и королевскому судье попыталась указывать, как ему судить.

Пришлось написать ей письмо: мол, приближается праздник Зимнего Солнцестояния, на который Сакс приехать не сможет, не будет ли любезна дорогая супруга устроить праздник для вассалов? Ответа от дорогой супруги он не получил, зато Мэт написал, что за подготовку к празднику леди взялась со всей охотой.

Сакс обрадовался, что супруга занята делом, и снова о ней забыл. А зря. В середине лета Мэт написал снова: леди потратила все содержание, берет у купцов товары "для замка" и принимает гостей - список из двадцати имен прилагался. Проглядев список, Сакс лишь покачал головой: леди собрала всю недовольную королевской политикой шушеру, всех нынешних и будущих заговорщиков, и для ровного счета - последних ярых приверженцев Асгейра-Солнца. Словно нарочно облегчила ему работу: не вылавливать по одному, а всех гуртом отправить в королевские подвалы. Даже досадно, что пока не за что.

Пришлось быстро заканчивать неотложные дела в столице, испрашивать у Брандона отпуск до конца лета и извиняться перед Кираном, что сейчас никак не сможет взять его старшего в пажи, не тащить же девятилетнего мальчишку в Эллисдайр любоваться на дрязги тана с супругой. Ехал в собственный замок, проклиная супругу, ее гостей, а заодно собственную неосторожность: нашел, чем занять леди, герой! Разгребай теперь кучи удобрений в танстве, заново убеждай верных лордов, что они - свои, родные, тан их всегда поддержит... Ну да. Тан поддержит, а супруга тана - нагадит, чем сможет. Ллирово отродье! И этой, прости Матерь, леди он должен сделать ребенка во благо государства? Право, любая из бордельных девок больше леди, чем эта змея.

Змея встретила мужа у дверей нижнего зала, как полагается. Только на лице читалось: не рада, не ждала, и вообще, мой лорд, от вашего вида у меня случается изжога. Улыбка и поклон, точно по этикету, впечатления не сгладили, скорее наоборот.

Зато Мэт приезду лорда искренне обрадовался. Поймал на полдороге к покоям, заманил в кабинет и выложил присланные купцами счета, три письма от леди тану Мэйтланду и два - отцу. И сообщил, что в одной из окрестных деревень сожгли мельника.

- Мудрый с тремя лучами, - покачал головой Мэт. - По виду луайонцы. Заехали в деревню, вроде хлеба купить, говорили, направляются в Эллисдайр. Назавтра мельник пропал. А через день мальчишки нашли в лесу, у древнего солнечного камня, свежее кострище с костями. - Помолчал и добавил, вроде в никуда: - Мудрых у нас давно видно не было. А леди воспитана в луайонской вере.

Это Сакс тоже знал. Но чтобы в его Эллисдайре снова жгли людей, как при рыбниках?!

- Мудрых найти и повесить, - велел Мэту и отправился, наконец, помыться и переодеться с дороги.

В покоях его ждала служанка. Молоденькая, лет пятнадцати, миленькая и перепуганная.

- Миледи велела помочь вам вымыться, мой лорд, - прошептала, не поднимая глаз, и попыталась расстегнуть на нем дублет.

Помочь вымыться, согреть простыни... Похоже, для леди муж так же желанен, как она для него.

- Нет нужды. - Отвел девичьи руки и покачал головой. - Принеси чистое, ужин и передай леди, что приду в ее покои через час.

Леди ждала в постели, откинувшись спиной на высокие подушки. В спальне было полутемно из-за закрытых ставен, тяжело и пряно пахло фелимскими благовониями, даже голова закружилось. Полдюжины свечей горели в вычурном подсвечнике у самой постели, бросали блики на край тяжелого шелкового балдахина, вышитые простыни и резной столик драгоценного розового дерева. Тот самый, что леди взяла под "тан Эллисдайр оплатит". Несомненно, оплатит. Для танского бюджета это сущие мелочи, но и содержание супруге он положил вполне достойное. Не меньше, чем Киран своей Белинде. Вот только Белинде почему-то хватало.

Прикинув, что лучше будет вычесть все, что потрачено сверх, из содержания на следующий год, нежели заставлять супругу возвращать столик, зеркало и прочие роскошества, Сакс

велел себе вспомнить, что пришел он не воспитывать леди, а выполнять долг перед отечеством. Все прочее немного подождет.

Он улыбнулся.

- У вас изысканный вкус, моя леди.

Она не ответила, и ладно.

Раскрыв один ставень, чтобы разогнать тяжелый запах, Сакс загасил пальцами половину свеч, скинул рубаху на столик и сел на край постели. Накрыл ладонью лежащую поверх одеяла руку - холодную и влажную. Тут же захотелось вытереть пальцы, словно он коснулся гадюки. Сакс мысленно себя обругал: нравится супруга или нет, а обижать ее попусту не следует. Ее тоже не спросили, хочет ли она замуж за тана Эллисдайра.

Но леди выдернула руку.

- Не тяните, лорд, - в голосе отчетливо звучала брезгливость.

В "Шпоре" встречают радушнее, подумал Сакс. Ну и Ллир с ней, пусть спит спокойно. Сегодня. Время есть, Брандон не ждет его обратно немедленно. А завтра - по методу Кирана. Кувшин наливки, и будет все равно: жена, бордельная кобылка или змея.

- Вижу, вы мне не рады. Что ж, тогда сегодня буду ночевать у себя.

Поднялся, прихватил свою рубаху и пошел к двери.

- Значит, правду говорят, милорд, - догнал его насмешливый голос, - что как спутались с лесной ведьмой, так мужской силы и лишились.

Сакс замер. Резко заболела чужая рана под ключицей, пахнуло стылой озерной водой, кровью и жалей-травой. Рука сама дернулась к поясу, за несуществующим клинком, словно там, за спиной, была не супруга, а Марк с луком наизготовку...

Медленно выдохнув, Сакс напомнил себе: леди - не Марк. Убивать ее противно, к тому же будет слишком много мороки с лордом Реганом и прочей шушерой.

Обернулся всем телом, будто на веревке потянули. Леди по-гадючьи улыбнулась и повела плечом. Одеяло с нее сползло почти до пояса, а ленты сорочки зашевелились, как змеиный клубок.

Вернувшись к кровати, постоял, разглядывая леди. Усмешка с ее лица сползла, на лбу выступил пот. Руки скомкали край одеяла.

- Вы забываетесь, - сказал Сакс очень тихо и спокойно. - Не советую этого делать дальше. Крестьяне, видите ли, тоже могут забыться и поучить леди достойным манерам по-крестьянски, плетью на конюшне.

- Вы не посмеете, мой отец...

- Продал вас на племя, но забыл объездить, - так же ровно продолжил Сакс. - Если вы посмеете сказать хоть слово об озерной деве, вы очень пожалеете, что не онемели при рождении. Добрых снов.

Сам он толком не поспал: стоило закрыть глаза, виделась Лиле. То она встречала его в лагере, бросалась на шею и шептала: "Мой Эри!" То ела землянику с его ладони и смеялась, то плавала вместе с ним в озере. А он все хотел объясниться, сказать, что жена - это ничего не значит, она ему не настоящая жена, и он любит только Лиле, и ждет ее, и... Она закрывала ему рот ладошкой, качала головой и повторяла: "Не надо обещаний, Эри". И улыбалась - светло, грустно. Понимающе.

Окончательно проснулся перед рассветом, подниматься не стал - в комнате было прохладно, хоть и лето. А думать можно и лежа. Думалось разное, все больше о леди. Оставлять змею в Эллисдайре не хотелось. Неизвестно, каких еще гостей она вздумает приваживать и каких еще дел натворит. Запереть в покоях? Слуги болтливы, сочинят целую балладу о несчастной красавице и ее изувере-муже, вот будет подарок Мейтланду! Пожалуй, лучше всего отправить в Вестлей. Поместье небольшое, дорога туда плохая, ни мудрых, ни лордовских замков поблизости, кругом сплошные леса. Самое змеиное место. Умница Мэт позаботится, расскажет, что леди отбыла поправлять здоровье, а уж причины сплетники сами придумают: то ли леди в тягости, то ли от обилия гостей и хозяйственных обязанностей с ней случается тоска с мигренью.

Самому оставаться в замке тоже не хотелось, Сакс не любил серо-зеленые, вечно холодные стены Эллисдайра. Возвращаться в столицу было рано, Брандону не обязательно знать, какие именно усилия побратим приложил, чтобы поладить с супругой. Значит, срочно надо... А куда срочно надо, если еще полмесяца - отпуск? От того, что может сам выбирать, куда поехать и чем заняться, Сакс растерялся. За десять лет он привык, что надо все время куда-то бежать, что-то делать, а остановиться и оглядеться можно лишь раз в год, поздней осенью - когда он на целую неделю сбегает от обязанностей главы Малой Канцелярии, как вежливо зовется должность главного пугала Тейрона, и навещает поросший жалей-травой холмик. Собственно, больше никуда ему и не хотелось, лишь на озеро и в Оквуд. Отдохнуть от службы, навестить родителей, повозиться с племянниками... Вот ведь, у Кирана уже трое сыновей, у Грэма - двое, а у него самого - чернокосая змея да могила у озера.

С тоской глянув на светлеющее небо за узким окном, он вслух спросил:

- Когда?..

Десять лет. Через три месяца будет ровно десять лет, как нет Лиле. Может быть, ей уже пора вернуться? Почему-то Сакс был уверен, что она вернется непременно на Девье озеро и непременно осенью, тогда же, когда ушла. И он встретит ее там, привезет в Оквуд, к родителям, там они тихо поженятся, Лиле родит ему сына...

Мечты.

Все это - мечты.

Даже если она вернется, придется везти ее в столицу и разыгрывать собственную изящную партию. Киран звал ее в лагере дочкой? Звал. Вот пусть и дальше будет Лиле дочерью тана Флейтри, лорда Кроу, канцлера Браконьера и прочая, прочая. А с леди-змеей тоже что-нибудь придумаем во славу Ллира.

Сакс усмехнулся. Давно ли самым часто поминаемым им богом стал Лжец? Десять лет назад он искренне недоумевал, почему тан Мейтланд столько почета оказывает именно хранителю Ллира, а не Отца - а теперь понял. Теперь он и сам приносит положенную дань всем богам, а совета и благословения просит все больше у Певца Луны.

Не дожидаясь, пока совсем рассветет, Сакс вызвал Мэта и велел собрать леди в путь, и не слишком усердствовать в сборах: дорога до Вестлея плохая, резные столики и зеркала побьются, служанки разбегутся. Двух горничных леди будет достаточно, а чтоб не скучала и не мерзла, пусть осваивает прялку и спицы, в тех краях отличные пуховые козы. И сам, не заходя к супруге, налегке отправился к Девьему озеру, чтоб быть в Оквуде к закату. А то заезжать к родителям раз в год, на неделю, совсем никуда не годится.

До Девьего озера Сакс добрался вскоре после полудня. Напоив жеребца и пустив пастись здесь же, на берегу, сорвал горсть ежевики и сел под старой сосной, возле холмика. Не глядя, протянул руку, зарылся пальцами в завитки жалей-травы. Нагретые за день стебельки защекотали ладонь, в точности как растрепанная коса. Если зажмуриться, покажется что и правда - волосы. Сакс глубоко вдохнул и закрыл глаза.

Он приезжал сюда каждый год, кроме самого первого: подолгу сидел у холмика и всегда оставлял среди желтых цветов вырезанную из озерного тростника дудочку. Иногда молчал, но чаще - говорил с Лиле...

...каким хорошим королем стал Брандон, а Киран разбирается в политике неприлично хорошо для браконьера.

...этикет к Саксу прирос как вторая кожа, и за этикетом, оказывается, можно спрятаться не хуже, чем за ростовым щитом.

...давно понял, что родных лордов не устроит никакая, даже законная и благословленная богами власть, если властитель идет им наперекор...

Сейчас все это не шло на язык. И мысли разбегались.

Что-то ласково коснулось головы, словно прохладная рука погладила. Ветер.

- Лиле, - шепнул он озеру. - Возвращайся уже скорее.

Ему ответил шелест тростника и вздох ветра, словно где-то далеко запела дудочка.

- Знаешь, я купил дом в столице. Тебе там понравится... - Сакс помолчал и усмехнулся. - Брандон говорил, вернешься лет через сто. Он тебя не знает. Ты ведь не заставишь меня ждать сто лет?

Ветер промолчал. Озеро - тоже.

- Помнишь, ты говорила, не зарекайся? - совсем тихо продолжил Сакс. - Это я, глупый, думал, раз мне не нужен никто, то и я никому не понадоблюсь. А Брандон... ты же понимаешь, король всегда король, хоть сто раз побратим. Вот и... прости, маленькая. У меня не получилось...

Сорвав цветок жалей-травы, растер его в пальцах, вдохнул свежий горьковатый аромат: говорят, эти цветы проясняют мысли, успокаивают, лечат боль - разве что не воскрешают. И растут только там, где живут фейри. Живут и умирают.

- Ты не думай, я все равно не буду спать с этой... леди. Я все устрою, Лиле, никто не посмеет на тебя глянуть косо, только вернись...

Невидимая ладонь снова растрепала волосы. Что-то легко коснулось лба.

Сакс так и не понял, померещилось, или правда прозвучало в травяном шорохе: "Совсем скоро".

Глава 14. Лиля

Лежать было жестко, хоть и тепло: песок за день прогрелся. А Эри зарылся рукой в ее волосы, перебирал, поглаживал - Лиля даже зажмурилась от удовольствия.

И села. Открыла глаза.

Эри?

Он сидел совсем рядом, только смотрел не на нее, а на озеро. И что-то бормотал себе под нос, словно оправдывался, разобрать получилось только: "Брандон" и "Прости, маленькая, не получилось..."

Сон. Ну конечно, это сон, подумала Лиля. Нет здесь Эри.

Незачем тыкаться лицом ему в плечо и звать во весь голос. Все равно не услышит.

- ...да Эри же!!! Ну посмотри ты на меня, я же здесь...

- ...только вернись, - договорил он.

Вздохнул. Прикрыл глаза.

Не услышал.

Лиля отодвинулась, сердито утерла глаза рукавом. Погладила его по волосам, таким же длинным и густым, только прическу сменил - две косички на висках, остальные распущены. А сам так и остался семнадцатилетним мальчишкой, таким, каким был в Кроу.

Наверное, на самом деле он другой, взрослый. Матерый медведь, как все тейронцы, это во сне совсем не изменился. Михаил говорил, там пройдет пятнадцать лет. Может, она его и не узнает, когда встретит. А неважно!

- Я вернусь, Эри! Вот увидишь. Я совсем скоро.

Показалось, он услышал: обернулся к ней, замер, прислушиваясь...

И тут Лиля проснулась от того, что ее обняли. Объятие было крепкое, горячее и невозможно правильное. Лиля ткнулась носом в мужское плечо, поймала запах - вишневой смолы, морской соли, пота и сандала - и успокоилась.

- Ты здесь, - пробормотала она.

Уф, как хорошо, что все просто приснилось! Не мог Эри не услышать, он рядом и...

Стоп. Эри здесь нет и быть не может. Это не Тейрон. Эри не пахнет табаком и морем.

Но...

- Спи, моя Капелька, рано еще, - хрипло и сонно сказал Ильяс, погладил по спине и пощекотал висок усами.

Ильяс. Не Эри. Лиля зажмурилась и больно укусила себя за губу. Глупо, конечно, но очень захотелось надавить себе пощечин, или головой о стенку побиться. Эри там один, ждет ее, зовет, а она - греется на солнышке, плавает в море и совсем про него забыла?

Попыталась выскользнуть из объятий, но не вышло, Ильяс даже во сне держал крепко.

- Отпусти, - тихо попросила она.

Буркнув что-то невнятно-вопросительное, Ильяс разжал руки. Наверное, интересовался, что это с ней такое. А может, заснул опять и во сне... Лиля выпуталась из простыни, натянула футболку и ушла к открытому на ночь окну. Села на подоконник и уставилась в густой предрассветный сумрак. Если бы было хоть немного светлее, то увидела бы не только ветви растущей прямо под окном сосны, но и море, а так - только слышала, как оно недовольно ворочается там, в темноте. Вздыхает, ворчит и сердито плещет, как будто кто-то пытается вытеснить его с и так тесной постели, да еще и одеяло отбирает. Эри тоже так ворчал, если, конечно, не вскакивал сразу, будто и не спал, и озирался по сторонам: где враги. Глаза опять защипало, Лиля сердито их вытерла и прислушалась. Ну правда ведь, точь-в-точь Эри! И даже, кажется, потянуло прелыми листьями, рассветным холодком, дымом... а там, за одинокой сосной, увиделся лес - в котором повстанческий лагерь, и Киран с Эри сидят у костра, тихо разговаривают...

Лиля уже хотела их окликнуть, но на плечи легли чьи-то руки:

- Не замерзнешь? - спросил кто-то басом...

И наваждение рассеялось. А ведь лес был таким настоящим! Сделай шаг - и окажешься там, в лагере близ Кроу.

Лиля передернула плечами. Как же Ильяс сейчас некстати! И весь этот отпуск тоже некстати - конечно, Крым дело хорошее, и море, и горы, но... за каким чертом она напросилась в отпуск, когда нужно столько всего сделать?

- Не замерзну, - буркнула она.

Руки Ильяс убрал и сам ушел - на кухню, принялся там греметь дверцами шкафчика и посудой. Обиделся, похоже. Ну, зачем? Она же не хотела обидеть, просто... просто ей нужен Эри. Только Эри.

Зажмурившись до радужных пятен перед глазами, Лиля глубоко вздохнула и постаралась думать логично.

Ильяс не виноват, он о ней же и заботился. И ему тоже пора домой, там работа, выставка, Элин же ему обещал сделать выставку. А ей - прислать книгу о фейри. Может быть, уже

прислал. И газетные подшивки надо глянуть, покопаться в интернете, что там есть не из рекламных материалов, а вообще - что говорят об игровом центре, об игроках. В конце концов, сколько ж можно плыть по течению, сидеть у Ильяса на шее и ждать непонятно чего?!

Закрыв окно, - все равно Тейрона там нет, а слушать море надоело, - Лиля влезла в шорты и пошла на запах кофе. Остановилась в дверях: Ильяс не обернулся, только плечи напряглись.

- Ильяс?..

Он обернулся, несколько мгновений вглядывался в нее, словно чего-то ждал...

Лиле тоже казалось, что надо что-то сказать, что-то сделать, но что? Что вообще надо говорить в таких случаях? Извини, ты замечательный, мне с тобой хорошо, но я люблю не тебя? Да не нужна ему ее любовь! Где он, красивый, богатый, всем нужный - и где она, мышь белая! Ну да, сейчас она для него - идеальная модель, муза, но это ненадолго. Сам же говорил: пусть все честно. Фотограф и натура, никаких обманутых ожиданий и прочей любви - просто он такой вот, горит своим искусством, и добрый, и заботливый... О таком можно только мечтать, и то не ей.

Скоро у Ильяса будет другая муза, а у Лили... у Лили всегда будет Эри.

- На когда у нас билеты? - спросила, опустив глаза на его руку с браслетом, тем, что сама сделала.

Подумалось: Ильяс так его и носит не снимая. Странно. Детский же браслет, рядом с его часами за тысячу баксов не смотрится.

- На первый же самолет до Москвы, - ровно ответил Ильяс и отвернулся, разливать кофе по чашкам. - Ноут принеси, пожалуйста.

Завтракали молча: Ильяс заказывал билеты и такси, Лиля гнала от себя иррациональное чувство вины и обдумывала план действий. Получалось, что если она хочет успеть все разузнать до середины октября, неплохо бы попросить помощи у Настасьи. Лучше бы, конечно, у Сеньки, он с инетом на короткой ноге, но Сенька снова будет ворчать и дуться. Настасья тоже, наверное, но она поворчит-поворчит и успокоится, а главное, поможет разобраться.

Едва допив кофе, Лиля взялась за сборы: вытащила из шкафа ворох одежды, бросила на кровать, туда же бросила сумку... и вдруг подумалось, что за эти три недели она обросла безумным количеством тряпок и побрякушек. Особенно побрякушек. Когда-то давно она мечтала о таких вот деревянных

бусах, и браслетах, и гребешках, и о вышитом рюкзачке. А теперь все это у нее есть, вот только... только... и с кухни - стук клавиш и запах вишневого дыма, не дыма от костра, и ждет ее там не Эри...

Она машинально схватилась за свое ожерелье, нащупала морскую звезду и принялась ее крутить. Вспоминалось, как они с Ильясом наперебой таскали бусины из общей кучки, и круг света от старой лампы казался древним оберегом, а за кругом был весь остальной мир, чужой и враждебный... Совсем как в Кроу, когда война и смерть оставались за порогом их с Эри землянки.

Эри.

Нарисованный Эри - и живой Ильяс. Или наоборот, настоящий Эри и придуманный Ильяс?..

Никаких "и". Только Эри. Она хочет к Эри, сейчас, немедленно! Это Ильяс ненастоящий, как все его глянцевые фотки, выставки и тусовки! Говорил ей - хочу все честно, а сам? Все эти недомолвки, все это... это... ненастоящее все это! Фальшь и театр, одна сплошная игра непонятно зачем! Не может он любить белесую моль! А даже если может - все равно это неправильно! Нельзя так, любить одного и жить с другим, чтобы только не сойти с ума, пока там ждет Эри, а тут - только она и монитор, и до осени так долго, и она никогда раньше не позволяла себе вот так, чтобы о ней заботились, чтобы так хорошо... но Ильяс же никогда не говорил, что любит... потому что - не может такого быть! Вот Эри... для Эри она - единственная, любимая, Эри ждет ее, а она?.. что она делает здесь, в этой жаре и духоте, зачем ей эти побрякушки?.. И душно, неудобно, и больно - словно крымский воздух не хочет в легкие, почему, зачем? Зачем она тут, а не в Тейроне, с Эри?..

Лиля попыталась глубоко вздохнуть - не получилось, что-то сжимало горло, будто удавкой врезалось в кожу. В глазах потемнело, показалось - храпят кони, несут ее куда-то, а под ключицей засела стрела, и не вздохнуть, не выдохнуть... Эри?! Где ж ты, помоги!

Она двумя руками рванула шнур на горле, не понимая, откуда взялась удавка, ведь была ж стрела, и почему правая рука онемела и не слушается?

Шнур лопнул. По полу застучали бусины.

Лиля со всхлипом втянула воздух и закашлялась, хрипло, со слезами.

Ее тут же поймали сильные руки, прижали к чему-то теплому, родному. Мужская ладонь погладила по волосам.

Лиля зажмурилась. Так хотелось верить, что это - Эри. Что Эри баюкает ее, обещает:

- Все будет хорошо, Капелька. Тише, маленькая моя, не

плачь.

Забавно, подумалось ей отстраненно, оба говорят "маленькая". Но у Эри получается совсем иначе, необидно. И никаких дурацких Капелек. А Ильяс... а что Ильяс? И, главное, что она может дать Ильясу? Ни-че-го. Хорошо, что для него все это не всерьез. Вот только жаль ожерелье. Красивое было. И целый вечер...

Она потрясла головой и зажмурилась, отгоняя то ощущение: тепла, безопасности, заботы. Любви.

Нет! Нет никакой любви. Ильяс и слова-то такого знать не желает, и правильно не желает! Он, конечно, хороший, и помог ей справиться с депрессией, и сказка была хороша, но хватит уже! Пора автостопом в Сызрань, в Ильясову постель уже очередь на километр.

В последний раз всхлипнув, Лиля вывернулась из его рук и присела на корточки: бусины и жемчужинки раскатились по всей комнате, надо бы собрать. На Ильяса она старалась не смотреть, но не слишком получалось: комната маленькая, и на стене зеркало, и в темном окне - его отражение. Везде он, словно нарочно, стыдит и укоряет!

Ильяс тоже сел на пол, поднял крупную розовую жемчужину, покатал на ладони и с натянутой улыбкой глянул в зеркало - прямо Лиле в глаза.

Она потупилась.

- Я соберу, иди лучше в душ, - сказал он. Голос у него был хриплый, словно это его только что придушило ожерелье, и ровный. Слишком ровный. - Сделаем заново, подумаешь, рассыпалось.

Рассыпалось, мысленно повторила за ним Лиля. Порвалось и рассыпалось, подумаешь, совсем неважно. И что никогда не станет прежним, тоже неважно. Все равно бы ничего у них не вышло.

- Иди в душ. - Ильяс осторожно тронул ее руку, словно дикую кошку, что сбежит от любого резкого движения. - Такси будет через сорок минут.

Лиля помотала головой и, наконец, посмотрела на него не через зеркало, а напрямую. Заставила себя улыбнуться и, вслепую нащупав на полу несколько бусин, подняла их и вложила в его ладонь. Ильяс сглотнул и накрыл ее руку своей, соглашаясь: вместе. Почему-то это "вместе" показалось Лиле важным и правильным - почему, думать она была не в силах.

Когда под окном прошуршали шины и загудел клаксон, Ильяс еще брился, а Лиля воевала с молнией набитого под завязку рюкзачка. Только рассвело, и заспанный таксист всю

дорогу до аэропорта сердито молчал. Ильяс тоже молчал. И Лиля. Только радио бубнило что-то очень серьезное и важное. А Лиля глядела в окно: те же туманные горы, те же поля и виноградники, только вместо предвкушения сказки - финал, совсем не похожий на сказочный. И грусть, потому что Лиля точно знала: она никогда сюда не вернется.

Интермедия 3

Звонок застал Майлгенна в лифте, ровно за миг до того как он нажал кнопку своего, девятнадцатого, этажа.

- Зайди, - сказал мобильник голосом Элвуда и отключился.

- Как скажете, шеф, - ответил Майлгенн в пустоту и нажал-таки кнопку, но с цифрой двадцать два.

Дверь была открыта, холл темен и тих, лишь из зимнего сада доносилось журчание фонтана и падали на деревянный пол смутные пятна света: похоже, ничего кроме камина Элвуд не зажигал.

Он нашелся в глубоком кресле у фонтана. Молча махнул рукой на второе такое же и протянул полный бокал. Поднеся его к лицу, Майлгенн вдохнул холодный и горький аромат жалей-травы. Он уже забыл, когда в последний раз пробовал настойку - в этом мире жалей-трава не прижилась, а тейронский запас был слишком мал, приходилось расходовать крайне экономно. И уж точно не для того, чтобы напиться.

Опустившись в кресло, Майлгенн отпил крохотный глоток, покатал настойку на языке. Она пахла родиной. Там, в Хрустальном городе, жалей-трава росла повсюду, заплетала стены и пробивалась сквозь плиты мостовой, светилась по ночам - так что фейри никогда не нуждались в уличных фонарях.

- Ну, здравствуй, Принц Волков, - глухо, тщательно выговаривая слоги, сказал Элвуд.

От удивления Майлгенн чуть не поперхнулся: наставник пьян? Впервые за сколько, за полсотни лет? Последний раз, помнится, Элвуд напился, когда нашел своего любимого ученика, Лайна, в застенках НКВД. Лайн возглавлял предпоследнюю группу уходящих из Хрустального города и попал в этот мир примерно столетием раньше.

- Э... здравствуй, Ледяной Свет. - Майлгенн склонил голову перед последним королем фейри. - Ты позвал меня просто

выпить, или?..

- Она чуть не ушла в Тейрон сама, мой мальчик. Вот так просто, открыла дверь - и не ушла. Помешали.

- Кто она, Элвуд? Я ничего не понял. - Майлгенн облегченно выдохнул: вроде никто из фейри не умер. - Какую дверь?

- Обыкновенную, мальчик мой. Помнишь, как мы пытались вернуться?

Майлгенн помнил. Еще бы. Раз за разом они пытались открыть дверь домой, и раз за разом ничего не получалось. Лет десять они не могли понять, почему, пока Элвуд не нашел Лайна - и не выяснил, что никто из фейри Хрустального города не может вернуться. И детей друг от друга у них тоже быть не может, только от людей. Откат. Цена бегства.

- Вот у нее - получилось, - продолжил Эдвуд. - Почти.

Тряхнув головой, Майлгенн отпил еще настойки и попытался сосредоточиться.

Так. Дверь в Тейрон. Открыла. Сама. Помешали. Кто? Как?..

Он несколько раз слышал местное выражение "ум за разум заходит", но сути не улавливал до сегодняшнего вечера. А теперь понял: ум за разум - это когда вы говорите на одном языке, все слова ясны, а смысл ускользает.

Нет, это просто усталость, опять не спал трое суток, скоро себя в зеркале перестанет узнавать. А так - все просто и логично. Элвуд наверняка говорит о ком-то из игроков, среди них только одна женщина...

- Она - это Лиле?

Элвуд, задумчиво потирающий серьгу, словно не услышал, и продолжил о своем:

- Не думал, что у кого-то еще хватит сил открыть путь... Ты разве ничего не почувствовал? Сегодня рано утром?

- Что-то почувствовал. Часа в четыре ночи. Но что - понятия не имею. Расскажи толком, Элвуд.

- Толком, мальчик мой, ее надо обязательно отправить в Тейрон. Обязательно!

Майлгенн растерялся: Элвуд говорил так, словно Лиле надо было заталкивать в Тейрон силой. Чушь какая!

- Да она сама ждет не дождется октября. У нее надежный якорь, ты же сам видел... Я не понимаю, как она смогла открыть дверь? Уверен, что именно она? Я знаю лишь одного светлого, кому это по силам, а тут - девочка...

- Не светлого. Я - дитя резонанса, - хмыкнул Элвуд и налил себе еще настойки. На остальные вопросы он явно отвечать не собирался.

- Вот именно! А она?

Элвуд молча покачал в ладони бокал. Понятно: думай сам, дорогой ученик.

Хорошо, дорогой ученик подумает. Что мы имеем? Наставник почему-то вспомнил, что он - дитя резонанса. Сын темного Адана и светлой Мэй. О резонансе Майлгенн знал мало, никогда не видел его в действии, да и заинтересовался даром Кирмета уже в этом мире. Наставник тогда отправил его читать местную легенду об андрогинах, мол, суть передана верно, хоть у людей второй половины не бывает, только у фейри.

Тогда же сделанные расчеты показали, что шанс встретить свою пару до Суши составлял порядка половины процента, а для Элвуда и его группы здесь, под чужим солнцем - не более одной сотой. В этом мире изрядно носителей гена, но пробужденных фейри ничтожно мало.

Что еще? В резонансе сила обоих возрастает вдвое, а то и втрое. Положим, фейри в резонансе даже без знаний, только на интуиции смог бы открыть дверь в Тейрон, но где Лиле могла встретить темного фейри? Учитывая, что на момент выхода из последней миссии никакого резонанса там точно не было, и с темными в Тейроне она не встречалась? И как мог сложиться резонанс при том, что Лиле любит Деррила Сакса?..

- Хватит нюхать пустой бокал. - Наставник поднял ополовиненную бутыль. - Давай, налью еще.

- А?.. Да, налей. Элвуд, ты говоришь, ей помешали.

Разлив остаток настойки по бокалам, Элвуд отставил пустую бутыль и достал из-за кресла ноутбук. Открыл его, что-то нашел и молча повернул к Майлгенну.

На экране был темный фейри. Смуглый, яркий, нос с горбинкой, испанская бородка и бьющая наповал харизма.

- Ильяс Блок, фотограф, - пояснил Элвуд. - Лиле живет с ним уже три месяца.

И снова замолчал.

А Майлгенн поперхнулся настойкой. Вот он, темный с пробужденной кровью! Значит, действительно резонанс? Но ведь фейри не может добровольно уйти от своей пары, а Лиля по-прежнему собирается в Тейрон! И это значит... это значит... что резонанс сломан. Мы сломали резонанс. Сохрани, Матерь!

Он снова обхватил свой бокал ладонями, словно пытался согреть и склеить то, что они уже раскололи. Не подозревая, что творят, но это ничего не меняет. Все равно придется платить, лишь бы не так страшно, как за безумный эксперимент темного Гарея...

...перед глазами встала Сушь: серая пустошь, пыльные смерчи, - издали похожие на призраки мертвых городов, - тихие

голоса погибших. Детей, взрослых, стариков - тысяч фейри. Цена взлета научной мысли, прорыва в технологиях, невиданных перспектив... что там еще обещал темный Гарей? А, да. Сила, возрастающая по экспоненте, и возможность изменить весь мир. К лучшему. Конечно же, к лучшему! Мы с вами, - обещал Гарей своим ученикам и помощникам, - войдем в легенды.

Вошли.

Как Безумный Бард, проклятый Кирметом, и девять слепцов.

Янтарная башня - последняя попытка темного Гарея вернуть свой резонанс, вселив душу убитой им светлой в кристалл - тоже вошла в легенды. Прорыв научной мысли, разумная личность, а не псевдоразум, не способный существовать без создателей, как остальные башни Хрустального города. И эта разумная личность сошла с ума - ровно в тот день, когда умер темный Гарей, и на Побережье упала Сушь.

На миг зажмурившись до алых пятен перед глазами, чтобы отогнать видение и вернуть ясность мысли, Майлгенн опустил бокал и открыл было рот: спросить, так ли обязательно отправлять Лилю в Тейрон. Конечно, там якорь, там - ощутимый шанс отдалить следующую Сушь, но здесь - резонанс...

И закрыл, не спросив. Потому что якорь он подбирал на совесть, чтобы Лиле точно не смогла отказаться от миссии: слишком часто они лишались игроков чуть не в последний момент, из-за каких-то совершенно нелепых случайностей. Так что для Лиле возвращение в Тейрон - вопрос сохранности психики. Хотя, какая может быть сохранность при сломанном резонансе? Вот если бы можно было его срастить... но - нельзя. Безумный Бард доказал, что сломанный резонанс восстановлению не поддается. И Лиле нужна в Тейроне! Это все решает.

- Я так понимаю, нам придется уделить ей несколько больше внимания, - вздохнул Майлгенн. - У тебя есть мысли на этот счет?

- Разумеется. Я уже встречался ними обоими, как спонсор выставки Блока. Они крайне плохо поддаются воздействию, даже прямому...

Майлгенн чуть не поперхнулся еще раз. Не поддается Элвуду?! Такого не может быть. В принципе.

- ...не разругались, и он увез Лиле в Крым, - продолжал наставник. - Придется действовать активнее.

- М... нужны фотографии Сакса и ее музыка? А что пела ему, пойдет? Допустим, Ария, - спросил Майлгенн, выводя на экран скрин игрового эпизода.

- Вполне, но лучше что-нибудь из ее собственного. Кстати о

фотографиях. - Он отобрал у Майлгенна ноутбук, что-то забил в поисковик и повернул экран с другой фотографией: высокого крашеного блондина с разгильдяйской улыбочкой. - Это Владимир Сергеевич Лучников, на вечеринке которого я говорил с Блоком о выставке. Так что тут не пережимай.

Поначалу Майлгенн не понял, к чему бы это, почти минуту вглядывался в экран, и лишь когда Элвуд пальцем закрыл белобрысую челку, до него дошло. Убрать десяток лет, покрасить обратно в темного шатена, сделать улыбку понаивнее - и будет не отличить от Деррила Сакса.

- Ты выбрал оптимальный объект для якоря, - усмехнулся Элвуд. - Так что, мальчик мой, работай и держи меня в курсе. А я буду держать в курсе тебя.

Майлгенн кивнул: разумеется, он будет работать, и в октябре Лиле уйдет в Тейрон. Несмотря ни на что.

Глава 15. Лиля

В самолете Лиля спала - чтоб не так бояться и чтоб не смотреть на Ильяса. После утренней истерики ей самой на себя глядеть было тошно, а на Ильяса - стыдно. Вот и спряталась. А когда прилетели, очень кстати появился Вовчик: он так громко радовался "пропащим" и так заразительно ржал над собственными шуточками, что думать о чем-то еще было решительно невозможно. Да и не очень-то хотелось.

В машине, едва вырулив на Ленинградку, Вовчик принялся делиться новостями и сетовать на тяжкую судьбу художника, мол, ему никто выставок не организует, все сам, только сам, потом и кровью!

А может, он говорил вовсе не это, а что-то совсем другое - Лиля точно не знала. В аэропорту толком не проснулась, в машине задремала снова, и во сне ей мерещилось море, пахнущее мужским одеколоном, и прибой, говорящий голосом Эри. В полосе прибоя играли русалки: они перекатывали гальку, швырялись пеной и взвизгивали при виде медуз - в точности так, как взвизгивают шины на повороте. Русалки были чем-то похожи на Лилю, а подальше от берега, на скале, сидела Настасья, самая настоящая морская ведьма. С восемнадцатью устрицами на хвосте. Лиля уже хотела сказать, что восемнадцать устриц положено только королю, а морской ведьме - не больше десяти, но ей помешали.

- ...Русалочку! Одолжи, не жлобись! - пророкотал прибой особенно отчетливо.

- Тише ты, не буди, - отозвалась морская ведьма, но почему-то голосом Ильяса. - Что тебе, Лилька - чемодан, чтоб одалживать? Нужна, ее и спрашивай.

- Илюха, да ты ревнуешь! - прибой забурлил, будто засмеялся.

- Чушь. Погоди ржать, надо позвонить Элину. А то передумает насчет выставки, лишит тебя повода поскрипеть.

Лиля пыталась вспомнить, что такое Элин? Русалочки тут же принялись помогать - высунулись по пояс из воды и предложили Лиле по очереди портрет неизвестного короля в завитом парике, страусовые перья, кактус, фикус, белую мышь и еще какую-то чушь. Наверное, очень хотели запутать. Но она все равно вспомнила! Элин - это книга. Старинная, в пуд весом, со львом на обложке и заложенная золотым пенсне. Очень нужная и важная книга!

От этой важности Лиля внезапно проснулась с четким пониманием: ей срочно надо найти книгу профессора Лайна! Вряд ли господин Элин вспомнит о своем нечаянном обещании, но это неважно. Достаточно того, что он назвал имя автора, в интернете он наверняка есть, а нет в сети - найдется в Ленинке.

- Проснулась, Капелька? - спросил Ильяс с переднего сидения, едва она пошевелилась.

- А... где мы?

- Выезжаем на МКАД, - отозвался Вовчик и пристально глянул на нее в зеркальце заднего вида.

Почему-то стало неуютно, словно ее кто-то застал в постели с Ильясом. То есть - не кто-то. Толку себе врать? Эри и застал.

Отвернувшись, - не видеть рядом Ильяса и Вовчика, так похожего на Эри, - Лиля тихо попросила:

- Завези меня на Молодежную, пожалуйста, - и назвала Настасьин адрес.

Повисло молчание, острое, обрезаться можно.

Лиля упорно смотрела в окно, ничего там не замечая. Зато отлично чувствовала, как Ильяс сначала мрачнеет, а потом становится очень спокойным - словно опустил забрало из светских манер.

- Эй, народ, вы чего это? - отмер, наконец, Вовчик. - Поругались, что ли?

- Нет, конечно, - натужно улыбнулся Ильяс и спросил: - Лиль, когда за тобой заехать?

Кому другому Лиля, пожалуй, сказала бы "никогда". Но опять обижать Ильяса совсем не хотелось. И... и потерять его - тоже.

- Завтра, ладно? Или я сама доберусь.

Только сейчас Лиля сообразила, что Настасью-то она спросить забыла, даже не предупредила, что возвращается в Москву. Так что запросто может оказаться перед закрытой дверью. Ну, ничего, если нет Настасьи - можно пойти к Сеньке. Тоже дело, сразу его и запрячь в раскопки интернета.

Пока ехали, Ильяс делал вид, что все в порядке. Улыбался, шутил с Вовчиком, обещал показать добычу. А около Настиного дома вышел, помог выбраться Лиле, вручил рюкзачок и нежно ее поцеловал. В висок.

- До завтра, Капелька.

Снова захотелось вывернуться из объятий, - смотрят же! - но Лиля пересилила себя, поднялась на цыпочки и чмокнула его в усы. И убежала - ровно до запертой двери. Нажала звонок раза три, ответа не дождалась и уже достала мобильник, чтоб узнать,

дома ли Сенька, как мобильник завопил голосом Доминго.

- Алё? - недоуменно спросила Лиля: Верди она поставила только для незнакомых номеров.

- Лилия Тишина? - поинтересовались из мобильника профессионально вежливо и почтительно. - Вас беспокоит секретарь Вадима Юрьевича Элина. Вы сейчас в Москве?

- Да... то есть... в Москве...

- Где вам удобно получить пакет? Курьер будет в течение часа.

Лиля растерянно поглядела на запертую дверь, потом в окно, и только собиралась назвать сенькин адрес, как открылись двери лифта и оттуда вышла огромная сумка, с кряхтением опустилась на пол, и над ней показалась Настасья.

- Здесь! - облегченно выдохнула Лиля и уточнила: - Ельнинская, восемь-семнадцать.

- Благодарю, - сказали в мобильнике и отключились.

И правильно сделали, что отключились, а то всенепременно оглохли бы от визга дуэтом:

- Лилька!

- Настька!

- Ты куда пропала, редиска этакая?! - отпихнув пакет, Настасья сначала обняла Лилю, а потом отодвинула на вытянутых руках, критически осмотрела и вынесла вердикт: - В Ниццу ездила!

- Не в Ниццу, а в Алушту. - Лиля показала ей язык. - Это в Крыму!

- В Крыму таких серег не продают. - Она ткнула в Ильясово творение из жемчуга, ракушек и расписных бусинок. - И вообще, ты же плавать не умеешь!

Лиля прикрыла сережку ладонью, так, на всякий случай.

- Теперь умею. А ожерелье порвалось, - вздохнула она. - Такое было ожерелье!

- Ну-ка, рассказывай! - Велела Настасья, отпирая дверь. - Давай на кухню и все-все в подробностях!

Рассказ о Крыме занял минут пять, пока кипятили чайник и резали бутерброды.

- И это все? - Настасья скептически подняла бровь. - Ты сочинение "как я провел лето" интереснее писала! Давай, колись, поссорились что ли?

Лиля дернула плечом. Проницательна Настасья, слов нет, только лучше б она все-таки была не такой... догадливой.

- Глупости, с чего нам ссориться... просто особо нечего рассказывать. Ну, Ильяс меня плавать научил, а еще я упала с пирса, и мы ездили смотреть Мраморную пещеру. И ожерелье с

серьгами мне сделал, только оно того... - Вспоминать об ожерелье оказалось неожиданно больно, чуть не до слез. Но Лиля тут же мысленно надавала себе по щекам, чтоб не истерила, и старательно улыбнулась. - Кстати, я тебе привезла кое-что! Вот, смотри, это - я сама делала, а это - Ильяс...

Водрузив на стол рюкзачок, Лиля вытащила шкатулку - шмотки, вылезшие наружу, она отбросила на стул - и вручила Настасье. Та, разумеется, тут же позабыла про какие-то там неважные ссоры и запустила в сокровища обе руки. И - восторженно завизжала.

За примеркой и обсуждением "ништячков хендмейд" - вот же, прицепилось Ильясово словечко! - незаметно пролетел час, так что когда в дверь позвонили, Лиля не сразу догадалась, что по ее душу.

На пороге обнаружился паренек с мотоциклетным шлемом подмышкой и запакованным в коричневую бумагу фолиантом в руках.

- Мне нужна Лилия Тишина.

- Я здесь. - Лиля отодвинула удивленную Настасью. - Передайте Вадиму Юрьевичу мою благодарность. И... подскажите, как с ним связаться, чтобы вернуть книгу?

- Это не ко мне.

Паренек вручил Лиле книгу и, не дожидаясь дальнейших вопросов, смотался. А Лиля тут же понеслась в комнату, распаковывать свое сокровище. Настасья - за ней, молча и сосредоточенно, словно собралась как минимум читать шифровку из Центра.

Шифровка присутствовала: выпала из свертка, как только Лиля принялась его разворачивать. Небольшая, размером с открытку, и как положено секретному посланию, написанная крайне затейливым почерком. Лиля даже прочитать ее не успела, карточку сцапала Настасья. Сощурилась.

- "Скромный подарок милой девушке из-под фикуса", - прочитала она вслух. Уставилась на Лилю, как голодная моль на соболью шубу. - И что ж это за подарок, а главное, от кого? Колись!

- От одного знакомого Ильяса, - пробурчала Лиля, развернула последний слой бумаги и ойкнула. Ничего себе! И это она собиралась искать в Ленинке? Да они за такой антиквариат душу продадут!

- Чего вопишь? - Настасья заглянула в сверток и, кажется, подавилась. Закашлялась.

- Ну ни... чего ж себе! Это что, настоящая кожа на обложке? И ты посмотри, название с ерами, выходит... еще

дореволюционная? Ну, Лильбатьковна, у твоего Ильяса и знакомые!

- Не факт, что дореволюционная, - возразила Лиля машинально. - Вроде бы эти "еры" и "яти" отменили в восемнадцатом году...

- Зануда ты. Какая разница, главное - книжка жутко старая. Жутко!

Не обращая внимания на Настасью, Лиля осторожно погладила обложку и открыла книгу. На форзаце красовалась литография: интеллигентнейшего вида автор, с бородкой и в пенсне. И там же - длинное замороченное название и год издания.

- Тысяча восемьсот девяносто четвертый, - из-за плеча прочитала Настасья. Тихо, с придыханием. - Лев Семенович Лайн, профессор Московского... ого! Лилька, ты вообще представляешь, сколько это стоит?

- Не представляю и представлять не хочу. Насть, это подарок, а подарки не продают. И вообще, я ее верну, когда прочитаю. Мне антиквариата не надо.

- Ну да, ну да, - вздохнула Настасья. - Кто бы сомневался. Вернет, обидит хорошего человека, редиска хвостатая. Да, от темы-то не уходи! С чего тебе такие подарки дарят? И кто?

- Клещ ты энцефалитный! - в сердцах буркнула Лилька и тут же осеклась: ну что с ней такое, рычит на Настасью!

- Да, я такая, - и не подумала обижаться та. - Потому - рассказывай все и подробно. Все равно ж не отстану.

Тяжело вздохнув и с тоской поглядев на дверь, Лиля принялась рассказывать. Не все, конечно, про свои сомнения в нарисованности Эри и Тейрона она умолчала. Но про то, что в игровом центре ведутся какие-то исследования, и все это связано с древними легендами о фейри, и вокруг всего этого творится нечто странное, а Лилька никак не может остаться в стороне, она же играла на полном погружении - и ей интересно! Безумно интересно! А эту книгу она, может, всю жизнь мечтала прочитать, шутка ли, научная работа по кельтским сагам, - ты же знаешь, я с детства обожаю кельтику! - и по всему европейскому фольклору... про фейри работа, ты только представь, у этого профессора какая-то редкая теория!

- Так. Тихо. Спокойно. - Настасья подняла открытые ладони. - Насчет книги я поняла, сбылась мечта... э... энтузиаста, ага. А про центр подробнее, подробнее.

- Не знаю я подробнее. Искать надо. В инете смотреть.

И поговорить с игроками! Вот будет турнир, - кстати, надо глянуть, когда следующий, - игроки снова соберутся, надо будет пойти и разведать. Самой. Тут Настасья не нужна, тут никто не

нужен. И обязательно найти Кирана, то есть Кирилла. На прошлом турнире его не было, но может на этот придет? Он же из Москвы, кто-то непременно его знает, а значит - они встретятся, и Лиля точно поймет, настоящий Тейрон или нет.

- Что искать-то? - спросила Настасья.

- Что-нибудь. Что угодно необычное, откуда я знаю, что именно?

И Михаилу отзвониться надо. Он, конечно, списка игроков не даст, у них в центре сплошная конспирация, но про турнир наверняка ответит, здесь же никакого секрета нет.

Настасья задумалась, оглядела зачем-то комнату, остановилась взглядом на заваленном нотами рояле, потом с нехорошей улыбочкой глянула на Лилю и сказала:

- Ага. В детектива, значить, играть будем. Ладно, Ниро. Читай про свои орхидеи, а я раскопаю скандалы и сплетни. - Звучало это как "я тебе такого накопаю, что дорогу к этой шарашкиной конторе позабудешь!" - Но завтра! На сегодня у нас еще полшкатулки и вон, я в "Мегу" на распродажу ходила. Тоже мерить надо!

- Сейчас, Насть, мне только позвонить - и будем мерить.

Михаилу она звонила, зажмурившись и скрестив пальцы на удачу: только бы он не рассердился на ее полуторамесячное отсутствие, только бы не сказал, что ИЦ разрывает с ней контракт, только бы...

Добояться она не успела, куратор взял трубку после первого же гудка и очень мило поинтересовался, как ей отдохнулось.

- Замечательно, - почти не соврала Лиля. - Михаил, у меня все отлично, честное слово! И, наверное, надо приехать в Центр, к вам? Осталось всего три недели...

- Приехать надо, конечно! Вот и Светочка ждет не дождется, - по голосу куратора было понятно, что улыбается.

- А... когда следующий турнир? Я бы...

- Вчера закончился, так что только через месяц. Но ты так просто приезжай.

- Мне бы... - Лиля хотела спросить о Кирилле, но наглости не хватило. Наверняка ж не ответит, и вообще это, может, нельзя, общаться с теми игроками, с которыми встречалась в Тейроне. А просто с игроками ж можно? Вот с тем бугаем с плаката, как его... как же его!.. а, точно! - Михаил, мне бы повидать Олега, того, с рекламы, а? У вас же есть его контакт, ну хоть мыло!

Зачем ей понадобился Олег, Лиля так и не придумала, фантазию отшибло напрочь. Но Михаил и не спросил. Только хмыкнул, сказал, что вообще-то не положено раздавать информацию о погруженцах направо и налево, но Лиле можно.

Тем более, Олег часто заходит в группу "Дороги" ВКонтакте, Лиля б и сама его там нашла под ником "Лорд Кувалда".

Лорд Кувалда ее рассмешил до невозможности. Даже как-то напряжение спало и показалось, что на самом деле ничего сложного нет - и Кирана она найдет, и с Ильясом все как-нибудь образуется, и Эри ее дождется. Надо только не бояться, а действовать. Вот прямо сейчас написать Олегу и договориться о встрече!

Написать-то она написала, с Настиного компа, и весь вечер заглядывала - не пришел ли ответ. Раз так на пятый Настасья разозлилась, отключила монитор и налила Лиле валерьянки.

- У тебя руки дрожат. Совсем того! Расслабься, Ниро, а то мои бусы тоже порвешь. - Укоризненно покачала головой, глядя, как Лиля цедит валерьянку и косится то на монитор, то на фолиант. - Ладно, обновки тоже завтра, а сейчас топай-ка в ванну, несчастье. И на книгу не смотри, не дам топить антиквариат!

Только в ванне, по шею в лавандовой пенке, Лилю отпустило. Все отпустило - и остатки утренней истерики, и потребность немедленно куда-то бежать и что-то делать. Даже желание потихоньку, чтоб Настасья не увидела, утащить труд профессора Лайна и начать читать прямо тут, очень бережно и аккуратно, но сию секунду, тоже отпустило. Откладывать книгу до завтра все еще не хотелось, но Настасья была права: читать научный труд после бессонной ночи и самолета - только мозги ломать. Зато завтра никто ее от книги не оторвет. Даже атомная война!

Отрывать ее никто и не пытался. Утром, за завтраком, ее обрадовала - или расстроила? - Настасья:

- Этот твой, Молоток, ответил. Говорит, в начале октября он весь твой, а в ближайшую неделю никак, в командировке.

Ну и в болото его, подумала Лиля. Без него найду Кирана! Есть же интернет, в конце концов.

Потом приехал Ильяс, сводил их с Настасьей пообедать в какое-то дорогущее заведение с восточной кухней, отвез Лилю домой и сам смотался готовить выставку. Еще день Ильяс тоже куда-то ездил, о чем-то договаривался и Лилю не отвлекал. Ее это устраивало, а еще она тихо надеялась, что их странный роман сам собой сойдет на нет. Пусть бы сам - она и представить не могла, как подходит к Ильясу и говорит, что им нужно расстаться. Или как Ильяс ей это говорит.

Она вообще старалась как можно меньше с ним общаться, даже на посторонние темы. Хотела было спросить пароль от компьютера в студии, чтобы выйти в интернет, - ноутбук Ильяс брал с собой, - и то не решилась, вспомнила, что он как-то

обмолвился, что с того компа старается не выходить в сеть, чтобы не нахватать вирусов. Подумала про вирусы - и поняла, что ей самой как-то нехорошо. Знобит, в носу хлюпает, в голове гудит...

Нехорошо стало очень кстати. Потому что у Ильяса назавтра открывалась выставка и он, конечно же, хотел, чтобы Лиля пошла с ним. Она же - модель и муза, и выставка называется "Тишина".

Быть моделью и музой Лиле нравилось, но на тусню идти она отказалась. Категорически. Ей одной такой тусни хватило по самые ушки. Тем более - насморк же, что за муза с красным сопливым носом?!

- Ладно, - вздохнул Ильяс и сунул ей в руки какой-то флакончик. - Лечись, потом сходишь.

Побрызгав в нос пару раз, Лиля благополучно о флакончике забыла. Лечиться она предпочитала трудом профессора Лайна - стоило открыть книгу, как думать о чем-либо еще становилось просто невозможно. Непривычный язык и отсылки к незнакомым трудам изрядно затрудняли восприятие, зато сама теория! О, эта теория стоила десятка фантастических романов!

По мнению профессора, фейри существовали, то есть существуют, на самом деле. И они, как и сказано в сагах, родились не в нашем мире, а где-то далеко, и сбежали сюда от какой-то катастрофы, прихватив с собой все, что могли унести: все эти волшебные артефакты из легенд, по сути - высокотехнологичные предметы. Вроде оружия, медицинского оборудования и тому подобного. Причем сюда фейри попали не все вместе, а группами в разное время и в разные места - Лайн назвал это пространственно-временным разбросом и привел на десяток страниц выдержки из кельтских, скандинавских, славянских и даже атцекских мифов. Еще в книге была карта мира с пометками и стрелками, и из этих пометок и стрелок получалось, что последние группы фейри должны были оказаться в России, где-то к востоку от Москвы, в тридцатых годах двадцатого века.

Лиле невольно представилось, как одетые в странные одежды эльфы - непременно похожие на Элронда из фильма - выходят из светящегося портала прямо в руки доблестным чекистам. Комедия, однако! Правда, грустная.

Но комедия для Лили закончилась, когда она дошла до генетической теории и фенотипов светлых и темных фейри. Странно, подумала она, вроде же во время написания книги генетика еще даже не выросла в отдельную науку, а Лайн уже описал рецессивный ген, правда, с некоторыми особенностями... Насколько Лиля поняла, - а в генетике она разбиралась на уровне

третьего класса церковно-приходской школы, - фейри не могли иметь детей друг от друга, только от людей, и дети рождались людьми, но при этом носителями гена. И этот ген мог пробудиться, каким образом - Лиля снова не очень-то поняла, вроде бы от стресса, или от мейсмерического воздействия, или еще почему-то, главное, тогда человек становился фейри. Со всеми вытекающими: долгой жизнью, магическим даром...

О магическом даре Лайн писал мало и непонятно. Изменение вероятностей для Лили так и осталось темным лесом, но одно она поняла точно: те фейри, что рождены в нашем мире, отличаются от рожденных "там" именно даром, который ближе к искусству, чем к магии. Лайн утверждал, что большинство великих ученых, художников и музыкантов - потомки фейри, кто-то с пробужденным геном, кто-то - нет. Причем ученые - потомки светлых, а художники - темных. Следом Лайн приводил описание фенотипа. Светлые - скандинавский тип внешности, склонность к логике и анализу в ущерб эмоциям, сдержанность до холодности, непритязательность в быту и категорическая неспособность ко лжи. Темные же - полная противоположность светлым. Яркие, темноволосые, чаще всего жгучие брюнеты, эмоциональные и склонные к театральности, прекрасные актеры и сказочники, предпочитающие не видеть неприятной правды и способные затянуть в свои сказки кого угодно.

Прямо как с Ильяса писано, подумала Лиля, перевернув страницу и замерла, словно увидела привидение. С литографии на нее смотрел Михаил Васильевич, ее куратор из Игрового Центра. Даже прическа была та же: волнистые волосы до плеч, забранные в хвост и с выбивающейся справа прядью. А под литографией была подпись: светлый фейри, рисунок профессора Лайна.

Не желая верить очевидному, Лиля перелистнула еще несколько десятков страниц, нашла еще одну иллюстрацию: стилизованные солнце и полумесяц, а под ними - знакомые имена. Асгейр и Ллир.

Осторожно закрыв книгу, Лиля встала, - почему-то раздался грохот, наверное, где-то что-то упало, - сделала несколько шагов назад... Очень хотелось побежать, только непонятно было, куда и зачем.

- Что-то случилось? - раздался позади Ильясов бас.

Лиля вздрогнула, обернулась - и сообразила, что со всей дури отпихнула стул, когда вставала. Вот он и упал. А Ильяс, оказывается, был дома... давно? Как-то она не заметила, когда он вернулся. Вроде ж сегодня открылась выставка, разве не положено такие мероприятия праздновать допоздна? И спиртным

от него не пахнет.

- А, ничего. - Лиля принужденно улыбнулась и потерла виски. - Кажется, я засиделась за книгой.

Оглядев сначала девственно чистую плиту, затем открытый фолиант, чашку из-под кофе и упавший стул, Ильяс усмехнулся и притянул Лилю к себе. Тут же стало тепло, уютно и совсем-совсем все равно, что там писал замшелый профессор, и еще очень захотелось кушать и на ручки. Так захотелось, что в животе забурчало.

- И про обед с ужином забыла. - Ильяс помассировал ей затекшую шею, чмокнул в нос. - Надевай джинсы и куртку, поедем проветриться. Заодно что-нибудь поймаем и съедим.

Проветривались они половину ночи - по Воробьевым, по Кольцу, по пустой и сияющей цветными огнями Москве. Разумеется, с фотоаппаратом. Совершенно неожиданно Лиля обнаружила, что ей нравится - и сниматься, и носиться сломя голову на мотоцикле, и смеяться вместе с Ильясом над всякой ерундой, просто потому что хорошо. И никаких посторонних мыслей, никакого сумасшествия, никаких чертовых фейри! Все просто и понятно!

Просто и понятно было долго, целых два дня. Ильяс не отпускал ее от себя ни на минуту, сводил на "Хоббита" - и весь фильм они наперебой комментировали, оборжали все что только на язык попалось...

Надо же, - возвращаясь домой после фильма и танцев в каком-то клубе, подумала Лиля, - а ведь с ним я совсем другая. Свободная, наверное. Не боюсь показаться невоспитанной или смешной. Видела бы меня сейчас Инна Юрьевна - не узнала бы.

А на третий день, то есть вечер, когда Ильяс убеждал Лилю не бояться и влезть на перила над развязкой Ярославка-МКАД, позвонила Настасья с вопросом:

- Ты куда опять пропала? Я тут столько всякого интересного нарыла!

Глава 16. Лиля

Нарыла Настасья много, не зря методично перекапывала форум на официальном сайте и еще дюжину тематических. Так много, что у Лили голова пошла кругом: как в этой скандальной чуши найти хоть зернышко правды?

- Что-то с тобой неладно, Лильбатьковна, - покачала головой Настасья. - Это ты у нас логик и аналитик, забыла?

- Ага, - кивнула Лиля и подумала: светлые - логика, темные - искусство, все верно. Настька как пить дать темная. Была бы. Если бы. Фу, черт!

- Скандальчики на тему подкупов, взяток, продажи на органы и подпольной наркоторговли мы пропускаем, как чушь собачью. Кто с кем спал, чтобы попасть на миссию, тоже. А вот про исчезнувших после миссии людей и про отказников уже намного интереснее. На, смотри. - Настасья ткнула в список ссылок. - Начни отсюда, очень любопытная штука.

Любопытной штукой оказалось ток-шоу "Без купюр" двухлетней давности, посвященное компьютерным играм, разумеется, без названий. То есть без названия. Гвоздем программы была сериальная актриса, всего года три как появившаяся на экране, но уже играющая главные роли. Неплохая актриса, Лиля видела ее пару-тройку раз и даже запомнила, в основном из-за яркой и интересной некрасивости. Про себя Лиля ее назвала Консуэло - что-то было общее.

Так вот эта Консуэло в красках живописала, как в тяжелый период своей жизни, когда бросил муж и никто не приглашал сниматься, подсела на игру. До психоза. Тут же приглашенный врач-психиатр подтвердил, что игры нередко вызывают зависимость у людей с неустойчивой психикой, и затеял нудную лекцию о лудомании - которую тут же прервал ведущий. А актриса продолжала: ей, мол, стало плевать на все, жизнь потеряла краски, и она так бы и потерялась в виртуальном мире, слишком похожем на настоящий, если бы не счастливый случай. На одной из встреч игроков ее заметил сначала некий талантливый фотограф, - здесь в кадре пошли ее фотографии, действительно, в образе Консуэло, как это Лиля догадалась? - а потом он же познакомил ее с продюсером, и тот разглядел ее незаурядный талант. И, конечно же, вытащил за уши из этой ужасной, кошмарной, вредной и опасной игры! И она стала жить настоящей, полной, интересной жизнью, собирается сниматься у

Бондарчука, и планов громадье, и компьютер она не включает неделями, потому что некогда. А сейчас она пришла сюда, чтобы помочь другим таким же, брошенным и потерянным, вернуть веру в настоящую жизнь!

Едва Консуэло сделала паузу для вдоха, как ведущий выпустил на арену еще десяток "жертв" и защитников компьютерных игр, разгорелся скандал - и из этого скандала Лиля поняла: не одну Консуэло спас от игромании счастливый случай. А кого не спас, тот совсем пропал. Одна девушка, утирая слезу, рассказала о приятеле, который бросил хорошую работу в торговой сети, продал комнату в общаге, ушел на "полное погружение" и не вернулся. Девушку тут же обсмеяли, мол, немудрено от такой жизни и такой девушки сбежать к черту на рога.

А Лиле почему-то стало обидно. За Ильяса. Как будто это его обсмеяли из-за того, что Лиля ушла в Тейрон, а ведь он не виноват, что она любит Эри, а Эри - там. И Киран там.

Вспомнив про Кирана, Лиля собралась было закрыть шоу и поискать Кирилла, игрока в "Дорогу домой", он же должен играть сейчас, то есть играл полгода назад, наверняка ВКонтакте он есть, Майлгенн же сказал, там большая и активная группа. А если Кирана нет, наверняка его знает хоть кто-то из игроков...

- Посмотрела? А вот еще, - вклинилась Настасья, а Лиле подумалось, что при ней искать Кирана не стоит, будет слишком много вопросов, на которые не хочется отвечать.

В десятке роликов и тонне форумных скандалов было примерно то же самое: психозы, исчезновения, заговоры, взятки, марсиане и даже убийство. Лиля очень сомневалась, что убийство игрока было в самом деле как-то связано с игрой, но решила потом проверить. Завтра. Потому что от всей этой грязи у нее разболелась голова, затошнило и остро захотелось туда, где нет СМИ. Например, в лагерь повстанцев под Кроу.

Зато она убедилась, что не ей одной Тейрон кажется настоящим, и что погруженцы в самом деле исчезают. Может быть, конечно, это совпадение, мало ли людей меняет работу и место жительства?

Настасья была не согласна, что совпадение.

- Темные дела творятся в этой вашей Битце. Лучше б бросила ты это дело, Лильбатьковна. Может, там маньяки специальные, выслеживают тех, кто ходит на миссии - и того. Маньячат.

- Ну тебя, Насть. Маньяки, скажешь тоже. Просто...

Просто не маньяки, а Тейрон. Если человек исчезает, он же исчезает отсюда и появляется где-то еще. И если это не

совпадения и не маньяки, значит, кто-то уже ушел в Тейрон. В настоящий Тейрон. В тот, откуда явились фейри. Ведь все один к одному! Только Настасье это не сказануть, а то отправит лечиться в Белые Столбы.

Лиля потерла лоб: голова снова гудит и глаза устали. Пожалуй, на сегодня хватит, а завтра она найдет Кирана. Сама. Если Ильяс не даст ноутбук, есть же интернет-кафе, в конце-то концов. Надо будет только Ильясу что-нибудь соврать. Эх. Гадкое это дело, врать, и не умеет она толком. Как там Элин говорил, настоящая светлая фейри? То ли смеяться, то ли санитарам сдаваться!

- Просто хватит дурить, Лиль, - не дала толком пострадать Настасья. - Мне не хочется, чтобы ты вдруг пропала или загремела в дурку. Между прочим, были уже прецеденты.

- Сбежал черт и украл луну, - машинально продолжила Лиля; думать об уходе в Тейрон и Настасье было неприятно. Стыдно. Права она, пропадать нельзя. Надо будет написать ей, что ли, только не рассказывать лицом к лицу. Если рассказать, не отпустит. Свяжет, в чемодан сунет и сверху сядет, но не отпустит. - Не буду дурить, Насть.

- Вот, правильно! Лучше сходи уже на выставку. Или давай вместе! Хочу посмотреть на Лильбатьковну - звезду! Кстати, Космо обещает в следующем номере статью о твоем Ильясе. А я обложку видела, угадай, кто там на обложке? И вообще, когда уже на свадьбу позовешь?

Лиля потрясла головой и зажмурилась. Космо, обложка, свадьба, выставка - все эти слова были вроде и понятными, а на самом деле - пустыми и ненастоящими. Виртуальными. Вот бы ее кто спас от этой виртуальной игры, так похожей на жизнь!

- Не будет никакой свадьбы, Насть, сколько ж можно повторять, - вздохнула Лиля. - Мы друг другу не подходим. Хватит об этом, а?

- Ты передумаешь, - уверенно заявила Настасья и уже собралась подробно обосновать свою позицию, как в дверь позвонили.

Ильяс.

Приехал и спас.

Вот и хорошо, вот и замечательно. На сегодня промывка мозгов окончена, а завтра...

- ...завтра вместе на выставку? - это уже был Ильяс. Сговорились! - Ближе к вечеру, пойдем, Капелька!

На мгновение Лиля усомнилась: может, в самом деле пойти? Не убежит же интернет, подумаешь, еще день. А Ильясу важно, чтобы она пошла. Вот если б у нее был концерт в

консерватории, он бы был с ней. Слушал бы, поддерживал, хвалил. Надо пойти!

Хотела ответить "да" - и закашлялась. Поперхнулась. Из глаз и носа тут же полило, словно перца вдохнула.

- Нет, прости, - едва отдышавшись, ответила она. - В другой раз, ладно?

- Ничего-ничего, - вмешалась Настасья. - Сегодня в нос закапаем, аскорбинки съедим, завтра будешь как новенькая! Так что мы идем.

Ну все, обреченно подумала Лиля, обложили. Будет завтра тусня, дери ее!

- В другой раз, Насть. - Ильяс обнял Лилю, погладил по голове. - Выставка не убежит, еще неделя в запасе, а Капельке лучше завтра не выходить. Поехали домой, маленькая.

Лучше бы рассердился, подумалось Лиле уже в машине. Обругал. Выгнал заразу неблагодарную. Что угодно, только не вот так - тепло, понимающе. Нежно.

Пропади оно все!..

"Оно все" пропадать не желало, ни вечером, ни наутро. Зато пропала простуда - вместе с поводом остаться дома. Лиля подумала даже, не притвориться ли? Когда-то давно, в глубоком детстве, Настасья ей советовала: хочешь пропустить контрольную - скажи, что болеешь и нагрей градусник под горячей водой. Или в ладонях потри. Градусника под рукой не было, и врать Лиля так и не научилась, но ей и не пришлось: про выставку Ильяс молчал. Весь день. Снимал какое-то многодетное семейство в студии, за обедом в лицах пересказывал процесс, - было очень забавно, Лиля даже пожалела, что не видела этих деток своими глазами, - а часов в пять чмокнул свою Капельку в нос, велел Тигру за ней присматривать и уехал. Ноутбук, кстати, оставил дома.

Лиля нырнула в сеть, едва за Ильясом закрылась дверь, набрала в поисковике "Дорога домой" и, пока не успела передумать, "убийство". Поисковик тут же выдал за сотню ссылок, и первой была статья "Смертельные игры: кому помешал безобидный инвалид?" Машинально щелкнув по ссылке, Лиля едва не заорала: на половину экрана развернулась фотография.

На ней был Киран.

Лиля зажмурилась. Потерла виски. Досчитала до пяти. Открыла глаза.

Киран никуда не делся. Только здесь, на фото, он был совсем молодой, худющий и в инвалидной коляске. А шрамы на щеке были все те же, четыре параллельных полосы. Очень характерные шрамы, захочешь - не ошибешься. Лиля даже провела по монитору пальцем, словно могла нащупать что-то

кроме пластика.

"Кириллу Леснику было всего двадцать пять", - утверждала надпись под фото.

Господи, Киран... как же так?!

Лиля сморгнула слезы, закрыла фотографию и вчиталась в текст.

В статье, в отличие от форумных скандалов, писали не про игровой центр, а просто про Кирана. Кирилла. Он, оказывается, был ветераном Второй Чеченской. Поступал в академию Плеханова, провалился на экзаменах и попал под призыв. Повезло - вернулся живым; не повезло - вернулся без ног. Киран, в отличие от многих, не утонул в бутылке и жалости к себе. Поступил в Плешку на заочное, писал курсовые для лентяев, сам шел на красный диплом. А на четвертом курсе увлекся новой тогда игрой "Дорога домой", выиграл какой-то конкурс, где призом была миссия в полном погружении... и после миссии его убили. Днем. На балконе собственной квартиры. Выстрелом в голову.

В статье приводилась и дата: 12 августа 200... года.

Что-то здесь не то, подумала Лиля, вскакивая со стула и машинально хватаясь за турку. Кирана убили шесть лет назад, но всего полгода назад они встречались в Тейроне! И выглядел Киран не на двадцать пять, а на все сорок. Как это может быть? Главное - не рассуждать здраво. Если об этом рассуждать здраво, можно и с ума сойти!

- Нет уж, спасибо, мы лучше как-нибудь обойдемся! - сказала она метнувшемуся под ноги Тигру. - Вот ты, здравомыслящий кот, скажи, может быть так, что Кирана убили шесть лет назад, а этой весной он пошел на миссию?

Тигр возмущенно мявкнул, мол, ерунду-то не неси, лучше печенки пожарь.

- Вот и я думаю, что не может, - вздохнула Лиля и полезла в холодильник.

За привычным и понятным делом думалось лучше, да и сходить с ума, стоя у плиты, как-то неправильно.

- Ну хорошо, - продолжила она вслух, одной рукой насыпая в турку кофе, а другой - переворачивая печенку на сковороде. - Допустим, Киран произвел впечатление на сотрудников центра, и они сделали такого персонажа...

- Мррау! - снова возмутился Тигр и потерся об ее ногу.

- Ага. Сделали и научили петь песни Кипелова. Чушь собачья! - Она отпихнула Тигра, который уже собрался запрыгнуть на стол, поближе к печенке. - Ты не находишь, Тигр, что персонаж пел бы какие-нибудь трогательные лэ, но никак не

Арию?

Коту было все равно, Ария или Ласковый Май, кот хотел печенки.

Плюхнув обжаренную печенку в миску, Лиля поставила ее в холодильник, а то обожжется, жадная тварь, и будет потом страдать. Глупый кот.

Вернувшись с кружкой кофе к ноутбуку, Лиля снова заглянула в статью, прочитала строчку, не понимая смысла, и откинулась на стуле - думать дальше.

Итак, допустим, статья не врет. И убитый Киран в самом деле был в Тейроне. Фантастика? И ладно. Допустим, Тейрон настоящий и пропавшие игроки уходят туда. Как и зачем - пока не важно. Киран просто был первым, а то, что его убили... может, маскировали исчезновение? Потом увидели, что поднялся шум и дальше уже ничего не маскировали, мало ли, куда люди деваются? Переезжают, к примеру, в Канаду на ПМЖ.

Может ли быть, что убийство - маскировка?

Может.

И тогда получается, что часть скандалов в самом деле не на пустом месте. Что люди исчезают. И - что самое важное! - у нее есть шанс попасть в Тейрон, к Эри и Кирану.

Но все равно надо посмотреть, что еще про него пишут. Может быть, все объясняется без фантастики?

Лиля сунулась было к экрану, но ей помешал сердитый кошачий вопль:

- Печенка! Отдай печенку! Немедленно отдай печенку, мерзкая мебель!!! - орал по-кошачьи Тигр, топорща усы на холодильник.

Выглядело это так забавно, что Лиля рассмеялась. Громко, чуть не до слез.

Наверное, это от нервов, подумала она, отодвигая кота от дверцы, и достала миску.

- Ешь, зверь.

Поставила миску на пол и под урчание с чавканьем вернулась к ноутбуку.

Так что еще там пишут про Кирана?

На глаза попалась желтая, как одуванчик, статья об игровой мафии и милицейском разгильдяйстве. Почему-то главным мафиози назывался некий господин Айзенберг, приплетались какие-то международные интересы и народные депутаты, в общем, дикая чушь. Лиля бы и дочитывать не стала этот бред, тем более про Кирана там было совсем мало, если бы не мелькнуло знакомое имя.

Да нет, показалось же!

Причем тут...

Ильяс?!

"...в убийстве Кирилла Лесника подозревается любовник госпожи Айзенберг, некий Ильяс Блок, художник и фотограф..."

Лиля трижды перечитала строчку, надеясь, что ей все же показалось.

Потом залпом выпила кофе и перечитала еще раз.

Имя никуда не делось. А дальше приводилась фамилия следователя, который вел дело и - вот странно, да? - наотрез отказывался сообщать журналистам подробности. Следователя тоже обвиняли в пособничестве мафии, а заодно в профнепригодности и старческом маразме.

Как ни крути, статеечка была мерзейшая, и верить ей не хотелось совершенно.

Потому Лиля запила гадость остатками кофе и принялась искать дальше.

Материалов нашлось немало, по большей части - скандально-ругательных. Из них удалось узнать, что дело так и не раскрыли, что следователя отправили на пенсию, а Ильяса отпустили за отсутствием улик и мотива. Имя госпожи Айзенберг тоже всплыло: по ее словам, Ильяс был у нее на даче в тот день, когда убили Кирилла.

Больше ничего Лиля не нашла, но ей и так хватило за глаза.

Ильяс - убийца?

Нет.

Категорически нет!

Да, он работал на игровой центр, он сам Лиле об этом рассказывал.

Да, он отлично стреляет, у него разряд по биатлону.

Да, он мог быть знаком с Кириллом, потому что снимал рекламные материалы для "Дороги домой".

Нет, он не убивал. Ильяс - не убийца!

Но почему-то мерзкое и липкое ощущение не исчезало. Может быть, потому что Ильяс так и не сказал, что был под следствием? Или потому что по его словам выходило, что он работает на игровой центр недавно? То есть - он совсем не рассказывал о своей работе... или она не интересовалась. Что скорее всего. Вот спросила бы - он и рассказал. Непременно рассказал! Или нет...

Да дери это все сворой! Зачем гадать, если можно спросить? Не у Ильяса, ни к чему его обижать идиотскими подозрениями. Вообще ни к чему портить последнюю оставшуюся им неделю. Лучше поговорить со следователем. Если около игрового центра творятся темные дела, кому знать, как не ему!

Надо только найти телефон, или адрес, или хоть что-нибудь...

Ни телефона, ни адреса, ни чего-нибудь Лиля не нашла, только зря прокопалась до самого вечера. Пришлось звонить Сеньке и просить его.

- Зачем тебе? - скорее для проформы спросил он.

- Нужно. Очень. Сень, пожалуйста!

- Завтра, - зевнул Сенька и отключился.

А Лиля только теперь глянула на часы: без четверти двенадцать.

- Уж полночь близится, а Германа все нет, - напела она и добавила прозой: - И слава богу.

Нервно рассмеялась, закрыла ноутбук, отдала вьющемуся вокруг ног Тигру остаток печенки и ушла спать. Пока Ильяс не вернулся.

Глава 17. Лиля

Проснулась она поздно, часов в одиннадцать.

В лицо светило солнце, а на кухне бренчал миской Тигр.

Лиля потянулась и выпрыгнула из постели. Она изумительно выспалась, Сенька наверняка нашел что-нибудь интересное... И вообще жизнь была прекрасна и полна неожиданностей.

На кухне нашлась записка, заботливо приклеенная магнитиком к холодильнику: "Капелька, на вечер ничего не планируй, нас ждут великие дела".

Великие дела Лиле тоже понравились. И вечерние, пока неизвестные, и дневные, которыми она занялась тут же: сварила кофе и уткнулась в Ильясов ноутбук. Надо же еще раз перечитать те статьи и поискать новенькие, вдруг там есть еще ценная информация?

Так зачиталась, что даже звонок мобильного услышала не сразу.

- Спишь, что ли? - спросил Сенька и, не дожидаясь ответа, велел: - Быстро дуй ко мне! Обед через сорок минут, не опаздывай!

- А так сказать?.. - начала Лиля, глядя одним глазом в монитор, а вторым на "незаметно" подкрадывающегося к тапочкам Тигра.

- Нет уж, никаких по телефону. Жду!

- Ага, - согласилась она с гудками в трубке. Ухватила со стола маркер, написала на записке Ильяса: "Ушла в гости, до вечера вернусь!" - и поскакала одеваться.

В Ашан, где Сенька работал, она влетела мокрая, запыхавшаяся и растрепанная, зато ровно в половину второго, и принялась оглядываться, выискивая в жиденькой толпе покупателей знакомое лицо.

-- Ну-ка, девушка, пройдемте! - раздался за спиной грозный Сенькин голос, и тут же ее сграбастали в охапку, не позволяя обернуться.

- В "Чайкоффского"? - тоном пай-девочки спросила Лиля и подмигнула скучающему около касс толстячку в такой же, как у Сеньки, черной форме с надписью "Аллигатор". Толстячок завистливо вздохнул, мол, некоторые неплохо развлекаются на рабочем месте, пока мы тут трудимся в поте лица.

Сенька за спиной хмыкнул, обнял ее за плечи и повел мимо

коллеги.

Стало немножко смешно - потому что Сенька хвост распустил, хвастается, словно ведет не мышь белую, лабораторную, а какую-нибудь Анжелину Джоли.

- Эй, о чем задумалась? - Сенька ласково пихнул ее в бок.

- Да так, ерунда, - Лиля пожала плечами и сказала первое, что пришло в голову: - У Ильяса выставка, а я идти не хочу. Тусовка же.

Сенька посмурнел и сжал ее плечо.

- И правильно, нечего. Мутный товарищ этот твой... Ильяс.

Так сказал, что Лиля вздрогнула. Ну точно, искал информацию о следователе - мог и про убийство Кирана прочитать. Запросто. И теперь подозревает Ильяса черт-те в чем. А зря, Ильяс наверняка, нет, совершенно точно не виноват! Лиля затем к следователю и идет - чтобы убедиться. И Сеньке скажет, чтобы не думал всяких глупостей. Только потом.

А сейчас надо его отвлечь от дурных мыслей.

- Как у тебя с раскопками интернета? - поинтересовалась она нарочито весело. - Много ли взломал замков, сколько кладов отыскал?

- Чш! - Сенька приложил палец к губам и оглянулся вокруг, как заправский злодей из советского кинодетектива. - Болтун - находка для шпиона!

Лиля хихикнула. Сенька - он такой, всегда умел поднять настроение. И найти любую информацию, и вообще цены ему нет!

Официантка в почти пустой кафешке, куда они с Сенькой как раз зашли, похоже, была с ней согласна: разулыбалась ему, помахала рукой - и почему-то исчезла в служебном помещении.

- Сейчас обед принесет, - пояснил Сенька.

А Лиля во все глаза уставилась на белобрысого джентльмена лет двух, в аккуратном голубом свитерочке, с аккуратно повязанной салфеточкой и ложечками в обеих руках. Юных джентльмен сосредоточенно кормился поочередно двумя пирожными, вишневым и шоколадным, запивал их зеленым чаем из маленькой чашечки и совершенно не обращал внимания на маму, медитирующую над чашкой кофе и глянцевым журналом.

Засмотревшись на малыша, Лиля не заметила, как им принесли обед.

- Эй, суп остынет, - с набитым ртом пробурчал Сенька, дергая ее за рукав.

- Не остынет, - возразила Лиля и взялась за ложку: расследование расследованием, а суп пахнет невероятно вкусно. К разговору она вернулась, лишь когда тарелка показала дно. - Ты обещал пароли и явки, Сень.

- Угу. - Сенька неохотно отвлекся от жаркого. - Но сначала скажи мне, с чего ты вдруг полезла в детективные игры, Донцовой, что ли, начиталась?

Лиля обиженно фыркнула.

- Ничего я не начиталась!

И тут же мысленно поправилась: еще как начиталась, только интернетовских статей.

Сенька, ясное дело, не отставал. Пришлось сказать правду, но не всю: что слышала насчет игрового центра всякое разное, решила раскопать в интернете, а там - такое вот!

На "такое вот" Сенька сочувственно кивнул и спросил:

- Так, может, ты просто вернешься домой, Лиль? Игровой центр - в пень, фотографа этого - тоже в пень, и все будет отлично. Мы с Тыквой тут, кстати, две новые песни наваяли. Давай-ка завтра ко мне, хоть порепетируем.

"Как это - в пень?" - чуть не спросила Лиля. Эри в пень? И Ильяса в пень, вот так просто, ничего не объяснив? Это уж как-то совсем дико и нельзя. А вот порепетировать - это хорошо, это правильно, они уже давно не собирались вместе, и... И больше, наверное, не соберутся. То есть соберутся, но без нее. Стало грустно.

Но это пройдет. Они все поймут, потом. Обязательно.

Она тронула Сеньку за руку.

- Мне надо, Сень. Очень.

Тяжело вздохнув, Сенька попробовал еще раз: не лезь, опасное дело, я за тебя беспокоюсь...

Лиля кивала, но уже толком не слушала, а украдкой разглядывала нового посетителя: ее внимание привлек голос, красивый, хорошо поставленный, интеллигентный - редко такое услышишь в торговом центре. И сам посетитель был необычен, какой-то не из нашего суматошного века, манеры слишком мягкие, но при этом уверенные. Лиле даже показалось на миг, что она его где-то видела, уж очень знакомый профиль, и эти очки в золотой оправе... ну точно! Вылитый профессор Лайн с книжной литографии, только вместо пенсне - очки, а так даже форма похожа. И взгляд этакий внимательный, пронизывающий, словно изучает ее под микроскопом на предмет наличия загадочного рецессивного гена.

Вот же, доигралась в расследования! Кругом мерещатся то ли нечистая сила, то ли шпионы!

- Не волнуйся за меня, Сень, - дождавшись паузы, прервала она приятеля. - Ильяс здесь совершенно ни при чем, мне просто нужно убедиться.

- Ладно, - сдался Сенька. Покачал головой и протянул ей

вырванный из блокнота лист. - Держи. И если что - звони. То есть вечером сегодня непременно позвони и скажи, что узнала. Договорились?

- Ага! - Лиля вцепилась в листок и полезла в сумку за телефоном. - Да ты не беспокойся, я вот прямо сейчас...

Не договорив, она начала набирать номер.

Ответили гудке на восьмом, когда Лиля уже собиралась отключиться.

- Слушаю вас, - голос показался каким-то знакомым, но Лиля только сморщила нос: паранойя, лечиться надо!

Глубоко вдохнула и, очень стараясь не тараторить, проговорила:

- Здравствуйте... - еще раз заглянула в Сенькину бумажку, - Федор Антонович. Меня зовут Лиля Тишина, я играю в "Дорогу домой", встречаюсь с господином Блоком и мне очень нужно с вами поговорить.

На том конце провода мгновение помолчали, а потом велели:

- Приезжайте. Сегодня. Записывайте, - и четко продиктовали адрес. - За полтора часа доберетесь?

- Да, конечно, через полтора часа буду!

Следователь отключился, а Лиля торжествующе посмотрела на Сеньку. Тот снова хмурился и качал головой, но больше ее отговаривать не стал, только спросил:

- Уверена, что хочешь поехать одна? Суббота послезавтра, ничего ж до субботы не изменится. Давай лучше вместе.

Вместо ответа Лиля перегнулась через стол, поцеловала Сеньку в щеку и, схватив с вешалки куртку, побежала к выходу.

***

Следователь не понравился Лиле с первого взгляда и первого слова. Чем - она сама толком не поняла. Сухой, подтянутый, с резкими, чуть лошадиными чертами, очень похожий на англичанина, Федор Антонович производил подавляющее впечатление. Особенно его усиливал голос: четкий, с командными интонациями и очень знакомый, словно Лиля слышала его совсем недавно и при крайне неприятных обстоятельствах. Только вспомнить не могла, при каких.

И ладно. Неприязнь сунем в карман, подумала она, проходя за ним в единственную комнату, и улыбнулась.

- Садитесь.

Указав на стул возле письменного стола, следователь сел напротив, положив руку на пухлую картонную папку казенного вида, и принялся отбивать пальцами рваную дробь. Следователь и сам был какой-то нервный, напряженный, и не улыбался даже из вежливости. Зато внимательно разглядывал Лилю. Как на допросе!

- Федор Антонович... - начала Лиля, не настроенная держать паузу.

- Вам нужно уехать из Москвы, - оборвал ее следователь. - Немедленно. И ни в коем случае не с господином Блоком.

- Но я же только что вернулась! - вырвалось само собой. Лиля потрясла головой. Что это она, оправдывается? С какой стати, интересно? - Федор Антонович, почему вдруг уехать?

- Потому что вы попали в нехорошую историю, Лилия Владимировна. - Следователь прихлопнул папку ладонью и по-птичьи склонил голову набок. Снова странно знакомый жест! Но они совершенно точно никогда раньше не встречались! - Что вы вообще знаете об игровом центре и господине Блоке?

Лиля нахмурилась и мотнула головой.

- Немного. Если вы не спрашиваете о мелочах.

- Живете с человеком целых три месяца и ничего о нем не знаете. Не слишком разумно. - Следователь укоризненно покачал головой. - Но, по крайней мере, вы, в отличие от остальных, хотя бы хотите что-то узнать.

- Откуда вы?..

- Я веду это дело вот уже шесть с половиной лет. Из них шесть - на пенсии.

Вместо ожидаемой обиды в его голосе зазвучала злость, глаза фанатично заблестели, словно в отблесках костра, и Лиля, наконец, поняла, почему он показался ей знакомым. Это же Фианн! Хранитель Фианн, который требовал выдать ее мудрым, как колдунью! Не такой старый, и одет в обычный свитер, и клюкой не размахивает, но жесты, голос, даже привычка по-птичьи наклонять голову - в точности те же. Значит, сходство Вовчика и Эри может быть не случайностью, а системой...

Задумавшись, Лиля пропустила мимо ушей какой-то вопрос и поняла это только по тому, что следователь замолчал, ожидая ответа.

- А? - переспросила она.

- Зачем вы пришли, я вас спрашиваю. Услышать, что ваш любовник не причастен к убийству? Тогда вам на Лубянку, там охотно расскажут официальную версию, по которой "дорожного" дела не существует в природе, а Ильяс Блок - невинная заблудшая

овечка.

Слышать это об Ильясе было больно и страшно, но раз уж услышала "А", надо разобраться и в "Б".

- Меня интересует ваша версия, Федор Антонович, - твердо сказала Лиля.

- Тогда... - Следователь, наконец, раскрыл папку, и из нее вывалились фотографии. Несколько десятков лиц, мужских и женских, молодых и не очень. Кажется, среди них был и Киран. - Смотрите, это - пропавшие без вести, погибшие, сменившие место жительства и профессию, получившие наследство или приглашение сниматься в кино, женившиеся или потерявшие родителей. Официально между ними нет ничего общего. А неофициально - все они играли в "Дорогу домой" на полном погружении, большинство из них имело дело с господином Блоком, и все они попали в сферу интересов неких людей...

О "неких людях" у Федора Антоновича была целая теория. Стройная и логичная - о секретных госструктурах, которые ведут секретные исследования, и коррумпированных чиновниках, которые хотят наложить лапу на проект вместе с приносящей огромные деньги игрой. В эту теорию прекрасно укладывалось все, кроме Тейрона. Настоящего Тейрона, не нарисованного.

Лиля внимательно ее выслушала, покивала и, дождавшись паузы, вежливо спросила:

- Федор Антонович, я понимаю, что коррупция, исследования, деньги... но Ильяс-то здесь причем?

Следователь поджал губы, подтянул к себе фотографии игроков, и начал раскладывать на столе, на две кучки.

- Извольте, Лилия Владимировна. Вот, к примеру, Татьяна Анисимова, семьдесят четвертого года рождения, домохозяйка.

Перед Лилей легли на стол две фотографии, аккуратно наклеенные на картонные карточки и подписанные именем и датой. На первой была измученная и несчастная тетка, одетая во что-то темное и бесформенное. Тридцати восьми Лиля бы ей не дала - как минимум пятьдесят. На второй, датированной пятью месяцами позднее, красовалась ухоженная дама лет тридцати с небольшим, явно любимая и окруженная заботой.

Наверное, с ней случилось что-то очень хорошее, подумала Лиля. А Федор Антонович тем временем продолжал:

- Два года назад играла на полном погружении, - продолжил следователь. - После третьего познакомилась с господином Блоком, имела с ним кратковременную связь.

"С Ильясом? Эта старуха - и с Ильясом?!" - чуть не переспросила Лиля, но осеклась. Пусть рассказывает, он же не врет, у него же факты, опыт...

По словам следователя выходило, что через две недели после знакомства с Ильясом эта домохозяйка, жившая в крохотной хрущебе с мужем, тремя детьми и мамой-маразматичкой, получила наследство от дяди, с которым не общалась лет пятнадцать. Наследство составляло какую-то запредельную сумму и коттедж на Новой Риге, куда она переехала сразу же, не дожидаясь вступления в права наследования. А дядя ее, удачливый бизнесмен, умер совершенно неожиданно и при очень подозрительных обстоятельствах: его сбила машина прямо около дома, и виновных, разумеется, не нашли. Еще более странным было то, что гражданская жена дяди не стала предъявлять прав на имущество, хотя по закону могла претендовать как минимум на половину, и тут же уехала на родину, в Саратов.

- Контракт с игровым центром госпожа Анисимова, разумеется, разорвала. Далее, Ирина Кравец, восемьдесят восьмого года, манекенщица.

Здесь снова было две фотографии: до и после. До - гламурная киса, крашенная под Мерилин Монро, такую хоть сейчас на тусню к Вовчику, разве что выражение лица подкачало. Депрессия, что ли, у нее?

- Перебивалась мелкими заказами, личная жизнь не складывалась, полгода плотно сидела на игре, - продолжал Федор Антонович. - После второго погружения познакомилась с Ильясом Блоком, провела с ним три месяца, была его моделью. Отказалась от миссий. Сейчас - звезда журналов.

Звезда журналов была на второй карточке. Кроме черт - ничего общего. Рыжая, как морковка, лукавая, интересная, на такое лицо обязательно обратишь внимание. Все же Ильяс очень талантлив...

Подумала - и чуть не поперхнулась. Талантлив, да. Может из белой лабораторной мыши сделать Русалочку. В смысле, сделал.

- А вот, извольте, Дмитрий Никишев, играл этой зимой, позировал господину Блоку для рекламы. Пропал без вести.

На эту карточки Лиля даже не смотрела толком. Не хотелось. Вообще хотелось отсюда сбежать, прямо сейчас, и не слушать больше ни слова!

Но сбежать она не успела. Следователь подтолкнул к ней еще несколько фотографий. Штук пять разом.

- И Кирилл Лесник, один из первых игроков на полном погружении, кстати говоря...

Киран. Живой. С такой знакомой улыбкой.

Киран - мертвый, в нелепой позе и с дыркой в виске, чуть

выше брови.

И снова Киран, Киран, Киран!..

- ...был знаком с Ильясом Блоком, - ровно и четко говорил следователь. - Убит на собственном балконе выстрелом в голову из спортивной малокалиберной винтовки. В убийстве подозревался Ильяс Блок, но...

Он продолжал что-то говорить об алиби, потерянных вещдоках, шумихе в прессе, а Лиля все никак не могла оторвать глаз от четырех параллельных шрамов на Кирановой щеке. До тех пор, пока фотографию Кирана не закрыла другая, очень знакомая и в то же время какая-то неправильная.

- Лилия Тишина, безработная, двадцать один год, - так же ровно бубнил Фианн. - Играла в "Дорогу домой". Познакомилась с Ильясом Блоком после третьего погружения. Сейчас - модель...

У Лили зашумело в ушах.

Закружилась голова.

- Прекратите!

Она оттолкнула фотографии, попыталась встать, но не получилось, перед глазами все плыло и качалось, а горло снова перехватил шнур с бусинами, и ракушками, и морскими звездами...

- Успокойтесь, Лилия Владимировна, - послышалось сквозь гул и шелест. В руках оказался стакан. - Выпейте воды.

Пить тоже не получилось, губы не слушались. Зато подумалось, что Федор Антонович слишком похож на Фианна, он тоже ради великой цели может на костер отправить. Не потому что ненавидит, нет. А потому что так надо.

- Пейте же, - настойчиво повторил следователь.

Шагнул к окну, распахнул створку. И тут что-то произошло - Лиля не поняла, что. Показалось, что следователя толкнули: он сделал полшага назад, нелепо взмахнул руками и повалился на пол. Навзничь.

- Федор Антонович?..

Лиля вскочила, пошатнулась и замерла, глядя на маленькую дырку в виске. Такую же, как у Кирана. И кровь, тонкой струйкой вытекающая из-под головы, была такая же.

Следователя убили. Как Кирана.

А меня посадят как соучастницу. Или, если очень повезет, отпустят. Потом. Но в Тейрон я уже не попаду.

Надо бежать отсюда.

Сейчас же!

Бежать, бежать, бежать - билось бешеным метрономом в висках.

Кажется, это пульс зашкаливает, отстраненно подумала

Лиля. Убийство же, положено паниковать и биться в истерике, а я - спокойна. Совершенно спокойна!

Лиля быстро осмотрелась, вспоминая, чего она касалась.

Стакан? Вот он, надо забрать с собой.

Стол? Вытереть. Рукавом, салфетку искать некогда.

Фотографии? Нет, до них не дотрагивалась. До дверных ручек? Нет. Даже в ванную не ходила. Только кнопка звонка. Ее тоже надо вытереть. На всякий случай.

Взгляд упал на старенький мобильник, лежащий на комоде, под фотографией какого-то советского генерала. Кажется, генерала НКВД Светлова... На Элина похож. Только страшный.

Вот же чушь в голову лезет!

Уже протянув руку к телефону, в котором есть ее номер, она же звонила всего два часа назад, Лиля сообразила, что это не поможет. В сотовой компании все равно есть все звонки, так что ее найдут рано или поздно. Лучше поздно! А уносить нельзя. Потом не докажешь, что унесла не потому что убила, а потому что боялась лучшей в мире полиции.

При мысли о лучшей в мире полиции задрожали колени, так что пришлось опереться плечом на стену.

Главное, ничего не касаться! И бежать, бежать отсюда!

Бежать она не смогла. Ноги увязали, как в кошмарном сне, и целых полминуты Лиля тупо смотрела на дверной замок, соображая, как его открыть и не оставить отпечатков пальцев.

Сообразила натянуть рукав как перчатку.

И только захлопнув за собой дверь, поняла, что надо было сначала выглянуть в глазок, нет ли кого на лестнице. Хороша она была бы, столкнувшись нос к носу с какой-нибудь соседкой!

К счастью, соседей не было. Ни в подъезде, ни около. Даже кошек на лавочке, и тех не было. Так что Лиля очень спокойно и ровно отошла от старой пятиэтажки, прошла метров сто по пустому переулку вдоль какого-то забора...

И тут ее догнало.

Ильяс!

Это сделал Ильяс!

Больше некому и незачем. И ему уже незачем, но он просто чуть-чуть опоздал. Всего на четверть часа. Если б не опоздал, Федор Антонович просто не открыл дверь, и Лиля уехала домой, не услышав правды.

О том, что Ильяс - убийца.

А теперь... что теперь?! Возвращаться к нему нельзя, он сразу поймет, что она знает. Домой тоже нельзя, там он ее найдет. Надо к Сеньке! Точно, к Сеньке, он спрячет, он поможет... но Сенька на работе. Значит, сейчас надо к Настасье. Вот прямо

сейчас.

Дрожащими руками Лиля нашарила в рюкзачке мобильник и передернулась: на экране высветился непринятый вызов от Ильяса. Семь минут назад. Как раз за минуту, наверное, до убийства. Зачем? Хотел проверить, где она? Да какая к черту разница!

Спрятала сообщение и набрала Настин номер.

Послушала короткие гудки.

Отключилась, телефон убирать не стала, пошла дальше, к остановке, Настасье можно позвонить и потом, из маршрутки!

Вытерпела Лиля не больше минуты, позвонила снова. Настасья отозвалась тут же:

- Вот и он, больной зуб! Где тебя носит?

Лиля хотела ответить что-нибудь в том же духе, чтобы не пугать Настасью, и не смогла. Зубы застучали так, что наверняка и в трубке было слышно.

- Я сейчас приеду, - все-таки выдавила она. - И все расскажу.

Настасья начала что-то говорить, но Лиля уже отключилась - и во весь дух припустила к подходящей маршрутке. Влетела в нее, едва не отдавив ногу какой-то тетке с клетчатым баулом, и забилась в угол. Думать.

Ничего нового она так и не надумала. Все сразу было понятно: Ильяс работает на "неких людей", отваживает игроков от полного погружения. Кого-то осчастливливает, кого-то запугивает, кого-то убивает. С ней работал по первому варианту. Впрочем, как с большинством женщин. А Кирана - убил.

И следователя убил.

Увидел вчера, что Лиля раскопала эту скандальную историю, сопоставил с ее "ушла в гости, буду к вечеру", и вот таким образом позаботился о ее душевном комфорте. Только чуть опоздал.

Все просто и логично.

И от этого "просто и логично" все внутренности скручиваются в узел, и нестерпимо хочется отмотать назад, совсем далеко, чтобы ничего этого не было, вообще ничего - ни следователя, ни самого Ильяса.

***

До Настасьи она добралась на автопилоте, не замечая ничего вокруг. Ввалилась в квартиру, упала на пуфик в коридоре

и... думала, разревется, но слез не было. Просто усталость и пустота.

- Лилька, что с тобой? - Настасья потрогала ее лоб и заглянула в глаза. - Лилька!

- Ильяс убил следователя, - сказала Лиля спокойно.

Поначалу Настасья опешила. Еще раз потрогала ей лоб, помолчала с полминуты и заявила:

- У тебя бред.

Если бы, подумала Лиля. Хорошо было бы.

Но Настасья же не знает, что произошло, надо ей объяснить!

- Я разговаривала со следователем. Про Ильяса. А потом он подошел к окну и его убили. Застрелили.

Настасья помотала головой, потрогала свой лоб и, дернув Лилю за руку, потащила на кухню. Там молча поставила чайник, достала чашки, заварку...

Лиля смотрела на эти привычные до оскомины действия, и сама тоже успокаивалась. То есть не то чтобы она и так не была спокойна, но становилось как-то легче и не так похоже на кошмарный сон.

Только поставив перед Лилей чашку крепчайшего зеленого чая со столовой ложкой меда и, усевшись напротив с такой же, она велела:

- Рассказывай. Подробно. - И подвинула к ней толстый бутерброд с сыром и ветчиной.

Лиля рассказала. Подробно. Начиная со статьи об убийстве Кирилла Лесника и заканчивая вытиранием кнопки звонка. Настасья слушала, не перебивая, ровно до: "Его убил Ильяс, больше некому и незачем". Здесь она нахмурилась и переспросила:

- Еще раз: ты вышла оттуда и сразу позвонила мне?

- Да, но у тебя было занято. Я потом еще перезвонила.

- Ага, - сказала Настасья и куда-то ушла; вернулась со своим мобильником, потыкала в кнопки, показала экран Лиле и уверенно сказала: - Чушь. Ильяс не убивал. Вот смотри, четыре ноль одна - твой звонок, я не ответила, потому что разговаривала, ноль три - ответила, а в три пятьдесят семь... узнаешь номер?

Еще бы Лиля его не узнала! И так хотело поверить, что не Ильяс, что он тут совсем ни при чем, но все эти женщины, и Киран, Кирана же он убил, все же сходится - малокалиберная спортивная винтовка, биатлон...

Вспомнилось, как он стрелял на ВДХН в тире, а зрители восхищенно свистели. И зеленый косорылый заяц вспомнился. И собственный испуг, когда показалось, что Ильяс вот прямо сейчас,

в ресторане, убьет благотворителя.

Лиля машинально повертела кольцо на пальце, сообразила, что делает - и отдернула руку, взялась за пустую чашку.

- Убил и тут же позвонил. Чтобы обеспечить алиби.

- Я, конечно, очень уважаю его актерские способности, Лиль, но не настолько. - Настасья пожала плечами и потянулась за чайником. Продолжала она, наливая Лиле сразу с двух рук, кипяток и заварку. - И тем более не верю, что он успел сразу после выстрела метнуться на ближайшую заправку позвонить оттуда. Там очень хорошо было слышно, как отъезжает фура или что-то такое же здоровое, и шоссе рядом, и как его спрашивают, сколько наливать бензина. Там еще, кстати, какой-то Шпильман около него вертелся и, правда, я не поняла, чего хотел. Так что - нет.

- А может, там есть заправка рядом! - запальчиво возразила Лиля, глянула на скептически поднятую Настасьину бровь и аккуратно, медленно поставила чашку. - То есть, ты уверена? Это не Ильяс?

- А он один во всей Москве умеет стрелять, ага. И вообще Бонд. Чашку поставь, она мне дорога как память.

Лиля удивленно перевела взгляд на полную горячего чая чашку в своих ладонях. Когда она снова успела ее схватить? Да неважно! К черту чашку! Важно - что не Ильяс!

- Ну да. - Лиля неуверенно улыбнулась. - Там и заправки нет, глухой угол, и вообще напротив окна другой дом. Но как... получается, это не Ильяс! Не Ильяс! Он не виноват! - Лиля вскочила, опрокинув чашку, схватила Настасью за плечи и закружилась с ней по кухне.

- Стой, поставь меня на место! Лилька же! Да стой! Холоди... ай!

Об холодильник они стукнулись вместе. И тут до Лили дошло, что радуется она совершенно зря.

Следователя убили.

Она там была.

Ильяс следователя не убивал, но материалы Федора Антоновича-то никуда не делись!

И Киран убит. Может быть, все же не Ильясом? Кем-то другим?

- Ненормальная, - буркнула Настасья, потирая ушибленный локоть.

- Прости, Насть. - Лиля схватилась за тряпку и принялась вытирать со стола разлитый чай. - Я... я не хочу, чтобы Ильяс. Но кто? И я там была, звонила ему, и меня наверняка кто-то видел. Значит, я - свидетель. Или соучастник.

Она выпрямилась с тряпкой в руках, жалобно глянула на Настасью.

- Так, давай думать по порядку. - Настасья отобрала у нее тряпку и бросила в раковину. - Будем исходить из того, что это не Ильяс. Что стоишь? Сядь, не отсвечивай!

Лиля послушно села, сложив руки на коленях, чтоб ничего больше не разбить.

- Все остальное ты можешь спросить у него самого, а не лезть черт знает куда! Идиотка! - Настасья сорвалась на крик, но тут же зажала себе рот, виновато посмотрела на Лилю и погладила ее по плечу. - Ну прости. Я... я же за тебя волнуюсь.

Лиля вместо ответа обняла Настасью.

- Я правда понимаю, Насть. Честное слово! Я с ним поговорю, ты права, надо. Не волнуйся за меня, ага? Все будет хорошо, Правда, будет хорошо!

- Будет, - безо всякой уверенности сказала Настастья. - Если настоящего убийцу найдут. Или если у Ильяса хватит денег отмазаться.

- Может и найдут, - вздохнула Лиля, отчетливо понимая, что здесь сказок не бывает, одна голая реальность.

- Вот и нечего сидеть, давай звони Ильясу. Пусть думает, как выкручиваться. - Она протянула ей свой телефон.

Лиля даже успела взять его в руки. Даже - открыть меню.

И тут зазвонил мобильник в кармане куртки.

Глава 18. Ильяс

Лилька так сладко спала, завернувшись с головой в одеяло и выставив наружу розовые пятки, что Ильяс пожалел ее будить. Тем более, наверняка опять висела в интернете до полуночи, если не дольше: в полвторого, когда Ильяс вернулся с очередного чертями придуманного банкета, ноутбук на кухонном столе все еще был теплым. Стало страшно интересно, что ж она там такое ищет? Может, снова какие-нибудь исторические труды о кельтах или мумбу-юбму? Но лезть в историю просмотров он не стал, даже ноут не открыл, напомнив себе, что любопытство ни одну Варвару до добра не довело. И что ему было бы крайне неприятно, если бы кто-то стал у него за спиной копаться в почте, смс-ках, да хоть проверять, по каким сайтам он бродил от нечего делать.

Так что утром они с Тигром ходили на цыпочках, как записные заговорщики, и переглядывались: мол, смотри, я не бужу, и ты не буди нашу Лильку. Пусть спит. А вот вечером...

Кот насторожил уши: ему было интересно, что такое будет вечером? Много вкусной еды и бантик? А может, ему, наконец, подарят живую мышь?

- Вечером будем звать ее замуж.

"Замуж" кота не заинтересовало, и он вернулся к миске с вареной рыбой. А Ильяс вымыл чашку из-под кофе, оставил Лиле записку - и отправился работать. Надо ж иногда, разнообразия ради!

С заказом для бутика он управился быстро, чуть не мгновенно. И даже не наорал на криворуких моделек, а хозяйке заведения не высказал все, что думает о тех, кто сам не знает, чего хочет. Сам удивился собственному благодушию, но скандалить поддержания имиджа для не стал. Лень и некогда, Лилька ждет!

Имиджу ради и чтоб уж совсем не расслаблялись, затребовал с владелицы бутика премию. Платье. Оно еще во время съемок ему приглянулось - на Лильке будет... м... какая Лилька в нем будет! И вообще, любимую женщину, почти жену, надо баловать.

Вернулся домой часам к двум, с твердым намерениям потратить оставшееся до вечера время с пользой. Например, проверить, легко ли снимается с Лильки новое платье

Но Лильки дома не было.

"Ушла в гости, к вечеру буду", - красовалась размашистая оранжевая надпись поверх его утренней записки.

Черт. Умотала!

Ильяс почти разозлился... но тут же передумал. Зачем? Лилька ж не засела играть, а уехала к Настасье - больше ни к кому она в гости не ходит. Может, чтоб Лильке почем зря не мотаться, он часиков в пять за ней туда и заедет. А пока можно вздремнуть, спал-то всего часов шесть, будь неладны эти пиар-мероприятия!

Только завалился на кровать, как истошно заорал мобильник.

Номер был незнакомым. Клиент, наверное.

- Меня нет дома, - буркнул Ильяс и накрылся подушкой.

Телефон замолк, подумал десяток секунд и заорал снова. Еще истошнее.

- Черт бы вас побрал... - Дотянулся до телефона, спихнув с кровати уже успевшего свернуться клубком под теплым хозяйстким боком Тигра. - Слушаю!

- Илюха, ты мне нужен! - голос был хриплый и запыхавшийся, к тому же в трубке изрядно трещало, так что Ильяс не сразу признал Вовчика. - Срочно! Тут такой... - дальше последовала матерная тирада, треск и тяжелый шмяк.

- Тут это где? - Ильяс вскочил, не обращая внимания на оскобленного в лучших чувствах кота, и принялся влезать в джинсы.

- Да на стройке! Около Ярославки, семнадцатый проектируемый проезд. Люха, если не вытащишь меня отсюда, кирдык!

- Как тебя найти, толком говори!

Черт, где кроссовки?! Куртка, ключи - бегом!

Пока Вовчик объяснял, Ильяс успел вылететь за дверь и скатиться по лестнице, чуть не сбив с ног соседку. Зато Вовчик объяснить до конца не успел, около него снова что-то загрохотало - и связь прервалась.

Уже оседлав мотоцикл, Ильяс перезвонил.

- Абонент временно недосту...

- Идиот, куда тебя опять!.. - начал Ильяс и осекся.

А что это он, собственно, подорвался как на пожар? Конечно, Вовчик - безбашенный придурок, способен влипнуть на ровном месте, но не факт, что это он звонил. Номер незнакомый, вместо половины слов - треск, так что голоса толком не узнать, и вообще, мало ли шутников?

Минута ничего не решит, а искать Вовчика на стройке, если он дрыхнет дома на диване - несусветная глупость.

Набрал Вовчиков номер.

- Абонент временно...

Домашний тоже не отвечал.

Можно было бы позвонить Вовчиковой последней девице, вдруг завис у нее - но черт знает, с кем он сейчас крутит шашни, не обзванивать же десяток моделек! Может, с Вовчика там уже шкуру снимают, должен же был когда-нибудь этот нахал не успеть вовремя смыться!

Мысленно пообещав, если это розыгрыш - убить на месте шутника, Ильяс рванул со двора.

И только выехав на Ярославку, обратил внимание на мигающую красную лампочку: бензин на нуле. И кто тут придурок? Пришлось заворачивать на ближайшую бензоколонку и стоять в очередюке.

Зато сообразил, что не знает, насколько затянется приключение с Вовчиком, а Лильку-то он не предупредил, что может задержаться. Надо позвонить.

Лилька не отвечала. То ли звук выключила, то ли в метро ехала. А может, уже у Настасьи?

- Не у меня, но скоро будет! - бодро отрапортовала примадонна и спросила, изволила ли Лильбатьковна посетить выставку имени нее? Нет? Ладно, так уж и быть, сводит ее сама и грудью закроет трусишку от тусни. И предупредит, что Ильяса черти куда-то унесли, когда вернут - никто не знает.

Посреди разговора к нему подскочил заправщик, мелкорослый мужичонка с лицом записного неудачника, забормотал про какого-то великого злодея Шпильмана и принялся совать под нос книжку в яркой обложке. Ильяс от него отмахнулся:

- Не мешайте!

Протрепавшись с примадонной минут несколько, пока ждал и заправлялся, Ильяс несколько успокоился, перестал представлять себе Вовчиков труп и вспомнил, что так и не посмотрел на карте, где этот чертов проектируемый проезд номер семнадцать. Понадеялся на навигатор, и зря. Собрался было открыть карту, но заправщик снова дернул за рукав.

- Я вас узнал, и брелок у вас тот же! Помните, весной? А? Вы тогда тоже на мотоцикле, с синеволосой такой! А я написал, да! Вот!

Ильяс нахмурился, попробовал отнять рукав, но мужичонка вцепился клещом.

- Какой к черту вот?

- Книга! Тираж в пятьдесят тыщ! - гордо, с придыханием, ответил заправщик. - Про вас! С автографом! Я вам посвящение

написал, только не знаю, как вас зовут.

- Ильяс Блок, - ответил Ильяс.

- Иль-яс Блок... - повторил мужичонка, выводя на форзаце каракули. Потом сунул ему свежеподписанную книгу: - Берите же! Ильяс Блок, здорово! Такое имя... - Глаза у мужичка загорелись, он потянул из кармана форменной желтой жилетки засаленную общую тетрадь. - Такой роман будет...

Сунув книгу в сумку, надо будет Лильке показать, пусть тоже посмеется, Ильяс газанул с места.

Книга - это круто, но Вовчик важнее!

Семнадцатый проезд он нашел. Сначала на карте, а потом, после блужданий по закоулкам, и настоящий. Стройка там тоже была. Весь этот гребаный проезд и был стройкой, пустой и заброшенной. Какого черта тут мог забыть Вовчик, если только не вздумал снимать индустриальный постапокалипсис, Ильяс не понимал в упор! И не собирался ломать мотоцикл о разбросанную по будущей проезжей части арматуру, бетонные обломки и какой-то неопределимый мусор. Потому он осторожно проехал по обочине, там, где можно было проехать, оглядел недостроенное здание, пару раз позвал Вовчика...

Разумеется, без толку, только распугал ворон и поднял стаю бродячих собак.

Ну, Вовчик! Опять все перепутал! Ему что Кутузовский проспект, что Измайловский парк - один хрен. Наверяка сейчас заплутал где-нибудь в Бирюлево!

Ильяс схватился за телефон.

- Где тебя носит? - выпалил в трубку, едва услышав звук соединения.

- А, Илюха! - радостно заорал Вовчик, разумеется, безо всякого хрипа и треска. - Это тебя носит, а мы работаем! Петергоф, фестиваль, девочки, зашибись!

Не дослушав, Ильяс выругался. Петергоф, значит. И шутники. Найду - убью!

- Ты чего злой такой, Илюха? - сбавил тон Вовчик. - Случилось что?

В коротких и емких выражениях Ильяс поведал о шутниках и стройке, где кроме собак никого, даже бомжей.

- Ну ты даешь... - Вовчик восхищенно присвистнул. - Приеду - с меня вискарь! Два вискаря!

- Новое колесо с тебя. Арматура, мать ее. Иди уже, работай свой зашибенный Петергоф.

- А ты приезжай, Илюха! Бери Русалочку, и давай, сделаем из нее Наташу Ростову или эту, Анну Каренину.

- Мы подумаем, - хмыкнул Ильяс и отключился.

Русалочку ему! Обойдется.

И надо выбираться из этих бетонных дебрей, пока собаки не сожрали. Что-то у них вид больно голодный.

Выбираться пришлось через шиномонтаж. То есть сначала через шиномонтаж, а потом - через выставку. Позвонил администратор, потребовал, чтобы Ильяс немедленно явился облизывать каких-то английских партнеров господина Элина. Ильяс послал бы администратора вместе с англичанами, но Настасья обещалась сегодня привести Лильку на выставку, вот, значит, оттуда ее и заберет.

На выставке ни Лильки, ни Настасьи он не нашел, и мобильники у обеих не отвечали.

Передумали? Остались дома? Потерялись?!

Поймав себя на том, что уже пробирается к выходу, забыв на хер про англичан, Ильяс заставил себя остановиться.

Выдохнуть.

Подумать.

Ну, нет их сейчас - так могли уже уйти. Или еще не дойти. И телефоны отключили, чтобы спокойно потрепаться, девочкам надо иногда поговорить о своем, о девичьем.

Все нормально.

Все отлично!

Это "все отлично" Ильяс повторял про себя все два часа, что его мурыжили англичане, наобещавшие с три короба, но так ничего внятного и не сказавшие, и когда к нему привязалась очередная настырная журналистка:

- Будете ли вы снимать вашу модель для мужских журналов?

- Не буду, недостойны, - по-крокодильски улыбнулся Ильяс, со всеми прочими вопросами послал ее к пресс-секретарю господина Элина и сбежал.

Нечего терять время с акулами пера, когда дома ждет Лилька, в "Седьмом небе" - заказанный столик, а в шкатулке - его обручальное кольцо. Домой, скорее домой!

Едва забежал в подъезд, стряхивая воду с волос, - к вечеру небо затянуло и пошел мелкий дождь, а шлем он в спешке забыл, - из своего окошка высунулся консьерж.

- Илья Сергеич, вам конверт, зайдите, будьте любезны.

- Потом, - отмахнулся Ильяс: и так поздно, Лилька заждалась.

Взбежав на четвертый этаж, он отпер дверь, крикнул с порога в темноту квартиры:

- Капелька!

Она не отозвалась, зато с тумбочки спрыгнул Тигр, потерся

об ноги и пошел на кухню, задрав хвост. Жрать хочет, зверюга. Сбрасывая мокрую куртку, Ильяс прислушался: вода не журчит, никто в ванной не поет? Нет. Никто не плескался и не мурлыкал обрывки мелодий.

Значит, еще не вернулась. Странно. Обещалась же быть дома! Наверное, засиделась с Настасьей, забыла про время...

А может, забыла о планах на вечер и пошла с Настасьей гулять?

Тигр на кухне забренчал миской и негодующе заорал.

- Цыц, шапка, - буркнул Ильяс, скидывая кроссовки.

На кухню пошел босиком, бросил на стол всученную помешанным заправщиком книгу, достал печенку из холодильника. Кот утробно ворчал и толкался в ногу мохнатым лбом, намекая, что кошачье терпение кончилось, и сейчас будут есть хозяина.

Разбаловала его Лилька. Печенку подавай, от корма морду воротит. Вон, полна миска сухарей, хоть бы для приличия погрыз. Хм. Странно, кстати. Откуда сухари? Он не насыпал, Лилька к ним не притрагивается. Разве что когда они уезжают на весь день...

Легкий, пока легкий, укус напомнил: Тигров надо кормить, а не медитировать, когда тут печенкой пахнет!

Вытряхнув из миски корм, бросил туда печенку. Тигр кинулся к еде, лапой поддев какой-то смятый лист. Ильяс посмотрел на часы. Половина девятого! Где ее носит? Вытащил телефон, глянул входящие. Может, пропустил... нет. Не звонила.

Несколько секунд он продолжал тупо смотреть на экран, потом набрал Лильку.

Ну, давай, возьми уже трубку!

Короткий гудок.

- Абонент временно недо...

Черт!

Ильяс отбросил телефон, как будто он жег руки, и велел себе дышать спокойно.

Спокойно, я сказал!

Лилька обещала быть к вечеру - значит, придет. Ну, подумаешь, протанцуют не весь вечер, а всю ночь. Оно даже и хорошо, Лилька любит ночную Москву, даже в дождь.

Вот в душ, кстати, не мешало бы сходить. Как раз и Лилька вернется.

Под горячими струями беспокойство отпустило.

Перенервничал, наверное. Сперва эти шутники, потом журналистка... ничего удивительного.

Ильяс выключил воду, вышел из ванны - не вытираясь,

просто надев домашние джинсы и рубашку. Прошел на кухню, оставляя на полу мокрые следы. Подумал: надо бы поесть. И кофе выпить. С коньяком, для успокоения нервной системы.

Достав бутылку, отпил глоток...

Горло обожгло горечью, внутренности скрутило приступом тошноты, словно не коньяк пил, а бензин. Перед глазами встали Лилькины запястья с синякам, укус на плече, несчастные глаза...

К чертям собачьим эту выпивку! Кофе. Только кофе.

Едва не смахнув бутылку на пол, сунулся в кухонный шкафчик, наткнулся на баночку с кардамоном. Лилька всегда добавляет три коробочки кардамона на турку, у нее получается самый вкусный в мире кофе...

Да где же она?!

Чуть не наступив Тигру на хвост, Ильяс прошагал к окну, дернул раму. Вдохнул холодной октябрьской мороси. Гуляет? По этакой мерзости?

Там, внизу, кто-то приехал. Лиля?! Прошуршали по лужам колеса, хлопнула дверца, затосковал Розенбаумский вальс-бостон и послышали голоса, мужской и женский. Не она. Черт.

Ильяс оглядел пустую кухню, словно искал ответа: где она? Наткнулся взглядом на ноутбук.

Застыл, забыв о летящей в окно стылой воде. Перевел взгляд на календарь.

Четвертое.

Сегодня - четвертое октября.

До ее миссии - неделя.

Все хорошо. Она не играет больше в свое фентезийное дерьмо. Она не пойдет на погружение.

Не-пой-дет!

Выдохнул, напомнил себе про конверт у консьержа, подумал: очередная реклама, но хоть отвлечься. Оставив окно нараспашку, пошел прочь, протянул руку за курткой, глянул в зеркало... и вдруг понял: что-то не так. Чего-то не хватает. Несколько мгновений мучительно соображал, чего? Ну да. Амулета. Дурацкого деревянного полумесяца на кожаном шнурке, который Лиля купила на Арбате, долго носилась с ним по всей квартире, выискивая достойное место, и в конце концов повесила на зеркало. Он висел тут почти четыре месяца. Все четыре месяца...

Запрещая себе гадать, куда делся амулет, и гоня прочь пробирающих до костей холод, Ильяс распахнул шкаф. Облегченно выдохнул: ее куртки и пальто на месте, купленная к зиме серебристая норка на месте... то есть как это все на месте?! В чем же она поехала к Настасье?

Ноги сами понесли в спальню. Руки сами, без участия мозгов, раздвинули дверцы купе и принялись перебирать ее одежду. Джинсы, брючки, любимое пончо, блузки и платья - шмотья было немного, но все отличное, он сам выбирал, жена художника не может одеваться как облезлая мышь. И снова. Все на месте. Все! До последней майки. Кроме той, черной и старой, в которой она пришла. И кроме старых джинсов с ветровкой, страшных как война.

Нет. Не может быть. Она не могла, только не сейчас!..

Руки дрожали так, что он не смог раскурить трубку. Достал спрятанные четыре месяца назад сигареты, закурил с черт знает какой попытки. Закашлялся, до слез, до тошноты. Распахнул окно в спальне, выбросил сигарету и прижался лбом к холодному стеклу.

Нет. Она не могла.

Повторяя это, как заклинание, медленно подошел к туалетному столику, открыл шкатулку. Бросил один взгляд - и закрыл. Кольцо было там. Валялось поверх кучки подаренных им серег, браслетов - и разорванного морского ожерелья, так и не собрались починить. А ведь хотели. Вместе.

Черт. Черт! Почему?!

Заверещал телефон. Пронзительный звук отчетливо напоминал о зубной боли.

Машинально схватив крупную жемчужину и зажав ее в кулаке, словно она как-то могла приманить Лильку обратно, Ильяс поднял трубку.

- Илья Сергеевич, вы бы все же спустились, - зачастил консьерж. - Девушка ваша очень просила вам конверт сразу отдать, как вернетесь...

Трубка упала. Мимо. Консьерж продолжал говорить, а Ильяс уже бежал вниз. Конверт. Записка? Хотя... толку с нее.

Остановился посреди последнего пролета. Глубоко вздохнул и нацепил улыбочку. Фальшивую, как четыре копейки. С этой же приклеенной улыбочкой заглянул к консьержу, забрал конверт и сунул ему бумажку, наугад вытащенную из кармана. Консьерж, продолжающий что-то говорить, замолчал, как отрезало. А Ильяс, держа конверт за уголок, словно там могла оказаться сибирская язва, вышел из подъезда. Глянул на небо - морось закончилась, тучи разошлись, и показалась тусклая половинка луны.

Похлопал себя по нагрудному карману, без удивления обнаружил там сигареты вместе с зажигалкой. Закурил. Несколько затяжек просто смотрел на небо, катая в ладони одинокую жемчужину. Потом нащупал в конверте ключи, все три,

вместе с брелоком-флейтой. И никакой, разумеется, записки. Бросил недокуренную сигарету на асфальт, подумав, что когда-то верил в глупую детскую глупость: вместе с бычком дотлевает здоровье. Ха-ха три раза. Все что было, давно уже. С концами.

Чтобы войти обратно в подъезд, пришлось разорвать конверт и достать ее ключи. Свои забыл. И дверь оставил открытой, хорошо что Тигр - не такой дурной, как люди, из теплого уютного дома с полным холодильником печенки его веником не выгонишь.

Тигр встречал у порога. Светил желтыми фарами, тарахтел как трактор и всячески показывал, что любит, не бросит и вообще лучший друг.

Проводил на кухню, прыгнул на стол и осуждающе фыркнул, когда Ильяс аккуратно спрятал жемчужину в карман и взялся за телефон. Мол, чего ты не понял, двуногое? Ушла она. Ушла. А я - остался. Чеши!

Оттолкнув кота, нажал единицу. Выслушал "абонент временно недоступен" целых пять раз, очень уж хорошо звучало слово "временно". Оптимистично.

В ногу ткнулся Тигр, зашуршал чем-то. Ильяс кинул бездумный взгляд под ноги, и вдруг понял, что шуршит: смятый лист из блокнота. Записка.

Поднял.

Расправил.

Прочитал три коротких слова:

"Ильяс, прости, я..."

Больше ничего она не написала. Трусишка. Маленькая трусишка. Сбежала. Домой, наверное, или к Настасье. Надо просто поехать и с ней поговорить. Она не может вот так, насовсем! Она же...

На слове "любит" перехватило горло, снова затошнило, в голову вонзилась мигрень, и захотелось немедленно кого-нибудь убить. Например, этого ее куратора из игрового центра. И всех прочих деятелей, запудривших Лильке мозги.

Смяв записку, швырнул ее обратно под стол и пошел одеваться. Пошатываясь. Видимо, от нервов организм вспомнил, как издыхал в хосписе, и решил напомнить ему. Чтоб мало не показалось.

Звонок в дверь раздался, когда Ильяс пытался попасть в рукава куртки и вспомнить, куда дел ключи от машины: ехать на мотоцикле в таком состоянии - чистое самоубийство.

Первой мыслью было: Лилька! Опомнилась, вернулась!..

А второй - нет, не Лилька. Кактусы не возвращаются сами, кактусы слишком гордые птицы. Или мыши. Неважно. И вообще,

причем тут... да, ключи от машины, и какого черта так мутит?

В мозг ввинтился второй звонок. Настойчивый и злой.

Кого принесло на ночь глядя и куда консьерж смотрит?..

Надел-таки упрямую куртку и открыл дверь.

На пороге стоял классический байкер. Вульгарис. Черные драные джинсы, куртка с бахромой, бандана. Наглая ухмылка, месяц не мытые патлы. Челюсти лениво двигаются. Жуют. Черт. Почему он все время жует? Высшее звено пищевой цепочки - жвачное.

- Какого черта?..

Не отвечая, жвачное паскудно ухмыльнулось, отодвинуло Ильяса с дороги и протопало на кухню. Не снимая грязных ботинок. Там плюхнулось на стул, взяло из вазы с фруктами яблоко, брезгливо отерло его о рукав, - засаленный и вонючий рукав дорогой кожаной куртки, - плюнуло жвачку на пол и смачно захрустело.

- Пьем, сударь? - прикончив яблоко и бросив огрызком в открытое окно, спросило жвачное совершенно не соответствующим виду интеллигентским голосом, в точности как у Янковского. - Зря. Не поможет.

Ильяс стоял над ним, держась за стол, и пытался убедить себя, что это - глюк. Делириум, мать его, тременс. И плевать, что не пил. Даже не ел, только кофе с утра.

- Не делириум и не тременс, сударь мой Илья Сергеевич, - вздохнул не-глюк. - Увы. Да вы садитесь, садитесь. В ногах правды нет. Забавные у вас поговорки. Весьма.

Нащупал спинку стула, сел. Скорее упал. Тоскливо глянул на бутылку коньяка у бара: лучше бы напился и примерещилось, чем вот так, дьявол собственной персоной в гости.

Байкер-Янковский тем временем листал книжку, хмыкал и качал головой. Никаких тебе спецэффектов типа адского пламени, потусторонних звуков. Ни даже завалящей собаки Баскервилей. Хоть бы повыл кто!

- Какие-то у вас превратные представления, Илья Сергеевич, - укоризненно пробормотал байкер. - Шесть лет назад вы были... спокойнее, что ли?

- Шесть лет назад мне нечего было терять, - пожал плечами Ильяс. - Кофе, коньяк?

Встал, не дожидаясь ответа, добрел до плиты. Поставил, наконец, турку на огонь.

За спиной вдруг похабно заржали и зачитали хорошо поставленным голосом актера театра имени Ленинского Комсомола:

- Моим читателям, ради которых все это затевалось,

Джафару, повелителю Ясеневой Метлы и Великому Злодею Метаконгу, наезднику вороного Харлея и владельцу Лупоглазого Солнца. Без них эта книга никогда не была бы написана... - актерские интонации без перехода сменились хамскими, даже голос стал низким и хриплым: - Ха! Помню-помню этого блаженного!

Байкер снова заржал, а Ильяс обернулся, пытаясь осознать: получается, писака перепутал его с вот этим сумасшедшим дьяволом?! Да ничего же общего, кроме мотоцикла и черных волос! Идиот.

- Совершенно ничего общего, - оборвав смех, кивнул уже Янковский и похлопал ладонью по книге. - Только идиот, сударь мой, мог нас перепутать. Но я пришел поговорить, а не обсудить бульварную литературу и тем более не напиться. Вы в состоянии поговорить?

Ильяс разлил кофе в две чашки, вернулся к столу. Прежде чем сесть, кинул взгляд на холодильник: может, от голода так мутит? И тут же отвернулся: там, среди магнитов, улыбалась с фотографии Лилька с облупившимся носом.

- В состоянии, - ответил Ильяс и отхлебнул кофе. Горький, несмотря на три ложки сахара, пахнущий горелой резиной и безнадежность.

- Превосходно. - Поздний гость кивнул, задержался взглядом на той же фотографии и хмыкнул. - Шесть лет назад, сударь мой, мы заключили с вами договор. Очень важный для вас. Надеюсь, вы помните, в чем он заключался?..

Еще бы не помнить. Простой такой договор, жизнь за жизнь. Двадцатисемилетнего мальчишку вытащили из хосписа, где он полтора года никак не мог сдохнуть. Лично дьявол по имени Ярослав Андреевич Не-Янковский и вытащили. Непонятно как вылечили, пообещали исполнение заветной мечты и дали чертову кучу денег, - подъемные, командировочные, представительские и прочие шпионские, - а взамен попросили всего ничего. Безоговорочного подчинения по типу "сначала прыгай, потом спрашивай, куда". А чтобы прыгать было проще, сразу объяснили: вылечить-то вылечили, но не навсегда. Нельзя навсегда и насовсем, только отсрочка, лет на шесть-восемь, как повезет. Рак вернется. Или не рак, а что-нибудь еще. Карма, она такая - каждый кирпич тяжелее предыдущего, и так, пока не добьет. И ты, мальчик, не обязан нас слушаться. Чудо - даром. Первое. А вот чтобы лет через несколько ты снова не возмечтал об эвтаназии, придется кое-что делать. Ничего сложного, тебе еще и понравится.

Действительно. Понравилось. Не все - но кое-что. Бонд,

вашу мать.

Ильяс пожал плечами и снова отхлебнул мерзкого кофе. Он уже понял, что последует дальше. Еще одно убийство его руками. Только на сей раз убивать прикажут не постороннего парня, на которого чихать с высокой секвойи...

Почти шесть лет себя убеждал, что чихать. Что на месте безногого ветерана несуществующей войны, обреченного остаток жизни провести в коляске, он был бы благодарен тому, кто его пристрелит. Что тот сам бы просил пулю, как в самые темные дни Ильяс просил сестру в хосписе уколоть тройную дозу, чтобы насовсем. Но как ни убеждал, до сих пор снилось располосованное четырьмя параллельными шрамами лицо с удивленно-обреченными глазами: на той войне солдат научился слышать смерть за несколько шагов.

Нет. Хватит с него. Он же может отказаться - если, конечно, не соврали...

- Наша маленькая просьба, Илья Сергеевич. - Ярослав Андреевич бросил на стол фотографию, невесть как перекочевавшую с холодильника ему в руки, постучал по ней ногтем. - Совсем маленькая просьба. Жаль, что вы не сумели выполнить. Но, впрочем, у вас есть еще возможность решить эту проблему. Кардинально.

...и даже если соврали, все равно он откажется. Решать проблему кардинально. Сколько там осталось, максимум два года? Год? Шесть месяцев? Вот и отлично. Полгода просыпаться счастливым от того, что проснулся свободным и тебе не больно - это очень, очень много. Ему хватит. И для того, чтобы вернуть Лильку в реальность из этого гребаного игрового центра - тоже. Безо всяких заданий, просто ради того, чтобы она жила долго и счастливо.

- Не откажетесь, Илья Сергеевич. - Не-Янковский покачал головой. - Поверьте, мы не звери какие.

Улыбнулся, ласково и сочувственно, и Ильяс понял, что отказаться ему не дадут.

Интермедия. Майлгенн

Над дальним берегом Девьего озера догорал закат, изумительный, аметистово-палевый закат, каких не бывает больше нигде. На этот закат любовался сидящий на трухлявом

бревне мужчина медвежьей стати, темноволосый, с двумя косицами на висках, в потертой дорожной куртке с медными бляхами. Рядом, на расстоянии вытянутой руки, лежал лук с натянутой тетивой, а на бедре висел длинный нож, почти меч, который обычно называют саксом. Казалось, путник расслаблен, полностью поглощен созерцанием заката и не замечает четверых головорезов, подкрадывающихся с поросшего березами пригорка. Троих с мечами и одного с луком.

Но вот пятого, лучника, что прятался за старой сосной вовсе с другой стороны, он и в самом деле не видел.

И не увидит, пока не станет поздно.

Майлгенн нахмурился, отвернулся от экрана и потер виски.

Он не мог понять, почему сегодня все идет наперекосяк. Еще вчера казалось, что тщательно продуманный план работает, но сегодня она снова вела себя так, словно резонанс не сломан - но этого не может быть! Резонанс ломается раз и навсегда, Безумный Бард доказал это со всей определенностью.

Взглянув на часы, Майлгенн снова потер виски и подумал: если откатом за то, что они с Лайном сегодня сделали, будет только головная боль - он вознесет хвалу Кирмету и сожжет в его честь целый стог шалфея и ромашки. Не жалей-трава, конечно, но Кирмету это не важно.

Ну, Лайн, ты где? Расчетное время - уже!

На экране тем временем заканчивалась драка. Не в пользу одинокого путника. Из головорезов полегли трое и один был ранен, но свое дело они сделали. Восемнадцатое покушение на главу Малой Канцелярии Тейрона увенчалось успехом. Лорд Мейтланд будет гордиться своей хитростью, и с гордостью прирежет оставшихся двоих исполнителей. А на тризне скажет проникновенную речь о великом тейронском герое, отдавшем жизнь за отчизну.

Люди!

Наконец, ожил телефон.

- Получилось. Она поверила, - сухо сказал Лайн. - Идет к остановке, собирается звонить.

- Проводи ее, - велел Майлгенн и нажал отбой.

Звонок Настасье он прослушал, кивнул сам себе и, убрав с экрана Девье озеро и тело тана Эллисдайр, проверил, где находится Ильяс Блок. Зеленый огонек на карте показывал, что темный фейри как раз на стройке, куда его послали ловить болотные огни. Что ж, еще час он потратит на замену колеса, затем его ждут англичане на выставке. А потом будет поздно.

Закрыв глаза, Майлгенн глубоко вздохнул и позвал:

- Свейл! У тебя осталась настойка?

Через мгновение на его виски легли прохладные ладони. Боль утихла, и потянуло в сон.

- Настойка тебе не поможет. Горе твое от ума, - грустно усмехнулась Свейл. - Спи. Я присмотрю за ним часик, если что - разбужу.

Навеянный Свейл сон в самом деле помог, в голове прояснилось и боль почти ушла.

- Она у Настасьи, - услышав, что ритм его дыхания изменился, сказала Свейл. - Пять минут как. И снова ничего не слышно.

Не открывая глаз, Майлгенн пожал плечами: с привычкой Лиле засовывать мобильный в самый дальний карман или на дно рюкзака он ничего поделать не мог. Ни он, ни даже Элвуд. Мелкие привычки, как ни странно, поддаются вероятностной коррекции хуже всего. Инерция - страшная сила.

Отпустив Свейл, он еще минут десять выжидал, давая Лиле и Настасье время обсудить единственного кандидата в убийцы и как следует перепугаться. Конечно, было бы куда удобнее следить за разговором, чем моделировать его, но здесь шанс отклонений настолько ничтожен, что можно его не учитывать. Можно было бы, если бы не проклятый Кирметом сломанный резонанс.

Когда разговор должен был дойти до логической кульминации, Майлгенн набрал Лилин номер. Сморщился от резкого звука из динамиков: жучок работает, да толку с него!

В динамиках послышались шаги, потом - дыхание... но на звонок Лиля не ответила.

"Ильяс?" - послышался голос Настасьи. Неправильный. На имени "Ильяс" она должна была злиться или пугаться, но никак не надеяться.

"Нет. - Лиля сделала паузу, повертела телефон в руках, и Майлгенн подумал, что сейчас снова спрячет в карман куртки. - Михаил Васильевич, из центра".

Эта реакция тоже была неправильной. Слишком равнодушной, словно Тейрон вдруг стал для нее неважен.

Что опять пошло не так?!

"В пень его. Звони Ильясу!"

Лиля несколько секунд молчала, потом твердо сказала:

"Я домой. По телефону о таком нельзя".

"Поговоришь с ним, позвони".

Как девушки прощаются, Майлгенн не слушал. Он уже набирал Лайна:

- Ты где?

Лайн был по-прежнему возле дома Настасьи, уверенный, что дело сделано.

- Ничего подобного. Они не поверили, Лайн! Лиле едет домой, разговаривать с темным. Со мной - не стала, не взяла трубку.

- Могу перехватить и привезти в центр.

- Не стоит, это уже крайние меры. Поезжай на выставку, проследи, чтобы темный не попал домой, пока...

- Понял, - не дослушав, Лайн отключился.

А Майлгенн откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Так было проще думать.

Что могло произойти такого, что Лиле усомнилась в вине Ильяса? Она ни с кем кроме Настасьи не разговаривала. Значит - Настасья? Странно и неправильно. При тех данных, что были у Настасьи, вывод должен был быть однозначным. Следовательно, у нее появились иные данные. Какие? Откуда?!

Такое впечатление, что против них играет мастер вероятностей класса Элвуда, не меньше. Но таких нет! Таких мастеров и в Хрустальном городе-то было - по пальцам пересчитать. Если только... но нет! Этого мастера вероятностей в Москве быть не может. Просто не может!

Майлгенн потряс головой, с трудом укладывая в ней новую и крайне неприятную мысль. Уложил - и оставил на потом. Обдумать, просчитать. Завтра.

А пока - мы еще пободаемся, кто бы там против нас не играл! Пободаемся и выиграем. Потому что иначе никак.

Второй раз Майлгенн позвонил Лиле через две минуты после того, как она вошла в квартиру темного, убедилась, что его нет, и попросила совета у кота. Кот, разумеется, ответил. Она, разумеется, не поняла.

- Слушаю, - сказала в трубку удивленно и растерянно.

- Здравствуй, Лиле. Приезжай в центр.

- Но... Михаил!

- Если ты хочешь увидеть Эри, приезжай сейчас же.

- Хочу, - наконец, решилась она. - Но мне надо...

- Тебе надо быть здесь. Сегодня.

Она секунду помолчала и переспросила:

- Я правильно вас поняла?

- Ты правильно меня поняла. У тебя два часа, не больше.

- Я буду, - твердо сказала она.

Дальше Майлгенн слушал, как она объясняет коту, что уходит, и печенку ей жарить некогда, вот придет Ильяс - и покормит. А ей пора, вот прямо сейчас, она только напишет... напишет...

Голос у нее сорвался, послышался звук сминаемой бумаги. Потом - шаги. Резкие, неровные. Шелест одежды. Затем

мобильник сунули в карман, заскрежетали ключом, сбежали по лестнице - и, наконец, поймали машину и попросили:

- В Битцу.

Лиля вошла в его кабинет быстро, почти вбежала. Запыхавшаяся, въерошенная, с горящими глазами. Ничего общего с библиотечной мышкой полугодичной давности. Вот что значит - проснулась кровь фейри. Конечно, внешне она изменится только в Тейроне, и сможет толком пользоваться магией только там, но и уверенность в себе - немало.

- Здравствуйте, Михаил Васильевич... - начала вежливо, но тут же сорвалась и выпалила: - Почему сегодня?

- Потому что. - Майлгенн показал на монитор, где пока живой тан Эллисдайр сидел у могилы светлой фейри.

Лиле недоуменно посмотрела на экран, затем на Майлгенна: зачем мне показывают этого мужика? Но тут же вернулась к экрану, оторопела...

Узнала. Умница.

- Эри? - шепнула она, подавшись вперед, жадно всмотрелась, даже протянула руку к экрану. Наткнулась на кристалл. Вздрогнула: увидела наемников. Отшатнулась от стола, уставилась на Майлгенна безумными глазами.

- Они же его убьют! Он же лучника не видит, они его убьют, да сделайте же что-нибудь! Вы же фейри, вы же можете! Можете же, да?!

- Ты можешь. - Майлгенн перехватил ее руку, потянувшуюся к монитору. - Уверена, что хочешь туда? Вернуться ты не сможешь.

- Да!

Она не отрывала глаз от драки; пришлось нажать на паузу, пока второй лучник не выстрелил и тана Эллисдайра не убили. Лиле вскрикнула, перевела взгляд на него.

- Тогда не смотри дальше. - Майлгенн сжал ее руку и кивнул на дверь в комнату с камерой перехода. - Иди, ты успеешь.

Она кивнула, светло и безумно улыбнулась - и пошла к двери.

Майлгенн встал, чтобы пойти с ней и помочь с камерой, но замер, не сделав и шага.

Лиле открыла дверь.

А за дверью был закат над Девьим озером, прекрасный, аметистово-палевый, каких не бывает в Москве, и ветер. Этот ветер, пахнущий жалей-травой и родиной, влетел в кабинет, погладил старого светлого фейри по щеке - и улетел обратно. На родину, куда фейри не смогут вернуться до скончания Суши.

Наверное, Лиле что-то почувствовала: обернулась к Майлгенну, протянула руку, приглашая пойти вместе по дороге домой.

Он шагнул к ней, коснулся пальцев...

Не пальцев. Двери. Обыкновенной закрытой двери.

Только в руке откуда-то взялся цветок жалей-травы.

Майлгенн поднес ладонь к лицу. Вдохнул холодный горький запах. И улыбнулся. Цветок пах домом - домом, куда они обязательно вернутся. И если для этого надо, чтобы закончилась Сушь, ей придется закончиться.

- Элвуд! - позвал он мысленно. - Она ушла.

- Она ушла, а темный Ильяс остался, - ответил наставник вслух, заходя в кабинет, и бросил на стол Майлгенну толстую папку. - Изучай. Здесь все, что я сумел восстановить из исследований темного Гарея. У нас теперь фактического материала по сломанному резонансу - на три нобелевки хватит. А скоро станет еще больше.

- Умеете вы обрадовать, шеф, - вздохнул Майлгенн, подвигая папку к себе. - Кстати. Если я не ошибаюсь, Безумный Бард в Москве.

- Значит, выходной отменяется, - в тон ему вздохнул Элвуд. - Придется тебе...

Он замолк на половине фразы, насторожился, словно прислушивался.

Майлгенн тоже прислушался к своим ощущениям...

Да. Точно.

Кто-то снова открыл дверь в Тейрон. И если он правильно догадывается, кто - то медовый месяц Лиле с таном Эллисдайр окажется коротким. А о выходных в исследовательском центре придется забыть.

Татьяна Соловьева

ФЕЙРИ С АРБАТА

ГАМБИТ